

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А. А. ПОТЕБНИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ФОНЕТИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

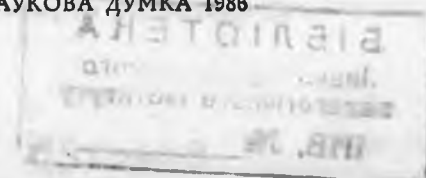
Под редакцией А. С. МЕЛЬНИЧУКА

НБ ПНУС

506025

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

В монографии впервые в славянском языкознании предпринята попытка дать типологическое описание славянских литературных языков по различным структурным уровням с указанием исторических источников каждого рассматриваемого типологического признака. В ее разделах вначале рассматриваются типологические признаки, общие для всех славянских языков, после чего приводятся типологические расхождения между различными подгруппами славянских языков и отдельными языками.

Для специалистов по славянскому и общему языкознанию — научных работников, преподавателей вузов, студентов.

Авторы

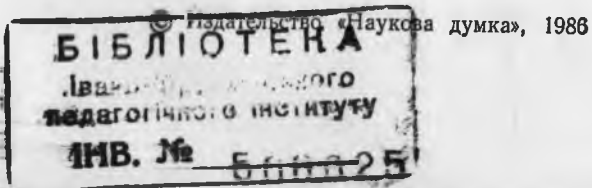
В. Т. КОЛОМИЕЦ, Т. Г. ЛИННИК,
Т. Б. ЛУКИНОВА, А. С. МЕЛЬНИЧУК,
Г. П. ПИВТОРАК, В. Г. СКЛЯРЕНКО,
В. А. ТКАЧЕНКО, О. Б. ТКАЧЕНКО

Рецензенты

А. И. БАГМУТ, Г. М. МИРОНОВА

Редакция языкознания

И 4602000000-259 511-88
М221(04)-86

□ □ □

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лингвистическая типология представляет собой дисциплину, которой принадлежит центральное место в общей системе языкознания. То, что она до сих пор все еще фактически не заняла этого места, свидетельствует о нынешней незавершенности длительного процесса формирования лингвистической типологии, а тем самым и науки о языке в целом. Это объясняется особой сложностью и обширностью объекта типологических исследований и вызванными этим многочисленными расхождениями мнений исследователей в вопросах о сущности, целях и методах типологии.

Отсутствие единства мнений проявилось и в понимании различных аспектов характера и содержания самого предмета типологии. Однако имеющиеся разногласия не затрагивают установившегося единого понимания основной сущности лингвистической типологии как учения о сходствах (точнее, об изоморфизме) и различиях структуры разных языков, включая структурные признаки, общие всем языкам мира, т. е. языковые универсалии, а также о типах языков, выделяемых по определенным характерным для них структурным признакам, и о принципах характеристики структурных свойств отдельных языков и языковых групп. Типологические исследования и характеристики языков осуществляются при помощи сопоставительного метода.

Сопоставительно-типологическое изучение языков обеспечивает наиболее общее понимание сущности языка как знаковой системы, способствуя определению и его инвариантных свойств и возможных вариантов их проявления по отдельным языкам. Результаты типологического изучения языков касаются понимания языка вообще, независимо от конкретной специфики отдельных языков, и, вместе с тем, позволяют осмыслить специфику каждого отдельного языка в ее отношении к отвлеченному и обобщенному понятию языка. Это, в свою очередь, открывает пути к более четкому уяснению взаимоотношения между характером структуры языка и его мыслительными и другими общественными функциями, специфики исторических изменений языковой структуры и других коренных вопросов общего языкознания.

Типологический подход к изучению языков возник почти одновременно со сравнительно-историческим в первой четверти XIX в. Оформление этих двух лингвистических направлений знаменовало наступление совершенно нового этапа в развитии языкознания, качественно отличного от предшествовавшего ему длительного периода схоласти-

ческих или сугубо эмпирических, лишенных теоретического обоснования занятий фактами языка. Однако, в отличие от сравнительно-исторического языкознания, которое в течение XIX в. достигло в своем развитии знаменательных успехов, типологическое языкознание вплоть до середины XX в. оставалось на уровне, близком к первоначальному.

Возникшее в начале XIX в. типологическое направление в изучении языков на первом этапе обнаружило синкретический синхронно-исторический характер: устанавливаемые основные типы языков рассматривались в качестве различных уровней развития и различных ступеней совершенства языковой структуры. Впоследствии на передний план в лингвистической типологии постепенно выдвинулся синхронический аспект, особенно заметно возобладавший в современном зарубежном языкознании. Между тем в течение последних двух десятилетий, преимущественно в советском языкознании, развертывается процесс формирования новых концепций исторической типологии как направления, принципиально отличного от типологии синхронической. Таким образом, в настоящее время определились два основных аспекта лингвистической типологии — синхронический и исторический. Оба они находятся на различных этапах своего становления, и в каждом из них пока еще ждут своего решения сложные проблемы теоретического и методологического характера.

СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СИНХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВ

Методическую основу типологического, или сопоставительно-типологического, языкознания составляет синхронический аспект сравнительного изучения внутренней структуры языков. Как принадлежащее к сравнительному плану, сопоставительно-типологическое языкознание протривается описательному языкознанию, задача которого ограничивается освещением состояния структуры отдельных языков, рассматриваемых вне связи с другими языками. Как принадлежащее к аспекту синхронии, сопоставительно-типологическое языкознание противопоставляется сравнительно-историческому языкознанию, в котором изучаются частично отличающиеся друг от друга структурные свойства родственных языков в качестве результатов дивергентного развития единых в прошлом свойств праязыка данной языковой группы. В диахроническом аспекте может изучаться и любой отдельно взятый язык вне связи с другими языками; тогда он становится объектом истории (исторической грамматики) языка, в методическом смысле наиболее далеко отстоящей от типологии языков. Во всех указанных аспектах, как и в подавляющем большинстве остальных направлений современного языкознания, непосредственным объектом изучения является не конкретный язык как постоянно осуществляемая речевая деятельность общества в ее различных формальных проявлениях, характеризующих различные языковые коллективы, а научные абстракции в виде языковых систем, выделенных исследователями языка из многочисленных конкретных проявлений речевой

деятельности. На современном этапе развития языкознания непосредственное изучение конкретного языка как постоянного процесса без использования выделяемых учеными статических абстрактных языковых систем остается практически невозможным, хотя в принципе именно конкретный язык как процесс ожидает непосредственного исследования в будущем.

Из перечисленных четырех аспектов языкознания, в которых изучается языковая структура, типологическое языкознание имеет наиболее общий характер. Этот его характер проявляется прежде всего в том, что типологическому изучению подвергается не отдельно взятый язык, как в описательном языкознании или в исторической грамматике языка, и в большинстве случаев даже не группа родственных языков, как в сравнительно-историческом языкознании, а несколько или много языков, независимо от наличия генетических связей между ними, с ориентацией на охват всех языков мира. Непосредственной задачей типологического изучения языков является обнаружение у них, с одной стороны, структурных свойств, общих всем привлекаемым к изучению языкам, и, с другой — структурных особенностей одного и того же порядка, которыми одни изучаемые языки отличаются от других. Конечной целью типологического изучения языков является установление структурных свойств, общих всем языкам мира (языковых универсалий), и возможно более полный обзор и распределение по отдельным типам тех разновидностей, в которых могут выступать варьирующие компоненты структуры различных языков.

В течение долгого времени лингвистическая типология сводилась к попыткам классификации языков мира по отдельным типам на основании определенных структурных признаков, обычно связанных с выражением грамматических значений. Неполнота имевшихся сведений о языках мира, невозможность учета в таких классификациях достаточного количества структурных признаков, отсутствие в языках таких единичных признаков, которые были бы ведущими для всей структуры данных языков, а также отсутствие языков, в которых какой-либо структурный признак проявлялся бы с абсолютной последовательностью, делали эти попытки крайне схематичными и мало эффективными. Первая типологическая классификация языков была предложена Ф. Шлегелем, который в 1809 г. выделил два типа языков — флективные и аффиксирующие. В 1818 г. А. Шлегель к этим двум типам присоединил третий — аморфный. В. фон Гумбольдт, учитывая способы оформления синтаксических отношений в языках мира, наряду с этими тремя типами, установил еще один тип — инкорпорирующий. Выделяемые таким образом типы языков по-разному видоизменялись в работах А. Шлейхера (языки изолирующие, агглютинирующие, флективные), Г. Штейнталя, Ф. Мистели и др.

Морфологическая классификация языков была подвергнута значительному видоизменению Э. Сепиром, включившим в нее в качестве основного ряда признаков выражение или невыражение языком в различных комбинациях при помощи особых формальных средств четырех групп понятий — корневых, деривационных, реляционных и смешанно-реляционных и усложнившим эту основную классификацию,

состоящую из четырех типов, подразделением их по признакам технического оформления выражаемых понятий (типы изолирующий, агглютинативный, фузионный, символический) и по признакам степени синтезирования флективных формантов с корневыми (тип аналитический, синтетический, полисинтетический). В результате применения этих трех рядов признаков Сепир выделил 21 типологическую разновидность языков. При этом сам автор признавал, что и предложенная им классификация далека от абсолютной четкости и точности [Сепир 95, 112 и др.]. Новая попытка построения типологической классификации языков с применением количественных методов и с учетом пяти параметров языковой структуры вместо сепировских трех принадлежит Дж. Гринбергу [Гринберг 60—92].

Типологические исследования в самом широком смысле этого названия, ориентированные на охват всех языков мира, строятся на материалах максимально широкого и разнообразного круга языков. Центральной проблемой этого направления типологических исследований, называемого общей типологией, является создание всеобъемлющей типологической классификации языков. В связи с этим важное значение приобрела задача разработки понятия языкового типа. Этой проблеме посвящаются работы советских лингвистов 60—70-х годов [Ярцева 1965, 1976; Климов 1975; Солнцев 1978 и др.]. В них признается, что нет ни единого языка, в котором какой-либо тип был бы представлен в чистом виде, и что типы языка могут выделяться лишь в качестве абстрактных наборов признаков, которым различные конкретные языки могут соответствовать в различной степени.

Классификации Э. Сепира и Дж. Гринберга частично примыкают уже к характерологическому направлению типологических исследований, начало которому было положено Н. Финком [Finck 1910]. Исследования, проводимые в рамках этого направления, имеют своей целью не столько выделение и разграничение языковых типов, сколько целостную характеристику структуры выделяемых групп языков, выявление общих структурных признаков данной языковой группы и частных различий между входящими в нее языками. Но в масштабах обширного языкового типа, хотя бы даже в такой степени ограниченного, как разновидности типов, выделяемые в классификации Э. Сепира, осуществление подобной характеристики оказывается не только практически невозможным, но и теоретически нецелесообразным, поскольку в каждом обширном круге языков, подводимых под определенный языковой тип, могут быть представлены все или подавляющее большинство структурных признаков, имеющихся в языках мира вообще, и конкретные различия между отдельными типами в этом плане окажутся только количественными. Поэтому характерологическое описание как разновидность типологического исследования языков применяется главным образом к сравнительно небольшим языковым группам, насчитывающим не более нескольких десятков языков, близких между собой в структурном отношении. Их структурная близость может быть обусловлена либо общностью их происхождения, либо ареальными связями, а часто и тем и другим.

При помощи сопоставительного метода могут изучаться и любые

два языка, сопоставляемые на каком-либо основании. Поскольку при этом и непосредственные объекты анализа (соотносительные структурные единицы изучаемых языков) и метод исследования остаются теми же, что и в исследованиях других типологических направлений, такие сопоставительные работы могут рассматриваться в качестве особой разновидности типологических исследований. Вместе с тем сопоставительное изучение отдельных пар языков имеет и свои отличия от общетипологических работ или типологических исследований групп языков. Обычно они имеют в большей степени прикладной, чем теоретический характер, находясь в связи с практическими нуждами преподавания иностранных языков, перевода и т. п. Поэтому такие сопоставительные исследования, называемые также конфронтативными или контрастивными¹, нередко выделяются в особый разряд исследований лишь частично связанных с типологическими [Ярцева 1981; Жлуктенко 1979, 5—11; Катагощина 1967, 267—270].

Типологические исследования характерологического плана, особенно касающиеся близкородственных языков, на современном этапе значительно теснее связаны с описательными исследованиями отдельных языков, чем с общей типологической классификацией языков. Возможно, что в будущем связь характерологических исследований с общей типологией усилится, т. к. в результате характерологических исследований могут быть обнаружены такие внутренние связи между отдельными структурными признаками языков, которые позволят дополнить описание каждого общего типа языков новым конкретным содержанием. Однако выявление таких связей далеко не всегда возможно. Особенно маловероятно оно между признаками, принадлежащими к различным структурным уровням — фонетическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому и лексическому. Связи между признаками разных уровней в количественном отношении настолько отстают перед признаками одного и того же уровня, что общие типы языков могут быть выделены только на основе признаков какого-нибудь одного уровня — обычно грамматического, между тем как признаки других уровней при этом просто игнорируются. Учитывая это обстоятельство, Э. А. Макаев утверждал, что «описать типологически определенный язык означает прежде всего типологически описать его отдельные уровни» [Макаев 12]. Тем не менее, в отдельных случаях имеют место закономерные связи и между признаками, принадлежащими к разным уровням. Например, можно указать на тот факт, что средняя длина морфемы в каждом языке обратно пропорциональна количеству фонем данного языка [Hockett 93; Милевский 17, и др.], хотя и этот факт касается скорее одного и того же фонетического уровня, поскольку здесь речь идет о количестве фонем в плане парадигматическом (в системе языка) и в синтагматическом (в морфеме как отрезке текста). Другим примером взаимодействия между фоне-

¹ В последнее время под контрастивным исследованием иногда понимается только установление различий между сравниваемыми языками, т. е. лишь один аспект сопоставительного исследования, предполагающего учет как различий, так и сходств [ср. Sternemann 19; Helbig 19; Nickel, Wagner 238. Подробнее см. Жлуктенко, Бублик 5—6].

тическим и морфологическим уровнями могут быть ограничения, обычно накладываемые на качество звуков, входящих в состав конечных формантов слова [Серебрянников 1974].

Как видно из первого приведенного здесь примера, структурные признаки языков, подлежащие учету при типологическом исследовании, могут иметь как качественный характер (наличие в данном языке или в данной группе языков структурных особенностей, отсутствующих в других языках), так и количественный (большая или меньшая частотность одних и тех же структурных компонентов в разных языках или группах языков). При этом количественные критерии, в отличие от качественных, оказываются не в одинаковой степени применимыми к различным структурным уровням языка: применение их более уместно и целесообразно на уровне фонетики, словообразования и лексики и значительно меньше — на уровне грамматики (морфологии и синтаксиса). Применимость количественных критериев увеличивается при типологическом изучении функциональных и индивидуальных стилей языка.

Как уже отмечено, основным способом обработки изучаемых явлений в типологическом языкознании является сопоставительный метод, заключающийся в комплексном анализе структуры и функций соотносительных структурных единиц изучаемых языков с установлением сходств и характера различий между ними и с последующим систематическим изложением и обобщением полученных результатов. Конкретный характер сопоставительного метода на современном этапе развития типологических исследований еще окончательно не сложился, и у различных исследователей он приобретает неодинаковые конкретные формы. Расхождения касаются, прежде всего, способов отбора языковых фактов, подлежащих сопоставительному исследованию, и обеспечения надлежащей степени полноты охвата заслуживающих внимания структурных признаков исследуемых языков. Большое разнообразие структурных признаков конкретных языков, даже очень близко родственных, делает эти задачи весьма трудными. Однако они должны решаться в соответствии с общим характером и конкретными целями данного типологического исследования. Так, при типологическом описании группы родственных языков набор сопоставляемых фактов должен быть возможно более полным, между тем как и в исследованиях общетипологического характера сопоставляемые факты должны отбираться в соответствии с заранее разработанными критериями.

Ряд исследователей считает, что в рамках сопоставительного метода в его применении к общетипологическим исследованиям должны быть разработаны специальные приемы, которые позволяли бы более точно учитывать безграничное разнообразие конкретной специфики структуры и функций сопоставляемых явлений различных языков. С этой целью предлагается придать сопоставительному методу таксономический характер, т. е. выработать способы расчленения семантики и форм всех структурных единиц различных языков на более простые, практически элементарные и поэтому менее многочисленные компоненты — так называемые таксоны, универсальные для всех ес-

тественных языков, которые должны стать непосредственными объектами сопоставления, ориентированного на максимальную точность. Ввиду исключительного многообразия и многочисленности структурных и семантических свойств различных языков, особенно на уровнях грамматики и лексики, выделение таких универсальных таксонов наталкивается на серьезные трудности, которые в ближайшее время вряд ли будут преодолены.

Сама процедура сопоставления в общетипологических исследованиях также не имеет унифицированного характера. Чаще она проводится так называемым анкетным способом, при котором заранее задается список возможных в языках мира структурных признаков или таксонов, на которые эти признаки разлагаются, и в каждом обследуемом языке констатируется наличие или отсутствие каждого такого признака или таксона. Другие исследователи считают необходимым принятие какого-нибудь языка в качестве эталона, с которым можно было бы сопоставлять исследуемые языки. В отдельных концепциях такой язык-эталон строится в виде абстрактной системы структурных признаков языка [Успенский 58—175; Рождественский 408, и др.]. Чаще, однако, в роли языка-эталона фигурирует один из естественных языков, например, латинский, или просто один из сопоставляемых языков. В применении обеих методик остается еще много нерешенных вопросов. Поэтому основной формой применения сопоставительного метода на современном этапе все еще остается оперирование с конкретными, относительно сложными и в деталях крайне разнообразными структурными единицами различных языков. Только по мере накопления результатов таких исследований, имеющих вполне самостоятельное научное значение, будут постепенно уточняться приемы сопоставления.

Другие расхождения в конкретном характере применения сопоставительного метода отдельными исследователями обусловлены возможностью различной степени дифференциации сопоставляемых языковых явлений, в частности, учета только фактов литературных языков (а при отсутствии письменности — какого-нибудь одного диалекта) или, наряду с этим, и всех остальных диалектных вариантов, а также сопоставления структурных признаков в виде более обобщенных их категорий или более частных разновидностей. Чем выше степень дифференциации признаков, принимаемая в определенном исследовании, тем более сложным и трудоемким оказывается исследование. Поэтому большая дифференцированность сопоставляемых признаков и связанная с этим более тщательная их статистическая обработка встречается обычно в исследованиях, посвященных отдельным фрагментам языковой структуры, между тем как в исследованиях более крупного масштаба преобладают более обобщенные и приближенные показатели («чаще», «реже», «наиболее часто», «изредка» и т. п.), иногда чисто качественные («имеется», «отсутствует», «встречается» и т. д.). Постепенное уточнение приводимых показателей в работах крупного масштаба будет происходить по мере накопления результатов частных типологических исследований отдельных фрагментов языковой структуры. Но из этого не следует делать вывод, что крупномасштабные

исследования не должны предприниматься до завершения частных исследований. Во-первых, такое завершение в принципе невозможно, а во-вторых, в процессе проведения крупномасштабных исследований четче вырисовываются задачи, стоящие перед исследованиями частными.

Многочисленность структурных признаков и разнообразие их сочетаний в языках мира вызвали к жизни, главным образом на почве изжившего себя лингвистического структурализма, применение к определению, исследованию и описанию языковых типов различных математических и формально-логических концепций. Ни одна из этих попыток пока что не привела к каким-либо осязаемым успехам².

ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Типологические сходства и различия языков не находятся в прямой и однозначной зависимости от характера генетических отношений между соответствующими языками. При всей генетической близости родственных языков, доходящей до практического взаимопонимания их носителей, даже специально не изучавших другого родственного языка, типологические расхождения между ними оказываются довольно значительными. Особенно это касается фонетики и словоизменения, в меньшей степени лексики и фразеологии, еще меньше словообразования и синтаксиса. На первый взгляд такая характеристика отдельных уровней языковой структуры по степени их типологической дифференцированности в родственных языках кажется противоречащей общепринятому положению о том, что в наибольшей степени подвержены изменениям лексическая система языка и в наименьшей — фонетическая. Но в данном случае следует отличать понятие темпов или частоты изменений от понятия их типологических результатов. В силу большего удельного веса каждого фонетического элемента языка в фонетической системе любое, даже незначительное изменение системной значимости отдельного звука влечет за собой существенную перестройку всего типа фонетической системы или какой-нибудь важной ее подсистемы, между тем как изменение системной роли отдельного слова знаменует собой лишь мало заметную в общей лексической системе языка перестройку какого-то небольшого ее участка.

В пределах группы близкородственных языков типологический аспект исследования не всегда поддается четкому размежеванию с аспектом генетическим. Для поддержания максимальной четкости этого размежевания необходимо исходить из того, что при генетическом подходе основным предметом исследования является материальная природа сопоставляемых формальных единиц языка — главным образом фонем и морфем, между тем как типологическое исследование

² Критику соответствующих методологических направлений в лингвистической типологии, как и выдвигаемых в связи с этим понятий языкового типа, см. в статье [Лосев 1967]. Ср. также [Андреев 1965].

направлено на роль этих единиц в системе парадигматических отношений языка и на структурные модели синтаксических конструкций. Поэтому при сопоставительно-типологическом изучении фонетической структуры славянских языков речь должна идти, главным образом, о сходствах и различиях между языками в их фонологических системах — наличии или отсутствии определенных общих категорий звуков — гласных и согласных, гласных различных рядов и степеней подъема, долгих и кратких, чистых и носовых, согласных сонорных и шумных, звонких и глухих, твердых и мягких и т. д. с учетом количества звуков каждой категории, независимо от происхождения каждого отдельного звука. В области словообразования существенным для типологии является наличие или отсутствие в языках определенных для типологии словообразовательных средств, а также определенных словообразовательных типов в рамках каждой части речи с учетом количества тех и других в каждом языке. В области словоизменения центральное место должно быть отведено количеству и характеру грамматических категорий и классов склонения и спряжения, в области синтаксиса — количеству и общему характеру типов словосочетаний, независимо от конкретной звуковой формы используемых в них отдельных формальных средств, а также структурным типам предложений. В области лексики основными объектами сопоставительно-типологического исследования являются структуры соотносительных по сопоставляемым языкам лексико-семантических полей и групп и входящих в их состав соотносительных синонимических рядов, семантические структуры соотносительных слов, а также соотношение по сопоставляемым языкам однословных и составных наименований одних и тех же реалий или обозначений одних и тех же отвлеченных понятий. В силу генетической связи языков, входящих в исследуемую группу, факты типологической общности, выявляемые в этих языках на различных уровнях, в большинстве случаев оказываются вместе с тем и фактами генетической связи участвующих в этих явлениях конкретных структурных единиц — отдельных фонем и морфем. Эти факты генетической связи не следует смешивать с фактами типологической общности. Однако они должны учитываться при комплексном историко-типологическом подходе к изучаемым языкам как главнейший исторический фактор образования типологической общности родственных языков наряду с такими факторами, как параллельное развитие одинаковых структурных явлений в условиях близких структур независимо развивающихся родственных языков и как заимствование родственными языками одинаковых структурных средств из одних и тех же источников. Такой исторический подход к изучению типологических особенностей языков оказывается особенно продуктивным в условиях языкового родства. Вместе с тем результаты такого комплексного изучения близкородственных языков имеют большое значение для понимания сущности и путей исторического становления типологических сходств и различий языков неродственных или состоящих в отдаленном родстве.

На морфологическом (словообразовательном и словоизменительном) уровне сопоставительно-типологическому анализу подлежат,

главным образом, обнаруживаемые в родственных языках этимологически тождественные единицы. Это вовсе не означает, что отбор этих единиц проводится именно по принципу их генетической общности. Такой отбор фактов обусловлен только тем, что большинство этимологически тождественных морфологических компонентов родственных языков выполняет в этих языках одинаковые структурные функции, которые как раз непосредственно и учитываются при типологическом подходе, в тех же случаях, когда их функции оказываются различными, это на общем структурном фоне родственных языков тоже приобретает типологическую значимость в качестве случаев типологических расхождений между сопоставляемыми языками.

Как уже отмечено, при типологическом описании группы родственных языков выделяются две категории подлежащих характеристике типологических признаков. С одной стороны, обнаруживаются типологические признаки, общие для всех языков данной группы, характеризующие эту группу как единое целое, иначе говоря, составляющие интегральную типологическую характеристику исследуемых языков. С другой стороны, устанавливаются типологические различия между отдельными подгруппами описываемой группы языков или между отдельными языками в составе группы, составляющие дифференциальную типологическую характеристику исследуемых языков. Необходимо иметь в виду, что типологические признаки второй категории (типологические различия внутри языковой группы) не менее важны в научном отношении, чем признаки, общие для целой группы. Сведения о типологических различиях внутри языковой группы содержат больше научной информации об исследуемых языках, чем перечень признаков, общих для всех данных языков. Типологических признаков, общих для целой языковой группы, всегда оказывается меньше, чем типологических различий внутри группы.

Непосредственными объектами сопоставительно-типологического изучения языков являются структурные признаки изучаемых языков, занимающие приблизительно одинаковое место в структуре каждого языка, независимо от происхождения того или иного признака. Сопоставительно-типологическое языкознание не может быть ограничено изучением устанавливаемых для каждого языка отвлеченных систем отношений между компонентами языковой структуры, к чему стремится часть лингвистов, а должно состоять в изучении соотносительных конкретных структурных образований различных языков вместе со свойственными им системами отношений между их компонентами и с их отношением к другим структурным образованиям (частным структурам) того же языка. Поэтому к непосредственным объектам типологического изучения принадлежат не только системы отношений между материальными компонентами языковой структуры, но и сами классы этих компонентов, в том числе и одночленные классы, т. е. отдельные компоненты языковой структуры, выполняющие однотипные функции в структуре изучаемых языков. При этом для типологии в собственном смысле не имеет никакого значения вопрос о том, состоят ли изучаемые компоненты в генетической связи или нет. Так, например, при рассмотрении общих свойств и особенностей систем консонантизма

в различных языках типологическое исследование не только констатирует наличие различных отношений между системами вокализма и консонантизма, а также внутри этих систем в каждом языке, но и выделяет различные подгруппы гласных и согласных в каждом языке по определенным однотипным структурным признакам, вплоть до отдельных фонем, занимающих одинаковые положения в соответствующих подгруппах вокализма и консонантизма изучаемых языков или выполняющих одинаковые функции в структурах семантически соотносительных знаковых единиц данных языков. В этом последнем случае типологическое изучение языков отличается от сравнительно-исторического изучения только тем, что оно в одинаковой степени распространяется как на генетически тождественные единицы различных родственных языков, унаследованные им из праязыка, так и на единицы, заимствуемые одними языками у других. Исключать из поля зрения типологического языкознания структурные особенности генетически тождественных знаковых единиц родственных языков, обусловленные фактом языкового родства, нецелесообразно, поскольку типологический подход обнаруживает в особенностях таких единиц совсем не те стороны, что сравнительно-исторический подход. В частности, если при сравнительно-историческом подходе устанавливаемые структурные особенности соотносятся прежде всего со структурными свойствами праязыка, то при сопоставительно-типологическом подходе они анализируются прежде всего с точки зрения их места в общей структуре тех языков, к которым они принадлежат.

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

СПЕЦИФИКА ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Первоначальный историзм лингвистической типологии имел наивный и вульгарно-оценочный характер: наиболее совершенным типом языков, начиная с братьев Шлегелей, объявлялся флективный, к которому принадлежали индоевропейские языки, и в частности его аналитический подтип. Даже В. фон Гумбольдт, усматривавший в каждом языке индивидуальное самораскрытие духа и отрицавший возможность исторического перехода одного языкового типа в другой, все же считал, что подлинное чувство формы обнаруживают только языки флектирующего типа. В большинстве случаев выделяемые таким образом типы языков вводились в воображаемую историческую перспективу, будучи рассматриваемы как отношения последовательных стадий в историческом развитии языков (например, от аморфных через агглютинативные к флективным). Наивный историзм особенно ярко проявился в типологической схеме А. Шлейхера, прямолинейно перенесшего на свои лингвистические построения эволюционный принцип Дарвина и гегелевскую концепцию развития по принципу триады. В соответствии с гегелевской триадой Шлейхер ограничил количество языковых типов тремя, заявив, что флектирующие языки представляют

собой высшую ступень синтеза, возникшую из более ранней оппозиции языков изолирующих и агглютинирующих. Свое крайнее проявление вулгарный оценочно-исторический подход к типологическим различиям языков получил в работах М. Бреала и О. Есперсена, развивавших ложную идею о превосходстве аналитических языков над синтетическими. В настоящее время к подобным идеям уже практически никто не возвращается.

В советском языкознании 20—40-х годов историко-типологический подход к изучению языков мира был связан с теорией Н. Я. Марра и его последователей о стадильности языкового развития. Выделяемые в мировом языкознании основные типы языков Марр рассматривал как отражения последовательных стадий в едином глоттогоническом процессе, обусловленных, якобы, социальными факторами и связанными с этим стадильными изменениями в мышлении. После того как ошибочность стадильной трактовки языковых типов стала для последователей Марра очевидной, объем историко-типологических исследований в СССР значительно сократился и вместе с тем на некоторое время частично усилился интерес к синхронно-типологической проблематике (главным образом, в работах И. И. Мещанинова). После 10-летнего перерыва (до конца 50-х годов) различные, в том числе исторические аспекты типологической проблематики снова выдвинулись в советском, как и в мировом, языкознании на передний план³.

На этом новом этапе развития типологических исследований в мировом языкознании основное внимание уделяется вопросам синхронной (статической) типологии. Вместе с тем, приблизительно с начала этого же нового этапа, ознаменовавшегося крушением структуралистических иллюзий, намечается новый поворот к историко-лингвистической проблематике. В этих условиях возникает тенденция к сближению типологического языкознания с историческим, растет убеждение в том, что генетическая и типологическая точки зрения должны дополнять друг друга [Гухман 1957, 46]. Эта тенденция проявилась в двух направлениях. С одной стороны, начались попытки использования данных типологии в целях верификации реконструируемых состояний праязыка в сравнительно-историческом языкознании, с другой — продолжились исследования, направленные на выявление одинаковых процессов исторических изменений в языках мира.

Возможность использования данных общей типологии для оценки результатов реконструкции была отмечена Р. Якобсоном [Якобсон 102—104]. В качестве примеров такой возможности Р. Якобсон указал на такие обстоятельства, как то, что представление о наличии в праиндоевропейском языке единственного гласного не подтверждается данными засвидетельствованных языков, что нет языков, в которых бы рядом с согласными *t*, *d* существовал звонкий придыхательный *dh*, но не было бы *th*, как это предполагается для индоевропейского праязыка, и т. д. О значении типологических данных для верификации реконструкций писали также Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе и др. [Иванов 1958; Гамкрелидзе 1977].

³ Более подробно о развитии типологических исследований в СССР см. [Климов 1981; Гухман 1968].

Следует, однако, учитывать, что типологические данные о состоянии современных языков не могут быть безоговорочно перенесены на ранние этапы становления отдельных сторон языка, в частности вокализма. Если признать, что вокализм языков, как и язык вообще, развивается от низшего состояния к высшему, то следует допустить и такое состояние первобытного языка, когда вокализма в современном понимании вообще не было и когда, следовательно, не могло быть и такого соотношения звуков, какое констатируется типологией в современных языках. К этому необходимо добавить, что само утверждение об отсутствии на современном этапе языков, не знающих противопоставления гласных фонем по качеству, остается недостаточно обоснованным [Kuipers 22—23; Шагиров 166, и др.]. Таким образом, данные типологии современных языков могут быть использованы при оценке реконструкции фактов праязыка лишь с определенными ограничениями.

Применение типологического подхода к процессам исторических изменений различных языков на новом этапе развития типологических исследований явилось продолжением отдельных разработок подобного характера, проводившихся в СССР уже в 30—40-х годах [Кацнельсон 1936; Гухман 1940, и др.]. В конечном счете это направление типологических исследований восходит к установленному уже младограмматиками тезису о том, что исторические, в частности, фонетические изменения различных языков «следуют каким-то общим типам» [Мейе 1954, 74]. Под влиянием этого хорошо обоснованного тезиса сущность всей типологической лингвистики в некоторых случаях сводится к сопоставительному изучению процессов исторических изменений языка, между тем как типология синхронная, или статическая, выносится за скобки. Касаясь этого вопроса, Б. А. Серебренников писал, что «типологические исследования должны быть необходимым продолжением сравнительно-исторических исследований, их естественным синтезом» [Серебренников 1958, 28]. И далее: «Перефразируя А. Мейе, мы могли бы основную задачу типологических исследований сформулировать следующим образом: типологические исследования имеют своей основной целью выявление в различных языках общих типов изменений в области фонетики и морфологии, синтаксиса и развития значений» [там же, 28—29]. По-видимому, это свое утверждение Б. А. Серебренников относил только к исторической (диахронической, динамической) типологии, не отрицая целесообразности разработки типологии синхронной (статической).

Теоретические и методические вопросы исторической типологии получили дальнейшее развитие в трудах М. М. Гухман, Г. А. Климова, В. З. Панфилова и других советских ученых. «Целесообразность выделения исторической типологии как особого направления типологических исследований,— пишет М. М. Гухман, — вряд ли возможно оспаривать в настоящее время, несмотря на дискусионность большинства проблем, составляющих ее содержание. Вместе с тем, бесспорно сохраняется и сейчас приоритет типологии синхронной» [Гухман 1981, 10]. По мнению М. М. Гухман, «предмет исторической типологии мог бы быть определен как выявление и изучение узуальных

однонаправленных процессов, в конечном счете соотношенных с преобразованием системы взаимообусловленных признаков, структурирующих тип языка» [там же, 14]. Эти узловые однонаправленные изменения автор предлагает называть диахроническими константами [там же, 45 и др.]. В качестве диахронических констант в работе рассматриваются совершившиеся в истории многих языков процессы перестройки надежных и глагольных парадигм и трансформации формально-структурных типов языков, в частности активного и эргативного типов в номинативный. Углубленная разработка проблемы трансформации языковых типов (нейтрального, классного, активного, эргативного, номинативного) на обширном материале различных языков мира проводится Г. А. Климовым [Климов 1977, 170—303; 1973, 143—258, и др.]. Обстоятельно исследован в аналогичном плане ряд этапов эволюции средств обозначения количества в языках мира В. З. Панфиловым [Панфилов 1977, 158—285].

Выявление и изучение параллельных процессов в эволюции различных языков (диахронических констант) представляет, несомненно, большой научный интерес. Оно вскрывает общие тенденции мирового глоттогенеза, освещение которых имеет важное значение также и для исследования эволюции мышления. Но такой подход в исторической типологии, подобно выявлению наиболее характерных признаков языковой структуры в общей синхронной типологии, не может обеспечить широкого охвата типологическим исследованием различных исторических изменений, происходящих в языках мира. Отбирая из широкого потока изменений только те, которые связаны с изменением определенного структурного типа, такой подход оставляет вне историко-типологического рассмотрения многочисленные признаки языковой структуры, учитываемые при синхронно-типологическом исследовании отдельных групп языков. Этот недостаток рассматриваемого направления диахронической типологии, заключающегося в определении универсалий (констант) исторических изменений языков, на современном этапе усугубляется еще тем обстоятельством, что таких подлинно типологических универсалий исторических изменений, особенно в области грамматики, установлено пока еще крайне мало, да и те имеют слишком общий характер. Таковы, в частности, переход от синтетизма к аналитизму и, наоборот, происходившая во многих языках перестройка системы склонения существительных по признаку грамматического рода или предполагаемый переход от эргативного или активного типов к номинативному. Этим объясняется тот факт, что немногочисленные еще работы, ставящие своей целью изучение диахронических констант на материале отдельной группы родственных языков, практически приобретают характер исследований трансформации языковых типов [Гухман 1981].

Изучение трансформации языковых типов большинство исследователей считает основной задачей исторической типологии, в том числе и при ограничении исследования группой родственных языков или даже одним единственным языком. «Каким бы противоречивым ни было понимание языковой типологии,— пишет Б. А. Серебренников,— ясным остается одно: типолог оперирует понятием языкового

типа» [Ист.-типол. иссл. 3]. Однако далеко не каждая группа родственных языков обнаруживает в своей истории переход от одного типа языковой структуры к другому, не говоря уже о том, что единый тип не может охватить всей структуры данного языка или группы родственных языков, а всегда характеризует лишь какой-нибудь один уровень языковой структуры — грамматику, фонетику или лексику, в том числе и тогда, когда типом одного уровня обуславливаются отдельные структурные признаки других уровней. Поэтому если даже историко-типологическое исследование посвящается языкам с ярко выраженным историческим переходом от одного типа к другому, например на уровне грамматики, включение в такое исследование раздела фонетики ведет либо к систематическому изложению фонетических явлений, большинство которых с темой исследования непосредственно не связано, либо к неполному охвату фонетических изменений⁴. В тех же случаях, когда изменение языкового типа в масштабах целого структурного уровня не прослеживается, историко-типологическое исследование приобретает характер, мало чем отличающийся от сравнительно-исторического, а то и просто синхронно-типологического [Баскаков 1979], или же ограничивается изучением типологических изменений отдельных элементов языковой структуры, подводимых иногда под понятие «микротипа» [Ист.-типол. иссл.].

Между тем имеется возможность еще одной разновидности историко-типологического исследования родственных языков, до сих пор остающаяся нереализованной. Речь идет о соединении обстоятельного характерологического описания группы родственных языков, учитывающего как все структурные черты, общие для языков данной группы, так и максимальное количество структурных различий между языками этой группы, с освещением конкретных исторических путей становления каждой такой общей черты и каждого различия. Именно такое построение исследования в полной мере заслуживает быть названным историко-типологическим, так как при этом приводятся в непосредственную и систематическую связь приемы синхронно-типологического описания родственных языков с объяснением генезиса каждого отмечаемого типологического признака — сходства или различия — при помощи данных исторического и сравнительно-исторического языкознания. При этом каждый из двух аспектов исследования — синхронический и диахронический сохраняет не только свою специфику, но и степень своей относительной важности в комплексном историко-типологическом подходе к группе родственных языков, поскольку синхронно-типологический аспект остается ведущим по отношению к диахроническому аспекту, а не растворяется в нем, как это практически происходит в большинстве историко-типологических исследований, строящихся по рассмотренным выше принципам.

Последовательное сочетание каждой конкретной типологической характеристики с ее диахроническим объяснением позволяет по-на-

⁴ Ср. [Опыт ист.-типол. иссл.]. Более оправданным и сохраняющим целостность исследования представляется включение в работу по историко-типологической морфологии раздела морфонологии. Ср. [Ист.-типол. морфология 1977].

стоящему наполнить обстоятельную типологию родственных языков историческим содержанием, в максимальной степени вскрыть исторические пути формирования данного типа родственных языков во всех его инвариантах и вариантах. Тем самым обеспечивается возможность конкретного научного понимания истоков специфики каждого данного языкового типа, — понимания, исключающего умозрительные суждения относительно связи типов языка с «типами» мышления и со степенью развитости языка. Такой подход не только предполагает широкое использование имеющихся в науке данных об историческом развитии соответствующих родственных языков, но и может стимулировать дальнейшие историколингвистические разыскания, необходимые для объяснения отдельных типологических особенностей языков, остающихся с исторической точки зрения неясными. Вместе с тем, именно такое построение историко-типологического исследования группы родственных языков создает реальную почву для обобщений с целью выявления одинаковых путей исторических изменений различных языков (диахронических констант) и других закономерностей исторического развития языковых типов.

Историческая типология близкородственных языков предлагаемого характера представляет собой особое направление в изучении языка, промежуточное между общей типологией языков и сравнительно-историческим языкознанием. Развиваясь на стыке этих двух направлений лингвистического исследования, историческая типология родственных языков выступает как результат их методологической интеграции; от общей типологии она заимствует метод сопоставления структурно соответствующих фактов разных языков, от сравнительно-исторического языкознания — историко-генетическое освещение сопоставляемых фактов. Историко-типологический подход к изучению родственных языков после его надлежащей разработки составит высший этап в исследовании групп родственных языков как лингвистических единств, поскольку генетически обосновываемое единство таких языков получит здесь конкретную целостную характеристику с синхронно-типологической точки зрения, а их синхронно-типологическое описание будет введено в глубокую историческую перспективу. Вместе с тем ясно, что историко-типологическое изучение близкородственных языков строго ограничивается именно таким его применением к группам близкородственных языков и поэтому не может иметь характера универсального лингвистического направления, которое распространялось бы на изучение любой совокупности языков.

Предлагаемый труд по исторической типологии славянских языков представляет собой первую попытку систематического применения указанных принципов к историко-типологическому исследованию группы родственных языков⁶. Исследование охватывает все основные уровни языковой структуры: фонетический, морфологический (словообразовательный и словоизменяющий), синтаксический, лексический и фразеологический. В книге публикуются результаты первой

⁶ Фрагмент выполненного в таком плане исследования был опубликован в статье [Коломиец 1982].

половины проведенного исследования. На каждом уровне сначала в иерархическом порядке выделяются типологические черты, общие для всех славянских языков, затем в таком же порядке рассматриваются типологические различия между отдельными подгруппами языков или отдельными языками, причем характеристика каждого типологического сходства или различия сопровождается соответствующим историческим комментарием.

Историко-типологическое исследование предлагаемого типа не может быть применено одновременно и к общенародным (как правило, литературным) языкам и к их различным диалектам, поскольку в отдельных диалектах могут обнаруживаться типологические особенности, прямо противоположные типологическим свойствам соответствующих литературных языков. Одновременный учет таких противоположных или просто неодинаковых свойств литературных языков и связанных с ними диалектов усложнил бы исследование до такой степени, что типологическая картина группы родственных языков стала бы практически не воспринимаемой. Поэтому в настоящем исследовании учитываются типологические особенности только одиннадцати современных славянских литературных языков. Из двух серболужицких языков рассматривается в основном один верхнелужицкий как имеющий более широкое литературное применение, между тем как факты нижнелужицкого языка используются лишь в отдельных случаях в качестве дополнительного или пояснительного материала. Подобным же образом факультативно привлекаются изредка факты отдельных диалектов остальных десяти языков.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные славянские литературные языки, представляющие собой литературные формы соответствующих общенародных языков, возникли на основе наиболее влиятельных и распространенных территориальных диалектов общенародных языков. В настоящее время насчитывается 12 общенародных (и литературных) славянских языков, различающихся по своему территориальному распространению и по количеству их носителей. Так, русский язык является родным языком свыше 140 млн. чел., не считая десятков миллионов людей, активно владеющих русским языком наряду со своим родным. На украинском языке как родном разговаривает около 40 млн. человек, на польском — свыше 35 млн., на сербохорватском — около 15 млн., на чешском — около 11 млн., на болгарском — около 8 млн., на белорусском — около 7 млн., на словацком — около 5 млн., на словенском — свыше 2 млн., на македонском — свыше 1650 тыс., на верхнелужицком — около 70 тыс. и на нижнелужицком — около 30 тыс. Таким образом, на всех славянских языках разговаривает около 265 млн. человек, проживающих в основном на территории СССР, Польши, Югославии, Чехословакии, Болгарии и ГДР (100 тыс. серболужичан).

В структуре всех славянских языков имеется много общих элементов — слов и грамматических форм, обнаруживающих близкие или

тождественные звучания и значения. Близость славянских языков между собой настолько велика, что в ряде случаев носитель одного славянского языка может понимать другой славянский язык без предварительного обучения. В этом отношении славянские языки отличаются от всех остальных групп индоевропейских языков — балтийской, германской, романской, кельтской, индийской, иранской и анатолийской — в каждой из которых языки обнаруживают более глубокие различия, чем в славянской.

Особая близость славянских языков свидетельствует об их исключительно тесном родстве и объясняется тем, что они сравнительно недавно — в течение IV—VI вв. н. э. выделились из единого в прошлом праславянского языка, который был распространен на севере Европы к западу от Днепра. Наиболее древние славянские литературные языки — старославянский, или древнеболгарский (IX—XI вв.), и древнерусский (X—XIII вв.) сохраняют еще многие архаичные черты, реконструируемые и для праславянского. Из других индоевропейских языков ближайше родственными праславянскому оказываются балтийские языки, в том числе современные литовский и латышский.

В общетипологическом плане славянские языки принадлежат к числу флективных языков с преобладанием синтетического строя. У них развиты системы словообразования и словоизменения — как в области именного склонения (за исключением падежного склонения, почти полностью отсутствующего в болгарском и македонском языках), так и в области глагольного спряжения. Наряду с многими общими для них всех типологическими свойствами, имеющими характер универсалий или обусловленными их общим происхождением из единого праязыка, между ними обнаруживается много типологических различий. Из других индоевропейских языков они являются наиболее близкими в типологическом отношении к языкам балтийским, греческому и латинскому, т. е. к языкам, лучше других сохранившим структурную специфику индоевропейского праязыка.

По своим структурным признакам славянские языки в пределах целой группы разделяются на три различные подгруппы — восточную, западную и южную, внутри которых имеется больше общих признаков, чем между языками, входящими в разные подгруппы. Восточную подгруппу составляют русский, украинский и белорусский языки, западную — польский, чешский, словацкий и серболужицкие, южную — болгарский, македонский, сербохорватский и словенский. Членение славянских языков на три указанные подгруппы основано не на типологических, а на генетико-структурных признаках, выделенных исследователями в соответствии с критерием культурно-географических связей. Этими генетико-структурными признаками являются характерные для отдельных подгрупп фонетические рефлексии праславянских звукосочетаний типа *tort, tolt, tert, telt* (выступающие в восточнославянских языках в виде *torot, tolot, teret*, в западнославянских, кроме чешского и словацкого, — в виде *trot, tlot, tret, tlet*, в южно-славянских, а также в чешском и словацком — *trat, tlat, trët, tlët*) и праславянских сочетаний *tj, kt', dj* (в восточнославянских

языках *č, ž*, в западнославянских — *c, dz* и в южнославянских различные звуки — болг. *št, žd*, м. *k', g'*, схв. *č', dž'*, слн. *č, j*). Культурно-географические связи языков в рамках отдельных подгрупп несомненно находят свое проявление в степени генетической общности их лексического состава, однако необходимые для подтверждения этого подсчеты до сих пор не дали однозначных результатов (см. с. 195).

Помимо названных двух фонетических признаков, различающихся по трем подгруппам, имеются и другие признаки, которые дают основания делить славянские языки всего на две подгруппы, — в различных случаях не одни и те же. Так, рефлексация праславянских звукосочетаний *kv, gv* перед *ě* из дифтонга *oi* в виде *cy, zv* в южных и восточных славянских языках при сохранении в этой позиции неизменными *kv, gv* в западных, а также упрощение праславянских звукосочетаний *tl, dl > l* в южных и восточных языках при сохранении неизменных *tl, dl* в западных служат основой для деления всех славянских языков на большую восточную и меньшую западную подгруппы. С другой стороны, рефлексация праславянских начальных сочетаний *og, ol* перед согласными в виде *ga, la* в южных языках и в виде *go, lo* или *ga, la*, в зависимости от различных акцентных условий, в восточных и западных языках, а также различная рефлексация праславянских окончаний именительного и винительного падежей множественного числа имен существительных женского рода на *-ja-*, родительного падежа единственного числа тех же существительных и винительного падежа множественного числа имен существительных на *-jo-* в указанных языках дают основания для деления всех славянских языков на большую северную подгруппу и меньшую — южную.

Возможность различного членения славянских языков на подгруппы на основании единичных генетико-фонетических признаков говорит о том, что используемые для членения славянских языков на три подгруппы фонетические признаки имеют в значительной степени случайный характер и отобраны из ряда других возможных признаков искусственно для подтверждения членения, проведенного в основном по культурно-географическому признаку. Такой вывод подтверждается, в частности, тем фактом, что даже рефлексация *psl. og, ol, er, el* между согласными не дает оснований для объединения чешского и словацкого языков в одну подгруппу с польским и серболужицкими. Это обстоятельство, конечно, не может дискредитировать общепринятую трехчленную группировку славянских языков, построенную главным образом с учетом их культурно-исторических и географических связей. Но оно говорит о том, что единичные произвольно отобранные структурные признаки не могут стать основанием для адекватного членения славянских, как и других родственных языков на отдельные подгруппы. Для такого членения необходим учет максимально возможного количества признаков, относящихся ко всем уровням языковой структуры с построением и последующим обобщением различных пучков изоглосс. Такое членение обеспечивается только подробным характерологическим изучением родственных языков и ожидаемыми в его результате обобщениями. Предпринимаемая в настоящем исследовании историко-типологическая характеристика славянских

языков призвана конкретизировать и объяснить устанавливаемое членение с исторической точки зрения.

В написании книги приняли участие: Коломиец В. Т. (глава «Фонетика», раздел «Фонематика», часть раздела «Просодика»; разделы «Имя существительное» и «Имя прилагательное» в главе «Словообразование»), Линник Т. Г. (глава «Лексика»), Лукинова Т. Б. (раздел «Имя числительное»), Мельничук А. С. (глава «Введение. Основные направления типологических исследований» и два подраздела «Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи» в разделе «Глагол»), Пивторак Г. П. (раздел «Глагол», кроме двух подразделов «Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи»), Склярченко В. Г. (части раздела «Просодика», посвященные ударению и интонации), Ткаченко В. А. (раздел «Наречие»), Ткаченко О. Б. (глава «Фразеология»).

ФОНЕТИКА

Несмотря на большую генетическую близость современных славянских языков, в их звуковом строе обнаруживаются глубокие типологические расхождения. Общими для звукового строя всех славянских языков оказываются лишь некоторые фонетические свойства, близкие к универсалиям.

Звуковой строй славянских языков представляет собой единство звуковых признаков двух типов — фонематического и просодического. Фонематическими признаками являются фонемы и их позиционные варианты. К просодическим признакам принадлежат акцентно-интонационные свойства отрезков речи, более протяженных, чем фонемы, — слогов, слов и предложений, а также другие фонетические особенности этих отрезков, включая и саму их протяженность.

Следует отметить, что в вопросе о том, какие звуковые элементы и признаки языка следует относить к фонематической и просодической сферам, мнения исследователей не полностью совпадают. При этом наблюдающиеся в специальной литературе расхождения мнений и трудности, связанные с определением фонематической и просодической сфер, оказываются неодинаковыми в применении к обеим сферам. Трудности, возникающие при определении фонематической сферы, имеют чисто терминологический характер и заключаются в том, что одна часть исследователей (в том числе Н. С. Трубецкой) применяет термин «фонематический» только к фонемам с их дифференциальными признаками, не распространяя этот термин на позиционные варианты фонем [Трубецкой 301—302], между тем как другая часть ученых (в том числе А. Мартине) под фонематическими явлениями понимают и фонемы и их позиционные варианты [Мартине 199]. Поскольку позиционные варианты со всеми их фонетическими особенностями представляют собой непосредственное конкретное проявление фонем в потоке речи, кажется вполне целесообразным объединение их вместе с фонемами в единой общей категории, противопоставляемой таким фонетическим явлениям языка, которые в принципе не совпадают с отдельными фонемами или их вариантами. При этом нет сколько-нибудь существенных препятствий теоретического порядка к тому, чтобы применять термин «фонематический» также и ко всем случаям проявления фонемы в речи, так как в случае надобности обе разновидности фонематических явлений можно различать при помощи дополнительных терминов.

Значительно больше расходятся точки зрения отдельных ученых в вопросе о составе просодической сферы звукового состава языка. Наиболее распространенным является понимание просодических признаков как фонетических особенностей, характеризующих отрезки речи, отличные от фонем и, в основном, более протяженные, чем фонемы. Практически же к просодическим признакам языка относятся обычно ударение и интонация, чаще всего понимаемые в широком смысле, т. е. не только как принадлежащие к слогу в составе слова (точнее, к структуре слова в целом), но и как признаки предложения; наряду с этим к просодическим признакам причисляют протяженность, но только как особенность слога [Трубецкой 222—240, 246—254; Марузо 239; Мартине 199 и дальше; Амтег 211, и др.]. Некоторые ученые к просодическим особенностям относят также особенности слогоделения [Трубецкой 241—246], между тем как другие исследователи об отношении слогоделения к просодической сфере языка ничего не говорят. Таким образом, с одной стороны, имеет место непоследовательность в определении границ тех не тождественных фонеме фонетических отрезков речи, с которыми увязываются конкретные просодические признаки, а с другой стороны, вне обеих сфер звукового строя остаются такие важные звуковые особенности языков и речевых отрезков, как размеры слов, речевых тактов, синтагм, предложений, а также общие особенности структуры слога, определяющиеся в первую очередь особенностями слогоделения и особенностями фонетической структуры слова.

Вопрос о квалификации длительности (звукового объема) слова в качестве просодического признака наряду с длительностью слога не ставился до сих пор, главным образом, из-за отрицательного отношения подавляющего большинства ученых к включению слова в состав фонетических единиц языка. Основным аргументом против признания за словом фонетической самостоятельности служит тот факт, что в ряде языков отсутствуют достаточные фонетические признаки членения речевого потока на отдельные слова [Jespersen 206—207; Norøen 433—437; Калинович 131; Смирницкий 1952, 189—190; Carrel — Tiffany 252—253]. Однако ни противники ни сторонники признания фонетической сущности слова как будто не замечают, что спор о фонетической природе слова все время ведется ими в одностороннем порядке — только в аспекте речи, между тем как явная фонетическая самостоятельность слова в плане языка не усматривается ни одной из сторон. В отличие от такой фонетической единицы, как фонема, которая выделяется лишь после тщательного сопоставления многочисленных случаев ее проявления в различных речевых отрезках, к слову как фонетической единице предъявляется ничем не обоснованное требование обязательной выделяемости на почве единственного данного речевого отрезка — предложения или его части. Но если беспристрастно сопоставить степень выделяемости слова и фонемы в данном речевом ряду, то окажется, что признаки фонетической выделяемости слова, особенно обстоятельно освещаемые в работах Н. С. Трубецкого и в последующих работах некоторых других авторов [Трубецкой 299—325; Кофнек; Панов (со ссылками на литературу);

Roudet 259—261], не намного уступают по своей выразительности признакам выделения фонемы¹ (ср., например, невозможность решения на основе краткого речевого отрезка вопроса о фонематической природе долгих (удвоенных) согласных, аффрикат и т. п.). Таким образом, всесторонний учет особенностей структуры слова как в плане речи, так и в плане языка приводит к единственно правильному выводу о том, что слово своей звуковой стороной включается в общую систему фонетических единиц языка и поэтому подлежит фонологической (собственно, просодической) характеристике, по крайней мере в славянских языках, в не меньшей степени, чем слог. В связи с этим следует подчеркнуть, что понятие так называемого фонетического слова, выделяемого на основе звуковых признаков данного речевого ряда [Авапесов 63, и др.], относится в первую очередь к аспекту речи и не может быть полностью отождествлено с фонетическим понятием слова как единицы языка, обладающей определенной фонетической природой. Эти два понятия лишь соотносятся между собой на такой же основе, на какой позиционный вариант фонемы соотносится с фонемой, хотя специфика соотношений в обоих случаях во многом отлична. Понятие фонетического слова наиболее близкородственно понятию речевого такта, с которым оно нередко совпадает, а также понятиям синтагмы (интонационно-смыслового отрезка речи) и фонетической фразы. Но, в отличие от фонетического слова, имеющего себе соответствие в виде слова языка, понятия речевого такта, синтагмы и фонетической фразы, принадлежащие к аспекту речи, никаких соответствий, кроме общих схем (моделей), в плане системы языка не находят.

Признание слова в качестве наиболее крупной фонетической единицы языка (наряду с фонемой и слогом) вызывает необходимость расширения признаваемой сферы проявления просодических признаков языка от пределов слога до пределов слова. Таким образом, просодическими признаками языка следует признать не только ударение, интонацию и протяженность слога, но и протяженность слова, в частности количество слогов в слове, а также особенности распределения интонации и ударения между различными звуковыми частями слова (в первую очередь между отдельными слогами). Достаточно обоснованным представляется также включение в состав просодических признаков языка особенностей слогоделения и связанных с ними общих закономерностей структуры слога, свойственных данному языку. Более того, если исходить из общего понимания просодических признаков как фонетических свойств речевых отрезков, не совпадающих с фонемой, то к просодической сфере следует отнести все составные компоненты фонетической структуры слова, рассматриваемые именно как фонетические особенности слова, а не как элементы, абстрагируемые от словесной структуры. На этом основании к просодическим явлениям языка могут быть отнесены и такие стороны фонетической структуры слова, как особенности соединения позиционных вариантов фонем в составе слова и сам фонемный состав слова, в том числе количество и распределение фонем в словесной структуре, в частности

¹ Ср. аналогичные соображения в упоминавшейся книге [Амтег 132].

по отношению к началу и концу слова (см. анализ фонетической структуры слова по ее компонентам в книге [Торсуев]). Часть этих особенностей, например, распределение фонем в слове, как и в слоге, или специфика их соединения в слове, можно рассматривать в двух планах: с одной стороны, в плане фонетической характеристики структуры слова и, с другой — в плане определения способности каждой отдельно рассматриваемой фонемы в сочетании с известными другими фонемами и при этом испытывать на себе в той или иной мере ассимилирующее воздействие других фонем. Поэтому одни и те же фонетические явления такого характера различными своими сторонами принадлежат сразу к обеим сферам звукового строя языка — просодической и фонетической. Так, позиционное смягчение твердых согласных, непосредственно предшествующих в потоке речи мягким согласным (ср. укр. *місто* — *у міс'т'і*, *сонце* — *на сон'ці*), с одной стороны, является свойством каждой отдельно взятой фонемы, способной подвергаться такому смягчению, с другой же стороны, это смягчение представляет собой одну из общих особенностей фонетической структуры слога, слова и речевого такта как в украинском, так и в некоторых других славянских языках. Имея в виду такую специфику этих явлений, а также то, что в традиции фонетических исследований эти явления к числу просодических никак не относились, можно было бы выделить их в особую категорию звуковых признаков языка, закрепить за ними, например, термин «комбинаторика», и таким образом сохранить содержание понятия просодии приблизительно в том объеме, какой оно имеет в большинстве случаев традиционного применения. Но фонемно-комбинаторные признаки структуры слова настолько тесно связаны с другими просодическими признаками, что понимаемая в таком смысле комбинаторика при подходе к ней с точки зрения фонетической характеристики речевых единиц, не совпадающих с фонемами, с естественной необходимостью, в силу самой своей специфики, присоединяется к другим фонетическим признакам этих речевых отрезков, образуя вместе с ними категорию просодических явлений в широком смысле.

Интонационные признаки предложений по своим семантическим функциям коренным образом отличаются от интонационных признаков слов и слогов. Если в пределах слога и слова интонация и ударение играют чисто формальную роль конструктивных приемов, способствующих только звуковому различению данных речевых отрезков, но не имеющих особой знаковой нагрузки, то в пределах предложения и синтагмы интонация и ударение представляют собой самостоятельные знаковые приемы, обладающие определенными грамматико-семантическими функциями. Поэтому фразовая интонация и фразовое ударение принадлежат в принципе не к фонетике, а к синтаксису.

Выделение двух типов звуковых признаков — фонематических и просодических — наблюдается во всех языках мира и, таким образом, представляет собой одну из фонетических языковых универсалий [Хоккет 65—66]. Но конкретный состав признаков, принадлежащих к фонематической или просодической сферам, по отдельным языкам может обнаруживать глубокие различия. Так, свойственное подавляю-

щему большинству языков мира словесное ударение в просодической сфере французского языка отсутствует, как и слоговые интонации [Зиндер 262; Щерба 84]. Противопоставление фонематической и просодической сфер берет свое начало на самых ранних этапах формирования членораздельных языков. Ему предшествовало такое состояние, когда слова, произносимые с определенными, семантически релевантными интонациями и ударениями, образовывались из отдельных слогов-фонем типа согласных и сонорных, сопровождаемых фонематически неопределенными гласными призвуками, не обладавшими фонематической значимостью [Мельничук 13; Schmitt-Brandt 92—94; Кацнельсон 1958, 46—49, 53—55; Гамкрелидзе 1960, 24; Borgström 137—187; Щерба 1935, 451—453; Яковлев 318—323, 336, 339—340, 343—344; Леонтьев 69, 94, и др.]. Эти слоги-фонемы (силлабофонемы), в свою очередь, должны были явиться результатом консолидации и упрощения первоначальных нечленораздельных выкриков, конкретное значение которых уточнялось определенными общепринятыми интонациями [Леонтьев 47, 57, 67 и др.].

Общее количественное и функциональное соотношение фонематической и просодической сфер в различных славянских языках неодинаково, причем наблюдается взаимозависимость между состояниями обеих сфер по отдельным языкам, а также зависимость изменений в одной из них от изменений в другой. Например, слоговые интонации сохраняются в тех из славянских языков, которые в наименьшей степени развили противопоставление согласных фонем по твердости — мягкости, и, наоборот, исчезли там, где твердые согласные имеют наибольшее количество соответствующих им мягких фонем [Jakobson 50—51; 59, 107 (примечание 29)]. Целый ряд исторических изменений в фонематическом составе славянских языков произошел под воздействием таких явлений в сфере просодии, как изменения в степени интенсивности динамического ударения смежных слогов, усиление взаимодействия между элементами слога. С другой стороны, изменения в сфере просодии были вызваны спонтанной или позиционной редуцией фонем, в том числе ларингальных согласных, *j* и др., превращением кратких *й*, *ї* в сверхкраткие (редуцированные) *ъ*, *ь* и др.²

Наблюдаемая в славянских языках тесная взаимозависимость фонематической и просодической сфер имеет место и в других языках мира. В ней находит свое проявление свойственная всем языкам общая связь их структурных, в частности фонетических, признаков и обусловленная общими возможностями человеческой психики ограниченность количества элементарных звуковых компонентов, подлежащих восприятию и психологическому контролю в процессах речи.

² Более подробно об этом см. ниже, а также в работе [Коломнец 1963, 14—21].

Признаки, общие для всех славянских языков

1. Наиболее общим признаком в области фонематики, свойственным каждому славянскому языку, является деление всего фонемного состава на две качественно и функционально отличные группы — гласные и согласные. В качественном отношении гласные отличаются преобладанием в их артикуляции элемента голоса, согласные — преобладанием различных шумов, образуемых прохождением выдыхаемого воздуха через преграды речевого аппарата. В функциональном отношении гласные отличаются способностью образовывать слог, между тем как согласные, за редкими исключениями, входят в состав слога только в роли неслогообразующих.

Противопоставление гласных и согласных звуков является универсальным свойством всех известных языков мира. Славянские языки это свойство унаследовали через праславянский из позднеиндоевропейского, в котором оно явилось, по-видимому, результатом преобразования раннеиндоевропейской фонологической системы, состоявшей из одних согласных фонем (силлабофонем) — шумных и сонорных, сопровождавшихся в произношении неопределенным гласным звуком, лишенным фонематической функции. Простейшие гласные праславянского языка *e*, *i*, *o*, *u* возникли в результате слияния индоевропейских силлабофонем *iA*, *uA*, (где знак *A* означает неопределенный гласный звук) с предшествующими силлабофонемами типа *tA* (где *t* означает любой согласный): *t*i*A*, *t*u*A* (с ударением на первой силлабофоне) превращались в *te*, *to*, а *t*i*A*, *t*u*A* (с ударением на второй силлабофоне) давали *ti*, *tu*. При возникновении фонемы *o* из *uA* в ряде говоров индоевропейского праязыка она совпала с возникшей уже раньше фонемой *a* из *AhA*, причем в праславянском результатом этого слияния стала фонема *o*, между тем как в прабалтийском, прагерманском и, возможно, в праиндоиранском — *a* [Мельничук 14—15].

Вокализм

2. В области вокализма общим для всех славянских языков является противопоставление гласных переднего и заднего ряда. Гласными переднего ряда во всех славянских языках являются *i*, *e*, гласными заднего ряда *u*, *o*. Кроме этого, в чешском, словацком, сербохорватском и словенском языках гласными переднего ряда являются долгие гласные *ī*, *ē*, гласными заднего ряда — *ū*, *ō*, в польском гласным переднего ряда — носовой *ę*, гласным заднего ряда — носовой *o* (*ą*), в верхнелужицком гласным переднего ряда — закрытый *ě* (*ǣ*), гласным заднего ряда — закрытый *ǒ* (*ǫ*), в словенском гласным переднего ряда — открытый *ē*, гласным заднего ряда — открытый *ō*, в словацком гласным переднего ряда — *ä*. Особое место в вокализме славянских языков занимают гласные среднего ряда — *a* во всех славянских языках (часть исследователей относит *a* в отдельных славянских

языках к заднему ряду), *ā* в чешском, словацком, сербохорватском и словенском, *ы* (*y*) в русском, украинском (с большим сдвигом вперед), в белорусском и польском, *ѣ* в болгарском, *э* в словенском.

Противопоставление гласных переднего и заднего ряда имеет место в подавляющем большинстве языков мира, но не во всех³. Славянские языки унаследовали это противопоставление через праславянский из индоевропейского, в котором гласные переднего ряда *e*, *i* возникли в результате слияния первоначальных силлабофонем типа *tA* с силлабофонемой *iA* при различном размещении ударения, гласные заднего ряда *o*, *u* стали результатом такого же слияния первоначальных силлабофонем с силлабофонемой *uA*, между тем как славянское *a* (< псл. *ā*) восходит к ие. *ā*, *ō*, в образовании которых принимали участие силлабофонемы с ларингальными (*ha*, *xa*, *'a*) [Мельничук 1979, 14—16].

3. В такой же степени общим для всех современных славянских языков является противопоставление гласных по трем степеням подъема языка. Гласными высокого подъема во всех славянских языках являются гласные *i*, *u*, гласными среднего подъема — *e*, *o*, гласными низкого подъема — *a*. Кроме этого, в чешском, словацком, сербохорватском и словенском языках к гласным высокого подъема принадлежат долгие *ī*, *ū*, к гласным среднего подъема — *ē*, *ō*, к гласным низкого подъема — *ä*, в русском, украинском, белорусском и польском языках к гласным высокого (в основном) подъема — *ы* (*y*), к гласным среднего подъема в польском *ę*, *ą* (*a*), в верхнелужицком — *ě* (*ǣ*), *ǒ* (*ǫ*), в словенском — *э*, *ê*, *ô*, в болгарском — *ѣ*, к гласным низкого подъема в словацком — *ä*.

Противопоставление гласных по степеням подъема языка является универсальным признаком всех языков, в которых имеется система гласных [Хоккет 74]. В славянские языки оно унаследовано через праславянский из индоевропейского, в котором возникло в процессе образования гласных фонем из сочетаний силлабофонем *iA*, *uA*, *hA* с предшествующими им силлабофонемами в различных акцентных условиях. Если ударение приходилось на неопределенный гласный, предшествовавший сонорному *i* или *u*, сочетания силлабофонем типа *t*i*A*, *t*u*A* постоянно превращались в слоги с гласными среднего подъема типа *te*, *to*, если же под ударением оказывалась сама силлабофонема *iA* или *uA*, на месте сочетаний силлабофонем типа *t*i*A*, *t*u*A* возникали слоги с гласными высокого подъема типа *ti*, *tu*. Сочетания с ларингальными силлабофонемами типа *t*h*A*, независимо от места ударения превращались в слоги с *a* (типа *ta*), которые впоследствии слились с *o* (ср. выше).

4. Еще одним типологическим признаком в области вокализма, общим для всех современных славянских языков, является наличие у них наряду с постоянными гласными (сохраняющимися без изменений в составе одной и той же морфемы во всех случаях ее функциони-

³ Например, в исконном материале кабардинского языка отмечаются только гласные среднего ряда *э*, *ы* наряду с долгим гласным заднего ряда *a* [Шагиров 1967, 166].

рования), а также с гласными, чередующимися друг с другом (в частности, *e : o : a*), так называемых беглых гласных, которые в различных случаях функционирования одной и той же морфемы то проявляются в ней, то заменяются нулем звука (исчезают); напр.: р. *сон — сна, песок — песца, день — дня, конец — конца*; укр. *сон — сну, пісок — піску, день — дня, кінець — кінця*; бр. *сон — сну, пясок — пяску, дзень — дня, канец — канца*; п. *sen — snu, piasek — piasku, dzień — dnia*; ч. *sen — sna, písek — písku, den — dne, konec — konce*; слц. *sen — sna, piesok — piesku, den — dňa, koniec — kopca*; вл. *són — sna, dzeń — dnja*; нл. *soñ — sni, zeñ — dña*; болг. *зъл — зли, ден — дни, конец «нитка» — конци*; м. *зол — зли, ден — дни*; схв. *сән — снә, пёсак — пёска, конац — конца*; слн. *sèn — snà, pések — peska, dān — dné, kōpec — kopca*.

Такое позиционное исчезновение гласных свойственно только современным славянским языкам, в некоторых других индоевропейских и неиндоевропейских языках встречаются более или менее отличающиеся от него и генетически не связанные с ним примеры подобного явления (ср. гр. *γενᾶω* «рождать» — *γίγνομαι* «рождаться, возникать», *βέρω* «сдирать кожу» — *δράτῳ* «ободранный»). Беглые гласные возникли на месте праславянских редуцированных (сверхкратких) гласных *ъ, ь* (из ие. *й, ї*), которые в период распада праславянского языка в слабых позициях (в конечных слогах слов, перед слогами с гласными полного образования и перед сильными редуцированными) окончательно исчезли, а в сильных позициях (под ударением и перед слогами с редуцированными в слабой позиции) постепенно замещались гласными полного образования, в различных славянских языках неодинаковыми. В некоторых случаях славянские беглые гласные восходят к праславянскому чередованию редуцированных *ъ* и *ь* с гласными полного образования *o, ū, e, ĭ*. Таковы чередования типа р. *беру — брать, вытирать — тру, гонять — гнать, тыкать — ткать*, укр. *беру — брати, витирати — тру, гонити — гнати, тикати — ткаати*, бр. *бярү — браць, выціраць — тру, ганяць — гнаць, тыкаць — ткаць*, п. *biore — brać, wycierać — trę, gonić — gnać, tykać — tkać*, ч. *beru — bráti, vytírati — tru, honiti — hnáti*, слц. *beriem — brát', vytierat' — triem, honit' — hnát', týkat' (sa) — tkat'*, вл. *bjeru — brać, honić — hnać, tykać — tkać*, болг. *бера — брах, изпирам* «выстирать» — *изпрах, гоня* — диал. *загна, тикам* — диал. *ткал*, м. *бере — брак, затира — затре, гони — загне (се)*, схв. *бёрем — бра́ти, за́пирати — за́прем, го́нити — гна́ти, ти́цати — тка́ти*, слн. *bêgem — bráti, zapírati — zaprêm, goníti — gnáti, tikati — tkáti*. Лежащие в основе этих чередований праславянские чередования *ъ : у, ь : ĭ* восходят к более ранним чередованиям *й : ū, ї : ĭ*, возникшим вследствие функционального удлинения кратких *ĭ, ū*, а праславянский параллелизм *ь : e, ъ : o* восходит к индоевропейскому параллелизму *і : e, u : o* в составе одних и тех же морфем, явившемуся результатом объясненного выше генетического родства *e s i* и *o s u* (стр. 28).

Консонантизм

В области консонантизма общими для всех славянских языков признаками являются противопоставления согласных звуков по пяти различным основаниям.

5. Одним из таких признаков является противопоставление во всех славянских языках сонорных и шумных согласных. При этом основной состав сонорных во всех языках сводится к четырем твердым согласным *г, л* (кроме верхнелужицкого) *м, п* и (кроме чешского) двум мягким согласным *г', л'*. В восточнославянских, верхнелужицком и болгарском языках к ним присоединяются также *г', м'* и в верхнелужицком билабиальный *ц*, который в роли позиционного варианта шумного *ч* имеется также в украинском и белорусском, а в роли варианта *л* — в словенском. Вариантом *ј* в большинстве славянских языков является палатальный сонорный *й*.

Деление согласных на шумные и сонорные свойственно подавляющему большинству языков мира (а возможно, и всем языкам). Славянские языки унаследовали этот признак через праславянский из индоевропейского праязыка, в котором четыре сонорных согласных *г, л, м, п* по своей частоте в составе корней почти в два раза превосходили 16 шумных фонем [Мельничук 1979, 8—9].

6. Одним из наиболее характерных типологических признаков славянских языков в области консонантизма является свойственное им всем, хотя и далеко не в одинаковой степени, противопоставление согласных фонем по твердости — мягкости. В других индоевропейских языках, кроме славянских, такое противопоставление встречается редко, наиболее последовательно оно проявляется в литовском языке [Otrębski 1958, 112, 119—120]. Из неиндоевропейских оно свойственно ряду финно-угорских языков [Основы финно-уг. языкозн. 1975, 13, 16, 17, 28 и др.].

В славянских языках мягкие согласные *г', л', п'* возникли в позднепраславянский период в результате слияния палатального согласного *ј* в позиции перед гласными с предшествующими твердыми согласными *г, л, п*. Аналогичные сочетания *ј* с предшествующими согласными *г, к, х* привели к возникновению мягких непарных аффрикат *dž', č'* и щелевого *š'*, которые присоединились к таким же результатам смягчения *г, к, х* перед гласными переднего ряда *e, ě, ĭ (ь), ĭ*. Слияние *ј* с предшествующим *с* также дало мягкое непарное *š'*, между тем как рефлексом *зј* стала совершенно новая для праславянского языка непарная мягкая фонема *ž'*, а сочетания *tј* и *dј* превратились уже после распада праславянского единства в новые звучания, различающиеся по отдельным подгруппам славянских языков и даже по отдельным языкам (вост.-сл. *ч, ж*, зап.-сл. *с, dz* и т. д.). Смягчению подвергались в позднепраславянский период и все согласные перед *e*, как и перед *ĭ*; это смягчение затем особенно усилилось в языках северной зоны — русском, белорусском и польском, в которых противопоставление твердых и мягких согласных достигло наибольших масштабов. Согласные *г, к, х* перед *ě*, возникшим в позднепраславянский период из дифтонга *oi*, превратились в непарные мягкие согласные *dž',*

с' и мягкое s' (на западе š'). Поскольку непарные мягкие согласные не противопоставляются никаким твердым согласным, они в большинстве славянских языков свою мягкость утратили. Общая склонность славянских языков к развитию мягких согласных могла быть обусловлена влиянием финно-угорского субстрата [Коломиец 1983, 82].

7. Общим для всех славянских языков типологическим признаком в области консонантизма является также деление имеющихся в них согласных фонем по месту образования на заднеязычные (g, k, x, γ, h, g' k', x'), среднеязычные (j), переднеязычные (d, t, z, s, dz, c, dž, č, ž, š, r, l, n, ř, d', t', z', s', dz', c', r', l', n') и губные (b, p, m, v, f, b', p', m', v', f'). Приведенные в скобках фонемы представлены в отдельных славянских языках не полностью. Это деление согласных, свойственное и большинству других языков мира, унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского.

8. Еще одним общим типологическим признаком славянских языков, касающимся согласных звуков, является деление всех имеющихся в них шумных согласных по участию голоса на глухие и звонкие (g — k, g' — k', γ/h — x, γ' — x', d — t, d' — t', z — s, z' — s', dz — c, dz' — c', dž — č, b — p, b' — p', v — f, v' — f'). Это деление, также свойственное большинству языков мира, унаследовано славянскими языками через праславянский из праиндоевропейского, в котором оно явилось, вероятно, результатом преобразования более древнего деления шумных согласных на сильные и слабые.

9. Наконец, к числу общих для всех славянских языков типологических признаков в области консонантизма принадлежит также деление шумных согласных по способу образования на три группы: взрывные (g, g', k, k', d, d', t, t', b, b', p, p'), щелевые (γ, γ', h, x, x', ž, š, z, z', s, s', v, v', f, f') и аффрикаты — шипящие и свистящие (dž, č, dz, dz', c, c'). Подобное деление свойственно и значительной части других языков мира⁴. В славянские языки деление на взрывные и щелевые (но без мягких согласных и без γ, h, ž, š, f) унаследовано через праславянский из индоевропейского, аффрикаты возникли частично в позднепраславянском языке в результате двух последовательных переходных палатализаций заднеязычных (ge > dž'e > > ž'e > že, ke > č'e > če, goi > gě > dzě > z'e, koi > kě > c'e), частично в отдельных славянских языках после распада праславянского единства путем дальнейших изменений унаследованных звуков (c' > c (кроме украинского); бр. п. вл. d' > dz', t' > c') или частично путем заимствования из неславянских языков (dž, dz) при сохранении подобных фонем в собственно славянских словах звукоподражательного характера, восходящих к нефонематическим возгласам.

⁴ Есть языки, в которых отсутствуют щелевые или тем более аффрикаты, но нет языков, которые не знали бы взрывных [Якобсон 100].

Внутриславянские типологические различия

Количество типологических различий между славянскими языками в области фонематики во много раз превышает количество общих для них типологических признаков. В настоящем исследовании учитываются только те различия, которые на данном этапе представляют определенный научный интерес.

1. Наиболее общий характер имеют обнаруживающиеся в области фонематики славянских языков количественные различия в их фонемном составе. Из всех славянских языков общее количество фонем оказывается одинаковым только в русском и словацком (по 41) и в словенском, чешском и сербохорватском языках (по 35), причем у последних двух языков совпадает также в отдельности количество гласных и количество согласных (по 10 и по 25 соответственно). В порядке убывающего количества фонем славянские языки располагаются следующим образом (необходимо иметь в виду, что мнения различных исследователей относительно точного количества фонем в отдельных славянских языках несколько расходятся, здесь приводятся наиболее обоснованные цифры; все фонемы даются в латинской транскрипции): украинский — 47 фонем (6 гласных и 41 согласная: a, e, y, i, o, u; r, r', l, l', m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, v', f, f', d, d', t, t', z, z', s, s', dz, dz', c, c', ž, š, dž, č, g, k, k', x, h; редко встречающиеся мягкие фонемы b', p', v', f', m', ž', č', š', k' некоторыми авторами не учитываются; гласный y (укр. и) иногда признается вариантом гласного i); болгарский — 45 фонем (6 гласных и 39 согласных: a, e, i, o, u, ъ; r, r', l, l', m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, v', f, f', d, d', t, t', z, z', s, s', dz, dz', c, c', ž, š, dž, č, g, g', k, k', x, x'); польский — 44 фонемы (8 гласных и 36 согласных: a, e, e, i, y, o, o, u, r, l, l, m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, v', f, f', d, t, z, z', s, s', dz, dz', c, c', ž, š, dž, č, g, g', k, k', x, x'; гласный y иногда признается вариантом гласного i); русский — 41 фонема (6 гласных и 35 согласных: a, e, i, y, o, u; r, r', l, l', m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, v', f, f', d, d', t, t', z, z', s, s', c, ž, š, č, g, g', k, k', x, x'; гласный y (ѣ) часто признается вариантом гласного i); словацкий — 41 фонема (14 гласных и 27 согласных: a, ā, e, i, o, u, ā, ē, ī, ō, ū, ía, íe, uo; r, l, l', m, n, n', j, b, p, v, f, d, d', t, t', ž, s, dz, c, ž, š, dž, č, g, k, x, h); белорусский — 40 фонем (6 гласных и 34 согласных: a, e, y, i, o, u; r, l, l', m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, v', f, f', d, t, z, z', s, s', dz, dz', c, c', ž, š, dž, č, g, k, γ, x; гласный y (ѣ) часть исследователей признает вариантом гласного i); верхнелужицкий — 39 фонем (7 гласных и 32 согласных: a, e, è, i, o, ô, u; r, r', ц, ц', l, m, m', n, n', j, b, b', p, p', v, f, d, t, z, z', s, c, c', ž, š, dz, dz', č, g, k, x, h); чешский — 35 фонем (10 гласных и 25 согласных: a, e, i, o, u, ā, ē, ī, ō, ū; r, l, m, n, n', j, b, p, v, f, d, d', t, t', z, s, c, ž, š, č, ř, g, k, x, h); сербохорватский — 35 фонем (10 гласных и 25 согласных: a, e, i, o, u, ā, ē, ī, ō, ū, r, l, l', m, n, n', j, b, p, r, f, d, t, z, s, c, ž, š, dž', č', g, k, x); словенский — 35 фонем (13 гласных и 22 соглас-

ных: а, е, і, ә, о, u, ā, ē, ê, I, ō, ô, ū; г, l, l', m, n, n', j, b, p, v, f, d, t, z, s, c, ž, š, č, g, k, x); македонский — 31 фонема (5 гласных и 26 согласных: а, е, і, о, u; г, l, l', m, n, n', j, b, p, v, f, d, t, z, s, dz, c, ž, š, dž, č, g, g', k, k', x). В целом группа славянских языков по признаку количественного состава фонем делится на две подгруппы — 7 языков многофонемных, насчитывающих от 47 до 39 фонем с разрывом 1—2 фонемы внутри подгруппы (украинский, болгарский, польский, русский, словацкий, белорусский, верхнелужицкий) и 4 языка малофонемных, насчитывающих от 35 до 31 фонемы (чешский, сербохорватский, словенский и македонский); разрыв между обеими подгруппами составляет три фонемы. Показательно, что к числу малофонемных языков принадлежат три из четырех языков, обладающих количественными различиями гласных (чешский, сербохорватский и словенский); четвертый — словацкий язык, перешедший в подгруппу многофонемных языков, значительно сократил (по сравнению с чешским языком) масштабы количественных противопоставлений гласных вследствие действия так называемого ритмического закона, по которому всякий долгий слог в позиции после другого долгого сократился (см. в разделе «Просодика»).

Количественные различия в фонемном составе отдельных славянских языков возникли после распада праславянского языка, главным образом, в результате упрощения в большинстве из них носовых гласных, сокращения в части языков долгих гласных и увеличения в части из них количества мягких согласных (подробнее об этом см. ниже).

2. В непосредственной генетической связи с рассмотренным общим типологическим различием славянских языков в области фонематики находится различие между отдельными славянскими языками в количественном соотношении гласных и согласных фонем. В этом плане расхождения между отдельными славянскими языками значительно превышают различия в общем количестве фонем. Относительное количество гласных фонем в украинском языке (самое низкое среди всех славянских языков — 6 из 47, т. е. 12,75 %) оказывается почти втрое меньшим, чем в языке с самым высоким относительным их количеством — словенском (13 из 35, т. е. 37,14 %). При этом четко выделяются две разные подгруппы славянских языков: с относительно малым количеством гласных фонем — украинский (12,75 %), болгарский (13,33 %), русский (14,64 %), белорусский (15 %), македонский (16,13 %), польский (18,6 %), верхнелужицкий (18,92 %) и с относительно большим количеством гласных фонем — чешский, сербохорватский (по 28,57 %), словацкий (34,15 %), словенский (37,14 %). Основа различия между двумя указанными подгруппами языков заключается в сохранении второй из них праславянских противопоставлений долгих и кратких гласных, между тем как в первой подгруппе эти противопоставления в различное время были утрачены (см. ниже).

Количественные соотношения гласных и согласных фонем в фонематическом составе различных славянских языков не соответствуют общей частотности гласных и согласных в текстах этих языков. Такое несоответствие объясняется неодинаковой частотностью отдельных фонем, входящих в фонематическую систему одного и того же языка.

Например, в украинском языке наряду с 28 согласными фонемами с высокой или средней частотностью в общую фонематическую систему входит еще 13 согласных фонем (b', p', v', m', k', ž', š', č', f, f', dz, dz', dž), которые в текстах встречаются исключительно редко; то же самое можно сказать о гласных фонемах ê, ô, включаемых в фонематическую систему словенского языка. Вместе с тем общая частотность гласных и согласных фонем в текстах различных славянских языков тоже неодинакова. По приближенным подсчетам (на материале художественной прозы) в текстах различных славянских языков на 100 гласных приходится от 118 до 153 согласных: в македонском языке 118, сербохорватском — 126, украинском — 129, болгарском — 132, русском — 135, белорусском и словенском — по 136, польском — 146, чешском — 148, верхнелужицком и нижнелужицком — по 151, словацком — 153. Таким образом, имеет место заметное различие между восточными и южными языками, с одной стороны, характеризующимися большей вокаличностью, и западнославянскими языками, тексты которых насыщены согласными в несколько большей степени.

Вокализм

3. Из типологических различий между отдельными славянскими языками в области вокализма на первое место по своей важности для общей фонологической структуры славянских языков выделяется различие между языками, сохранившими праславянское противопоставление кратких и долгих гласных (сербохорватский, словенский, чешский и словацкий), и языками, утратившими это различие (русский, украинский, белорусский, польский, серболужицкие, болгарский, македонский). Перечень кратких и долгих гласных фонем соответствующих языков приведен выше.

Как уже отмечалось, внутренним фактором устранения количественных различий гласных в славянских языках должно было стать развитие в них новых противопоставлений согласных по твердости — мягкости, поскольку одновременное наличие большого количества и гласных и согласных фонем в языке невозможно. В соответствующих языках долгие гласные сократились в основном уже к XIII ст. [Леков 1960, 54], носовые в польском — к XVI ст.

4. Характерное проявление типологических расхождений между отдельными славянскими языками в области вокализма составляют различия качественной природы гласных в части тех языков, которые имеют одинаковый их количественный состав. Так, из языков, имеющих по 6 гласных фонем, украинский (а также русский и белорусский, если признавать в них шестичленную систему вокализма) имеют гласные а, е, і, о, u, у, между тем как болгарский — а, е, і, о, u, ъ. Это отличие обусловлено различной судьбой праславянских гласных у, ъ, ъ в соответствующих языках: в отличие от восточнославянских языков, праславянский гласный у в болгарском языке, как и в других южнославянских, совпал с гласным і (см. ниже), между тем как праславянский сильный ъ в отличие от других славянских языков, сохранился в болгарском в виде особого гласного ъ, к которому присоеди-

нился и болгарский рефлекс праславянского носового *ǫ*. Таким образом, количественное равенство состава гласных в болгарском и восточнославянских языках явилось только случайным для количественного аспекта результатом качественно различных исторических процессов звукового развития этих языков. Что касается десятичных систем вокализма в чешском и сербохорватском языках, то они совпадают также и в качественном отношении, приблизительно отражая праславянское состояние этой большей части его вокализма.

5. В непосредственной связи с предыдущим различием находится различие между языками русским, украинским, белорусским, польским, обнаруживающими различные варианты гласного (передне-) среднего ряда среднего подъема *y* (р. бр. *ы*, укр. *и*), противопоставляемого гласному *i*, и остальными языками, не выделяющими такого гласного. По мнению большинства исследователей, в украинском языке этот гласный представляет собой отдельную фонему, отличную от фонемы *i* (ср. *хитрий* — *xid*, *гиря* — *gírka* при отсутствии здесь противопоставления *x* — *x'*, *h* — *h'*) [Сучас. укр. літ. мова 226—230; Нога́лек 134—135, и др.], в русском и белорусском языках эти звуки рассматриваются обычно как варианты одной и той же фонемы *i*, зависящие от твердости или мягкости предшествующих согласных, хотя некоторые авторы и здесь усматривают две разные фонемы [Гвоздев 11—12; Курс сучас. белар. літ. мовы 70—71], между тем как относительно фонологического статуса гласного *y* в польском языке мнения расходятся в большей степени [Zwoliński 52—60].

Как уже упоминалось, различия между славянскими языками, имеющими гласный *y* и не имеющими его, вызвано тем, что большинство славянских языков утратило различие гласных *y* — *i*, которое имело место в праславянском языке. В русском, белорусском и польском языках это различие непосредственно сохраняется в произношении, хотя место звука *y* в фонологических системах этих языков существенно изменилось: появление в этих языках ряда новых мягких согласных фонем, с которыми звук *y*, в отличие от *i*, не может вступать в сочетание, и способность этого звука сочетаться только с твердыми предшествующими согласными фонемами в значительной степени способствовали превращению его из особой фонемы в вариант фонемы *i*, хотя четкое осознание этого звука в качестве особой артикуляционно-акустической единицы, невозможность замены гласного *i* в суффиксах *-ik-*, *-ip-* и т. п. гласным *y* после твердых согласных производящих основ (*нос-ик*, *мам-ин*) и другие признаки сохраняют за звуком *y* характер основной фонемы. В украинском языке звук *y* (укр. *и*) не является прямым продолжением псл. *y*, а представляет собой результат совпадения псл. *i* с *y* (*synь*, *sinьjь* → *син*, *синій*) (подобно южнославянским языкам), который стал противопоставляться новому гласному *i*, возникшему из прасл. *ě* (*ѣ*) и из гласных *o*, *e* в новообразованных закрытых слогах (*конь* → *kinь*, *печь* → *pic*).

6. В значительном числе лексических основ и грамматических форм проявляется различие между польским языком, имеющим носовые гласные *ǫ*, *ę*, и остальными славянскими литературными языками, которым носовые гласные не свойственны. Это типологическое разли-

чие обусловлено тем, что праславянские носовые гласные *ǫ*, *ę*, восходящие к индоевропейским дифтонгическим сочетаниям гласных *e*, *o* (*a*), *i*, *y* с носовыми согласными *m*, *n*, были утрачены подавляющим большинством славянских языков примерно в течение первых трех столетий после распада праславянского единства, между тем как в польском языке и в некоторых говорах македонского языка носовой характер этих гласных до сих пор сохраняется. При этом качественный характер польских носовых гласных *ǫ* (п. *ą*), *ę* не соответствует непосредственно псл. *ǫ*, *ę*, так как в польском языке праславянские долгие носовые около XV в. совпали в едином долгом носовом *ā*, который затем в XVI ст. изменился в *ǫ*, между тем как краткие носовые *ǫ*, *ę* совпали в едином кратком *ą*, который затем изменился в *ę*. Что касается носовых гласных македонских говоров, то они в IX—XI вв. еще были распространены в древнеболгарском языке значительно шире, о чем свидетельствует последовательное отражение их в памятниках древнеболгарского языка в виде старославянских букв *ѣ* и *а*. Сохранение носовых гласных в этих славянских языках может быть объяснено их периферийным положением относительно основного территориального массива славянских языков и ранним отделением их от этого массива, в котором продолжались дальше общеславянские процессы фонетического развития, в том числе процесс деназализации носовых согласных.

7. С предыдущим различием непосредственно связано различие между отдельными славянскими языками в характере гласных, соответствующих п. *ǫ*. Болгарский язык в этих случаях имеет *ѣ* (п. *таѣ*, болг. *мѣж*), македонский — *a* (*маж*), словенский — *o* (*mōž*), остальные славянские — *u* (р. укр. бр. *муж*, ч. слц. вл. нл. *muž*, схв. *mūж*). Это различие вызвано хронологической неравномерностью изменений носовых гласных на различных частях территории распространения позднепраславянского языка. Ближе к первоначальной территории славянской прародины (южная часть современной Белоруссии) носовой *ǫ* рано начал изменяться в *u* (как и носовой *ę* — в *ā*), между тем как к западу и к югу от этой территории носовые гласные сохранялись дальше и лишь впоследствии в болгарских, македонских и словенских говорах носовой *ǫ* совпал с рефлексом псл. *ѣ* в сильной позиции (болг. *ѣ*, м. *a*, слн. *o*). Что касается соответствий п. *ę*, то они во всех славянских языках представляют собой варианты чистых гласных *e*, *a*, восходящих к единому *ā* (р. *пяць*, укр. *n'ять*, бр. *пяць*, ч. *pět*, *patý*, слц. *pāt'*, вл. *pješ*, *pjaty*, болг. м. *пет*, схв. *pēt*, слн. *pēt*). Это различие в степени вариативности соответствий двум польским носовым гласным по отдельным славянским языкам (однородность соответствий *ę* и разнородность соответствий *ǫ*) составляет замечательную параллель к различию в степени вариативности двух беглых гласных в славянских языках — переднего и заднего ряда.

8. Основная линия различий между славянскими языками в качественном характере беглых гласных проходит по вариантам одного из этих гласных, отраженного в восточнославянских языках как *o* (р. укр. бр. *сон* — *сна*, *снү*, *каток* — *катка*), в западнославянских как *e* (п. ч. слц. *sep* — *snu*) и как *o* (вл. *són* — *snu*, нл. *soñ* — *sní*, слц. *boška*), в словацком также *a* (*dážd'*, *mach*), в болгарском — как

ѣ (*сън* — *съница*, гласный не выпадает; *зъл* — *зли*), в македонском — как *о* (*сон* — *сновидение*), в сербохорватском — как *а* (*сѣн* — *снѣ*) и в словенском — как долгое *ā* или краткое *e* (*māh* «мох», *sen* — *spa*). Разнообразие вариантов этого беглого гласного по отдельным славянским языкам (*e*, *o*, *a*, *ѣ*) объясняется, во-первых, его происхождением из праславянского редуцированного гласного ѣ, отличавшегося весьма неопределенным качественным характером, при котором он мог быть в одинаковой степени сближен с любым открытым кратким гласным, и, во-вторых, длительностью процесса вокализации сильных редуцированных, начавшегося еще в конце праславянского периода, а завершившегося уже в условиях самостоятельного существования отдельных славянских языков. Другой беглый гласный почти во всех славянских языках, за исключением сербохорватского и, частично, словенского, имеет одинаковый качественный характер *e* (р. *день* — *дня*, *конец* — *конца*, укр. *день* — *дня*, *кінець* — *кінця*, бр. *дзень* — *дня*, *канец* — *канца*, п. *dzień* — *dnia*, *koniec* — *końca*, ч. *den* — *dne*, *kopec* — *kopce*, слц. *deñ* — *dnia*, *koniec* — *konca*, вл. *dzień* — *dnja*, нл. *zeñ* — *dña*, болг. м. *ден* — *дни*, *конец* — *конци*). Это объясняется происхождением данного беглого гласного из праславянского редуцированного ѣ, который был, по-видимому, наиболее близок к краткому закрытому *e*. В сербохорватском языке этот беглый гласный, как и первый, имеет звуковой характер *a* (*дѣн*, *кѣнац*), в словенском — частично *a*, частично *e* (*dān*, *kōpec*). Эти отличия объясняются тем, что в сербохорватском и словенском языках редуцированный ѣ, к которому восходит второй беглый гласный, в процессе вокализации совпал с редуцированным ѣ, вместе с которым дал одни и те же общие рефлексy.

Консонантизм

9. В области консонантизма наиболее общий характер имеют различия между отдельными славянскими языками в количестве согласных фонем. В целом славянские языки по количественному составу консонантизма делятся на две подгруппы — с относительно большим количеством согласных (украинский, болгарский, белорусский, русский, польский — от 41 до 35 согласных) и с относительно малым количеством согласных (словенский, сербохорватский, чешский, македонский, словацкий, серболужицкие — от 22 до 30 согласных). Это деление в значительной степени совпадает с делением славянских языков на две подгруппы по количественному составу гласных и имеет в основном общие с ним причины.

10. По особенностям функционирования сонорных согласных различаются, с одной стороны, чешский, словацкий, македонский, сербохорватский и словенский языки, в которых *г* и (за исключением македонского и словенского языков) *л* могут выполнять слогаобразующую функцию, как это было в праславянском языке, и, с другой стороны, остальные славянские языки, которые утратили эту особенность на различных этапах развития после распада праславянского единства.

11. Центральным типологическим различием в области консонантизма, от которого зависит ряд других различий, в том числе и касающееся общего количества согласных, являются отличия в количественном составе мягких согласных: русский язык имеет 15 пар (коррелирующей) твердых и мягких согласных (*г*, *г'*, *л*, *л'*, *м*, *м'*, *н*, *н'*, *б*, *б'*, *р*, *р'*, *в*, *в'*, *ф*, *ф'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *з*, *з'*, *с*, *с'*, *г*, *г'*, *к*, *к'*, *х*, *х'*), 3 некоррелирующих твердых (*џ*, *ѣ*, *ц*) и 4 некоррелирующих мягких (*џ'*, *ѣ'*, *ц'*, *й*); украинский — 18 пар (*г*, *г'*, *л*, *л'*, *м*, *м'*, *н*, *н'*, *б*, *б'*, *р*, *р'*, *в*, *в'*, *ф*, *ф'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *з*, *з'*, *с*, *с'*, *џ*, *џ'*, *ѣ*, *ѣ'*, *ц*, *ц'*, *дз*, *дз'*, *с*, *с'*, *ѣ*, *ѣ'*, *к*, *к'*), 4 твердых (*dz*, *g*, *h*, *x*) и 1 мягкий (*j*); болгарский — 17 пар, 4 твердых (*џ*, *ѣ*, *dџ*, *ѣ*) и 1 мягкий (*j*), белорусский — 11 пар, 11 твердых (*г*, *д*, *т*, *џ*, *ѣ*, *dџ*, *ѣ*, *г*, *к*, *ч*, *х*) и 1 мягкий (*j*), польский — 14 пар, 7 твердых (*г*, *д*, *т*, *џ*, *ѣ*, *dџ*, *ѣ*) и 1 мягкий (*j*), верхнелужицкий — 9 пар, 12 твердых (*в*, *ф*, *д*, *т*, *с*, *џ*, *ѣ*, *г*, *к*, *х*, *х*) и 2 мягких (*l*, *j*), сербохорватский — 4 пары (*л*, *л'*, *н*, *н'*, *ѣ*, *ѣ'*, *dџ*, *dџ'*), 16 твердых и 1 мягкий, словацкий — 4 пары (*л*, *л'*, *н*, *н'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*), 18 твердых и 1 мягкий, македонский — 4 пары (*л*, *л'*, *п*, *п'*, *г*, *г'*, *к*, *к'*), 19 твердых и 1 мягкий, чешский — 3 пары (*п*, *п'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*), 18 твердых и 1 мягкий, словенский — 2 пары (*л*, *л'*, *п*, *п'*), 17 твердых и 1 мягкий. Эти различия возникли после распада праславянского единства, когда твердость и мягкость согласных перестала зависеть исключительно от места артикуляции следующих за ними гласных. Четкое противопоставление в этом отношении восточнославянских, польского и болгарского языков, с одной стороны, как языков с относительно большим количеством мягких согласных, остальным славянским языкам, которые имеют сравнительно мало мягких согласных, может быть объяснено продолжавшимся воздействием финно-угорского субстрата. Распространение такого противопоставления на болгарский язык было обусловлено дополнительными факторами.

12. Характерное типологическое противопоставление различных славянских языков сформировалось на основе наличия или отсутствия в них щелевого согласного *h* или *γ*. По этому признаку выделяются, с одной стороны, украинский, чешский, словацкий, верхнелужицкий языки, которые имеют фарингальный согласный *h* (соответствующий смычному *g* в других славянских языках), а также белорусский язык, южнорусские говоры и отдельные говоры сербохорватского и словенского языков, которые имеют в этих случаях заднеязычный щелевой согласный *γ*, и, с другой стороны, русский язык (кроме южнорусских говоров), польский, нижнелужицкий и все южнославянские (кроме отдельных сербохорватских и словенских говоров), которые в соответствующей роли имеют только взрывной согласный *g*. Звук *h*, который появился на месте унаследованного из праславянского языка *g*, и сводится к ие. *g*, *g^h*, *g^h*, образует на праславянской языковой территории большую полосу, которая пересекает эту территорию посередине с востока на запад. Поскольку в фонологических структурах славянских языков сразу же после их выделения из праславянского языка не было никаких внутренних предпосылок, которые могли бы привести к замене в части из них унаследованного согласного *g* согласным *h*, а такая замена произошла в нескольких смежных языках на

сплошной территории, имеются все основания считать, что эта замена явилась результатом действия субстрата — непосредственно какого-то одного языка, который был распространен на соответствующей территории до заселения ее славянами, или нескольких языков, в свою очередь испытавших на себе действие единого более древнего субстрата. Заднеязычный γ в белорусском языке и южнорусских говорах является, по-видимому, результатом вторичного влияния восточнославянских (протоукраинских) говоров с h на говоры с g . По мнению В. И. Абаева, звук h в славянских языках представляет собой проявление скифо-сарматского субстрата [Абаев 1965, 41—52]. Менее убедительным представляется объяснение h из g как результата внутриславянских фонетических процессов [Kotárek 1983].

13. С точки зрения наличия или отсутствия звонких аффрикат современные славянские языки делятся на две подгруппы: одна из них, в состав которой входят языки украинский, белорусский, польский, словацкий, верхнелужицкий, болгарский, македонский и сербохорватский, имеет звонкую шипящую аффрикату $d\check{z}$ (некоторые из языков этой подгруппы — украинский, польский, словацкий, болгарский и македонский — имеют также свистящую твердую аффрикату dz , а часть из них — украинский, белорусский, польский, болгарский — мягкую $d\check{z}'$ или — сербохорватский — $d\check{z}'$); вторая подгруппа (языки русский, чешский, нижнелужицкий, словенский) звонких аффрикат в функции самостоятельных фонем не имеет. Твердые аффрикаты $d\check{z}$ и dz появились в славянских языках как результаты усвоения их в составе заимствований из других языков, для которых они характерны, а также как последствия фонологизации соответствующих согласных в составе звукоподражательных слов. Мягкая аффриката $d\check{z}'$, как и схв. $d\check{z}'$, вл. dz' , возникла преимущественно путем видоизменения согласной фонемы d' .

14. По признаку наличия особой комбинированной согласной фонемы дрожаще-шипящей артикуляции \check{r} чешский язык противопоставляется всем другим современным славянским языкам, которые этой фонемы не имеют. Чешское \check{r} является результатом переходного смягчения фонемы r перед гласными переднего ряда и бывшим j . Аналогичная фонема такого же происхождения в прошлом была свойственна также польскому, в котором она упростилась в \check{z} , \check{s} , и (после взрывных) серболужицким языкам (теперь вл. \check{s} , нл. \check{s}'). Возможно, что переход псл. r' в \check{r} в этих западнославянских языках, который начался еще до завершения метатезы $tert > tr\check{e}t$ [Kotárek 337], был вызван действием субстрата.

ПРОСОДИКА

Общеславянские явления

1. Наиболее общим просодическим признаком, характеризующим все славянские языки, как и все языки мира, является универсальный признак деления в них практически всех слов (кроме согласно-однотонемных) на слоги. Как уже упомянуто выше, этот признак славян-

ские языки унаследовали через праславянский из индоевропейского, в котором слоги современного типа развились на основе первоначальных силлабофонема (стр. 28).

2. Общим для всех славянских языков признаком слога является отсутствие обязательного соответствия между границами слогов и границами морфем в рамках многосложных слов. Ср. р. *са-д/о-а/ый*, укр. *ко-с/а-р/и*, бр. *ве-сл/а-ва/ць*, п. *ра-п/о-ва/ѐ*, ч. *ii-d/ě*, слц. *ko-v/áč*, вл. *kto-n/i/č*, нл. *ко-р/а/š*, болг. *с/ло-м/я*, м. *ми-л/ост*, схв. *нд-ж/и-ц/а*, слн. *slé-p/ec*. Вместе с большинством других языков мира славянские языки отличаются по этому признаку от языков типа китайского или вьетнамского, в которых границы слогов, как правило, совпадают с границами морфем [Маслов 1975, 81]. Расхождение между границами слогов и границами морфем унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского, в котором оно явилось результатом длительных процессов звуковой редукции и переразложения морфем, вначале совпадавших со слогами.

3. Общим свойством звуковой структуры слога в славянских, как и во всех других языках мира, является наличие в нем слоговой вершины, образуемой слогаобразующим звуком, и периферии, состоящей из звуков, сопутствующих слогаобразующему звуку, т. е. предшествующих ему и следующих за ним, причем периферия может быть и не представлена никаким звуком, т. е. слог может состоять из одного слогаобразующего звука. В связи с этим в каждом славянском языке имеют место как слоги закрытые, т. е. оканчивающиеся неслогообразующими согласными (независимо от наличия или отсутствия согласных перед вершиной слога), так и слоги открытые, т. е. оканчивающиеся слогаобразующим звуком. Ср. р. *о-бе-ден-ный*, укр. *на-у-ко-вець*, бр. *а-га-лиць*, п. *u-dat-ny*, ч. *o-bag-ve-ní*, слц. *u-chvá-tit'*, вл. *o-pi-um*, нл. *a-ra-gat*, болг. *у-би-вам*, м. *о-др-пан-ко*, схв. *у-нр-кос*, слн. *o-tr-peč*. Вместе с большинством других языков мира, которым свойственны как открытые, так и закрытые слоги, современные славянские языки отличаются по этому признаку от отдельных языков мира (напр., японского), знающих только (или в основном) открытые слоги. В частности, таким языком с исключительно открытыми слогами был праславянский, от которого произошли все современные славянские языки. Изменение многих открытых слогов в закрытые произошло в славянских языках после распада праславянского единства в результате исчезновения слабых редуцированных гласных \check{y} , \check{y} , которые, как и другие гласные, составляли вершину открытых слогов [Бернштейн 257—258; Вступ 86].

4. Все славянские языки обнаруживают общность и в основных разновидностях количественного состава неслогообразующих звуков, образующих периферию слога — от нуля до трех согласных перед слогаобразующим звуком и от нуля до трех согласных после слогаобразующего звука. Ср. р. *и-ду, вид, свить, страсть, холст*; укр. *о-дин, крам, струм, метр, шерсть*; бр. *у-биць, грузд, здрок, пункт*; п. *о-вос, bryzg, strach, tekst*; ч. *i-hned, bunt, vzmach, in-stinkt*; слц. *u-brat', kost', skrat, punkt*; вл. *a-kord, tak, stolp, spław, in-stinkt*; нл. *e-go-izm, koł, grod, stro-na, tekst*; болг. *а-скет, ден, гру-бост, здрав, карст*;

м. *о-ба-гри, ин-стру-мент, сфинкс*; схв. *ѣ-кор, дрѣд, згрѣ-да, ин-стинкт*; слн. *o-bět, zbōg, pást, zbrán, tékst*. Эти разновидности унаследованы славянскими языками через праславянский из индоевропейского, в котором явились результатом редукции нефонематического гласного призвука, первоначально сопровождавшего произношение каждого согласного звука. В сербохорватском языке в соответствии с периферийными конечными двухсогласными сочетаниями других славянских языков иногда выступают целые слоги с гласным *a* между соответствующими согласными (ср. р. *мо-мент* — схв. *мѡ-мент* и *мѡ-ме-нат*; р. *метр* — схв. *мѣ-тар*).

5. Общим для всех славянских языков просодическим признаком, касающимся фонетической структуры слова, является наличие в них служебных слов, которые не содержат слога: р. *в, к, с, б, ж, ль*; укр. *в, з, к, б, ж, ъ* как позиционный вариант *i*; бр. *б, ж, з, к, ѱ* как позиционный вариант *y*; п. *w, z*; ч. слц. *k, s, v, z*; вл. нл. *k, z*; болг. *в, с*; м. *с*; схв. *к, с*; слн. *k, h, s, z, v*. С фонетической точки зрения такие морфемы не составляют слова, а являются лишь элементами фонетического слова, в состав которого они входят в качестве проклитик или энклитик. Это редко встречающееся в языках мира явление (ср. фр. *j'achète, l'amí* и т. п.) возникло в славянских языках после их разделения в результате исчезновения редуцированного гласного *ъ*, который являлся в соответствующих словах носителем слога.

6. Все славянские языки обладают широким диапазоном звукового объема (длины) слов, которые могут содержать в себе от одного до десяти и больше слогов. Ср. р. *дом, домоуправление, агролесомелиоративного*; укр. *ліс, лісозаготівельниками, інтернаціоналізованого*; бр. *сад, садоўнік, електракардыяграфічнага*; п. *wóz, wozownia, antymaterialistycznego*; ч. *kov, kovadlina, radiotelekomunikace*; слц. *dub, dúbravina, kontrarevolucionárami*; болг. *род, родителски, антиимпериалистически* и т. д. Средняя длина слова заметно возросла в современных славянских литературных языках в результате образования новых сложных слов и заимствований их из западноевропейских языков.

7. Все славянские языки характеризуются наличием противопоставления ударных и безударных слогов. Эта черта унаследована славянскими языками через праславянский из индоевропейского.

Межъязыковые различия

1. По характеру слогаобразующих фонем различаются, с одной стороны, чешский, словацкий, македонский, сербохорватский и словенский языки, в которых наряду с гласными фонемами слогаобразующую роль выполняют также сонорные *г* и *л* (в македонском и словенском только *г*) и остальные славянские языки, в которых слоги при нормальном темпе речи без участия гласных фонем не образуются (ср. с. 28).

2. По количеству периферийных компонентов слога болгарский и сербохорватский языки, в которых количество согласных перед сло-

гообразующим гласным не превышает трех, противостоят остальным славянским языкам, допускающим в этой позиции четыре согласные. Ср. р. *вспрыгнуть, вздрогнуть*; укр. *встромити, вздріти*; бр. *я ўстрою, я ўздрыгнуў* (*ў* как позиционный вариант гласного *y*); п. *wstręt, wzdwoić, pstry, źdźbło*; ч. *vskrytu, vzkládat, pstruh*; слц. *vstrelit', vzpruha, vzhl'ad, pstruh*; вл. *pstruha, pstruhačk*; нл. *pstšuga*; м. *встра-на*; слн. *vstrán, vzdrámiti, vzgléd, vzklíti*.

3. Восточнославянские и польский языки, в которых количество согласных в слове после слогаобразующего гласного может достигать четырех (а в русском и украинском даже пяти), противостоят остальным славянским языкам, не допускающим в этой позиции более трех согласных. Ср. р. *свойств, сходств, монстр, агентств, интендантств*; укр. *верств, звірств, агентств, інтендантств*; бр. *царств, агенцтв, монстр*; п. *warstw, ziemstw*.

4. Польский, чешский, словацкий, серболужицкие и македонский языки, характеризующиеся постоянным местом ударения в каждом многосложном слове на одном и том же слове от начала или от конца слова (чешский, словацкий и серболужицкие — на первом слове, польский — на предпоследнем, македонский — на третьем от конца), противостоят остальным славянским языкам, в которых ударение имеет свободный и подвижный характер. Ср. р. *подвиг, подвижник, подвигать*; укр. *віхід, виходити, вихідний*; бр. *дзэсяці, дзэсятка, дзэсяці*; болг. *кожа, кожѱх, кожухѱр*; схв. *закуп, закупити, закупль-вати*; слн. *grōza, groziti, grozovit*. Различие объясняется тем, что в западнославянских языках после их выделения из праславянского ударение с конечных слогов переместилось на предпоследние, а затем (кроме польского языка) на начальные. В македонском языке ударение закрепилось на третьем слове, по-видимому, в результате общего перемещения на один слог ближе к началу (как в штокавских говорах сербохорватского языка).

5. По качественному характеру словесного ударения сербохорватский и словенский языки, в которых ударение имеет музыкальный характер, противостоят остальным славянским языкам, обнаруживающим силовое ударение (иктус). Различие обусловлено тем, что большинство славянских языков после их выделения из праславянского движение тона при словесном ударении утратили.

6. Из двух языков, характеризующихся музыкальным ударением, сербохорватский литературный язык имеет четыре слоговых интонации: долгую восходящую (*беда, глава, бадати* «колоть», *калати* «разрезать»), краткую восходящую (*сестра, гласати* «голосовать», *камень* «камни»), долгую нисходящую (*гляд* «голод», *лѣс, лѣк, тѣло*) и краткую нисходящую (*баба, сећи* «резать», *пйти, плзити* «ползать»), — между тем как словенский литературный язык (как и чакавские говоры сербохорватского) обнаруживает три интонации: долгую восходящую (*mōre* «море», *zōb* «зубов», *poglēda* «взгляда», *mlátiš*), долгую нисходящую (*mōra, zōb* «зуб», *drūg, sīn, poglēda* «поглядывает») и краткую нисходящую (*stezā, brāt, dim, vāš*). При этом наряду с различием в количественном составе интонаций между обоими языками имеет место и качественное различие в их характере. Если в сербо-

хорватском языке интонации характеризуются плавным повышением или понижением тона на протяжении произносимого ударенного слога, то в словенском языке краткая интонация представляет собой простое динамическое ударение (иктус), между тем как долгая восходящая состоит из первой безударной моры и второй ударенной, а долгая нисходящая — из первой ударенной и второй безударной. Различия в составе и характере слоговых интонаций между сербохорватским (штокавским) и словенским литературным языком объясняются неодинаковой трансформацией в этих языках слоговых интонаций долгих и кратких слогов праславянского языка.

Фонетические особенности, по которым одни славянские языки противостоят другим, образуют изоглоссы и пучки изоглосс, объединяющие отдельные славянские языки в различные группировки. Наиболее крупный пучок изоглосс (в количестве трех) объединяет восточнославянские и польский язык (наличие гласного *ы* (*y*), относительно большое количество согласных и возможность 4—5 согласных в конце слога). Две изоглоссы объединяют чешский, словацкий, сербохорватский и словенский языки (относительно большое количество гласных и наличие долгих гласных).

Одна изоглосса охватывает восточнославянские, польский и болгарский языки (относительно большое количество мягких согласных). Одной изоглоссой с восточнославянскими языками объединяются серболужицкие и македонский языки (наличие беглого *o*).

Украинский, белорусский и частично русский языки объединяются с чешским, словацким и верхнелужицким наличием в них щелевого *h* (*γ*).

Западнославянские и македонский языки объединяются одной изоглоссой по признаку постоянного ударения. Одна изоглосса объединяет македонский, сербохорватский и словенский языки с чешским (относительно малое количество фонем) и одна — те же македонский, сербохорватский и словенский с чешским и словацким (наличие слоговых сонорных).

Польский язык противостоит всем остальным наличием в нем носовых гласных, чешский — всем остальным наличием согласного *ř*, болгарский — всем остальным наличием гласного *ѝ*; болгарский и сербохорватский отличаются от всех остальных невозможностью больше чем трех согласных в начале слога, сербохорватский и словенский — музыкальным характером ударения.

Отдельные языки, принадлежащие к трем традиционно выделяемым подгруппам, — русский, чешский, нижнелужицкий и словенский — объединяются одной изоглоссой по признаку отсутствия в них звонких аффрикат.

Таким образом, из трех традиционно выделяемых подгрупп славянских языков по фонетическим признакам типологического характера наиболее часто (в шести случаях) объединяются одной изоглоссой восточнославянские языки (обычно с польским и часто с некоторыми другими).

Подавляющее большинство общих для современных славянских языков фонетических признаков оказывается характерным и для многих (а некоторые из них и для всех) других языков мира. Только три из названных здесь 13 общих фонетических признаков славянских языков — наличие слов, не составляющих слогов, наличие беглых гласных и противопоставление твердых и мягких согласных фонем — встречаются в других языках не так часто, как остальные 10 признаков. Эти три признака, как и более обычный для всех языков мира признак наличия аффрикат, возникли в славянских языках в конце праславянского периода и на начальном этапе развития отдельных славянских языков. Остальные общие фонетические признаки славянских языков унаследованы ими через праславянский язык из индоевропейского.

Все типологические различия между разными славянскими языками в области фонетики возникли в результате неодинакового исторического развития отдельных славянских языков после распада праславянского единства: изменения определенных унаследованных фонетических признаков в одной части языков при сохранении их неизменными в другой части или неодинаковых по своим результатам изменений соответствующих признаков в каждом славянском языке. Большинство этих изменений было вызвано действием внутренних факторов развития каждого языка, которые лишь в конечном счете могли быть обусловлены в отдельных случаях действием субстрата, но часть соответствующих изменений — касающаяся по меньшей мере четырех из отмеченных 15 типологических противопоставлений между разными славянскими языками — была вызвана непосредственным влиянием субстрата.

На словообразовательном уровне наблюдается относительно большое количество типологических черт, общих для всех славянских языков. Это объясняется, с одной стороны, значительной устойчивостью словообразовательных средств и приёмов, восходящих к праязыку и сохраняющихся в течение веков, с другой стороны, — тем, что в интенсивном межславянском процессе заимствования слов и калькирования обычно заимствуются из языка в язык или калькируются все **свойственные** соответствующим словам словообразовательные особенности.

1. К числу словообразовательных признаков, общих для всех славянских языков, принадлежит прежде всего деление всех слов на корневые (непроизводные, словообразовательно немотивированные) и производные (мотивированные). Этот признак унаследован всеми славянскими языками через праславянский из индоевропейского. Однако принадлежность одних и тех же слов к числу корневых или производных на различных этапах исторического развития не оставалась неизменной. На более ранних этапах корневые слова конкретной семантики путём слияния с некоторыми корневыми словами, получившими более отвлечённую семантику, превращались в производные **аффиксальные образования**. На более поздних этапах отдельные аффиксы производных слов стирались, превращаясь в распространители корней и сливаясь с корнями, или же переходили в состав окончаний, переводя слово и в том и в другом случае из разряда производных в разряд простых. Так, суффикс *-og-* в слове *riogъ* слился с деэтимологизировавшимся корневым *rig-*, а суффикс глагольной основы *-i-* в словоформах типа псл. *hodiši*, *posite* превратился на почве отдельных славянских языков в компонент окончаний *-iš-*, *-ite*, оставив перед собой в основе простой глагольный корень.

2. Во всех славянских языках активно используется четыре основных способа словообразования: аффиксация (в виде префиксации, суффиксации и постфиксации типа *могъшься*, *какой-то*), конверсия (в виде конверсии основ типа *подносить* — *поднос*, *золото* — *золотой* и конверсии морфологических форм, т. е. превращения отдельной грамматической формы одного слова в другое слово с отличным лексическим значением, напр., *верхом*), аббревиация (в виде инициальных и слоговых аббревиатур) и сложение (в виде основосложения и словосложения, или сращения). При этом для всех славянских языков ха-

риктерно преобладание определённых способов словообразования или их разновидностей в отдельных частях речи. Так, аффиксация наиболее широко используется в именах существительных, прилагательных и глаголах, менее последовательно в именах числительных и наречиях и лишь в виде исключения в местоимениях. Из разновидностей аффиксации суффиксация свойственна всем перечисленным частям речи, префиксация заметно преобладает в глаголах и сравнительно редко встречается в именах существительных и прилагательных. Конверсия основ охватывает все части речи, между тем как конверсия грамматических форм имеет место только в наречиях. Аббревиация свойственна в принципе только именам существительным, между тем как все имена прилагательные, обнаруживающие элементы аббревиации, являются суффиксальными производными от аббревиатур-существительных. Сложение свойственно всем частям речи, но в наибольшей степени именам существительным и в наименьшей степени глаголам.

Названные словообразовательные приемы формировались в различные периоды развития языка и имеют различное происхождение. Наиболее древним, унаследованным через праславянский язык из индоевропейского, является способ суффиксации. Он возник в раннеиндоевропейский период в результате превращения самостоятельных лексических элементов наиболее отвлечённой семантики в суффиксы, которые затем стали регулярно использоваться при образовании новых производных слов по образцам уже имеющихся. Префиксация развилась в период распада индоевропейского праязыка и выделения из его состава праславянского языка, в котором бывшие отдельные слова индоевропейского языка типа наречий-предлогов стали постепенно закрепляться за началом глагольных, изредка также именных, основ, превращаясь таким образом в префиксы. Способ постфиксации возник в период раздельного существования славянских языков после их выделения из праславянского, когда отдельные слова, как правило, местоименного характера типа *to*, *si*, *se* начали закрепляться за конечной частью слов определённых частей речи, превращаясь тем самым в постфиксы. Способ сложения, характерный главным образом для именных частей речи, возник ещё в индоевропейском праязыке, но отдельные его разновидности появлялись и позже в праславянском (например, образование сложных прилагательных) и в отдельных славянских языках. Способ конверсии возник после распада праславянского языка, причём не как прямое проявление развития словообразования, а как результат перераспределения и стирания суффиксальных элементов глаголов и имён существительных. Так, отношение конверсии в приведённых выше примерах возникло вследствие перехода суффикса глагольной основы *-i-* к окончанию и исчезновения тематического гласного *-o-* в именах существительных. Способ аббревиации возник в славянских языках совсем недавно — в XIX в. — и особенно развился в XX в., распространяясь в значительной степени путём калькирования и, реже, прямого заимствования.

3. **Свойственными** всем славянским языкам являются также основные словообразовательные аффиксы вместе с их структурными

функциями — префиксы и суффиксы — различные в разных частях речи. Хотя наличие одинаковых аффиксов во всех славянских языках является прежде всего результатом генетической связи языков, по своим структурным функциям эти аффиксы принадлежат к области типологии. Более подробно общность словообразовательных аффиксов и образуемых ими словообразовательных типов рассматривается дальше в связи с отдельными частями речи.

4. Еще одной словообразовательной особенностью, общей для всех славянских языков, является широкая морфонологическая вариативность мотивированных и мотивирующих основ типа р. *нога* — *ножка*, *рука* — *ручной*, *бег* — *бежать*, *поместить* — *помещение*, *светить* — *свеча* и др.; ср. укр. *рука* — *ручний*, бр. *рука* — *ручны*, п. *reka* — *rečny*, ч. *ruka* — *ručný*, сл. *ruka* — *ručný*, вл. *ruka* — *ručny*, болг. *ръка* — *ръчен*, м. *рака* — *рачен*, схв. *рука* — *ручны*, слн. *goka* — *gočen*. Эта особенность унаследована славянскими языками из праславянского, в котором она возникла как следствие различных фонетических процессов — переходного смягчения заднеязычных, звукового изменения сочетаний *tj*, *kt'*, *dj* и др.

Поскольку для отдельных частей речи характерны свои словообразовательные особенности, большинство общих для всех славянских языков словообразовательных признаков обнаруживается именно в рамках отдельных частей речи. Поэтому дальнейшее рассмотрение общих для всех славянских языков словообразовательных признаков будет продолжено в разделах, посвященных словообразованию отдельных частей речи. В этих же разделах рассматриваются и основные типологические различия в словообразовании славянских языков.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Словообразование имен существительных в славянских языках отличается наибольшим богатством словообразовательных способов и средств по сравнению со всеми остальными частями речи. Как и в других частях речи, общие для всех славянских языков типологические черты словообразования имен существительных преобладают над имеющимися здесь частными различиями. Ввиду особого разнообразия материала типологические признаки имен существительных рассматриваются дальше в ряде случаев не по отдельным словообразовательным типам, а по более общим словообразовательным классам, включающим в сопоставляемых языках одни и те же типы.

Общеславянские явления

1. Для словообразования имен существительных в славянских языках характерны все четыре способа словообразования, перечисленные выше (аффиксация, конверсия, сложение и аббревиация), являющиеся общими для славянских языков. О происхождении этих способов также уже говорилось.

2. В области аффиксации имен существительных общим для всех славянских языков является значительное преобладание суффикса-

ции над префиксацией и полное отсутствие постфиксации. Обычные в именах существительных префиксы типа р. *до-*, *за-*, *на-*, *по-*, *при-* и т. д. возможны только в существительных отглагольных и являются средствами словообразования не существительных, а мотивирующих их глаголов (ср. р. *добавка* — *добавить*, *заработок* — *заработать*, *насыпка* — *насыпать*, *полет* — *полететь*, *приказ* — *приказать*; укр. *дописка* — *дописать*, *завершения* — *завершити*, *наказ* — *наказати*, *покидьки* — *покидати*, *прибуток* — *прибути*; п. *wybraniec* — *wybgać*, *dodatek* — *dodać*, *zabawa* — *zabawić*, болг. *довереност* — *доверя*, *забележка* — *забележа*, *избавител* — *избавя* и т. д.). Собственно именными являются лишь немногочисленные и сравнительно редко встречающиеся префиксы имен существительных, соответствующие р. *на-*, *пра-*, *су-*, *сверх-*, *под-*, *пред-*, *анти-*, *архи-*, *контр-*, *супер-*, *ультра-*, *экстра-*, *мета-* (ср. р. *насынок*, *прадед*, *сустав*, *сверхзадача*, *подпрограмма*, *архиплут*, *контрмера*, *экстракласс* и др.). Преобладание суффиксации над префиксацией в словообразовании имен существительных унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского. Поэтому такое преобладание свойственно и всем остальным индоевропейским языкам в отличие, например, от картвельских, где префиксация имен существительных почти в такой же степени обычна, как и суффиксация, или языков банту, где она в значительной степени преобладает над суффиксацией [Чикобава 30; Реформатский 264; Яковлева 14—30 и др.]. Отсутствие постфиксации у имен существительных славянских языков объясняется путями исторического развития славянского словообразования в период после распада праславянского единства, когда формирование постфиксов, охватившее в основном местоименные, наречные и глагольные формы, на имя существительное не распространилось.

3. Большинство префиксов имен существительных встречается в каждом славянском языке. Ср. р. *наволока*, *падуб*, *пасака*, *патока*, *прадед*, *правнук*, *прародители*, *прародина*, *п्राзык*, *сугроб*, *сумерки*, *сурена*, *сутки*, *сверхдержава*, *сверхзвезда*, *сверхпроводник*, *подвид*, *подсистема*, *подпрограмма*, *предмет*, *предутро*, *антивещество*, *антимир*, *антитело*, *антиискусство*, *архипастырь*, *архиплут*, *контргайка*, *контрмеры*, *контрнаступление*, *супергерой*, *суперципон*, *ультразвук*, *ультраправые*, *субподряд*, *субпродукт*, *экстракласс*, *метаязык*; укр. *pagin*, *пагорб*, *паклен*, *памолодь*, *паморозь*, *пачоси*, *прабаба*, *праліс*, *пратьківщина*, *сувій*, *сув'язь*, *суміш*, *сусід*, *наддержжава*, *надлишок*, *надлюдина*, *підсистема*, *переддень*, *антиречовина*, *антитіло*, *архіпастир*, *архішахрай*, *контргайка*, *контрзахід*, *контрнаступ*, *контрудар*, *супермода*, *суперцемент*, *ультразвук*, *ультрамікроскоп*, *субрахунок*, *суб'ядро*, *субпідряд*, *метамова*; бр. *падуб*, *палуба*, *пасака*, *патака*, *прадед*, *праўнук*, *прамова*, *праформа*, *сувой*, *сумесь*, *сусед*, *суцяга*, *звышправаднік*, *звышпрыбытак*, *падсістэма*, *антырэчыва*, *антыцела*, *архіпастыр*, *контрмеры*, *контрпрапанова*, *супервокладка*, *ультрагук*, *ультрафільтр*; п. *pacześ*, *padół* «юдоль», *patyk* «палка», *paździor* «костра», *pradzieje* «предыстория», *pracźlowiek*, *pramateria*, *prawnuk*, *sąsiad*, *sąsieki*, *sustaw* «сустав» (из р.), *nadprogram*, *nadprzewodnik*, *poddostawca* «второстепенный поставщик», *podprogram*, *przedfiltr*,

antycząstka, arcydzieło «шедевр», arcy mistrz «непревзойденный мастер», kontrmutra «контргайка», kontrpara, supernowość, ultranowoczesność, ekstraklasa; ч. pablesk, pačesy, pachut' «привкус», raklič «отмычка», paluba, paroh, prabába, pradoba «первобытное время», prajazyk, praobraz «прообраз», souběh «конкурс», soucit «сочувствие», soudruh «товарищ», nadplán, nadporučík, podtext, podplukovník, předehra «прелюдия», předklon «наклон вперед», antihmota «антивещество», antičástice, arcidarebák «архиплут», arcidílo «шедевр», ultračástice, extratřída «экстракласс», metajazyk; слц. rakl'uč «отмычка», paseka, razvuk «призвук», prababa, pračlovek, pravek, súdruh «товарищ», súhlas «согласие», súhra «взаимодействие», sused, súťaz «состязание», nadplán, nadporučík, podporučík, podpraporčík, predliaheň «прединкубатор», antičastica, antidivadlo «антитеатр», arcipaster, arcilotor «отъявленный негодяй», ultračastica, extraliga; вл. pačosy, rakluč, palist «прилистник», parohi, pračlowjek, pradomizna «прародина», pralés, gramacer, Prasłowjan, susod, sužoh «фитиль», nadčlowjek, nadkoleno «бедро», nadkošla «манишка», nadločč «плечо», nadmišter «старший мастер», podbroda «подбородок», poddružina «подвид», podhora «подножие горы», předdvor «передний двор», předehra «прелюдия», předhora «предгорье», antičeleso «антитело», ultrazvuk; болг. пагуба, паздер «костра», палуба, патоки «слабая водка», прабаба, прабългари, праезик, праизвор «первоисточник», прародина, сугреб «крапивная лихорадка», сумрак, свръхчовек, свръхкредит, подгрупа, поддиректор «заместитель директора», предговор «предисловие», предистория, античастица, контрадоклад «содоклад», контрамярка «контрмера», ультразвук, ультрафилтър; м. пагуба, палуба, патока «слабая водка», прабаба, прадедо, правнук, праисторија, прајазик, прашума «дремучий лес», суграда «здание», сугреб «нарятая земля», судир «столкновение», сумрак, самрак, сатеска «теснина», надмоќ «перевес», подзол, подофицер, предвечер, предзнак «предзнаменование», предмет, контранапад «контратака», суперпроизводство, ултрареакционери; схв. павечера «второй ужин», паужина «полдник», паклен, пасунице «ложное солнце», прабаба, праунук, правек, прадоба, прафеномен, суврст «разновидность», сулуда «придурок», сумеса, сусед, сучлан «сочлен», надбискуп «архиепископ», надлугар «старший лесничий», надмоћ «превосходство», подврста «разновидность», поджупан, предигра «прелюдия», предмет, предрасуда «предрассудок», архиленистина «архилентяй», архилопов «архиплут», ультразвук, екстрадобит (екстрапрофит) «сверхприбыль»; слн. raklen, palist «прилистник», rakrog «эллипсис», razder «осколок», pračlovek, praded, pradoba, pradomovina, prajezik, pravek, pravir «первоисточник», sobrat, sodrug, somrak, sosed, nadčlovek, nadlaket «верхняя часть руки», nadgozdar «старший лесничий», podkralj «вицекороль», podlasica «ласка», podlistek «фельетон», predigra «прелюдия», predmet, predrust «карнавал», antidelec «античастица», antitalent, kontragovornik «оратор, выступающий против предыдущего», metajezik. Префиксы имен существительных под- (pod-) и над- (nad-, соответствующий р. *сверх-*, болг. *сврѣх-*) отличаются от омонимичных глагольных префиксов под- (pod-) и над- (nad-) тем, что они образуют производные имена существительные непосредственно от беспрефиксных

основ тех же существительных (укр. *людина* — *надлюдина*, р. *вид* — *подвид*), а не входят в состав имен существительных, образованных от соответствующих префиксальных глаголов (укр. *надбудова* — *надбудувати*, р. *подскок* — *подскочить*).

В историческом формировании системы именных префиксов славянских языков следует различать два основных периода: праславянский (до VII в.) и современный (XIX—XX вв.). На праславянский период приходится формирование трех общеславянских префиксов имен существительных — *pa-*, *pra-* и *so-/su-* (<*sou-*), явившихся результатом характерного для именных основ усиления унаследованных праславянским из индоевропейского префиксов *po-*, *pro-* и *sup-/su-* [Мейе 1951, 302—303]. В большинстве современных славянских языков эти префиксы (особенно *pra-*) сохраняют продуктивность. Префиксы *сверх-* (*сврѣх-*), *над-* (*nad-*), *под-* (*pod-*), *пред-* (*перед-*, *pred-*, *před-*) появились в основном в течение XIX—XX вв. как результат калькирования соответствующих образцов латинского и немецкого языков, для которых подобные образования были издавна обычными (ср. лат. *subbrachia* «подмышки», *subcortex* «подкорковый слой дерева», *subcurator* «помощник управляющего», *subcustos* «помощник сторожа», *subdoctore* «помощник учителя», *subregulus* «вассальный царёк», *superliminare* «верхняя перекладина двери», *superficiēs* «верхняя часть», *superpondium* «дополнительный груз», *superpostulatio* «чрезмерное требование», нем. *Vorwort* «предисловие», *Vorabend* «канун», *Vorbild* «образец», *Vorspiel* «прелюдия», *Vordruck* «печатание», *Vorhof* «передний двор», *Übermacht* «превосходство», *Übermensch* «сверхчеловек», *Überprofit* «сверхприбыль», *Oberarm* «плечо, верхняя часть руки», *Oberarzt* «главный врач», *Oberförster* «старший лесничий», *Unterart* «разновидность», *Unterbewußtsein* «подсознание»). Начало распространения префиксов *анти-* (*anti-*), *архи-* (*archi-*, *arcy-*, *arci-*), *контр-* (*kontr(a)-*), *супер-* (*super-*), *ультра-* (*ultra-*), *суб-* (*sub-*), *экстра-* (*ext(a)-*), *мета-* (*meta-*) фиксируется в середине XX в. как результат калькирования-заимствования соответствующих слов западноевропейских языков. Хотя процесс пополнения количества новых префиксов, начавшийся в XIX и XX вв., продолжается, общая словарная частотность этих новых префиксов пока еще в значительной степени (примерно в 10—20 раз) уступает частотности префиксов *па-*, *пра-* и *су-*. В целом префиксы имен существительных по сравнению с суффиксами отличаются большей конкретностью значений, приближающихся в ряде случаев к значениям имен прилагательных. Это отражается, в частности, на правописании элемента *экстра*, который в некоторых славянских языках пишется не слитно с именем существительным, как в р. *экстракласс* (и *экстра-класс*), п. *ekstraklasa*, ч. *extratřída*, а отдельно, в виде несклоняемого прилагательного (ср. схв. *екстра укус*, слн. *ekstra dobiček* «сверхприбыль» и др.).

4. В области суффиксального словообразования существительных общим для всех славянских языков является деление производных существительных на три основных словообразовательных класса: названия лиц, названия конкретных предметов и явлений и названия отвлеченных понятий. Это деление унаследовано славянскими языками

через праславянский из индоевропейского, в котором оно развилось как проявление частной универсалии, свойственной всем языкам синтетического строя. Помимо трех указанных словообразовательных классов, общими для славянских языков являются также образования, обозначающие самок животных, образования со значениями собирательности, единичности и со значениями субъективной оценки (уменьшительно-ласкательные, увеличительные и др.). Эти классы унаследованы из праславянского языка, в котором большинство их образовалось на основе элементов, сохранившихся от индоевропейской эпохи.

5. В словообразовательном классе названий лиц общим для всех славянских языков является деление на названия лиц мужского пола и названия лиц женского пола. Это деление унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского, в котором возникло как проявление частной словообразовательной универсалии, свойственной всем синтетическим языкам.

6. Среди названий лиц мужского пола в словообразовании всех славянских языков различаются названия лиц по выполняемым действиям, роду занятий или профессии и по качественному признаку или отношению к какому-либо предмету, происхождению, этническому или территориальному признаку. Это различие также унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского, в котором оно сформировалось как проявление одной из частных универсалий, свойственной и ряду других языков мира.

7. Для всех славянских языков характерно образование названий лиц по выполняемым действиям, роду занятий или профессии при помощи суффиксов *-ник* (-nik), *-ач* (-ač, -ič, -eč), *-арь* (-ar, -ar'), *-ак* (-ak), *-ец* (-ec, -c, -aц), *-тель* (-tel(j)), *-ист* (-ist, -ist(a)). Ср. р. *волшебник, пособник, садовник, баловник, трубач, толкач, трепач, пахарь, бунтарь, вожак, рыбак, гребец, продавец, писатель, житель, двигателист, саблист*; укр. *робітник, пред'явник, трудівник, будівник, копач, збирач, жниввар, владар, ходак, жебрак, купец, продавець, каратель, цінитель, таксист, регбіст*; бр. *дворнік, паклоннік, паслядоўнік, глядач, чытач, друкар, эванар, марак, рыбак, паўстанец, вадзіцель, выхавацель, бульдазерыст, акардэаніст*; п. *robotnik, kierownik, ogacz, badacz* «исследователь», *łgarz* «лгун», *pisarz, śpiewak, jeździec, łowiec, chrzciciel* «креститель», *czciciel* «почитатель», *traktorzysta, programista, chałturzysta*; ч. *zdravotník, dělník, plukovník, lamač, rozbiječ, palič, kolář* «колесник», *zvonař, zpěvák, pasák* «пастух», *plavec, kupec, učitel, pisatel, buldozerista, stožarista* «акробат с шестом», *houslista*; слц. *lesnik, pracovnik, bojovnik, hl'adač, rozbijač, dojič, kreslič, kresliar, lekár, pekár, tulák* «бродяга», *spevák, jedák, hudec, strelec, riaditel', čítateľ', kombajnista, motorista, cimbalista*; вл. *pomocnik, služownik, domownik, drač* «живодёр», *čítar, spēvar, wučer, wojak, rybak, krawc, kupc, šewc, daričel, gadžičel, traktorist, kontorist*; болг. *ученик, прислужник, чиновник, книжовник, ездач, ковач, писар, млекар, просяк* «нищий», *моряк, летец, четец, писател, учител, машинист, спортист*; м. *работник, попуник, водач, купувач, рибар, вретенар, просјак, ловец, борец, слушател, учи-*

тел, тракторист; схв. *помоћник, радник* «работник», *ратник* «воин», *уредник* «редактор», *ковач, играч, копач, кројач, писар, пекар, возар, тежак* «хлебопашец», *лежак* «лежебока», *борац, ловац, стрелац, писац, хранитель, учитель, спаситель, гитарист, хокеист, тенкист*; слн. *pomocnik, gazbojnik, umetnik* «художник, артист», *sodnik* «судья», *kovac, korac, krišac* «крикун», *pisar, kosar, ovcar, kolar* «колесник, каретник», *bobnar* «барабанщик», *prosjak, težak* «чернорабочий», *pisec* «писатель, писарь», *krivec* «виновник, преступник», *letaec, pisatelj, čítatelj, traktorist, kontorist, basist, tenorist*. Суффикс *-ист* (-ist(a)) заимствован всеми славянскими языками из западноевропейских, в которые он пришел из латинского языка. Сначала он усваивался вместе с целыми заимствуемыми словами, затем вычленился из них и стал употребляться для образования новых слов на почве самих славянских языков. Суффикс *-арь* (-ar, -ar') унаследован славянскими языками из праславянского, в который был заимствован из латинского (лат. -arius). Суффикс *-ник* (-nik, а также его усложненные разновидности *-овник*, *-ovnik*, *-альник*, *-alnik*) образовался в славянских языках в результате слияния суффикса имен прилагательных *-н-* (-n- и его разновидностей *-овн-*, *-овп-*, *-альн-*, *-алп-*, псл. *-овьп-*, *-альп-*) с суффиксом имен существительных *-ик-* (-ik-), восходящим к псл. *-ik-* и в ряде славянских языков встречающимся еще в самостоятельной функции оформления названий лиц по роду занятий и выполняемым действиям (ср. р. *строевик, плановик*, укр. *промисловик, річковик*, бр. *планавік, маставік*, п. *łazik* «бродяга», слц. *bubenik* «барабанщик»). Остальные суффиксы (*-ак*, *-ак*; *-ач*, *-аč*, *-еč*, *-іч*; *-ец*, *-ec*, *-c*, *-ац*; *-тель*, *-tel(j)*) унаследованы из праславянского языка, в котором явились результатом различных преобразований древнейших суффиксальных элементов индоевропейского происхождения.

8. Во всех славянских языках приблизительно на одной стадии выделения в самостоятельные деривационные форманты, образующие названия лиц по роду занятий или профессии, находятся суффиксы *-ант* (-ant) и *-тор* (-tar, -tor). Ср. р. *практикант, яровизатор*; укр. *оркестрант, механізатор*; бр. *дэбютант, каланізатар*; п. *bumelant* «прогульщик», *programator*; ч. *muzikant, propagátor*; слц. *komediant, organizátor*; вл. *reprezentant, agitator*; болг. *екстернант, оператор*; м. *манифестант, арендатор*; схв. *музикант, импровизатор*; слн. *demonstrant, degustator*. Оба суффикса, восходящие в конечном счете к лат. *-ans* (-antis) и *-tor*, приобретают в славянских языках самостоятельность на фоне однотипных заимствований из западноевропейских языков, осуществляемых, главным образом, в течение последних двух столетий.

9. Названия лиц по качественному признаку или отношению к какому-либо предмету, происхождению, этническому или территориальному признаку образуются во всех славянских языках при помощи суффиксов, лишь частично отличающихся от тех, которые образуют названия лиц по роду занятий и выполняемым действиям: *-ак* (-'ак, -ak, -'ak), *-ец* (-ець, -ec, -c, -aц), *-ик* (-ник, -нік, -ik, -nik), *-анин* (-'анин, -an, -anin), *-ист* (-іст, -иста, -ist, -ista). Ср. р. *простак, сибиряк, хитрец, слепец, передовик, озорник, южанин, египтянин,*

уклонист; укр. *дивак, земляк, мудрець, молодець, степовик, молодик, галичанин, киянин, гуманіст*; бр. *бядак, туляк, ленінец, чужынец, горац, сучаснік, нягоднік, хутаранін, селянін, марксіст*; п. *prostak, Wołyniak, malec, starzec, zawistnik, rozpustnik, krakowianin, warszawianin, realista*; ч. *mudrāk, měšt'ák* «горожанин», *lakomec* «скупец», *cizinec, mladík, nevolník, měšt'an, severan, Pražan, idealista*; слц. *dobrāk, belāk, slepec, lakomec, mladík, starik, ostrovan, Moravan, materialista*; вл. *mudrak, chromak, starc, slēpc, lēnik, zlóstnik, Chinjan* «китаец», *Romjan* «римлянин», *racionalist*; болг. *глупак, добряк, подлец, мързеливец* «лентяй», *болник, самотник, гражданин, скопянин, дарвинист*; м. *глупак, дивјак, старец, лакомец* «жадный человек», *болник, бедник, селанин, мештанин* «местный житель», *егоист*; схв. *глупак, средњак, старац, хромац, бедник, безумник, Задранин* «житель Задара», *Београђанин, песимист(a)*; слн. *bedak, prostak, glupec, planinec* «горец», *grešnik, bolnik, mešcan* «горожанин», *krajan* «земляк», *extremist* и др. Суффиксы *-ак, -ец, -ик, -ан(ин)* с такими их функциями унаследованы всеми славянскими языками из праславянского (псл. *-акъ, -ьсь, -ікъ, -ан(іпъ)*), в котором они явились результатом дальнейшего развития звуковых форм и функций соответствующих индоевропейских суффиксов. Суффикс *-ист* вошел в славянские языки в результате выделения из слов, заимствованных в XIX—XX вв. из западноевропейских языков.

10. Названия лиц женского пола, производные от названий мужчин, во всех славянских языках содержат, помимо других суффиксов, суффиксы *-ка* (*-ка*), *-ица* (*-иця, -іца, -іса, -ісе*) и, в единичных образованиях, устарелый суффикс *-иня* (*-іня, -інја, -упі, -упё*). Ср. р. *артистка, крестьянка, мастерица, певица, богиня, героиня*; укр. *лікарка, селянка, цариця, робітниця, княгиня, рабиня, газдиня*; бр. *беларуска, сваячка, царыца, прыслужніца, багіня, гераня*; п. *chłopka* «крестьянка», *góralka, robotnica, samotnica* «одинокая женщина», *dozorczyńi* «надзирательница», *gospodyńi* «хозяйка»; ч. *Němka, družka, poručice, úřednice, podruhyňe, ministryně*; слц. *členka, učitel'ka, účastnica, služnica, vrahynja, proročynja*; вл. *wučerka* «учительница», *birowka* «крестьянка», *wjednica* «руководительница», *dziwadłownica* «актриса», *kněni* (<*kněhyni*) «госпожа, товарищ»; болг. *шивачка, глупачка, певица, старица, големкиня* «женщина, занимающая высокое положение в обществе», *влахinja* «валашка»; м. *аргатка* «батрачка», *селанка, царица, убавица* «красавица», *богиња, хероиня*; схв. *млинарка, грађанка, учительица, генералица, јунакиња* «героиня», *Српкиња, Рускиња*; слн. *Slovenka, bralka* «читательница», *tatica* «воровка», *carica, boginja, gospodinja*. Суффикс *-ка* является характерным для форм женского рода древним распространением суффикса *-к-* (*-ко-*), унаследованным через праславянский язык (псл. *-ька*) из индоевропейского (ие. **-ka*) [Мейе 1951, 289—290]. Суффикс *-ица* восходит к псл. *-ika*, образовавшемуся, вероятно, путем присоединения суффикса *-ка* к основам ж. р. на *-i-*; окончательно этот суффикс закрепился уже после распада праславянского единства [там же, 289, 291]. Суффикс *-иня* распадается псл. *-упі* восходит к ие. **-iņa*. Оба последние суффикса во всех современных славянских языках имеют

среди всех суффиксов, образующих названия лиц женского пола, сравнительно небольшой удельный вес.

11. Во всех славянских языках для образования названий самок животных употребляется тот же суффикс *-ица* (*-иця, -іца, -іса, -ісе*), что и в названиях лиц женского пола: р. *волчица, львица*; укр. *лисиця, орлиця*; бр. *асліца, мядзведзіца*; п. *gołębica, kocica* «кошка»; ч. *chrťice, pantefice*; слц. *zajačica, telica*; вл. *rawica* «пава», *lawica* «львица»; болг. *биволица, вълчица*; м. *лисица, магарича* «ослица»; схв. *тигрица, голубица*; слн. *oslica, volčica*. Как уже отмечалось, этот суффикс унаследован из праславянского языка.

12. Среди различных названий конкретных предметов во всех славянских языках наиболее четко выделяются пять словообразовательных классов: названия орудий, средств и инструментов, названия помещений и вместилищ, названия мест по характерным для них предметам, названия веществ и материалов и собирательные названия. За пределами этих классов остаются менее четко оформленные названия предметов по различным признакам, свойствам и функциям, названия растений, названия животных и др. Все эти словообразовательные классы унаследованы через праславянский язык из индоевропейского.

13. Из многочисленных суффиксов, служащих в различных славянских языках для образования названий орудий, средств и инструментов, общими для всех современных славянских языков оказываются суффиксы *-ло* (*-ла, -lo, -dlo*), *-ник* (*-нік, -nik*) и *-ач* (*-acz, -ač, -ača*). Ср. р. *шило, мыло, рало, напильник, секач*; укр. *точило, мотовило, годинник, вимикач*; бр. *памяло, зубіла, вытарнік, цягач*; п. *szydło, gadło, licznik* «счётчик», *ogrzewacz*; ч. *letadlo* «самолет», *držadlo* «рукоятка», *pilník* «напильник», *kropáč* «кропило»; слц. *čerpadlo, sídlo, zásobník* «обойма, диск», *prijímač*; вл. *mydło, létadlo, svěčnik* «подсвечник», *tolkač* «ступка»; болг. *гребло* «грабли; весло», *кормило, приемник, влекач* «тягач»; м. *бодило* «шило; вертел», *светило* «фонарь, лампа», *толчник* «пест», *бројач* «счетчик»; схв. *белило, дувало* «кузнечный мех», *хладник, бријач* «бритва»; слн. *šilo, cedilo, česalnik, korača* и др. Эти суффиксы унаследованы славянскими языками с такими функциями из праславянского. Псл. *-dlo* происходит из индоевропейского языка, в котором аналогичную функцию выполняли также суффиксы **-dhrō, *-tlo, *-tro*. Суффиксы *-ник* и *-ач* в названиях орудий, средств и инструментов представляют собой результат семантического развития тех же суффиксов, образующих названия лиц по роду занятий или профессии.

14. Во всех славянских языках находится на стадии формирования словообразовательный тип названий орудий и инструментов с суффиксом *-тор* (*-тар, -tor*). Ср. р. *стабилизатор*, укр. *регулятор*, бр. *карбюратор*, п. *akumulátor, ch. elevátor, слц. komutátor, вл. transformator, болг. радиатор, м. стабилизатор, схв. сепаратор, слн. ekskavator*. Формирование этого типа связано с выделением из заимствованных слов латинского по происхождению суффикса *-тор* (*-tor*), при помощи которого формируются также названия лиц по выполняемым действиям.

15. Общими для всех славянских языков аффиксальными средствами образования названий помещений и вместилищ являются суффиксы *-ница* (*-ниця*, *-ніца*, *-nica*, *-nice*) и *-ник* (*-нік*, *-nik*). Ср. р. *мельница*, *хлебница*, *сахарница*, *коровник*; укр. *пивниця*, *цукерниця*, *половник* «сарай для мякнны»; бр. *жытніца*, *мыльніца*, *багажнік*; п. *sukiernica*, *ropielnica*, *kurnik*; ч. *květnice* «цветник», *zvonice* «колокольня», *másełnice* «маслобойка», *dřevník* «дровяной сарай»; слц. *kvetnica*, *zvonica*, *maselnica*, *čajnik*; вл. *kurpica* «универмаг, крытый рынок», *swjatnica* «святылище», *gubnik* «пруд»; болг. *митница*, *шивачница*, *пепелница*, *плевник* «сарай для соломы»; м. *скривница* «укрытие», *житница*, *берберница* «цирюльня», *пепелница*, *масолник* «масленка»; схв. *кышжарница*, *читаонца*, *пљуваонца*, *кокошарник* «курятник»; слн. *čistilnica* «помещение для чистки», *pisarnica*, *jetnišnica* «тюрьма», *kurnik* «курятник». Суффикс *-ница* образовался в конце праславянского периода из производного суффикса *-ica* (< *-ika*) и суффиксального элемента *-ьп-*, входившего в состав основ относительных прилагательных типа *ререльп-*. Суффикс *-ник* в этой функции унаследован из праславянского языка, в котором представлял собой один из семантических вариантов многофункционального суффикса *-ikъ*, употреблявшегося также в названиях лиц и др.

16. Семантически близкие к предыдущим названия мест походящимся на них предметам или происходящим явлениям во всех славянских языках образуются при помощи суффикса *-ище* (*-ишча*, *-иште*, *-iště*, *-iščo*, *-išče*) и его варианта *-иско* (*-isko*), а также *-ник* (*-нік*, *-nik*, *-nik*). Ср.: р. *ржище*, *городище*, *заповедник*; укр. *житниця*, *житницько*, *городище*, *смітник*; бр. *глінішча*, *бульбянішча*, *дварьшча*, *замчышча*, *заповеднік*; п. *kartoflisko*, *ognisko*, *moczarzynsko*, *smietnik*; ч. *makoviště*, *hradiště*, *ohniště*, *ohnisko*, *trávník*, ср. *bledisko* «точка зрения», *vychodisko* «исходная позиция»; слц. *kapustniško*, *kukuričniško*, *smetisko* «мусорник», *spalenisko* «пожарище», *pohrebisko*, *pohrebište*, *hradisko*, *hradište*, *trávník*; вл. *гєпишчо* «поле под репой», *гєрнішчо* «тж.», *sportniščo* «спортплощадка», *krotwiščo* «земля, разрытая кротом», *trawnik*; болг. *пепелище*, *огнище*, *селище*, *дръвник*; м. *кукишите* «место, где стоял дом», *пазаришите*, *пацишите*, *тревник*; схв. *огниште*, *испациште*, *двориште*, *травник*; слн. *detelišče* «поле под клевером», *trgovljišče* «муравейник», *ognišče*, *travnik*. Эти суффиксы, применяемые в ряде славянских языков и для образования названий помещений, восходят к праславянскому языку (псл. *-isko*, *-išče* < **-iskje*, *-nikъ*), в котором возникли из суффиксальных элементов, унаследованных из индоевропейского праязыка.

17. Во всех славянских языках выделяется словообразовательный класс названий веществ и материалов, состоящий из двух словообразовательных типов, оформляемых при помощи суффиксов *-ина* (*-іна*, *-ына*, *-ina*, *-upa*) и *-иво* (*-іва*, *-ыва*, *-ivo*). Ср.: р. *древесина*, *мешковина*, *баранина*, *топливо*, *месиво*; укр. *деревина*, *сировина*, *свинина*, *вариво*, *плетиво*; бр. *трухляціна*, *ласіна*, *асятрына*, *паліва*, *курыва*; п. *dęhlina*, *baranina*, *sarnina*, *paliwo*, *przędziwo*; ч. *dřevovina*, *hovězina*, *kozina* «козья шкура», *hnojivo* «удобрение», *melivo*; слц. *rohovina*, *kovovina* «металл», *tkanina*, *husacina* «гусятина», *farbivo*, *jedivo*; вл.

warpina «известковая почва», *zelenina* «зелень», *paliwo*, *hnojivo*; болг. *зеленина*, *медовина* «медовый напиток», *вариво*, *гориво*; м. *зеленина*, *ткаенина*, *меливо* (*мливо*); схв. *говедина*, *вучина* «волчья шкура», *течиво* «жидкость», *вариво*, *предиво*; слн. *hrastovina* «древесина дуба», *govedina*, *serivo* «вакцина», *tkivo* и др. Оба суффикса с этим значением унаследованы из праславянского языка, в котором суффикс *-ina* имел и ряд других значений, а суффикс *-ivo* образовался путем соединения суффикса *-vo* (ср. псл. *řivo*, укр. *питво*, р. *куриво*) с гласным основы глаголов *-i-*.

18. Общим для всех славянских языков средством образования собирательных названий является суффикс *-ство* (*-ства*, *-stvo*, *-stivo*). Ср.: р. *человечество*, *студенчество*; укр. *людство*, *духовенство*; бр. *таварыства*, *сялянства* «крестьянство»; п. *pauczycielstwo*, *robactwo* «черви»; ч. *panstvo*, *ptactvo* «птицы»; слц. *obuyatel'stvo* «население», *potomstvo*; вл. *dželačerstvo* «рабочие», *kurcowstvo*; болг. *учителство*, *селячество*; м. *селанство*, *духовништво*; схв. *граѓанство*, *друштво*; слн. *ljudstvo*, *bratstvo* (ист.). Суффикс *-ство*, выступающий также в составе названий свойств и качеств, восходит к псл. *-stvo*, унаследованному уже из индоевропейского праязыка.

19. Во всех славянских языках находится на стадии формирования словообразовательный тип собирательных названий с суффиксом *-ура* (*-ура*, *-ўра*). Ср.: р. *профессура*, *клиентура*, *аппаратура*; укр. *професура*, *клієнтура*, *апаратура*; бр. *прафесура*, *клієнтура*, *апаратура*; п. *profesura*, *aratura*; ч. *aratura*; слц. *aratura*; вл. *aratura*; болг. *професура*, *апаратура*; м. *апаратура*, схв. *апаратура*, слн. *aratura*. Суффикс *-ура*, восходящий к латинскому языку, выделяется из слов, заимствованных из западноевропейских языков (нем. *Professur* и т. п.).

20. Абстрактные имена существительные во всех славянских языках делятся на два словообразовательных класса: названия действий и состояний и названия свойств и качеств. Оба словообразовательных класса унаследованы славянскими языками через праславянский из индоевропейского.

21. Среди производных имён существительных, обозначающих действия (а также результаты действий) и состояния, общими для всех славянских языков являются образования с суффиксами *-ние* (*-нье*, *-ння*, *-нне*, *-nie*, *-ni*, *-nje*, *-не*, *-ње*), *-тие* (*-тьє*, *-ття*, *-ццє*, *-cie*, *-ti*, *-tie*, *-će*, *-ће*, *-tje*), *-ка* (*-ka*), *-ба* (*-ba*), *-ота* (*-ota*), *-от* (*-im*, *-ot*), *-тва*, (*-tva*, *-tev*), *-ство* (*-цтво*, *-ства*, *-цтва*, *-stvo*, *-stivo*, *-stvi*), *-ация*, (*-ація*, *-ацыя*, *-асја*, *-асе*, *-асіа*, *-ација*), а также бессуффиксные образования от префиксальных глаголов. Ср.: р. *пение*, *дєрганье*, *бытие*, *питьє*, *чистка*, *борьба*, *зевота*, *топот*, *жатва*, *бегство*, *яровизация*, *выход*; укр. *плавання*, *биття*, *бійка*, *сівба*, *гризота*, *клекіт*, *гонитва*, *слідство*, *консервація*, *вибори*; бр. *майчанне*, *жыццє*, *ломка*, *стральба*, *дрымота*, *стукат*, *бітва*, *буйства*, *ліквідацыя*, *занос*; п. *czytanie*, *życie*, *orka*, *kośba*, *robota*, *święgot* «чирикание», *modlitwa*, *zabójstwo*, *mechanizacja*, *nastrój*; ч. *nesení*, *krytí*, *vačka* «драка, свалка», *orba*, *dřimota*, *hvízdota* «свист», *pastva* «пастьба», *velitelství*, *formalizace*, *záštita*; слц. *chodenie*, *kopnutie* «удар, пинок», *skládka*

«выгрузка», *sejba* «сев», *hryzota*, *piskot*, *bitva*, *smilstvo*, *matematizácia*, *úklon*; вл. *wučenje* «обучение», *piće*, *domchowanka* «праздник урожая», *služba*, *drěmota*, *dupot* «топот», *gróstwa* «просьба», *wodźicielstwo*, *racionalizacija*, *přistup* «вход, доступ»; болг. *гледане*, *битие*, *целувка*, *молба*, *работа*, *грохот*, *жетва*, *шпионство*, *машинизация*, *устрем* «порыв»; м. *оранье* «вспашка», *битие*, *плачка* «плач», *изградба* «строительство», *работа*, *пискот*, *молитва*, *дежурство*, *национализация*, *досада* «скука»; схв. *давање*, *зачеће* «зачатие», *запевка* «причитание, плач», *берба* «сбор урожая», *работа*, *клокот*, *јематва* «сбор винограда», *убиство*, *рејонизација*, *налет*; слн. *branje*, *pitje*, *povedka* «рассказ», *obramba* «оборона», *rabota*, *topot*, *volitva* «выбор», *vodstvo* «руководство», *aklimatizacija*, *dogon* «пригон» и др. Все эти суффиксы, кроме *-ация*, распространенные в современных славянских языках не в одинаковой степени (особенно редки в южнославянских языках суффиксы *-ка* и обычный в названиях свойств и качеств *-ота*, в чешском и словацком — *-ství*, *-stvo*), унаследованы из праславянского языка, в котором происходят от соответствующих суффиксальных элементов индоевропейского праязыка (ие. **-lo*, **-bha*, **-ta* и др.). Суффикс *-ация* (из лат. *-atio*) выделился в XIX—XX вв. из многочисленных заимствований, пришедших в славянские языки через западноевропейские.

22. Во всех славянских языках на стадии формирования находится словообразовательный тип названий действий с суффиксом *-аж* (*-až*, *-až*, *-ажа*, *-аža*). Ср.: р. *тренаж*, укр. *бракераж*, бр. *дэмантаж*, п. *pilotaž*, *instruktaž*, ч. *špionáž*, слц. *sabotaž*, вл. *montaža*, болг. *картонаж*, м. *дренажа*, схв. *монтажа*, слн. *instruktaža*. Суффикс *-аж* выделяется из слов, заимствованных в славянские языки из французского.

23. Ряд общих суффиксов обнаруживают современные славянские языки в названиях свойств и качеств. Таковы суффиксы *-ость* (*-estь*, *-istь*, *-ocь*, *-acь*, *-ošč*, *-ost*, *-ost*, *-est*), *-ота* (*-ata*, *-ota*), *-ство* (*-stva*, *-stwo*, *-stvo*, *-ství*), *-ина* (*-izna*, *-ina*, *-ына*, *-ina*, *-izna*, *-yzna*), *-ие* (*-ve*, *-я*, *-e*, *-í*, *-je*). Ср.: р. *смелость*, *свежесть*, *чернота*, *уродство*, *кривизна*, *величие*; укр. *хоробрість*, *яснота*, *нахабство*, *сивина*, *новизна*, *здоров'я*; бр. *вєсялосць*, *ураджайнасць*, *глухата*, *каварства*, *навiна*, *старына*, *здароўе*; п. *dzikość*, *białość*, *głupota*, *starszeństwo*, *gołizna*, *drożyzna* «дороговизна», *wesele* (уст.) «радость»; ч. *chytrost*, *komičnost*, *dobrota*, *hlupství*, *výšina* «высота», *mládí* «молодость»; слц. *slabost'*, *srdečnost'*, *hustota*, *šialenstvo* «сумасшествие», *otročstvo*, *vyšina* «высь, высота», *veselie*; вл. *młodosć*, *ważność*, *čistota*, *bohactwo*, *powizna*, *wjesele*; болг. *сухост*, *свежест*, *доброта*, *геройство*, *топлина* «теплота», *подобие*; м. *сонливост*, *младост*, *доброта*, *богатство*, *големина* «величина», *величие*; схв. *блискост*, *гордост*, *простота*, *могућство*, *свежина*, *миље* «радость, приятность»; слн. *modrost*, *oiožnost* «печаль, грусть», *lepota*, *bogastvo*, *belina*, *veselje* и др. Как уже было указано, принадлежащий к этой группе суффикс *-ота* употребляется также для образования названий действий, а *-ство* — для образования названий действий и собирательных имен. Большинство суффиксов этой группы (кроме *-ие* и *-ота*) принадлежит

к числу наиболее продуктивных суффиксов современных славянских языков [Коломієць 1973, 264—268]. Это объясняется интенсивностью процессов образования на современном этапе новых отвлеченных существительных со значением свойств и качеств. Все четыре суффикса этой группы унаследованы славянскими языками из праславянского, в котором явились продолжением соответствующих суффиксальных элементов индоевропейского праязыка.

24. Из ряда суффиксов, употребляемых в различных славянских языках для образования уменьшительно-ласкательных форм имен существительных, общими для всех славянских языков являются сравнительно редкие в большинстве языков суффиксы *-ец* (*-ець*, *-ес*, *-іес*, *-с*, *-ац*), *-ица* (*-иця*, *-ица*, *-іса*, *-ісе*), *-ка* (*-ка*) и *-я* (*-ят-*, *-а*, *-ат-*, *-ę*, *-ęт-*, *-ęс-*, *-е*, *-ет-*, *-о*). Ср.: р. *хлебєц*, *водица*, *стенка*, *дитя*; укр. *окунець*, *сестриця*, *ніжка*, *дитя*; бр. *зубєц*, *зямліца*, *канаўка*, *дзіця*; п. *chłopiec*, *dziewica* (редк.), *dziewczynka*, *jagnię*, *dziewczę*; ч. *kaměpec*, *babice*, *muška*, *house* «гусёнок», *vnouče* «внучек, внучка»; слц. *domec*, *izbica*, *starenka*, *hád'a*, *vřca*; вл. *stółc* «стул», *holčica* «девица», *hórka*, *kurjo*, *młódžo* «детёныш»; болг. *brateц*, *госпожица* «барышня», *рибка*, *орле*, *птиче*; м. *лебец* «хлебєц», *главица*, *планинка* «небольшая гора», *моме* «мальчик», *момиче* «девочка»; схв. *језичац* «язычок», *ногица* «ножица», *кћерка* «дочка», *дете*, *птиче*; слн. *zvonec*, *kozica*, *bucika* «булавка», *otročє*, *piščє* «цыплёнок» и т. д. Сравнительно небольшое количество общих суффиксов этой группы объясняется тем, что некоторые распространенные в славянских языках суффиксы с этой функцией в отдельных языках оказались вытесненными другими суффиксами (напр., *-ик* в южнославянских языках), причем в различных славянских языках возникли новые суффиксы со значением уменьшительности и ласкательности. Историческая подвижность состава уменьшительно-ласкательных суффиксов, как и эмоционально окрашенных лексем, является одной из общих закономерностей развития языков. Этимологически родственные суффиксы *-ец* и *-ка* унаследованы из праславянского языка (псл. *-ьсь* < **-ik-*, *-ька* < **-ika*), где вместе с другими этимологически родственными суффиксами этой же группы (*-ikъ*, *-іса*, *-ьса*, *-ько*, *-ьсе*) образовались на основе суффиксальных элементов, унаследованных из индоевропейского праязыка.

25. В области конверсии имен существительных общими для всех славянских языков являются словообразовательные связи существительных с именами прилагательными, причастиями и глаголами. Ср.: р. *золото* — *золотой*, *дежурный* — *дежурный*, *служащий* — *служащий*, *воз* — *возить*; укр. *ворона* — *вороний*, *черговий* — *черговий*, *поранений* — *поранений*, *шкода* — *шкодити*; бр. *зло* — *злы*, *вартавы* — *вартавы*, *ранены* — *ранены*, *гоман* — *гаманіць*; п. *dobro* — *dobry*, *mostowe* (ист.) — *mostowy*, *służący* — *służący*, *głos* — *głosić*; ч. *blaho* — *blahý*, *sousedská* «соседка» — *sousedský* «соседский», *vedoucí* «заведующий» — *vedoucí* «ведущий», *plod* — *ploditi*; вл. *vrana* — *vraný*, *nemocný* — *nemocný*, *vedúci* — *vedúci*, *mydlo* — *mydlit'*; болг. *zloto* — *zloty*, *žónska* «женщина» — *žónska* «женская», *гапєну* — *гапєну*, *hrozta* «страх» — *hrozyc*; болг. *топло* «теплота» — *топъл* «тёплый» — *топля* «грею», *учен* — *учен*, *командувац* — *командувац*,

сѣд «суд» — сѣдя «сужу»; м. *благо* — *благ*, *род* — *роди*; схв. *добро* — *добри*, *млада* «невеста» — *млад*, *храна* «пища» — *хранити* «кормить»; слн. *zlato* — *zlat*, *Primorsko* — *primorski*, *zvon* — *zvoniti*. Происхождение этих конверсионных связей различно. Связи типа *золото* — *золотой* и *воз* — *возить* восходят к позднеславянскому языку, в котором возникли в результате слияния гласного основы имени существительного *-o-*, отличавшего её от основ имени прилагательного и глагола, с падежными окончаниями и получившегося в связи с этим совпадения основ соответствующих имен существительных, прилагательных и глаголов. Что же касается конверсионных связей словоформ типа *дежурный* — *дежурный* и *служащий* — *служащий*, то они установились в отдельных славянских языках после распада общеславянского единства в результате субстантивации некоторой части имен прилагательных и причастий. Такая субстантивация в различных языках прошла с неодинаковой интенсивностью (наименее обычна она в южнославянских языках, где в таких случаях чаще всего выступают имена существительные с суффиксами *-ец* и *-ач*).

26. В области основосложения имен существительных всем современным славянским языкам свойственны сложные существительные, внутри которых отношения между составными основами имеют характер атрибутивный, объектно-акционный, объектно-субъектный, объектно-инструментальный, изредка субъектно-акционный и юкстапозиционный. Большинство этих типов сложений унаследовано славянскими языками через праславянский из индоевропейского [Vondrák 1924, 701—704; Мейе 1951, 300—302]. Юкстапозиционные отношения типа р. *лесопарк*, *торфокомпост*, *человекоторпеда*, укр. *лісопарк*, *торфокомпост*, *світлозвук*, бр. *лесопарк*, *торфакампост*, п. *kłubokawiarnia*, *osobodzień*, *plugopiaskarka*, *centrolewica*, ч. *kovokeramika*, слн. *lesostep*, болг. *чорапогащник* «калготки» (букв. «чулокбрючник») возникли, по-видимому, в новое время на основе отношений атрибутивных.

27. Сложные имена существительные с атрибутивным характером отношений между составными основами во всех славянских языках состоят из двух основ, первая из которых имеет семантический оттенок определения, а вторая (которая изредка может быть, в свою очередь, сложной) — оттенок определяемого. В роли определяющей может выступать основа любой именной части речи — имени существительного, прилагательного, числительного, местоимения, в роли определяемой — основа имени существительного любого словообразовательного состава или основа, семантически и формально напоминающая существительное. Вторая основа может быть безаффиксной; в случае наличия при ней суффикса он структурно принадлежит либо ей, либо всему сложному существительному в целом. Ср.: р. *кормозавод*, *льномолотилка*, *лагообеспеченность*, *разнорабочий*, *глубокорыхлитель*, *полусушко*, *миниплатье*, *первопроходец*, *четвертьфинал*, *своекорыстие*; укр. *звіроферма*, *кормокухня*, *місяцехід*, *кіноурок*, *різнороб*, *напівпродукт*, *мікролітак*, *першопрохідник*, *самонаведення*; бр. *ільномалатарня*, *боезапас*, *відзеазаніс*, *кінанарис*, *малалецтва*, *пайпрыхэп*, *мікрагарадок*, *чверцьфінал*; п. *wodolot*, *radioecho*, *meblo-*

ścianka, *próżnostan*, *współodkrywca*, *półprzyczepa*, *dwobój*, *samoładowarka*; ч. *masostrojek* «мясопубка», *kovoprůmysl*, *radiopřijímač*, *rychločistírna*, *velkovýroba*, *vysokokmen*, *mikrohnojivo*, *minisukně*, *samovazač*; слн. *drevopriemysl*, *novinoveda*, *radiovlna*, *rýchlovýkrm*, *vel'kovýroba*, *drobnochov*, *mikropovedka*, *maxisukňa*, *polotovar*, *desat'boj*, *samopal*; вл. *wodoslon* «беремот», *starowěk*, *wjeselohra* «комедия», *krótkopowědančko*, *wulkoměsto*, *mikrofilm*, *dwojožiwc* «земноводное», *samowjazak* «сноповязалка»; болг. *хлебозавод*, *трудоден*, *типоразмери*, *пътникопоток*, *фотоизкуство*, *високополимер*, *полузащитник*, *десетбой*, *първоизточник*, *своевластие*, *самодвижение*; м. *дрворед* «аллея», *радиоприемник*, *многуженство*, *прворотка* «первородящая», *двоцевка* «двустволка», *самокуќник* «вдовец»; схв. *трудоден*, *протиплан*, *полуфабрикат*, *првборац*, *самоглавац* «одиноким человек»; слн. *drevored* «аллея», *laketbrada* «длинная борода», *blagostanje* «благосостояние», *brzovlak* «скорый поезд», *trinog*, *stonoga*, *samosilnik* «тиран» и др. Модели большинства таких образований унаследованы славянскими языками из праславянского, в значительной степени через церковнославянский, испытавший в этом отношении влияние греческого. Однако новые конкретные образования по этим унаследованным моделям, а также некоторые новые разновидности моделей могут быть кальками соответствующих образцов неславянских литературных языков (в частности, немецкого с его интенсивной тенденцией к образованию сложных существительных, в т. ч. с атрибутивным характером отношений между составными основами, особенно характерных для чешского и словацкого языков [Коломиец 1973, 255]).

28. Сложные имена существительные с отношением объектно-субъектного характера между составными частями во всех славянских языках выступают в двух структурных разновидностях. Существительные первой разновидности состоят из двух именных основ, первая из которых имеет объектный оттенок значения, а вторая — значение исполнителя действия. Существительные второй разновидности имеют на первом месте основу в форме повелительного наклонения глагола и на втором — именную основу, приобретающую объектный оттенок значения. Ср.: р. *земледелец*, *скопидом*; укр. *добродій*, *паливода*; бр. *грыбавар*, *прайдзісвет*; п. *brakorób*, *woziwoda*; ч. *dřevorubec*, *vrtičhvořt*; слн. *letovod*, *kazisvet* «нарушитель порядка»; вл. *ludžiřgawc* «людоел», *paliwaka* «дракон»; болг. *чревоугодник*, *нехранимайка*; м. *земјоделец*, *лапнимува* «болтун»; схв. *водоноша*, *вртигуз* «трясогузка»; слн. *bogorodica*, *kařipot* «путеводитель». Модели этой разновидности сложных существительных унаследованы славянскими языками через праславянский из индоевропейского [Мейе 1951, 300, 302].

29. Сложные существительные с объектно-акционным характером отношений между составными частями состоят из двух именных основ, первая из которых приобретает собой название действия или форму, подобную такому названию. Ср.: р. *земледелие*, укр. *машинобудування*, бр. *золатаздабыча*, п. *przycodoznawstwo*, ч. *tělovýchova*, слн. *bábkohga*, вл. *krájoris* «краеведение», болг. *гроздобер* «сбор винограда», м. *машиноградба* «машиностроение», схв. *машиноградња*, слн. *zemlje-*

merstvo. Эта словообразовательная модель унаследована славянскими языками из праславянского.

30. Сложные существительные с объектно-инструментальными отношениями между составными основами состоят из двух именных основ, первая из которых обнаруживает оттенок значения объекта, а вторая — средства, орудия или инструмента, при помощи которого производится действие над объектом. Ср.: р. *соломорезка*, укр. *хмарочос* «небоскрёб», бр. *пыласос*, п. *wodomiot*, ч. *kulomet*, слц. *bleskozvod* «громоотвод», вл. *lodořatak*, болг. *глиномешалка*, м. *громобран* «громоотвод», схв. *водомер* «лот», слн. *vodovod* «водопровод». По-видимому, эта словообразовательная модель развилась в славянских языках на почве модели с объектно-субъектными отношениями в основном после распада праславянского единства и распространялась путем калькирования.

31. Сложные существительные с субъектно-акционным характером отношений между составными основами во всех славянских языках состоят из двух именных основ, первая из которых приобретает оттенок значения субъекта действия или состояния, а вторая — значение действия или состояния. Ср.: р. *солнцеворот*, укр. *водоспад*, бр. *рыбаход*, п. *listopad*, ч. *kuřopěni* «пение кур», слц. *slnovrat* «солнцеворот», вл. *wodobeh* «течение (воды)», болг. *сокотечение*, м. *водоскок* «фонтан», схв. *водостај* «уровень воды», слн. *vodopad*. По своему происхождению эта модель также восходит к праславянскому языку.

32. Всем славянским языкам свойственна особая разновидность сложных имен существительных, образованных из сочетаний предлога с именем существительным. Обычно слияние предлога с основой имени существительного сопровождается суффиксацией. В ряде случаев таким сложным существительным соответствуют сложные прилагательные, образованные из тех же предлогов и именных основ. Ср.: р. *пригород*, *подводник*, *наушник*; укр. *передмова*, *міжгір'я*, *нарукавник*; бр. *заграница*, *дашкольнік*, *закутак*; п. *przedmost*, *podręcznik* «учебник», *zagórze*; ч. *nadhlavnik* «зенит», *námořník* «моряк», *příjmení* «фамилия»; слц. *protijed*, *podbrušnik*, *predhorie*; вл. *podbroda*, *padniownik* «подёнщик», *mjezuzmogjo* «перешеек»; болг. *предговор*, *нарамник* «наплечник», *приморие*; м. *безброј* «бесчисленное множество», *заушница* «пощёчина», *подгорие*; схв. *надмоћ* «превосходство», *безгаћник* «безштаннык», *међувлашће* «междувластие»; слн. *padlaket* «верхняя часть руки», *podoknik* «подоконник», *zapestje* «запястье». Эта словообразовательная модель сформировалась уже в праславянском языке, но стала особенно продуктивной в эпоху развития славянских литературных языков. Увеличение продуктивности бессуффиксной разновидности этих образований типа *предпочка*, особенно в серболужицких языках (вл. *padkoleno* «бедро»), обусловлено влиянием соответствующих образцов немецкого языка (ср. с. 50).

33. В области аббревиации имён существительных всем славянским языкам свойственны три основных типа сложносокращённых слов: инициальные аббревиатуры, слоговые аббревиатуры (не отмеченные в верхнелужицком и македонском) и комбинированные аббревиатуры, в состав которых наряду с сокращёнными словами входят

и несокращённые. Ср.: р. *ВДНХ* «Выставка достижений народного хозяйства», *общепит*, *вещмешок*; укр. ЕОМ «электронно-обчислювальна машина», *профгруппорг*, *телепередача*; бр. АТС «аўтаматычная тэлефонная станцыя», *партком*, *земснарад*; п. PZPR «Polska zjednoczona partja robotnicza», *partorg*, *politminimum*; ч. JZD «Jednotné zemědělské družstvo», *Technomat*, *Technoexport*; слц. CSM «Československý sváz mladeže», *robkor*, *politbyro*; вл. СК «Centralny komitej», *politekonomija*; болг. МТС, *испълком*, *пластмаса*; м. ЦК, *политбирю*; схв. СИВ «Савезно извршно веће» («Союзное исполнительное вече»), *земаг* «земаљски магацин», *Техногаз*; слн. СК, *kominform*, *informbiro*. Развитие аббревиации в славянских языках приходится в основном на XX в., хотя начало этого процесса отмечается уже в конце XIX в. [Булаховский 1952, 215; Грамматика русск. яз. I 1952, 277—278; Словообразование совр. русск. лит. яз. 1968, 66—69; Wesołowska 1958, 341].

Межъязыковые различия

Между различными славянскими языками внутри славянской языковой группы в области словообразования имен существительных наблюдаются типологические (характерологические) различия двух уровней. Различия первого уровня касаются удельного веса определенных способов словообразования и определенных словообразовательных типов в отдельных славянских языках. Различия второго уровня касаются более разнообразных частных явлений внутри каждого способа словообразования.

1. Одно из наиболее существенных различий между славянскими языками в области словообразования имен существительных заключается в неодинаковой относительной продуктивности способов суффиксации и основосложения в отдельных славянских языках. В этом отношении отмечается различие между восточнославянскими, болгарским и македонским языками, с одной стороны, в которых количество сложных существительных среди всех зафиксированных неологизмов 1945—1970 гг. составляет от 18,5 % до 24,5 % при относительном количестве суффиксальных существительных среди неологизмов этих языков того же периода от 12,5 % до 32,5 %, и остальными славянскими языками, в которых относительное количество сложных имен существительных при тех же условиях составляет всего лишь от 4 % до 11 %, суффиксальных же существительных — от 19 % до 48 % [Коломієць 1973, 260, 264]. По-видимому, это различие отражает давние традиции словообразования в соответствующих литературных языках, восходящие в восточнославянских и болгарском языках через древнерусский и старославянский к греческому с его сильной тенденцией к основосложению [Буслаев 1959, 169—171; Бевзенко 1960, 137, и др.], а в остальных славянских языках — в значительной степени — к словообразовательным образцам латинского языка, для которого основосложение менее характерно.

2. Второе различие общего характера касается степени продуктивности аббревиации в различных языках. В этом плане отмечается

противоположность, с одной стороны, восточнославянских и сербохорватского языков, в которых относительное количество различных типов аббревиатур среди неологизмов-существительных составляет от 11 % до 21 %, и остальными языками, в которых соответствующее количество остается в границах 2,5—7,5 %. Особенно низка продуктивность аббревиации в серболужицком и македонском. Это различие обусловлено расхождениями в тенденциях развития и требованиях литературных норм отдельных славянских языков.

3. К различиям низшего уровня между славянскими литературными языками в области словообразования имен существительных принадлежат частные особенности отдельных языков в составе и продуктивности словообразовательных аффиксов. В частности, различные славянские языки отличаются неодинаковой продуктивностью общих для них префиксов. Так, по степени продуктивности префикса *пра-* имеет место противоположность, с одной стороны, восточнославянских и болгарского языков, в которых этот префикс является сравнительно мало продуктивным, и, с другой стороны, — всех остальных славянских языков, в которых с префиксом *пра-* образовано значительное количество новых слов в основном книжного характера. Как правило, такие образования являются кальками соответствующих слов немецкого языка с префиксом *иг-*.

4. Болгарский, македонский и серболужицкие языки отличаются от всех остальных славянских языков крайней ограниченностью употребления префикса *су-*. Для болгарского и македонского языков это объясняется тем, что в них посл. *sq-*, в отличие от посл. *sou-*, давало не *су-*, а *сѣ-* (болг.) и *са-* (м.), причем болг. *сѣ-* < *sq-* совпало с *сѣ-* < *sz-*, а м. *са-*, за редкими исключениями, заменилось близким по значению и более обычным *со-* < *sz-*. Непроductивность *су-* в серболужицком обусловлена особенностями развития этого языка.

5. В области словообразовательного класса суффиксальных названий лиц по роду занятий, профессии или выполняемым действиям имеют место различия между отдельными подгруппами языков различного состава, создаваемые наличием или отсутствием определенных суффиксов. Таковы, в частности, различия между большинством славянских языков, в которых имеются унаследованные из праславянского языка названия лиц с суффиксом *-ла* (*-ло*, *-лю*, посл. *-лю*) (ср. р. *zapevala* «запекшая ногами», *gromila*; укр. *bazkalo* «громилло»; бр. *abirala* «заправила»; п. *dreptała* «семенящий ногами», *bazgrała* «бумагомаратель, пачкун»; болг. *пискало* «крикун, пискун», м. *дремало* «соня», схв. *викало* «крикун», слн. *blebetało* «болтун») и чешским, словацким и верхнелужицким языками, утратившими такие образования; между большинством славянских языков, сохранивших в ограниченном объеме унаследованную модель названий лиц по действиям с суффиксом *-ок* (ср. р. *sedok*, укр. *іздок*, бр. *знаток*, п. *žarłok* «обжора», слц. *svedok* «свидетель», м. *сведок*, схв. *сведок*, слн. *svedok* «тж.») и чешским, верхнелужицким и болгарским языками, утратившими эту модель; между севернославянскими и сербохорватским языками, сохранившими унаследованные из праславянского языка немногочисленные названия деятелей с суффиксом *-ца* (*-ця*, *-са*, *-се*, посл. *-са*) (ср. р. *возница*, укр.

убивця, бр. *вазница*, п. *zbawca* «избавитель», ч. *tvůrce* «творец», слц. *sudca* «судья», вл. *gadca* «советник», схв. *убица*), и остальными южнославянскими языками, в которых эти образования слились с синонимичной моделью на *-ец* (*-ес*, посл. *-ьсь*); между восточнославянскими, польским, болгарским и словенским языками, сохранившими унаследованные из праславянского языка редкие названия лиц с суффиксом *-(at)ай* (*-(at)aj*, посл. *-(at)ajь*) (ср. р. *ходатай*, укр. *патай*, бр. *завадатай*, п. *gataj*, болг. *патай* «батрак», слн. *čuvaj* «сторож»), и остальными славянскими языками, утратившими подобные образования; между восточнославянскими, польским и словенским языками, сохранившими унаследованный тип названий лиц по действию или занятию с суффиксом *-ух* (*-uch*, *-uh*, посл. *-ухъ*) (ср. р. *пастух*, укр. *конюх*, бр. *свінух*, п. *pleciuch* «сплетник», слн. *požeguh* «обжора»), и остальными славянскими языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими, польским, чешским, словацким и болгарским языками, сохранившими унаследованные из праславянского языка названия лиц по характерному действию с суффиксом *-ун* (*-oun*, *-ijn*) (ср. р. *бегун*, укр. *крикун*, бр. *лятун*, п. *zwiąstun* «провозвестник», ч. *řvouh* «ревун, крикун», слц. *chgarúň*, болг. *опекун*), и остальными славянскими языками, утратившими такие названия; между восточнославянскими, польским и чешским языками, в небольшом объеме сохранившими унаследованную из праславянского модель названий лиц по выполняемым действиям, роду занятий или профессии с суффиксом *-ль* (*-l*, посл. *-lъ*) (ср. р. *строгаль*, укр. *скрипаль*, бр. *каваль* «кузнец», п. *kowal*, ч. *kecal* «болтун»), и остальными славянскими языками, утратившими эту модель; между восточнославянскими, чешским, словацким и болгарским языками, развившими у себя, преимущественно под влиянием русского языка, модель названий лиц по роду занятий или профессии и выполняемым действиям с суффиксом *-чик* (*-щик*, *-чык*, *-щык*, *-čik*) (ср. р. *резчик*, *рубищик*; укр. *підрядчик*, *оцінщик*; бр. *возчик*, *скупщик*; ч. *plavčik* «юнга», слц. *plavčik* «тж.», болг. *ремонтчик*), и остальными славянскими языками, не знающими этой модели; между восточнославянскими и польским языками, унаследовавшими, по-видимому, диалектную праславянскую модель названий лиц с суффиксом *-яга* (*-ęga*) (ср. р. *работяга*, укр. *бродяга*, бр. *trudźyga*, п. *włóczęga* «бродяга»), и остальными славянскими языками, в которых эта модель отсутствует; между болгарским, македонским и сербохорватским языками, заимствовавшими из турецкого языка модель названий лиц по роду занятий с суффиксом *-чия* (*-чија*, *-джия*, *-ција*) (ср. болг. *бетонджия* «бетонщик», *изкопчия* «землекоп», м. *бостанџија* «бахчевник», *занаетчија* «ремесленник», схв. *дућанџија* «лавочник»), и остальными славянскими языками, не знающими этого суффикса; между подавляющим большинством славянских языков, развивающим новую модель названий лиц по занятию с суффиксом *-ёр* (*-ер*, *-ег*, *-ёр*, *-ьор*) (ср. р. *комбайнер*, укр. *білетер*, бр. *ліфцёр*, п. *konfekcioner*, ч. *boxer*, слц. *rekođer*, вл. *brigaděr*, болг. *банкер*, м. *касир* «кассир», схв. *аутостонер*), и словенским языком, в котором заимствованный суффикс *-ег* замещен суффиксом *-аг* (слн. *boksar* и др.). В различных языках после распада праславянского

единства развились новые индивидуальные суффиксы названий лиц по действию и занятию, не получившие распространения на другие языки (р. *пройдоха*, укр. *водій*, п. *konkursowicz*, *obżegus* «обжора»; ч. *žrouť* «тж.», сл. *kradoš*, схв. *ješa* «много едящий», сл. *klatež* «бродяга», *pogetetaš* «футболист»).

6. В рамках словообразовательного класса названий лиц по свойству, принадлежности и происхождению имеют место различия между большинством славянских языков, которые обнаруживают унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип таких названий с суффиксом *-ач* (*-acz*, *-ač*, *-aĥ*, псл. *-ačь*) (р. *бородач*, укр. *головач*, бр. *брухач*, п. *siłacz*, ч. *boháč*, сл. *поћаџ*, вл. *hogdač* «гордец», схв. *голаћ* «голодранец», сл. *glavač*), и болгарским и македонским языками, утратившими этот тип; между большинством славянских языков, сохранивших унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип названий лиц по качественному признаку с суффиксом *-ан* (*-ань*, *-ān*, *-aŋ*, псл. *-anь/-anьь*) (ср. р. *горлан*, укр. *губань*, бр. *пузан*, ч. *velikān*, сл. *hluchāŋ*, болг. *големан*, м. *глуван* «глухой человек», схв. *глупан*, сл. *glavan*) и польским и серболужицкими языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими, польским, словацким и сербохорватским языками, сохранившими редкие примеры словообразовательной модели названий лиц по качеству с суффиксом *-оня* (*-onь*, *-oň*, *-oňa*, псл. *-onьь*) (р. *тихоня*, укр. *(по)-тихоня*, бр. *ціхоня*, п. *głuchonь*, сл. *beloň*, схв. *главоња*), и остальными языками, в которых эта модель отсутствует; между восточнославянскими языками, развившими у себя словообразовательные модели названий лиц по местности с суффиксом *-ич* (*-ич*) и названий лиц по качеству с суффиксом *-ей* (*-ий*) (р. *пскович*, *богатеј*; укр. *москвич*, *грамотій*; бр. *кастраміч*, *багацей*), и остальными языками, не знающими этих моделей; между украинским и белорусским языками, развившими у себя модели названий лиц по качеству с суффиксами *-ень* (*-ань*) и *-ун* (укр. *красень*, *дикун*; бр. *дурань*, *хітрун*), и остальными языками, которые не знают этих моделей; между польским и чешским языками, развившими у себя словообразовательный тип названий лиц по качеству с суффиксом *-ас* (п. *grubas*, ч. *chud'as*), и остальными языками, не знающими этого типа; между польским и словацким языками, развившими тип аналогичных названий на *-osz* (*-oš*) (п. *chudosz*, сл. *dlhoš*), и остальными языками; между польским и верхнелужицким языками, развившими модель названий с суффиксом *-uch* (п. *staguch*, вл. *čoguch*), и остальными языками; между чешским и словацким языками, развившими тип названий лиц по принадлежности с суффиксом *-аг* (*-ag*) (ч. *sektář*, сл. *hraničiar*), и остальными языками. В некоторых языках развились отдельные словообразовательные типы этого класса, не распространившиеся на другие языки (п. *klubowicz*, *dzikus*; вл. *běluš*, схв. *брадаш* «бородач», *дугај-лија* «долговязый человек»).

7. Несколько различий между славянскими языками обнаруживается в словообразовательном классе названий лиц женского пола. Таково различие между всеми севернославянскими языками, развившими у себя в различной степени словообразовательный тип на-

званий дочерей по названиям отцов с суффиксом *-овна* (*-евна*, *-івна*, *-ōwna*, *-ovna*) (р. *царевна*, укр. *бондарівна*, бр. *папоўна*, п. *wójtówna*, ч. *královna*, сл. *král'ovná*, вл. *královna*), и южнославянскими языками, не знающими этого словообразовательного типа; между восточнославянскими, словацким и сербохорватским языками, развившими модель редких названий женщин или названий общего рода по свойствам с суффиксом *-уля* (*-ul'a*, *-уля*) (ср. р. *капризуля*, укр. *здоровуля*, бр. *гразнуля*, сл. *gambul'a* «губатая женщина», схв. *грудуля* «безобразная женщина»), и остальными языками, в которых эта модель отсутствует; между восточнославянскими и словацким языками, развившими у себя модель названий лиц женского пола с суффиксом *-уха* (*-ucha*) (р. *крикуха*, укр. *шептуха*, бр. *павітуха*, сл. *уст. stagucha*), и остальными языками, не имеющими этой модели; между восточнославянскими языками, развившими модели названий лиц женского пола на *-иха* и *-ша* (р. *повариха*, *директорша*; укр. *ковалиха*, *генеральша*; бр. *старасціха*, *касірша*), и остальными языками; между русским, словацким и южнославянскими языками, развившими тип названий лиц женского пола с суффиксом *-уша* (*-uša*) (р. *кликуша*, сл. *beluša*, болг. *слабуша*, м. *дебелуша* «толстячка», схв. *говедаруша* «пастушка», сл. *debeluša*), и остальными языками; между польским, чешским и верхнелужицким языками, развившими тип названий лиц женского пола по мужьям на *-ова* (*-ova*) (п. *królowa*, ч. *doktorková*, вл. *Krawcowa*), и остальными языками, не знающими этого типа (ср., впрочем, единичное образование р. укр. бр. *королева*).

8. В классе названий самок животных имеет место противоположность между восточнославянскими языками, обнаруживающими словообразовательный тип с суффиксом *-иха* (*-иха*, *-ыха*), общим и для названий лиц женского пола (р. *ежиха*, укр. *зайчиха*, бр. *сланіха*), и остальными языками, у которых этот тип отсутствует.

9. В области названий средств, орудий и инструментов выделяются различия между большинством славянских языков, сохранившим унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип названий рукояток орудий на *-ище* (*-išca*, *-iště*, *-иште*, *-išče*, *-isko*) (р. *топорище*, укр. *граблисько*, *граблище*, бр. *малатавішча*, п. *toporzysko*, ч. *kosiště*, сл. *hrablisko*, схв. *секириште*, сл. *metlišče*), и болгарским и македонским языками, утратившими этот словообразовательный тип; между севернославянскими языками, сохранившими модель названий орудий с суффиксом *-ак* (*-ak*) (р. *тесаак*, укр. *пізак*, бр. *чарпак*, п. *chodak*, ч. *držák*, сл. *tesák*, вл. *řezák* «нож мясника»), и южнославянскими языками, утратившими эту модель; между восточнославянскими, польским, чешским и словацким языками, сохранившими в небольшом объеме словообразовательный тип названий орудий и инструментов с суффиксом *-ница* (*-ниця*, *-ніца*, *-nica*, *-nice*) (р. *скребница*, укр. *віконниця*, бр. *кропельніца*, п. *galkietnica*, ч. *polnice* «горн», сл. *uholnica* «экер»), и остальными языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими, болгарским и македонским языками, сохранившими модель названий орудий с суффиксом *-тель* (*-цель*, *-тел*, *-тель*) (р. *выключатель*, укр. *глушитель*, бр. *праявіцель*, болг. *предавател* «передатчик», м. *двигател*), и осталь-

ными языками, не знающими этой модели; между восточнославянскими, чешским и словацким языками, использовавшими суффикс *-ун* (*-oun*, *-ún*) для образования названий орудий и приспособлений (ср. р. *шатун*, укр. *двигун*, бр. *калун*, ч. *letoun* «самолет», сл. *letún* «тж.»), и остальными языками, в которых суффикс *-ун* такой функции не приобрел; между восточнославянскими и южнославянскими языками, развившими словообразовательный тип названий орудий с суффиксом *-лка* (*-ьлка*, *-lka*) (ср. р. *велялка*, укр. *сівалка*, бр. *касілка*, болг. *сеялка*, м. *садилка*, схв. *писалька* «карандаш», сл. *piščalka* «свисток»), и западнославянскими языками; между восточнославянскими и польским языками, развившими модель названий орудий на *-ик* (*-ik*, *-ik*) (р. *грозвик*, укр. *маховик*, бр. *бранявік*, п. *budzik*), и остальными языками; между русским, украинским и польским языками, развившими модель названий орудий и средств с суффиксами *-ка* (*-ka*) (р. *врубовка*, укр. *пилка*, п. *ścierka*), и остальными языками.

10. В словообразовательном классе названий помещений и вместилищ имеют место различия между подавляющим большинством славянских языков, сохранивших унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип с суффиксом *-ня* (*-nia*, *-na*, *-ña*, *-eñ*) (р. *пекарня*, укр. *кузня*, бр. *друкарня*, п. *sukiernia* «кондитерская», ч. *šatna* «гардеробная», сл. *kotolňa* «котельная», *rekáreň*, вл. *kólnia* «сарай», болг. *спалня*, сл. *pisarna* «канцелярия»), и македонским и сербохорватским языками, заменившими модель с *-ња* моделью с *-ница* (м. схв. *ковачница* и т. п.); между восточнославянскими и южнославянскими языками, развившими словообразовательный тип названий помещений на *-ище* (*-иште*, *-ишча*, *-išče*) (р. *хранилище*, укр. *сховище*, бр. *судзілішча*, болг. *читалище*, м. *училиште*, схв. *тркалиште* «манеж», сл. *učilišče*), и западнославянскими языками, не знающими этого словообразовательного типа; между восточнославянскими, польским, чешским и словацким языками, сохранившими унаследованный из праславянского словообразовательный тип названий помещений на *-инец* (*-инець*, *-інец*, *-ынец*, *-iniec*, *-upiec*, *-iniec*) и развившими словообразовательный тип названий помещений на *-ка* (*-ka*) (р. *зверинец*, *кладовка*; укр. *свининець*, *підсобка*; бр. *бабінец* «часть церковного помещения», *старожка*; п. *zwierzyniec*, *garmazgerka* «кулинарное предприятие»; ч. *ovčines* «овчарня», *automobilka* «автомобиль»; сл. *kraviniec*, *automobilka*), и остальными языками, не знающими этих типов; между чешским и словацким языками, развившими словообразовательные типы названий помещений на *-in* и *-dlo* (ч. *kravín* «коровник», *divadlo* «театр»; сл. *kurín*, *bydlo* «жилище»), и остальными славянскими языками; между сербохорватским и словенским языками, развившими словообразовательный тип названий помещений на *-'ак* (*-'ak*) (схв. *голуби'ак* «голубятня», сл. *kozjak* «хлев для коз»), и остальными языками. Верхнелужицкий язык развил индивидуальный словообразовательный тип названий помещений на *-епс* (вл. *holbjeps* «голубятня», *kurjeno* «курятник»).

11. В классе названий мест по характерным предметам или явлениям отмечается различие между словацким и верхнелужицким языками, развившими словообразовательную модель названий мест

на *-ница* (сл. *kopornica*, *trávnica*; вл. *winica* «виноградник»), и остальными языками.

12. Ряд различий между славянскими языками обнаруживается в области словообразования собирательных названий. Таковы различия между подавляющим большинством славянских языков, сохранившим унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип собирательных существительных на *-ьё* (*-я*, *-ie*, *-í*, *-je*, *-jo*, посл. *-yje*) (р. *лоскутьё*, укр. *пір'я*, бр. *трап'ё*, п. *liście*, ч. *dubí*, сл. *uhlie*, вл. *rjerjo*, схв. *каменьє*, сл. *brinje* «можжевелик»), и болгарским и македонским языками, в которых соответствующие образования включились в парадигму множественного числа (ср., однако, болг. *зеле* «зелье»); между большинством славянских языков, сохранивших преимущественно в небольшом объёме унаследованный из праславянского словообразовательный тип собирательных существительных на *-ёж* (*-ež*, посл. *-ežь*) (ср. р. *молодёжь*, п. *mlodzież*, ч. *drůbež* «домашняя птица», сл. *mládež*, болг. *младеж*, м. *младеж*, схв. *стареж* «старьё», сл. *mladež*), и украинским, белорусским и верхнелужицким языками, утратившими этот тип; между севернославянскими и словенским языками, сохранившими унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип собирательных существительных с суффиксом *-ина* (*-ina*, *-yna*, *-ina*, *-upa*, *-izna*, посл. *-ina*) (ср. р. редк. *дичина* «дичь», укр. *ліщина* «кустарник лещины», бр. *зверына*, п. *buczyna* «буковая роща», ч. *dubina*, сл. *jačina*, вл. *brězyna*, *rjerizna* «домашняя птица», сл. *zlatnina* «золотые вещи»), и болгарским, македонским и сербохорватским языками, утратившими этот словообразовательный тип; между восточнославянскими, польским, чешским и словацким языками, развившими словообразовательный тип собирательных существительных с суффиксом *-ота* (*-ota*) (ср. р. *беднота*, укр. *дрібнота* «мелкие существа», бр. *галота*, п. *biednota*, ч. *řechota*, сл. *pechota*), и остальными языками, не знающими этого словообразовательного типа; между восточнославянскими, польским, болгарским, македонским и сербохорватским языками, сохранившими унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип собирательных существительных с суффиксом *-няк* (*-niak*, *-ak*, *-jak*) (ср. р. *сосняк*, укр. *дубняк*, бр. *лазняк*, п. *brzeźniak*, болг. *орешак* «орешник», м. *врб'як*, схв. *врбак*, *врб'ляк*), и остальными языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими и словацким языками, развившими словообразовательную модель собирательных существительных на *-ва* (*-va*) (ср. р. *листва*, укр. *грошва*, бр. *братва*, сл. *detva*), и остальными языками, не знающими этой модели; между сербохорватским и словенским языками, сохранившими унаследованную из праславянского языка модель собирательных существительных на *-ад* (*-ad*, посл. *-eđь*) (ср. схв. *јагњад*, *челяд*, сл. *živad* «скот»), и остальными языками, утратившими эту модель (ср. её следы в р. *пестрядь*, *рухлядь*, *челядь*, укр. *челядь*, бр. *чэлядзь*, п. *czeladz*, ч. *čeled'*, сл. *čel'ad'*, вл. *čeledž*, болг. *челяд*, м. *челяд*); между болгарским и македонским языками, образующими собирательные существительные с заимствованным из турецкого языка суффиксом *-лак* (ср. болг. *гьсталак* «чаща», м. *врбалак* «ивняк»), и

остальными славянскими языками. В отдельных славянских языках возникли индивидуальные словообразовательные типы этого класса, не распространившиеся на другие языки (п. *igliwie* «хвоя», слц. *sedl'ač* «мужицьё», *jupač* «молодёжь»).

13. Славянские языки не имеют общего для них словообразовательного типа имен существительных со значением единичности. В этом словообразовательном классе основное различие имеет место между севернославянскими языками, использующими в этих образованиях унаследованный из праславянского языка суффикс *-ина* (*-іна*, *-ына*, *-іпа*, *-упа*) (ср. р. *горошина*, укр. *зернина*, бр. *валасіна*, п. *bylina*, ч. *kleština* «одна из двух половинок клещей», слц. *bylina*, вл. *gostlina*), и южнославянскими языками, в которых значение единичности передаётся суффиксом *-ка* (болг. *сламка* «соломинка», м. *трєвка* «травинка», схв. *папратка* «лист папоротника») или *-іса* (слн. *slamica* «соломинка»).

14. В области обширного словообразовательного класса имён существительных, обозначающих действия и состояния, имеют место различия между подавляющим большинством славянских языков, сохранивших в различном объёме унаследованный из праславянского языка словообразовательный тип с суффиксом *-еж* (*-ёж*, *-іж*, *-еž*, *-ež*, посл. *-ežь*) (ср. р. *кутёж*, укр. *платіж*, бр. *галдзёж*, п. *kradziež*, ч. *loupež* «грабёж», слц. *krádež*, болг. *вѣрвеж* «ходьба», м. *татнеж* «грохот», схв. *бодєж* «колотье», слн. *metež* «мятеж»), и верхнелужицким языком, утратившим этот словообразовательный тип; между подавляющим большинством языков, сохранивших унаследованный из праславянского словообразовательный тип названий действий с суффиксом *-ок* (*-ак*, *-ек*, *-ок*, *-к*) (ср. р. *бросок*, укр. *стрибок*, бр. *рывок*, п. *uczupok* «поступок», ч. *posunek* «жест, гримаса», слц. *priestupok* «проступок», вл. *wotróink* «отдых», м. *бацок* «поцелуй», схв. *излазак* «выход»), и болгарским и словенским языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими, польским, болгарским, сербохорватским и словенским языками, сохранившими унаследованный из праславянского словообразовательный тип названий действий на *-(от)ня* (*-(ат)ня*, *-піа*, *-ња*, *-пја*) (ср. р. *возня*, *беготня*, укр. *гризня*, бр. *бегатня*, п. *kłótnia* «ссора», болг. *шетня* «скитание», схв. *радња* «работа», слн. *gradnja* «строительство»), и остальными языками, утратившими этот тип; между восточнославянскими, чешским, словацким, верхнелужицким, болгарским и македонским языками, сохранившими в ограниченном объёме модель названий действий с суффиксом *-ица* (*-овица*, *-овиця*, *-авица*, *-пісе*, *-піса*, *-їса*, *-ница*) (ср. р. *косовица*, укр. *возовиця*, бр. *касовица*, ч. *tlačeníce* «толкотня», слц. *t'ahanísa* «ссора; хлопоты», вл. *саканса* «долгое ожидание», болг. *караница* «ссора», м. *викотница* «шум, гам»), и остальными языками; между восточнославянскими и польским языками, развившими модель названий действий на *-ина* (*-іна*, *-іпа*) (ср. р. *писанина*, укр. *стрілянина*, бр. *мазаніна*, п. *bieganina*), и остальными языками; между украинским, сербохорватским и словенским языками, сохранившими устарелую модель названий действий на *-нява* (*-њава*, *-ава*) (укр. *стукотнява*, схв. *гудњава* «гул», слн. *peпjава* «обмен»), и остальными языками, утратившими эту модель; между украинским, белорусским,

польским и чешским языками, развившими словообразовательный тип названий действий с заимствованным из немецкого языка суффиксом *-унок* (*-унак*, *-іпек*, *-уїк*) (ср. укр. *цілунок*, бр. *ратунак* «спасение», п. *gabunek* «грабеж», ч. *levuїk* «снижение (цены)»), и остальными языками; между украинским и белорусским языками, развившими у себя в ограниченной степени модель названий действий на *-неча* (укр. *гуркотнеча*, бр. *калатнеча*), и остальными языками. В украинском языке развился особый словообразовательный тип названий действий и состояний на *-ощі* (*пустощі*, *веселощі*, *хитрощі*), остальным языкам не известный.

15. В области названий свойств и качеств выделяется различие между русским, чешским, словацким, верхнелужицким, сербохорватским и словенским языками, сохранившими унаследованную из праславянского языка модель названий свойств и качеств с суффиксом *-оба* (*-оба*) (ср. р. *худоба*, ч. *běloba*, слц. *hniloba*, вл. *staroba*, схв. *грдоба* «уродство», слн. *bridkoba* «горечь»), и остальными языками, утратившими эту модель; между восточнославянскими языками, развившими модель названий свойств и качеств с суффиксом *-(м)ень* (*-інь*) (р. *сухмень*, укр. *височінь*, бр. *глухмень*), и остальными языками; между белорусским, сербохорватским и словенским языками, развившими модель названий свойств и качеств с суффиксом *-іня* (*-ыня*, *-иња*, *-іпја*) (бр. *глыбіня*, *быстрыня*, схв. *голотиња* «нагота», слн. *draginja* «дороговизна»), и остальными языками; между русским, украинским и словацким языками, развившими модель названий свойств и качеств с суффиксом *-ева* (*-ява*, *-ава*) (р. *синева*, укр. *рівнява*, слц. *dĺžava* «длиннота»), и остальными языками; между украинским и белорусским языками, развившими модель названий свойств с суффиксом *-(н)еча* (укр. *дорожнеча*, бр. *макрэча*), и остальными языками; между чешским и словацким языками, развившими модель названий свойств с суффиксом *-ка* (ч. *vůška* «высота», слц. *širka* «широта»), и остальными языками; между болгарским и македонским языками, развившими модели названий свойств и качеств с суффиксами *-отия* (*-отија*) и заимствованным *-лѣк* (*-лук*, *-лак*) (болг. *простотия*, *бабитлѣк* «удальство», *фудуллук* «гордыня»; м. *чистотија*, *ергенлак* «холостяцкое состояние»), и остальными языками; между сербохорватским и словенским языками, развившими модель названий свойств с суффиксом *-оћа* (*-оца*) (схв. *бледоћа*, слн. *bridkoća* «горечь»), и остальными языками. В украинском языке развилась модель названий свойств и качеств с суффиксом *-ощі* (укр. *скупощі*), не распространившаяся на другие языки.

16. В области уменьшительных и ласкательных образований имеет место различие между подавляющим большинством славянских языков, сохранивших унаследованный из праславянского словообразовательный тип на *-ок* (*-ёк*, *-ек*, *-ок*, *-к*) (ср. р. *лесок*, *зверёк*; укр. *дубок*, бр. *гадок*, *дзянёк*; п. *kotek*, ч. *ptáček*, слц. *sněpok*, вл. *lěsk*, м. *денчок* «денёк», схв. *цветак*, слн. *bobenček* «барабанчик»), и болгарским языком, утратившим этот словообразовательный тип; между восточнославянскими, южнославянскими и словацким языками, сохранившими унаследованный словообразовательный тип уменьшительных назва-

ний среднего рода на *-це* (*-цо*, *-ца*, *-се*) и мужского рода на *-ко* (*-ка*, *-ко*) (ср. р. *оконце*, *сельцо*, *батька*; укр. *дереце*, *татко* «папочка»; бр. *балотца*, *азяро*, *татка* «папочка»; слц. *slovce*, *цјко* «дяденька»; болг. *писъмце*, *братко*; м. *перце*, *татко*; схв. *винце*, *уйко*; слн. *kolesce*, *sinko*), и польским и верхнелужицким языками, заменившими в образованиях среднего рода суффикс *-се* суффиксом *-ко*, а в словах мужского рода суффикс *-ко* суффиксом *-ек* (*-к*); между севернославянскими языками, сохранившими и расширившими употребление в уменьшительных образованиях среднего рода унаследованного из праславянского языка суффикса *-ко* (*-ка*, *-ко*) и в образованиях мужского рода унаследованного суффикса *-ик* (*-ік*, *-ік*) (ср. р. *ушко*, *мячик*; укр. *личко*, *зайчик*; бр. *мясечка*, *носік*; п. *okienko*, *kopik*; ч. *vlákénko* «волоконце», *chlárik* «парнишка»; слц. *koliesko*, *chleбіk*; вл. *piwko*, *požik*), и южнославянскими языками, в которых суффикс *-ко* был вытеснен суффиксом *-це* (*-се*), а суффикс *-ик* — другими суффиксами; между восточнославянскими и польским языками, развившими в незначительном объеме модель уменьшительных образований на *-усь* (*-уся*, *-иш*, *-usia*) (р. *мамуся*, укр. *дідусь*, *бабуся*, бр. *мамуся*, п. *tatus* «папочка», *babusia*), и остальными языками; между русским, польским, чешским, словацким и верхнелужицким языками, сохранившими унаследованную модель уменьшительных образований с суффиксом *-ушк-* (*-usz(e)k*, *-ušk-*, *-oušek*) (ср. р. *матушка*, *камушек*; п. *starguszek*; ч. *staroušek*, *staruška*, *jablouško*; слц. *matuška*, вл. *kapušk*), и остальными языками; между украинским, белорусским и польским языками, развившими модель уменьшительных образований на *-унь* (*-уня*, *-unia*) (ср. укр. *дідунь*, *бабуня*, бр. *дзядуня*, п. *matunia*), и остальными языками; между чешским, словацким и верхнелужицким языками, развившими модель уменьшительных образований с суффиксом *-атко* (ч. *holátko* «неоперившийся птенец», слц. *nebožiatko* «бедняжка», вл. *swjećatko* «иконка»), и остальными языками, в которых суффикс *-атко* (*-atko*) остается сочетанием суффиксов *-ат-* (*-et-*, *-at-*) и *-ко* (*-ko*); между болгарским, македонским и сербохорватским языками, развившими модель уменьшительных образований с суффиксом *-че* (болг. *братче*, м. *рекче* «речушка», схв. *момче* «мальчик»), и остальными языками, в которых компонент *-че* (*-ча*, *-cze*) остается сочетанием суффикса *-а* (*-e*, из псл. *-e*, *-et*) с предшествующим согласным основы *к* (*ц*); между украинским и белорусским языками, развившими модель уменьшительных образований на *-еня* (*-янё*, *-анё*, *-яня*, *-аня*) (укр. *гусеня*, бр. *казлянё*, *казляня*, *зайчанё*, *зайчаня*), и остальными языками; между болгарским и македонским языками, развившими модель уменьшительных образований на *-ле* (болг. *братле* «братец», м. *носле* «носик»), и остальными языками; между сербохорватским и словенским языками, развившими модели уменьшительных образований на *-ић* (*-ič*) и на *-иц* (*-ic*) (схв. *градић* «городок», *коњиц* «лошадка»; слн. *tatič* «воришка», *možic* «небольшой мужчина»), и остальными языками; между белорусским и польским языками, развившими модель уменьшительных образований на *-ухна* (*-uchna*) (бр. *дзедухна*, *цётухна*; п. *matuchna*, *gęszczuchna* «ручечка»), и остальными языками.

17. Общих для всех славянских языков моделей увеличительных образований в настоящее время не сохранилось. Это вызвано тем, что общий для подавляющего большинства славянских языков словообразовательный тип увеличительных существительных с суффиксом *-ище* (*-ища*, *-ишча*, *-исько*, *-isko*, *-иште*), унаследованный из праславянского языка (р. *домище*, *ручища*; укр. *писько*, *псище*; бр. *галасишча*, п. *babisko*, ч. *dubisko*, слц. *chlapiško*, вл. *kamjenisko*, болг. *ръчище* «ручища», м. *човечиште*, схв. *људиште* «чудовищный человек»), словенским языком утрачен; крайне ограниченно представлен этот тип также в чешском и верхнелужицком языках, в которых образования на *-isko* приобрели в основном уничижительное значение; в этом же словообразовательном классе имеет место различие между русским, белорусским, чешским и южнославянскими языками, сохранившими унаследованную из праславянского модель увеличительных образований на *-ина* (*-іна*, *-іпа*, *-izna*) (р. *домина*, бр. *галасіна*, ч. *babizna* «бабища; карга», болг. *халетина* «крупный мужчина, крупная женщина», м. *јуначина* «огромный парень», схв. *људина* «человечище», слн. *glavina* «головище»), и остальными языками, утратившими эту модель; между украинским, белорусским, верхнелужицким, болгарским и сербохорватским языками, сохранившими в ограниченном объеме унаследованную из праславянского словообразовательную модель увеличительных образований на *-ило* (*-іла*, *-ыла*, *-idlo*) (ср. укр. *здоровило*, *чумачило*; бр. *дурніла*, *дурыла*; вл. *kočidlo* «котище», болг. *страшило* «страшилище», схв. *грдило* «урод»), и остальными языками, утратившими эту модель; между восточнославянскими и болгарским языками, развившими модель увеличительных названий на *-уга* (*-юга*) (р. *зверюга*, укр. *собацюга*, бр. *хітруга*, болг. *мечуга* «огромный медведь»), и остальными языками; между русским, украинским и болгарским языками, развившими аналогичную предыдущей модель на *-ага* (*-яга*) (р. *ветряга*, укр. *скуп'яга*, болг. *хайдучага* «разбойник»), и остальными языками; между украинским, сербохорватским и словенским языками, развившими отдельные увеличительные названия на *-ура* (*-ига*) (укр. *шматура*, *носюра*, схв. *главура*, слн. *babuga*), и остальными языками. В отдельных языках развились индивидуальные модели увеличительных образований, не распространившиеся на другие языки (укр. *багнука*, болг. *заплесия* «зевака», *халосия* «сорвиголова»).

Рассмотренными словообразовательными типами не исчерпывается свойственное славянским языкам разнообразие словообразовательного состава. Могут быть выделены еще такие словообразовательные классы, как названия предметов по различным признакам (р. *пятак*, *медяк*, *косяк*, *коробка*, *обрубок*, *передник* и т. п.), названия растений, названия животных, названия явлений природы, названия результатов речевой и художественной деятельности, названия болезней и др. Эти классы состоят из многих словообразовательных типов, имеющих различное распространение по отдельным славянским языкам. В этих условиях одни и те же сравнительно немногочисленные суффиксы используются для оформления нескольких различных словообразовательных типов, что приводит к широкой словообразовательной омонимии отдельных суффиксов (ср. р. *рыбак*, *простак*, *туляк*,

резак, стояк, кругляк, костяк, пустяк, трояк, гусак, червяк, сыпняк и др.). Изучение омонимии словообразовательных аффиксов составляет важную специальную проблему сопоставительного и сравнительно-исторического языкознания.

Большинство различий между современными славянскими языками в области словообразования имен существительных образует сложные пучки изоглосс, которые противопоставляют отдельные подгруппы славянских языков, объединяющие от трех до восьми языков. Наиболее показательными являются два пучка изоглосс, один из которых отделяет восточнославянские языки от западных и южных, а другой противопоставляет севернославянские языки южным. Первый пучок изоглосс образован наличием в восточнославянских языках шести развившихся у них словообразовательных типов, отсутствующих в остальных языках (названия лиц по местности на *-ич*, названия лиц по свойству на *-ей*, названия лиц женского пола на *-иха* и *-ша*, названия самок животных на *-иха*, названия свойств на *-ень*). Второй пучок состоит из пяти в основном унаследованных из праславянского словообразовательных типов, сохранившихся в севернославянских языках и утраченных южнославянскими (названия орудий на *-ак*, названия со значением единичности на *-ина*, уменьшительные на *-ко* и на *-ик*, названия дочерей по названию отца на *-евна/-овна*). К первому пучку примыкают пучки, охватывающие восточнославянские и польский языки (четыре словообразовательных типа, в основном новых: названия лиц по действию на *-яга*, названия действий на *-ина*, названия орудий на *-ик*, уменьшительные названия на *-усь/-уся*), а также восточнославянские и словацкий (два словообразовательных типа: названия лиц женского пола на *-уха*, собирательные названия на *-ва*). Ко второму пучку примыкают пучки, охватывающие севернославянские языки за исключением верхнелужицкого (четыре словообразовательных типа: названия орудий на *-нища*, названия помещений на *-инец* и на *-ка*, собирательные существительные на *-ота*), а также за исключением польского и верхнелужицкого (три словообразовательных типа: названия лиц по действию на *-ун*, названия лиц по качественному признаку на *-ан*, названия орудий на *-ун*) и за исключением словацкого и верхнелужицкого (названия лиц по действию на *-ль*). Сюда же следует отнести пучок, охватывающий южнославянские языки, за исключением словенского (наличие названий лиц по действию с заимствованным суффиксом *-чия*, наличие уменьшительных названий на *-че* и отсутствие собирательных названий на *-ина*), и изоглоссу, охватывающую все севернославянские и сербохорватский языки (тип названий лиц по действию на *-ца*). Образованные этими пучками типологические подгруппы славянских языков совпадают с членением славянских языков по генетическому признаку на три подгруппы — восточную, западную и южную и, в более общем плане, на севернославянскую (которая объединяет восточную и западную) и южнославянскую. Характерно, что западнославянские языки по типологическим признакам в области словообразования имен существительных последовательно объединяются с восточнославянскими языками и только по двум общим исключительно для них отрицательным признакам — от-

сутствию названий орудий на *-лка* и названий помещений на *-išče/-isko* — обособляются от остальных славянских языков. Этот же факт создает одну восточнославянско-южнославянскую изоглоссу (названия помещений на *-ище*), к которой присоединяются две изоглоссы, охватывающие эти языки вместе со словацким (уменьшительные названия среднего рода на *-це* и мужского на *-ко*), одна изоглосса, охватывающая их вместе с польским (названия лиц по действию на *-ла/-ло*), а также вместе с польским и словацким, но без болгарского языка (названия лиц по действию на *-ок*). Что касается восточнославянских языков, то их типологические особенности целиком обусловлены появлением у них общих для них словообразовательных типов, между тем как особенности южнославянских языков вызваны в основном утратой ряда унаследованных словообразовательных типов, сохранившихся в севернославянских языках. Таким образом, типологические особенности севернославянских языков как в количественном, так и в генетическом плане могут рассматриваться как непосредственно примыкающие к особенностям общеславянским.

Для характеристики ближайших связей между отдельными славянскими языками важное значение имеют изоглоссы в области словообразования имен существительных, объединяющие славянские языки попарно. Таковы семь изоглосс между болгарским и македонским языками (наличие собирательных названий с заимствованным суффиксом *-лак*, названий свойств и качеств с заимствованными суффиксами *-отия* и *-лък*, уменьшительных названий на *-ле*, отсутствие названий лиц по свойству на *-ач*, названий рукояток орудий на *-ище*, собирательных названий на *-це*), пять изоглосс между украинским и белорусским языками (наличие названий лиц по свойству на *-ень* и на *-ун*, названий действий на *-неча*, названий свойств на *-еча*, уменьшительных названий на *-еня*), четыре изоглоссы между чешским и словацким языками (словообразовательные типы названий лиц по принадлежности на *-аг*, названий помещений на *-ip* и *-dlo*, названий свойств на *-ка*); четыре изоглоссы между сербохорватским и словенским языками (названия помещений на *'ак*, собирательные названия на *-ад*, уменьшительные названия на *-ић* и на *-иц*), одна изоглосса между русским и украинским языками (названия орудий и средств на *-чик*). Эти пучки изоглосс между парами ближайше родственных языков существенным образом дополняют названные выше пучки, объединяющие целые подгруппы.

Типологическое своеобразие отдельным славянским языкам придают развившиеся в большинстве из них индивидуальные словообразовательные типы имен существительных, отсутствующие в остальных славянских языках, а также отсутствие у некоторых из них отдельных словообразовательных типов, имеющих во всех остальных языках. Таковы в словенском языке наличие названий лиц по действию на *-ež* и на *-až*, отсутствие названий лиц по действию на *-eg* и увеличительных названий на *-išče*; в украинском языке типы названий лиц по действию на *-ий*, названий действий и состояний на *-оци*, названий свойств на *-оци*, увеличительных названий на *-юка*; в польском языке словообразовательные типы названий лиц по действию на *-owicz* и на *-us*,

названий лиц по свойству тоже на -owicz и -us, собирательных названий на -iwie; в словацком языке словообразовательные типы названий лиц по действию на -oš, названий мест на -pisa и собирательных названий на -ač; в сербохорватском языке словообразовательные типы названий лиц по действию на -ша, названий лиц по свойствам на -аш и -лија; в верхнелужицком наличие названий лиц по свойствам на -uš и отсутствие названий действий на -ež; в русском тип названий лиц по действию на -оха; в чешском — названий лиц по действию на -out. В некоторых случаях индивидуальные словообразовательные модели отдельных языков представлены одним-двумя образованиями, учитывать которые было бы нецелесообразно.

Во всех перечисленных случаях, когда по наличию или отсутствию определенного словообразовательного признака выделяются небольшие группы языков (в частности, пары) или отдельные славянские языки, следует иметь в виду, что все остальные типологически прстивостоящие им славянские языки тоже образуют по данному признаку отдельные типологически целостные группы.

К числу типологических показателей славянских языков в области словообразования имен существительных принадлежит и общее количество свойственных каждому отдельному языку типологически значимых словообразовательных признаков. В этом плане заслуживает внимания количество отсутствующих в отдельных славянских языках таких словообразовательных признаков, которые имеются в большинстве других языков. С этой точки зрения славянские языки в порядке убывающего количества отсутствующих в них признаков словообразования имен существительных располагаются следующим образом: 1. македонский язык — 19 отсутствующих признаков, свойственных большинству других славянских языков; 2. болгарский — 18 таких отсутствующих признаков; 3. словенский — 16; 4. верхнелужицкий — 15; 5. нижнелужицкий — 14; 6. сербохорватский — 14; 7. чешский — 7; 8. польский — 7; 9. словацкий — 6; 10. украинский — 4; 11. белорусский — 3. В отличие от всех остальных славянских языков, в русском языке отмечается отсутствие только таких типологических признаков в области словообразования имен существительных, которые отсутствуют и в большинстве других славянских языков, наличествуя лишь меньше чем в половине всей славянской группы.

Характерно, что в македонском и болгарском языках, выделяющихся наибольшим количеством отсутствующих признаков, свойственных большинству других славянских языков, отмечается вместе с тем наибольшее количество одинаковых особых признаков, отсутствующих в других славянских языках.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В области словообразования имен прилагательных славянские языки характеризуются рядом общих для них типологических черт, являющихся яркими показателями их структурного единства. Степень этого структурного единства лишь в незначительной мере снижается имеющимися в словообразовании имен прилагательных межъязыковыми различиями.

1. Во всех славянских языках имена прилагательные образуются от глаголов, имен существительных, имен числительных, наречий и от самих имен прилагательных. Ср. р. *стоячий, читальный, дневной, одинокий, вчерашний, беловатый*; укр. *варений, садовый, книжный, двойной, тутешний, низенький*; бр. *мяты, парайнальны, ліставы, трайны, дамашні, чарнявы*; п. *gorący, dokuczliwy, gliniasty, pięcioraki, terazniejszy, żółtawy*; ч. *minulý, stojatý, blátivý, jednotný, zpětný, maličký*; сл. *sedaci, spalný, sokolí, trojaký, zajtrajši, sinavý*; вл. *zhnily, swarliwy, jabłuczny, pječoraki, loňši, drobnušky*; нл. *padatny, nosny, dwójaki, tudejšy, małucki*; болг. *горещ, бодлив, зърнест, четвъртит, сегашен, глупав*; м. *шијачки, прашален, братов, двоен, внатрешен, белузлав*; схв. *плетен, ломлив, школски, десетни, данашњи, сиваст*; сл. *sedec, plavalen, drevesen, trojen, zunanji* «внешний», *črnkast*. Все эти типы словообразовательной мотивации имен прилагательных унаследованы славянскими языками из праславянского.

2. Во всех славянских языках используются одни и те же способы словообразования имен прилагательных: суффиксальный (примеры см. в п. 1), префиксальный (р. *развеселый*, укр. *архінеобхідний*, бр. *прудры*, п. *arcygiępi*, ч. *pehezky*, сл. *prađavny*, вл. *robějoty*, нл. *pšesyty*, болг. *въззелен*, м. *пристар*, схв. *повисок* «довольно высокий», сл. *prelep* «прекрасный»), префиксально-суффиксальный (р. *досрочный*, укр. *підземний*, бр. *надводны*, п. *bezlešny*, ч. *ředčasný*, сл. *nadkostný*, вл. *rowojnski*, нл. *zagranicny*, болг. *междуградски*, м. *безукорен*, схв. *подводан*, сл. *predsmrten*), конверсионный (р. *голубой*, укр. *золотий*, бр. *вараны*, п. *zły*, ч. *vedoucí*, сл. *stojací*, вл. *zioty*, нл. *zabity*, болг. *зъл*, м. *вран*, схв. *плетен*, сл. *zlat*), сложение и сращение (р. *тазобедренный, камнедробильный*; укр. *сліпоглухонімий, болезаспокійливий*; бр. *плодова-язадны, скарастрельны*; п. *narodowyzwolenčzy, dżugogrający*; ч. *zemědělsko-lesnický, nárazuvzdorný*; сл. *srđcovocievny, rakovintovrný*; вл. *wuskoutrobnaty* «узкогрудый», *wysokokwalifikowany*; нл. *derjeměnjecu* «благожелательный», *dłujkolětny*; болг. *сърдечно-сърдов, влаголюбив, дългосвирец*; м. *југоисточен, млекомолен* «дойный»; схв. *идеолошкополитички, народноослободилачки*; сл. *gluhonem, mesojeden*). Следует подчеркнуть, что принятое в большинстве современных трудов по словообразованию отдельных славянских языков обозначение «префиксально-суффиксальный способ» употребляется здесь совершенно условно, т. к. соответствующие образования по существу являются суффиксальными производными от предложно-именных выражений (*до срока — досрочный* и т. п.) [Стоянов 241; Коломієць 1973, 288]. Все перечисленные способы словообразования унаследованы из праславянского языка, но способ словосложения получил особенно широкое распространение в литературных языках нового времени (преимущественно в восточнославянских и южнославянских, в которых продуктивность этого способа словообразования обусловлена книжной традицией, восходящей к старославянскому и через него к греческому языку [Коломієць 1973, 260, 287]).

3. Всем славянским языкам свойствен целый ряд общих для них словообразовательных суффиксов имен прилагательных: *-ов-* (-*ів*, -*аў*, -*ав-*, -*ów*, -*ow-*, -*ів-*, -*ov-*, -*ев-*, -*ěў*, -*ей*, -*ev-*), *-ин-* (-*ін*, -*ип-*), *-ий* (-*ья*, -*ье*, -*і*, -*і*, -*ји*, -*ји*), *-н-* (-*п-*, -*ан-*, -*эп-*), *-ян(н)-* (-*ан-*, -*іап-*, -*еп-*, -*еп-*), *-ск-* (-*цк-*, -*ськ-*, -*зьк-*, -*цьк-*, -*sk-*, -*ск-*, -*шк-*, -*жк-*), *-ав-*, (-*яв-*, -*ав-*), *-ив-* (-*ів*, -*іw-*, -*iv-*), *-лив-* (-*ліw-*, -*liv-*, -*льив-*, -*ljiv-*), *-ат-* (-*ат-*), *-ит-* (-*ім*, -*ит-*), *-к-* (-*к-*, -*ек*, -*ак*), *-альн-* (-*алп-*, -*алан*, -*ален*) (примеры приводятся дальше при рассмотрении общеславянских словообразовательных типов имен прилагательных). Основной состав общеславянских суффиксов имен прилагательных унаследован из праславянского языка. Суффикс *-альн-* в словах типа *зональный* (не имеющий ничего общего с суффиксом *-альн-* в словах типа р. *умывальный*) образован путем слияния общеславянского суффикса *-н-* с иноязычным (в конечном счете латинским) суффиксом *-al-* в процессе заимствования иноязычных прилагательных типа нем. *zonal*.

4. Общим для всех славянских языков являются некоторые префиксы имен прилагательных: *а-*, *анти-* (*anty-*, *anti-*), *архи-* (*архи-*, *арсу-*, *арсі-*), *им-* (*ил-*, -*ир-*, *ім-*, *іл-*, *ір-*, *ім-*, *іл-*, *іг-*), *интер-* (*інтер-*, *інтэр-*, *inter-*), *не-* (*не-*, *не-*, *не-*), *пост-* (*post-*), *пре-* (*прэ-*, *рге-*, *рѣ-*, *ре-*), *суб-* (*sub-*), *супер-* (*super-*), *транс-* (*trans-*), *ультра-* (*ultra-*, *ултра-*), *экстра-* (*екстра-*, *екстра-*, *extra-*). Подавляющее большинство этих префиксов (примеры см. ниже) выделилось в современных славянских литературных языках из состава заимствованных префиксальных имен прилагательных (типа фр. *anticlérical*, *transatlantique*). Префикс *не-* явился результатом слияния унаследованной из праславянского языка отрицательной частицы *не* с именами прилагательными. Префикс *пре-* (в восточнославянских словах типа р. *прекрасный* — старославянизм вместо утраченного в этой функции префикса *пере-*) унаследован через праславянский язык из индоевропейского, откуда происходят и соответствующие ему лит. *per-*, лат. *per-*, греч. *per-*.

5. Во всех славянских языках имена прилагательные по семантико-словообразовательным критериям делятся на три основные категории: прилагательные притяжательные, относительные и качественные. Эти семантико-словообразовательные категории имен прилагательных унаследованы из праславянского языка.

6. Всем славянским языкам свойствен словообразовательный тип производных от имен существительных мужского рода (главным образом, названий людей) прилагательных притяжательных с суффиксом *-ов-* (-*ев-*, -*ів*, -*аў*, -*ей*, -*ow-*, -*ów*, -*ів*, -*ov-*). Напр.: р. *дедов*, *братов*, *государев*, *Сергеев*; укр. *батьків*, *братів*, *Василів*; бр. *татаў*, *дзедзай*, *цесцеў*, *героеў*, *Толей*; п. *ojców*, *Adamów*; ч. *bratrův*, *lvův*, *Achillův*, *Petrarkův*; сл. *otcov*, *bratov*, *synov*, *učitel'ov*; вл. *wujowy*, *předsydowy*, *Janowy*; нл. *bratšowy*, *synowy*; болг. *братов*, *вуйчев*, *Иванов*, *Кольов*; м. *татков*, *дедов*, *стриков*, *Николов*; схв. *зетов*, *пријателев*, *Петров*; сл. *očetov*, *stričev*, *Petrov*. Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка.

7. В такой же степени общим для всех славянских языков является словообразовательный тип производных от существительных женского

и мужского рода на *-а* (*-я*) (тоже преимущественно названий людей) прилагательных притяжательных с суффиксом *-ин-* (-*ін*, -*ын-*, -*ип-*, -*уп-*). Ср. р. *мамин*, *материн*, *бабушкин*, *книжкин*, *дедушкин*, *дядин*, *Ольгин*; укр. *бабин*, *сестрин*, *материн*, *Ольжин*, *Миколин*; бр. *бабін*, *сястрын*, *матулін*, *зязюлін*, *Верын*, *Зоін*; п. *žonin*, *matczyn*; ч. *matčín*, *sestrín*, *srnín*, *Olžín*, *Annín*; сл. *matkin*, *sestrin*, *učitel'kin*, *liškin*, *Zuzín*; вл. *soťriny*, *wowcy* «бабушкин»; нл. *matcyny*, *sotšiny*, *Marjiny*; болг. *мамин*, *сестрин*, *лелин*, *Иваничин*; м. *мајчин*, *бабин*, *Милкин*; схв. *теткин*, *татин*, *Анђин*, *Божин*; сл. *māterin*, *Jérin*. Вместе с предыдущим этот словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, в котором он явился, по-видимому, результатом сужения функций ие.*-*ip-* в относительных прилагательных (ср. лат. *divīnus* «божественный»).

8. Всем славянским языкам свойствен словообразовательный тип притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-ий* (-*ья*, -*ье*, -*і*, -*ы*, -*і*, -*ји*, -*ја*, -*је*, -*ји*). Напр.: р. *лисий*, *вороний*, *жабий*, *охотничий*, *девичий*; укр. *ворожий*, *княжий*, *парубочий*, *дівочий*; бр. *рыбі*, *воўчы*, *авечы*, *пастушы*, *чалавечы*; п. *orli*, *owczy*, *lisi*; ч. *kraví*, *ptačí*, *vraní*, *boží*, *divčí*, *telecí*; сл. *sokolí*, *kozí*, *kobyli*, *hovädzí*; вл. *boží*, *zaječí*; нл. *boży*, *kozlecy*; болг. *вълчи*, *овчи*, *птичи*, *кози*; м. *песји*, *рибји*, *жабји*, *волчи*, *божји*; схв. *вражји*, *вучји*, *човечји*, *бивальи*, *телехи*; сл. *otročji*, *vgažji*, *gadji*. Этот непродуктивный в настоящее время тип унаследован из праславянского языка.

9. Широко представлен в каждом славянском языке словообразовательный тип притяжательно-относительных имен прилагательных с суффиксом *-(е)ск-* (-*цк-*, -*овск-*, -*анск-*, -*енск-*, -*инск-*, -*ейск-*, -*ийск-*, -*ськ-*, -*івськ-*, -*анськ-*, -*енськ-*, -*инськ-*, -*ейськ-*, -*ійськ-*, -*оўськ-*, -*аўськ-*, -*sk-*, -*ck-*, -*dzk-*, -*owsk-*, -*ańsk-*, -*eńsk-*, -*ovsk-*, -*ansk-*, -*insk-*, -*чк-*, -*шк-*, -*жк-*, -*зк-*, -*šk-*). Напр.: р. *ленинградский*, *заводской*, *сельский*, *майский*, *юношеский*, *логический*, *немецкий*, *ткацкий*, *кулацкий*, *отцовский*, *оршанский*, *рождественский*, *сестринский*, *звенкийский*; укр. *кїївський*, *морський*, *геройський*, *козацький*, *літацький*, *кавказький*, *дідівський*, *республіканський*, *фрунзенський*, *ялтинський*, *європейський*, *чїлійський*; бр. *гомельскі*, *беларускі*, *сталярскі*, *рыбацкі*, *сіроцкі*, *жаноцкі*, *сяброўскі*, *вучнёўскі*, *парабчанскі*, *керчанскі*, *мацярынскі*, *армейскі*, *алімпійскі*; п. *krakowski*, *pański*, *lekarski*, *gucerski*, *kupiecki*, *tkacki*, *szkocki*, *szwedzki*, *synowski*, *amerykański*; ч. *bratrský*, *sesterský*, *členský*, *jezdecký*, *basnický*, *zvířecký*, *čertovský*, *juliánský*, *josefínský*; сл. *bratislavský*, *horský*, *tkáčsky*, *združenecký*, *domovský*, *štúrovský*, *spart'anský*, *chlapčenský*, *detinský*, *scenický*, *indický*; вл. *Berlinski*, *kowarski*, *mačerski*, *burski*, *bratrowski*; нл. *serbski*, *zemski*, *lužyski*, *španski*; болг. *софийски*, *детски*, *конски*, *ученически*, *землячески*, *човешки*, *средняшки*, *мъжки*, *Парижки*, *кавказки*, *селски*, *дядовски*, *майчински*; м. *македонски*, *женски*, *селски*, *јулски*, *творчески*, *купецки*, *човечки*, *јагнешки*, *татковски*, *толстојевски*, *майчански*; схв. *београдски*, *ленински*, *школски*, *војнички*, *педагошки*, *кумовски*, *краљевски*, *италијански*, *детиньски*, *шумадијски*; сл. *ljublanski*, *velikanski*, *hamburški*, *heglovski*. Словообразовательный тип с суффиксом *-ск-* унаследован через праславянский язык из индоевро-

пейского, откуда происходят также соответствующие образования в балтийских и германских языках (ср. лит. *bóbiškas* «бабский», гот. *gudisks* «божеский» и др.) [Otrębski 1965, 196]. Формальные варианты этого словообразовательного типа с суффиксом *-овск-*, *-анск-*, *-енск-*, *-инск-*, *-ийск-* возникли в результате слияния суффикса *-ск-* с суффиксами основ имен существительных *-(о)в-*, *-ан-*, *-(е)н-*, *-ин-*, *-иј-* (в производных типа *московский*, *литовский*, *гражданский*, *мещанский*, *деревенский*, *воинский*, *английский*) и использования сформировавшихся таким образом сложных суффиксов при образовании новых имен прилагательных.

10. Во всех славянских языках обычным является словообразовательный тип относительных прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ев-*, *-ав-*, *-яв-*, *-ов-*, *-ов-*), генетически связанный с приведенным выше типом прилагательных притяжательных с тем же суффиксом. Ср. р. *дубовый*, *зерновой*, *ситцевый*; укр. *віковий*, *зимовий*, *вишневий*, *насіenneвий*; бр. *арэxавы*, *ценявы*, *кляновы*, *пісьмовы*; п. *ogrodowy*, *podwórzowy*, *śniegowy*, *ludowy*; ч. *jazykový*, *březový*, *vepřový*, *průmyslový*; слц. *vřbový*, *srdcový*, *bojový*, *celokrajový*; вл. *lodowy*, *březowy*, *piwowy*; нл. *zubowy*, *wěśowy*, *kulkowy* «картофельный»; болг. *буков*, *полкови*, *алуминев*, *полев*; м. *липов*, *бензинов*, *натриев*, *калиев*; схв. *грабов*, *бисеров*, *вишнев*, *сунчев*; слн. *brizov*, *atlasov*, *glinov*, *višnjev*. Тип унаследован из праславянского языка.

11. Наиболее распространенным во всех славянских языках является словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-н-* (*-н'-*, *-енн-*, *-п-*, *-п'-*, *-еп-*, *-ен-*, *-ан-*, *-еп-*, *-пј-*). Напр.: р. *горный*, *лесной*, *зимний*, *жатвенный*, *почвенный*; укр. *мідний*, *молочний*, *житний*, *буквений*; бр. *прыродны*, *разумны*, *ураджайны*, *снежны*; п. *chlepný*, *ludny*, *okienny*, *polny*; ч. *strunný*, *mlečný*, *gočný*, *výrobní*; слц. *tučný*, *železný*, *stavebný*, *hlbinný*, *potočný*; вл. *lěsny*, *rólny*, *lětny* «годовой», *lětní* «летний»; нл. *wěsny* «деловой», *złmny* «холодный», *swětny* «мировой»; болг. *железен*, *народен*, *речен*, *седмичен*; м. *златен*, *пшеничен*, *силен*, *смертен*; схв. *кукурузни*, *државни*, *радостан*, *разуман*; слн. *sončen*, *gozden* «лесной», *prigoden* «случайный», *gornji*. Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, в котором такие имена прилагательных были родственны соответствующим образованиям балтийских языков (ср. лит. *kiėminas* «домашний», *mėdinas* «лесной») [Otrębski 1965, 185—187].

12. Хорошо известен во всех славянских языках словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-ян(н)-* (*-ан-*, *-іап-*, *-ёп-*, *-еп-*, *-ен-*), производных от имен существительных, означающих вещества. Ср. р. *серебряный*, *водяной*, *стеклянный*, *песчаный*; укр. *дерев'яний*, *земляний*, *крижанний*; бр. *алавяны*, *аўсяны*, *палатняны*, *касцяны*; п. *drzewniany*, *blaszany*, *gliniany*, *szklany*; ч. *slaměný*, *voštný*, *kožený*, *lněný*; слц. *hliněný*, *slamený*, *kožený*, *sklený*; вл. *wodźany* «водянистый», *drjewjany*, *hlinjany*; нл. *słomjany*, *koźany*; болг. *глинен*, *дървен*, *конопен*, *ръжен*, *оловен*; м. *земјен*, *сламен*, *оловен*, *сребрен*; схв. *платнен*, *сукнен*, *сламен*, *овсен*; слн. *koščen*, *voden*, *platnen*, *slamen*. Тип унаследован из праславянского языка (псл. *gliněнь* и т. п. [ЭССЯ 6, 127]).

13. Всем славянским языкам свойствен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-ат-* (*-ат-*), производных от имен существительных, являющихся обычно названиями особенно заметных частей тела. Напр.: р. *бородатый*, *головатый*; укр. *патлатий*, *вухатий*; бр. *валасаты*, *гарбаты*; п. *zębaty*, *czubaty*; ч. *ušatý*, *okatý*, *břichatý*; слц. *blavatý*, *pyskatý*, *rohátý*, *štetinatý*; вл. *brodaty*, *blowaty*, *poहतy*, *rukaty*; нл. *wokaty*, *wuchaty*; болг. *брадат*, *гърбат*, *зъбат*, *космат*; м. *крилат*, *брадат*, *рогат*, *окат* «зрячий»; схв. *зубат*, *кракат*, *грлат*, *носат*; слн. *glavat*, *bradat*, *rogat*, *zobat*. Тип унаследован через праславянский язык из индоевропейского (суффикс ие.*-t-), откуда происходят и соответствующие образования других индоевропейских языков (ср. лит. *galvotas* «головастый», лат. *barbatus* «бородатый» и др. [Otrębski 1965, 254]).

14. Единичными примерами представлен во всех славянских языках (в сербохорватском более широко) словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-ит-* (*-овит-*, *-ит-*, *-авит-*, *-ит-*, *-овит-*, *-овит-*). Ср. р. *сердитый*, *именитый*, *маститый*, *ледовитый*, *басовитый*; укр. *сердитий*, *іменитий*, *знаменитий*, *родовитий*, *домовитий*; бр. *сјрдзіты*, *знамяніты*, *дамавіты*, *пладавіты*; п. *znamięnit*, *gracowity*; ч. *očitý* «очевидный», *vejčitý* «яйцевидный», *haditý* «извивающийся», *zlatitý*; слц. *kamenitý*, *ročitý* «годовой», *ježovitý*, *šabl'ovitý*; вл. *mučnitý*, *sněžitý*, *kamjenitý*, *zlotojtý* (<*zlotojity*); нл. *włoknitý*; болг. *каменит*, *упорит*, *бележит* «знаменитый», *четвъртит* «квадратный», *плодовит*, *ветровит*; м. *каменит*, *бележит*, *вистинит* «истинный», *јадовит*, *лековит*; схв. *вечит* «вечный», *бременит*, *временит* «временный, непостоянный», *каменит*, *гласит*, *пламенит*, *ветровит*, *мразовит*; слн. *kremenit*, *plodovit*. Тип унаследован из праславянского языка. В сербохорватском и, по-видимому, серболужицком он расширился за счет вытесненных им прилагательных с суффиксом *-ист-* (*-ист-*) (ср. р. *каменистый*, *болотистый*).

15. Во всех славянских языках (возможно, за исключением нижнелужицкого) имеется немногочисленный словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-ав-* (*-яв-*, *-ав-*, *-ав-*), которые означают свойство, называемое мотивирующим именем существительным. Напр.: р. *прыщавый*, *кудрявый*, *корявый*; укр. *жилавий*, *кощавий*, *слинявий*; бр. *іржавы*, *дзіравы*, *кучаравы*; п. *krwawy*, *rdzawy*, *kędzierzawy*; ч. *červavý*, *kotlavý* «дуплистый», *popelavý*; слц. *hnojavý*, *jamkavý*, *deravý*; вл. *dzerawy*, *pihawy* «веснущатый»; болг. *гърбав*, *жилав*, *кървав*, *пепеляв*; м. *пегав*, *рѓав*, *кравав*, *сипаничев* «конопатый»; схв. *килав* «больной грыжей», *кравав*, *остичав*, *смолав*; слн. *glistav*, *luskav* «покрытый чешуей». Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, в котором развился, вероятно, на базе словообразовательного типа отглагольных имен прилагательных с тем же суффиксом [ЭССЯ 5, 12, 31].

16. Из относительных имен прилагательных отглагольных всем славянским языкам свойственны словообразовательные типы, соотносительные с причастиями. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-ч-* (*-ич-*, *-ич-*, *-с-*, *-ит-*, *-ћ-*, *-џ-*), соотносительных с действи-

тельными причастиями настоящего времени. Ср. р. *жгучий, зрячий, имущий*; укр. *блискучий, горячий, видючий*; бр. *дрымучы, лінючы, ляжачы, вісячы, відушчы, валяшчы*; п. *gorący, stojący, bieżący*; ч. *jdoucí, vedoucí, pracující*; слц. *hnací, visací, školiací*; вл. *bolący, palący, ślédowący*; нл. *bolesy, bywający* «наличный»; болг. *горещ, вонещ*; м. *текущ, горещт*; схв. *ораћи, стајаћи, спаваћи*; слн. *blešćeć, bo-deć*. Переход активных причастий в имена прилагательные начался уже в период распада праславянского языка.

17. Для всех славянских языков характерен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с двумя суффиксами *-(e)н-* и *-т-* (*-ён-, -он-, -еп-, -оп-, -т-*), соотносительных со страдательными причастиями прошедшего времени. Ср. р. *варёный, разбитый*; укр. *печений, шитый*; бр. *кованы, голены, салёны, хрышчоны, мяты*; п. *tkany, pieczony, zamknięty*; ч. *hojený, chvalený, bitý*; слц. *mieřany, mrazený*; вл. *wjazany, warjony, hrěty* «жареный»; нл. *witany, warjony*; болг. *печен, бит*; м. *солен, везен* «расшитый»; схв. *куван* «вареный», *ливен* «литой»; слн. *ребен, zavít* «витой». Прилагательные этого типа явились результатом коммуникативно и синтаксически обусловленного многократного употребления страдательных причастий без характеризующих глагольные формы зависимых от них второстепенных членов предложения (косвенных дополнений и обстоятельств).

18. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип производных от глаголов относительных имен прилагательных с суффиксом *-л-* (*-л-, -л-*). Напр.: р. *отсталый, вялый, беглый*; укр. *тривалий, гнилий, спілий*; бр. *бывалы, дохлы, пухлы*; п. *dbały, dorosły, ciągły*; ч. *minulý, lesklý, zvyklý*; слц. *zastaralý, podlý, umelý*; вл. *zasekly* «отечный», *zmierzly, zhnily*; нл. *marly* «умерший»; болг. *минал, зрял*; м. *зрел, врел* «кипящий», *гнил*; схв. *зreo, врео, гъно*; слн. *trhel* «трухлявый», *otrpel* «окоченелый», *osupel* «изумленный». Словообразовательный тип возник в результате начавшейся еще в праславянском языке дифференциации древних отглагольных адъективных форм с суффиксом *-л-* на несклоняемые действительные причастия, входящие в состав форм перфекта, имперфекта и сослагательного наклонения, и сравнительно немногочисленные склоняемые имена прилагательные, выполняющие роль определений.

19. Во всех славянских языках в различном объеме (наиболее широко в русском, единственным примером в словенском) представлен словообразовательный тип производных от глаголов относительных имен прилагательных с суффиксом *-м-* (*-им-, -ем-, -ом-*). Ср. р. *любимый, терпимый, нерушимый, обтекаемый, незыблемый, знакомый, невесомый*; укр. *видимий, значимий, невловимий, відомий, рухомий*; бр. *мыслімы, цярпімы, недзялімы, свядомы, знаёмы*; п. *rodzimy, wiadomy, świadomy, krójomy*; ч. *známý, zřejmý, vědomý, vidomý, lakomý* «скупой», *pitomý*; слц. *znamý, zřejmý, vedomý, lakomý*; вл. *wědomy, lakomy* «жадный»; нл. *lakomy*; болг. *усвоим, уловим, любим, узнаваем, неминуем, непобедим, лаком*; м. *немислим, нуловим, непобедим, лаком, питом* «прирученный, домашний»; схв. *лаком, питом*; слн. *lakom*. Словообразовательный тип возник в результате начавшегося в период распада праславянского языка сужения, а затем и полного прекраще-

ния в разговорных языках функций страдательных причастий настоящего времени на *-т-*.

20. Всем славянским языкам свойствен количественно ограниченный словообразовательный тип производных от глаголов относительных имен прилагательных с суффиксом *-н-* (*-н-, -ен-, -ан-, -ен-*). Ср. р. *слышный, заметный, лётный, резной, покупной*; укр. *чутний, відкидний, пересувний, виховний*; бр. *завадны, вывадны, скрытны, рассыльны*; п. *ogny, pošny, wędrowny, pakowny, obrotny*; ч. *pitný, kujný, patrný, kočovný, přívodný, podřurný*; слц. *hybný* «движущий», *vleč-ný, bodný* «колющий», *sečný, nosný, kupný, strelný*; вл. *zapalny, plawny, spalny* «горючий», *přítulny* «ласковый»; нл. *supny, spalny, pśistojny*; болг. *плувен* «плавательный», *доен, деен, склонен, прилежен*; м. *знаен, незнаен*; схв. *мрзан, достижан* «достижимый; способный достичь», *потресан* «потрясающий», *несносан, неизбежан, неизмеран*; слн. *pez-posen, neogiben* «неминуемый». Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка.

21. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип производных от глаголов относительных имен прилагательных с суффиксом *-ив-* (*-ив-, -ыв-, -iw-, -iv-*), чаще с его вариантом *-лив-* (*-лив-, -liw-, -liv-, -льив-, -ljiv-*), иногда *-чив-* (*-чив-, -czyw-, -čiv-*). Ср. р. *ревнивый, хвастливый, доверчивый*; укр. *мстивий, хтивий, ревнивий, брикливий, крикливий, чутливий, вигадливий*; бр. *раўнівы, хцівы, сварлівы, вынослівы, гуллівы, запальчывы, забыўчывы*; п. *chciwy, bodliwy, dokuczliwy, kaśliwy, zapalczywy*; ч. *čadlivý, snivý, drtivý* «сокрушающий», *citlivý, mlčelivý, pohyblivý* «подвижной», *palčivý, šanivý* «много раздобывающий», *šančivý, šančlivý*; слц. *liečivý, l'úbivý, čadivý, vábivý* «заманчивый», *hojivý, važlivý, ropudlivý* «вспыльчивый», *zápalčivý*; вл. *tworliwy, zabyćliwy, łoskoćliwy* «щекотливый», *dowěrliwy, swarłliwy, sčerp-liwy*; нл. *dowěrliwy, swarłliwy*; болг. *бѣбрив* «болтливый», *бодлив, дремлив, крадлив* «вороватый», *доверчив, изменчив, находчив*; м. *доверлив, убедлив, граблив* «хищный», *издржлив, сиплив* «сыпучий», *неисцрплив* «неисчерпаемый»; схв. *неумольив, видлив* «видимый», *свадлив* «сварливый», *сварлив* «переваримый», *радлив* «работающий»; слн. *razljiv* «внимательный», *čitljiv* «четкий», *neugasljiv, penasitljiv*. Тип унаследован из праславянского языка; суффиксальные варианты *-лив-* и *-чив-* возникли в результате слияния суффикса *-ив-* с соответствующими конечными элементами основ некоторых глаголов.

22. Во всех славянских языках распространен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-альн-* (*-уальн-, -яльн-, -альн-, -ualn-, -ален-, -уален-, -уалан-, -уален-, -ualen-*), производных, как правило, от заимствованных имен существительных. Напр.: р. *нормальный, буквальный, индустриальный*; укр. *формальний, комунальний, індивідуальний*; бр. *мадальны, індустрыяльны, інтэлектуальны*; п. *piramidalny, zodiakalny, seksualny*; ч. *hormonální, zonální, procesuální*; слц. *kolegiální, radiální, rituální*; вл. *muzikalny, personalny, intelektualny*; нл. *formalny, individualny*; болг. *гениален, глобален, контекстуален*; м. *монументален, театрален, процесуален*; схв. *модален, пирамидален, сексуалан*; слн. *geniá-len, kolegiálen, intelektualen*. Словообразовательный тип сформиро-

вался в литературных славянских языках в результате присоединения общеславянского суффикса -п- к выделенному из заимствованных слов иноязычному суффиксу -al- (ср. р. *легальный, вокальный*). Суффиксальный вариант *-уальн-* явился результатом слияния суффикса *-альн-* с конечным гласным основы *-у-* (-и) в заимствованных словах (ср. р. *узуальный* от *usus* из лат. *usualis, usus*).

23. Обычным для всех славянских языков является словообразовательный тип относительных прилагательных с суффиксом *-ивн-* (*-ійн-*, *-ыйн-*, *-уwn-*, *-ivn-*, *-ивен*, *-иван*, *-iven*), производных от заимствованных имен существительных. Например: р. *объективный, эффективный*; укр. *спортивний, агресивний*; бр. *імпульсний, прадуктійний*; п. *progresywny, subjektywny*; ч. *defektivní, instinktivní*; сл. *ultimativny, afektivny*; вл. *regresiwny, represiwny*; нл. *masiwny*; болг. *ефективен, обективен*; м. *прогресивен, продуктивен*; схв. *ефективан, масиван*; слн. *agresiven, instinktiven*. Словообразовательный тип возник в литературных славянских языках нового времени в результате присоединения общеславянского суффикса -п- к иноязычному суффиксу *-iv-* (фр. *-if*, *-ive-*), выделенному из заимствованных имен прилагательных типа *активный* (фр. *aktif*, ж. р. *active*), *наивный* (фр. *païf, païve*).

24. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом *-арн-* (*-ярн-*, *-агп-*, *-арен*, *-аран*, *-аген*), производных от заимствованных имен существительных. Напр.: р. *гипофизарный, каникулярный*; укр. *рудиментарний*, бр. *карпускулярны*, п. *parlamentarny*, ч. *planetární, disciplinárny*, вл. *molekularny*, болг. *елементарен*, м. *легендарен*, схв. *сумаран* «суммарный», слн. *fragmentaren*. Словообразовательный тип сформировался в современных литературных славянских языках в результате образования нового суффикса *-арп-* из иноязычного (по происхождению латинского) суффикса *-ар-* (фр. *-aire*, лат. *-arius*), выделенного из заимствованных слов (ср. р. *лапидарный* из фр. *lapidaire*, лат. *lapidarius*) и общеславянского суффикса *-п-*.

25. Всем славянским языкам свойственны различные формальные варианты словообразовательного типа относительных имен прилагательных с двумя разновидностями суффикса *-ичн-/ическ-* (*-ичн-*, *-iczп-*, *-uczп-*, *-іск-*, *-іск-*, *-ичен*, *-ическ-*, *-ичк-*, *-ичан*, *-ічен*). Напр.: р. *тактичный, утопичный, утопический*; укр. *утопічний, егостичний*; бр. *камуністычны*; п. *satyryczny*, ч. *demokratický, socialistický*, вл. *regiódiskí*, нл. *aristokratiskí*, болг. *климатичен, климатически*; м. *ромбичен, комунистички*; схв. *симболичан, симболички*; слн. *komunističen*. Языки, в которых существуют оба формальных варианта этого словообразовательного типа (в частности, русский и сербохорватский), обнаруживают частичные семантические различия между ними. Словообразовательный тип возник в современных литературных славянских языках в результате образования суффиксальных вариантов *-ичн-* и *-ическ-* (с их звуковыми различиями по языкам) путем слияния общеславянских суффиксов *-п-* и *-sk-* с выделенным из заимствованных имен прилагательных иноязычным (по происхождению греческим) суффиксом *-ик-/ич-* (фр. *-ique*, англ. *-ic*, лат. *-ic-*, греч. *-ик-*; ср. р. *ми-*

стика — *мистичный, мистический*, из фр. *mystique*, лат. *mysticus*, гр. *μυστικός* от *μύστος* «мистерия»).

26. В пределах категории качественных имен прилагательных общим для всех славянских языков является словообразовательный тип прилагательных с суффиксом *-ав-* (*-яв-*, *-aw-*, *-iaw-*, *-av-*, *-(и)кав-*, *-ичав-*, *-узликав-*, *-ельзав-*, *-ишав-*, *-jav-*), производных от других имен прилагательных и обозначающих обычно не полностью выраженный признак, называемый мотивирующим именем прилагательным. Напр.: р. *моложавый, слащавый, чернявый, смуглявый*; укр. *блідавий, рудавий, зеленкавий, зеленявий, синавий, синявий, жовтавий, жовтявий, білявий, чорнявий, русявий*; бр. *саладжавы, маладжавы, радкавы, русавы, русявы, белявы, святлявы, трухлявы*; п. *ciemnawy, modrawy, słodkawy, bladawy, ciepikawy, ciepławy, czarniawy*; ч. *bělavý, černavý, červenavý, sinavý, šedavý, žlutavý*; сл. *sinavý, modravý, belavý, zelenkavý, kyselkavý, žltkavý*; вл. *modrawy*; нл. *žółtawy*; болг. *дробнав* «мелочный», *болнав* «болезненный», *мургав* «смуглый», *зеленикав* «зеленоватый», *синкав*; м. *зеленикав, црвеникав, модрикав, синкав, болничав, белузлав, белузликав, црвенузлав*; схв. *млакав* «тепловатый», *голишав*; слн. *črnaw* (редк.) «синевато-черный», *črnjav* «тж.», *modrikav* (редк.). В болгарском и сербохорватском языках ряд образований этого типа имеет то же значение, что и мотивирующие прилагательные бессуффиксные (болг. *глупав* = *глуп*, *хилав* = *хил*, *лошав* = *лош*; схв. *крънав* = *кръ*, *сиънав* = *сиъ* и др.). Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, но наиболее полно сохранился в украинском, белорусском и польском языках.

27. Всем славянским языкам свойствен словообразовательный тип качественных прилагательных уменьшительных, образуемых от других имен прилагательных при помощи различных звуковых вариантов суффикса, содержащего согласный *-к-* (*-еньк-*, *-оньк-*, *-иньк-*, *-итк-*, *-іск-*, *-uczк-*, *-eйк-*, *-ічк-*, *-ouчк-*, *-ink-*, *-ounk-*, *-ul'k-*, *-ичек*, *-ичк-*, *-инк-*, *-ичок*, *-ечок*, *-очок* и др.). Формальные варианты словообразовательного типа унаследованы из говоров праславянского языка. Конкретные примеры см. в разделе о межъязыковых различиях.

28. В современных славянских литературных языках имеется целый ряд общих для них словообразовательных типов имен прилагательных префиксальных. Как уже отмечено выше, сюда не относятся прилагательные типа *безводный, подземный, сверхплановый*, являющиеся суффиксальными образованиями от предложных выражений *без воды, под землей, сверх плана*. В частности, всем славянским языкам свойствен немногочисленный словообразовательный тип качественных имен прилагательных с префиксом *пре-* (*пра-*, *pre-*, *pre-*, *pre-*, *pre-*), производных от наиболее употребительных в устной речи качественных прилагательных и обозначающих высшую степень признака, выражаемого мотивирующим именем прилагательным. Напр.: р. *премилый, прескучный, преотличный, пренеприятный*; укр. *пребагатий, превеликий, превражий, прегарний, препоганий*; бр. *правялебны, прамудры, праславуты*; п. *przebogaty, przedobry, przewielmożny, prześwietny* «великолепный»; ч. *převeliký, překrásný, přesládký, přečistý, přebujný*; сл. *prebiedny, predávny, prevel'ký, predlhý*; вл. *pre-*

bohaty, předobry, přewuski; нл. pšebogaty, pšedobry, pšemosny; болг. *предобър, преголям, прелюбезен*; м. *премил, пресладок, преголем*; схв. *предобар, преслаб, прехитар, преслан*; слн. *predober, preljub, psemil, pgehud*. Словообразовательный тип унаследован через праславянский язык из индоевропейского (см. п. 4). Звуковое оформление префикса этих прилагательных в восточнославянских языках (*пре-* вместо предполагаемого *пере-*) изменилось под влиянием старославянского языка.

29. Во всех славянских языках (не считая нижнелужицкого) отмечается семантически близкий к предыдущему словообразовательный тип производных прилагательных от качественных и относительных имен прилагательных с префиксом *ультра-* (*ultra-*, *ультра-*). Ср. р. *ультрареакционный, ультрамодерный, ультрамодный, ультралевый, ультраправый, ультрасовременный, ультрафиолетовый*; укр. *ультрамодний, ультрависокий, ультракороткий, ультражорсткий, ультрасучасний*; бр. *ультракансервативны, ультраэксцезивны, ультралевы, ультраправы, ультрафіялетавы*; п. *ultrademokratyczny, ultramonarchiczny, ultraklerykalny, ultrareakcyjny, ultrakrótki, ultralekki*; ч. *ultraklerikální, ultramoderní, ultrařialový, ultracitlivý, ultralevý, ultragaravicový*; слц. *ultraklerikální, ultramoderný, ultraformalistický, ultrakrátky, ultral'ávý*; вл. *ultrawioletny, ultračerwjeny, ultrakrótki*; болг. *ультралиберален, ультрамодерен, ултравиолетов, ултравиолетен, ултравиолетов; схв. ултравиолетан, ултрацрвен, ултраумерен, ултрасавестан*; слн. *ultravioleten*. Словообразовательный тип сформировался в современных славянских литературных языках как результат выделения иноязычного (по происхождению латинского) префикса *ultra-* «за-», «сверх-» из таких заимствованных прилагательных, как *ультрафиолетовый* (ср. нем. *ultraviolett*).

30. Широко распространен во всех славянских языках словообразовательный тип производных от прилагательных качественных и относительных имен прилагательных с префиксом (отрицательной частицей) *не-* (*ня-*, *пе-*, *пје-*), означающих отсутствие признака, выраженного мотивирующим прилагательным, с различными семантическими оттенками. Ср. р. *немалый, небольшой, неутешительный, невидимый, неестественный*; укр. *невеликий, недавній, неясний, неземний*; бр. *невывразны, неяскравы, нясны, непазнавальны*; п. *niedobry, nieprosty, niewiadomy, niezwykły*; ч. *nemladý, nedobytný* «неприступный», *nehmotný* «нематериальный»; слц. *nečistý, nedokopaný, nemoderný*; вл. *nie-mnohi, njenasytny, niezrozumliwy*; нл. *njecely, njeršawy, njedokoń-sny*; болг. *немил, необозрим, ненасытен*; м. *неважен, недостоен, достижен*; схв. *неволян, неодложан, нетелесан*; слн. *neljub, nemožen, perloden*. Словообразовательный тип возник в результате начавшегося, очевидно, уже в праславянском языке слияния отрицательной частицы *не-* с именами прилагательными.

31. Все современные славянские языки имеют семантически близкий к предыдущему количественно ограниченный словообразовательный тип имен прилагательных с префиксом *а-* (*ан-*, *ап-*), производных от заимствованных прилагательных. Ср. р. *алогичный, аморальный, аполитичный, аорганический*; укр. *алогічний, аморальний, аполітичний, аорганічний*; бр. *алагічны, апалітычны, аперыядычны*; п. *alo-*

giczny, amoralny, anormalny; ч. *alogický, amorální, anormální, anorganický*; слц. *abakteriálny, alogický, amorálny*; вл. *amoraliski, anormalny*; болг. *аполитичен, аморален*; м. *аморален, аполитичен, аорганичан*; схв. *алогичан, анационалан, арелигиозан, аморалан, аполитичан*; слн. *alogičen, amoralen, anorganičen*. Тип сформировался в современных литературных языках в результате выделения из таких заимствованных слов, как *аморальный*, иноязычного (по происхождению греческого) префикса *а-* (*ан-*), этимологически родственного славянскому *не-*.

32. В такой же степени распространен во всех славянских литературных языках семантически близкий к двум предыдущим словообразовательный тип производных от заимствованных прилагательных относительных имен прилагательных с префиксом *им-* (*ил-*, *ир-*, *ім-*, *іл-*, *ір-*, *il-*, *ir-*, *i-*, *u-*). Ср. р. *имматериальный, имморальный, иллегальный, иррациональный, ирреальный, иррегулярный*; укр. *іматеріальний, ілгальний, ірраціональний*; бр. *імаральны, ірэальны, ірэгулярны*; п. *illegalny, irracjonalny, irrealny*; ч. *imateriální, ilogický, iregulární*; слц. *imobilný, ilojálny, irelevantný*; вл. *ilegalny, lloyalny, iracionalny*; нл. *ilegalny*; болг. *ирационален, иреален, ирелигиозен*; м. *илегален, ирационален, иреален*; схв. *иматеријалан, илојалан, ирегуларан*; слн. *imaterialen, ilegalen, irelevanten, irealen*. Словообразовательный тип сформировался в современных славянских литературных языках в результате вычленения иноязычного (по происхождению латинского) префикса *im-* (*im-*, *il-*, *ir-*, *i-*), этимологически соответствующего гр. $\alpha(\nu)$ -, слав. *не-*, из заимствованных имен прилагательных.

33. Среди собственно относительных имен прилагательных префиксальных наиболее широко представлен во всех современных славянских языках продуктивный словообразовательный тип прилагательных с префиксом *анти-* (*анты-*, *anti-*), означающих свойство, направленное против явления, на которое указывает мотивирующее имя прилагательное [Коломиец 1973, 294]. Напр.: р. *антигуманный, антисанитарный, антивоенный, антихудожественный*; укр. *антирелігійний, антиколоніальний, антидержавний, антинауковий*; бр. *антыгігієнічны, антыгістарычны, антыграмадскі*; п. *antymilitarystyczny, antyklerykalny, antyżądowy, antyspoleczny*; ч. *antirachitický, antikorosní, antidemokratický*; слц. *antialkoholný, antifašistický, antibakteriálny, antidiferický*; вл. *antiimperialistiski, antimilitaristiski, antidemokratiski*; нл. *antifašistiski*; болг. *антирелигиозен, антифашистки, антиимпериалистически*; м. *антисептичен, антидржавен*; схв. *антиалкохолан, антисанитаран, антиуметнички*; слн. *antifeudalen, antidemokratičen, antidialektičen*. Словообразовательный тип сформировался в современных славянских языках в результате выделения иноязычного (по происхождению греческого) префикса *анти-* из заимствованных имен прилагательных.

34. Во всех славянских языках представлен также словообразовательный тип относительных имен прилагательных с префиксом *интер-* (*интер-*, *интэр-*, *inter-*), означающих взаимодействие, взаимоотношение или расположение (в пространстве или во времени) между

двумя или несколькими предметами, на которые указывают основы мотивирующих имен прилагательных. Ср. р. *интернациональный, интервокальный, интерметаллический*; укр. *інтервокальний, інтердентальний*; бр. *інтэрсекційны, інтэрвакальны, інтэрнацыянальны*; п. *interstadialny, interwokaliczny, interseksualny*; ч. *interatomový, interkontinentální, intermolekulární*; слц. *intercelulárny, intermolekulárny, interparlamentárny*; вл. *interconalny, interplanetarny, interkontinentalny*; болг. *интернационален, интервокален, интерпарламентарен*; м. *интернационален, интерпарламентарен*; схв. *интервокални, интерпартијски, интерфакултетски*; слн. *intercelularen, interplanetaren, interlinearen*. Тип сформировался в современных литературных языках в результате выделения иноязычного (по происхождению латинского) префикса *интер-* из таких заимствованных имен прилагательных, как *интернациональный*.

35. Обычным для всех славянских литературных языков является словообразовательный тип относительных имен прилагательных с префиксом *суб-* (*sub-*, *суп-*), означающих пространственное расположение под предметом, на который указывает основа мотивирующего имени прилагательного, или иерархическую подчиненность этому предмету. Ср. р. *субальпийский, субклеточный, субмиллиметровый*; укр. *субарктичний, субполярний, субкортикальний*; бр. *субтрапічны*; п. *subtropikalny, subantarktyczny*; ч. *subkortikální, submikroskopický, subnormální*; слц. *subalpínský, subdentální, subcelulárny*; вл. *subtropiski*; болг. *субкортикален, субтропичен, субтропически*; м. *суптропски*; схв. *суптропски, субарктичан*; слн. *subtropičen, subarktičen*. Тип сформировался в современных славянских литературных языках в результате вычленения префикса *суб-* (лат. *sub-*) из заимствованных имен прилагательных.

36. Во всех славянских языках обнаруживаются единичные относительные прилагательные словообразовательного типа с префиксом *экстра-* (*экстра-*, *ekstra-*, *extra-*), означающие признак, выходящий за пределы того, на что указывает основа мотивирующего имени прилагательного. Ср. р. *экстраординарный, экстразональный*; укр. *екстраординарний, екстралінгвістичний*; бр. *экстраардынарны, екстралінгвістычны*; п. *ekstralingwistyczny, ekstranowoczesny*; ч. *extraordinární, extragalaktický*; слц. *extracelulárny, extranukleární*; вл. *ekstraordinarny, ekstralingvistiski*; болг. *экстраординарен*; м. *екстралінгвістички*; схв. *екстраскроман, екстрапакостан*; слн. *ekstraordinaren, ekstralingvistički*. Словообразовательный тип сформировался в последние десятилетия в результате вычленения иноязычного (по происхождению латинского) префикса *экстра-* из заимствованных прилагательных (*экстраординарный* и т. п.).

37. Практически во всех славянских литературных языках (не считая серболужицких) представлен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с префиксом *транс-* (*trans-*), означающих распространение через пространство или же нахождение за предметом или пространством, на которое указывает основа мотивирующего имени прилагательного. Напр.: р. *трансконтинентальный, трансокеанский, транссибирский*; укр. *трансальпійський, трансарктич-*

ний, трансатлантичний, трансморський; бр. *транскантынентальны, трансакіяньскі, трансарктычны*; п. *transoceaniczny, transatlantyczny, transpolarny*; ч. *transarktický, transkontinentální, transkaukazský*; слц. *transatlantický, transeuropský, transnazální*; болг. *трансатлантически*; м. *трансатлантски*; схв. *трансалтински, трансокеански, транснатуралан*; слн. *transatlantski*. Словообразовательный тип распространился в литературных славянских языках в XX в. вследствие вычленения латинского по происхождению префикса *trans-* из заимствованных имен прилагательных.

38. Еще в более ограниченном объеме всем славянским литературным языкам (тоже без учета серболужицких) свойствен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с префиксом *пост-* (*post-*), означающих временное следование после явления (события), на которое указывает основа мотивирующего имени прилагательного. Ср. р. *постэмбриональный, пострадиационный*; укр. *постембріональний*; бр. *постэмбрыянальны*; п. *postwerbalny, postpenitencjarny*; ч. *postdentální, postgraduální, postmortální*; слц. *postinfekční, posthypnotický, postmenštruaľny, postkonsonantický*; болг. *постембрионален*; м. *постдипломски*; схв. *постдипломски, поствијетнамски*; слн. *postklasičen, postdiplomski*. Тип находится в процессе формирования в связи с продолжающимся вычленением латинского по происхождению префикса *post-* из состава заимствованных прилагательных (главным образом, в научном стиле).

По-видимому, не везде отражают действительное состояние случаи отсутствия среди зафиксированных данных в отдельных славянских языках имен прилагательных, относящихся к словообразовательным типам с заимствованными префиксами *про-* (*пра-*, *рго-*, ср. р. *профранцузский, прозападный*; укр. *проамериканський, брапрафашицькі*, п. *proangielski, ч. prosovětský, слц. proafrický, болг. прогермански, м. профашистички, схв. проамерикански*; не зафиксированы в словенском и серболужицких), *архи-* (*архі-*, *арсу-*, *арсі-*, *архі-*, ср. р. *архиреакционный, архисторожный*; укр. *архісерйозний, браархидурны*, п. *arcyciekawy, ч. arcihusitský, слц. arcireakčný, схв. архидобар*; не зафиксированы в болгарском, македонском, словенском и серболужицких), *гипер-* (*гіпер-*, *гіпер-*, *гіпер-*, *хипер-*, ср. р. *гиперкомплексный, укр. гіперсинхронний, п. hiperporpawny, ч. hypermoderní, слц. hiperkorektný, схв. хиперфлегматичан, слн. hiperkritičen*; не зафиксированы в белорусском, болгарском, македонском и серболужицких), *супер-* (*super-*, ср. р. *супермодный, суперсложный, укр. суперсучасний, п. superpowy, ч. supergalaktický, слц. superkritický, схв. супермоћан*; не зафиксированы в белорусском, болгарском, македонском, словенском и серболужицких).

39. Морфонологическая сторона суффиксального словообразования имен прилагательных во всех славянских языках характеризуется более или менее последовательно проводимым в определенных условиях чередованием заднеязычных согласных конца мотивирующих основ с шипящим в производных образованиях. Ср. р. *ручной, творожистый, чешский*; укр. *сорочий, тривожний, вушний*; бр. *бычачы, кніжны, вушасты*; п. *matczyn, śnieżny, blaszany*; ч. *roční, boží, vlaš-*

skŭ; слц. chrobaći, požnŭ, prašivŭ; вл. боцпу, спѣзпу, смешпу; нл. гиспу, смѣшпу; болг. речен, вражески, грешен; м. човечки (< -чки), брежен, страшен; схв. вучји, јужан, грешан; слн. jezičen, vražji, strašljiv. Эта особенность унаследована из праславянского языка, в котором возникла как следствие переходного смягчения заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда *e, ě, ě, ĭ, ь* (в т. ч. перед суффиксами -ѣ-, -ьп-, -ьск- и др.).

40. Во всех славянских языках при образовании производных имен прилагательных в ряде случаев наблюдается усечение конечных элементов мотивирующих основ. Ср. р. мгновение — мгновенный, радиус — радиальный, пленум — пленарный, завидовать — завидный; укр. гречка — гречаний, космос — космичный, мінімум — мінімальний, вихор(у)ати — вихорний; бр. дисперсія — дисперсны, адкід(в)аць — адкідны; п. Polak — polski, plenum — plenarny; ч. srdce — srdnatŭ, minimum — minimalnŭ; слц. kozmos — kozmickŭ, fokus — fokálny; вл. minimum — minimalny, plenum — plenarny; болг. глобус — глобален, пленум — пленарен, действувам — действителен; м. радиус — радијален, глобус — глобален; схв. Посавина — посавски, географѣја — географски; слн. globus — globalen, disperzija — disperzen и др. Эти расхождения в составе основ мотивирующих слов и производных от них прилагательных обусловлены историческим смещением словообразовательных связей унаследованных прилагательных (в т. ч. выпадением непосредственно мотивирующих форм, напр., укр. *греча между гречка и гречаний), параллельным заимствованием из иностранных языков основ типа глобус — глобальный, вступивших затем в словообразовательные связи и т. п.

Межъязыковые различия

Отдельные славянские языки и их подгруппы частично различаются между собой в области словообразования имен прилагательных по наличию или отсутствию в них некоторых суффиксов и префиксов. Во избежание повторений эти различия отмечаются дальше в связи с соответствующими словообразовательными типами.

1. Восточнославянские языки, в которых имеется словообразовательный тип притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -ачий (-ячий), образуемых, как правило, от названий животных, иногда от названий людей, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого словообразовательного типа. Ср. р. медвежачий, бычачий, кошачий, лягушачий, жеребчачий, щенячий, перепелячий, свиный; укр. білужачий, севрюжачий, рачачий, бичачий, черепашачий, кошачий, хлопчачий, пастушачий, жаб'ячий, риб'ячий, коров'ячий, козячий, волячий, баранячий, баб'ячий, хлоп'ячий, дитячий; бр. бычачы, пастушачы, варанячы, кабылячы, каравячы, свінячы, цыглычы, дзіцячы. Различие возникло в результате прошедшего в восточнославянских языках переразложения основ притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -ий (< -jъ), производных от основ существительных среднего рода на -ат-/ят- (телята — телячий). В западнославянских языках соответствующие образования сохраняются

без переразложения и принадлежат к типу на -jъ: н. cielęcy, zwierzęcy; ч. telecí, kozlečí; слц. prasací, jahňací, vřabl'ačí; вл. ólacy, jehnjacy; нл. sełecy, jagnjacy.

2. Восточнославянские и сербохорватский языки, имеющие словообразовательный тип относительных прилагательных с суффиксом -ин- (-ін-, -ін-, -ын-, -иь-), производных от имен существительных и означающих в основном свойственность или принадлежность тому, что названо мотивирующим именем существительным, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. тополиный, мышинный, воробинный; укр. пташиний, цапиний, журавлинний, солов'їний; бр. курыны, пчаліны; схв. змијињи, голубињи, пчелињи, кокошињи. Различие возникло в результате утраты западным и большинством южнославянских языков унаследованного из праславянского языка словообразовательного типа относительных имен прилагательных на -in- (ср. дрр. звѣриний, змииний, стел. звѣринъ (-аго), зминнъ (-аго)), который был вытеснен здесь образованиями на -i (< -jъ), -sk- и др.

3. Большинству славянских языков, обнаруживающих словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом -аст- (-аст-, -ast-, -iast-, -ест), синонимичный словообразовательному типу относительных прилагательных с суффиксом -ат- (см. п. 13), противостоят чешский и серболужицкие языки, не имеющие этого типа. Ср. р. лобастый, глазастый, ноздрястый; укр. грудастий, більмастий, скелястий; бр. грывасты, ікласты, дуплясты; п. zębiasty, ogoniasty «хвостатый», głowiasty «с головкой»; слц. uhlastŭ, hiinastŭ; болг. брадест, глинест, гривест; м. влакнест, иглест, брадест; схв. гриваст, цветаст, пепельаст, слн. čadast «дымчатый», bebast «слабоумный». Различие вызвано утратой в чешском и серболужицких языках словообразовательного типа на -ast-, унаследованного из праславянского языка.

4. Большинству славянских языков, в которых сравнительно широко, кроме македонского, представлен словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом -ист- (-іст-, -ыст-, -ist-, -yst-), означающих свойство, связанное с тем, что названо мотивирующим именем существительным, противостоят серболужицкие, сербохорватский и словенский языки, не обнаруживающие этого типа. Ср. р. перистый, серебристый; укр. голосистий, золотистий; бр. агністы, гарысты; п. kamienisty, śnieżysty; ч. skalistŭ, stříbřistŭ; слц. korenistŭ, močaristŭ; болг. горист, лесист, хълмист; м. горист «лесистый». Различие обусловлено тем, что словообразовательный тип на -ist- был унаследован не всеми славянскими языками или же вытеснен другими синонимичными образованиями (в серболужицких — с суффиксом -ity).

5. Восточнославянские, польский, чешский и словацкий языки, в которых имеется количественно ограниченный словообразовательный тип относительных имен прилагательных с суффиксом -ч- (-сз-, -č-), производных от глаголов и от имен существительных, противостоят серболужицким и южнославянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. гончий, ловчий, купчий, писчий; укр. відомчий, вірчий,

гончий, дарчий, творчий; бр. абарончы, гаспадарчы, даследчы, прымірэнчы; п. gospodarczy, opiekunczy, wyborczy; ч. dozorcí, lovcí, tvůrčí, vůdčí; слц. tvorčí. Различие вызвано развитием в северных диалектах праславянского языка периода его распада словообразовательного типа на -ьсь (+ъ) путем переразложения основ имен прилагательных на -ъ, производных от имен существительных на -ьсь (напр., гопьсь — гопьсь, рисьсь — рисьсь).

6. Большинству славянских языков, имеющих широко представленный словообразовательный тип производных от глаголов относительных имен прилагательных с суффиксом -льн- (-ln-, -лен-, -len), противостоят чешский, словацкий, серболужицкие и сербохорватский языки, в которых этот тип отсутствует. Ср. р. спальный, купальный, родильный, сушильный, полыйный; укр. рятувальний, саджальний, дробильний, прядильний, полільний; бр. читальны, стругальны, вастрыльны, даільны; п. jadalny, mieszkalny, sypialny; болг. венчален, погребален, родилен, хладилен; м. прашален, проштален, родилен; слн. ígralen, čístilen. Различие вызвано диалектными расхождениями праславянского языка периода распада в развитии отглагольных прилагательных (ср. ч. koupací «купальный», слц. sprací «спальный», вл. kupański «купальный», схв. купаћи «тж.»).

7. Чешский и словацкий языки, обнаруживающие словообразовательный тип отглагольных относительных прилагательных на -tel- с семантическим оттенком пассивности (возможности или невозможности выполнения действия, обозначаемого мотивирующим глаголом), противостоят остальным славянским языкам, в которых образования на -тельн- (-целн-, -cieln-, -телен-, -телан-, -telen) принадлежат к словообразовательному типу на -льн- (-ln-, -лен-, -len). Ср. ч. slyšitelný, srozumitelný, nesnesitelný, neproniknutelný; слц. odvolatel'ný, meratel'ný, hojitel'ný, nezničitel'ný. Различие вызвано семантической специализацией унаследованных из праславянского языка образований на -ln- в чешском и словацком языках.

8. Украинский и белорусский языки, в которых имеется немногочисленный тип относительных имен прилагательных с суффиксом -нич- (-nič-), производных от глаголов, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. укр. мальовничий «живописный», войовничий «воинственный», бр. ваяўнічы, маляўнічы, паляўнічы «охотничий». Различие вызвано поздним возникновением образований на -нич- (-nič-) в украинском и белорусском языках путем переразложения основ прилагательных на -ий (<-ъ), производных от имен существительных на -ник (-ník, напр., укр. робітник — робітничий, бр. будаўнік — будаўнічы).

9. Македонский и нижнелужицкий языки, не обнаруживающие словообразовательного типа относительных отглагольных прилагательных с суффиксом -к- (-k-), противостоят всем остальным славянским языкам, в которых этот тип представлен единичными примерами. Ср. р. колкий, шаткий, едкий, ноский, ложкий, ходкий; укр. верткий, говіркий, палкий, липкий, виткий; бр. варкі, вязкі, гонкі, коўкі, сыпкі; п. łepki, grząski, sypki; ч. hladký, trpký, sypký; слц. trpký, sypký; вл. суркі; болг. гъвък «гибкий»; схв. витак «гибкий, стройный», гйбак,

сипак; слн. gibek, mrzek, sipek, vitek. Различие вызвано утратой в македонском и, возможно, в нижнелужицком языках редких образований этого типа.

10. В сфере словообразования качественных имен прилагательных обращает на себя внимание различие между большинством славянских языков, в которых имеется словообразовательный тип качественных имен прилагательных с суффиксом -оват- (-уоват-, -ават-, -оват-, -lјat-), означающих слабо проявляющийся признак, выраженный мотивирующим именем прилагательным, и чешским, словацким, верхнелужицким, македонским и сербохорватским языками, не знающими этого словообразовательного типа. Ср. р. голубоватый, дороговатый, лысоватый, сероватый, слабоватый; укр. дозвуватий, дурнуватий, легкуватий, рижуватий, рябуватий, твердуватий; бр. белаваты, бруднаваты, велікаваты, вузкаваты, глухаваты, жайтаваты, криваваты; п. durowaty, głupowaty, krzywowaty, zielenowaty; нл. modrowaty «голубоватый», słabowaty; болг. глуповат, простоват, синеват, слабават, чудноват; слн. gostlјat «густоватый», grenklјat «горьковатый», suhlјat «суховатый». Различие обусловлено неодинаковым развитием способов выражения этого словообразовательного значения в диалектах праславянского языка и последующим вытеснением словообразовательного типа на -оват- в отдельных языках (ср. слц. уст. čudnowaty). В верхнелужицком языке в соответствии с образованиями на -оват- последовательно выступают образования на -ojt- (<-owit-): słabojty, žoltojty, dolhojty и др.

11. Украинский, словацкий, македонский, сербохорватский и словенский языки, имеющие синонимичный предыдущему словообразовательный тип качественных прилагательных с суффиксом -аст- (-яст-, -аст-, -ест-, -каст-, -kast-, -lјast-, -čast-), противостоят остальным славянским языкам, в которых этот тип отсутствует. Ср. укр. довгастий, зеленастий, біластий, білястий, червонастий, червонястий, круглястий, смуглястий; слц. horkasty «горьковатый», okruhlasty «кругловатый»; м. лисест «рыжеватый» (от лис «рыжий, рыжеватый»), долганест, долгунест, криволаст (диал.), кривулест; схв. мркаст «темноватый», мрколаст, сиваст «сероватый», сивкаст, кусаст «купеватый», округласт, рифаст «рыжеватый», жуткаст, руменкаст, црвенкаст, црвенкаст, црккаст; слн. mokrast, bled(i)kast, bledičast, črnkast, rdečkast «красноватый», rumenkast, zelenkast, suhlјast. Различие возникло в результате развития в части говоров праславянского языка словообразовательного типа качественных прилагательных на -аст-, производных от имен прилагательных, на основе словообразовательного типа относительных прилагательных на -аст-, производных от имен существительных [Конески 317].

12. Русский язык, не обнаруживающий уменьшительных прилагательных на -чк- (ср. производные от таких форм наречия: р. маленечко, хорошенечко, тихонечко), отличается в этом отношении от всех остальных славянских языков, в которых имеются различные формальные варианты этого словообразовательного типа. Напр.: укр. малесечкий, невеличкий; бр. маленечкі, маладзенецкі, невялічкі, малюсенечкі, ціхусенечкі; п. maluczki, słabiuczki; ч. chudičký, mladičký,

kratičký, novičičký, mlad'oučký, slad'oučký; сл. maličký, bielučičký, suchučký, teplučký; вл. malički, poľnički; нл. maľučki, drobnučki; болг. добричек, смешичник, хубавичек, дебеличек, скъпичек; м. малечок, слабечок, големичок, танкичок, слабичок; схв. лагачак, пуначак, слабачак; слн. maliček. Различие вызвано утратой в русском языке этого словообразовательного типа, унаследованного из праславянского языка, в котором он явился результатом аффективного удвоения уменьшительного суффикса -ьк- и переходным смягчением заднеязычного к перед ь в составе удвоенного суффикса (*-ььк-> -ььк-).

13. Восточнославянские и польский языки, в которых широко представлен словообразовательный тип уменьшительных прилагательных с суффиксом -еньк- (-оньк-, -ехоньк-, -эньк-, -аньк-, -е́нк-) и его производным -сеньк- (-сіньк-, -sieńk-), противостоят остальным славянским языкам, обнаруживающим в соответствующем словообразовательном значении другие варианты суффикса с конечным -к-. Ср. р. маленький, серенький, малюсенький, легонький, чернехонький; укр. біленький, вузенький, тонесенький, новісінський, малюсінський; бр. крывенькі, старэнькі, добранькі, бялюсенькі, ціхусенькі, малюпасенькі; п. maleńki, caleńki, malusieńki. Различие вызвано распространением и обобщением этих уменьшительных форм имен прилагательных в северных говорах праславянского языка периода его распада. Ср. близкие уменьшительные формы в чешском, словацком и болгарском языках: ч. malinký, mladinký, mlounkú, hělounkú; сл. slabunký, l'ahunký, tenulinký, zlatulinký; болг. добринка, тѣнинка, хубавинка (ж. р.), добринко (ср. р.), добринки.

14. Белорусский и польский языки, в которых имеется словообразовательный тип уменьшительных имен прилагательных с суффиксом -ютк- (-ютк-, -utk-), противостоят всем остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Напр.: бр. ціхуткі, малюткі, драбнюткі, ясныткі; п. сiחותкі, bielutki, peńiutki, raniutki, chudziutki. Различие вызвано сохранением в белорусском и польском языках севернославянских диалектных форм прилагательных с уменьшительным значением, которые в прошлом могли иметь более широкое распространение (ср. родственную форму имени существительного р. малютка).

15. Словацкий и верхнелужицкий языки, имеющие словообразовательный тип уменьшительных имен прилагательных с суффиксом -ušk-, противостоят остальным славянским языкам, для которых этот тип не характерен. Ср. сл. chudušký, hladušký, bledušký, teplušký, zlatušký; вл. drobnuški, slabuški, chuduški «бедный». Различие вызвано сохранением в словацком и верхнелужицком языках соответствующих диалектных форм прилагательных праславянского языка.

16. Польский, сербохорватский и словенский языки, обнаруживающие словообразовательный тип уменьшительных прилагательных с суффиксом -chn- (-хан-, -heп-), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. п. maluchny, drobniuchny, grubachny, dľugachny; схв. малахан, грубахан «грубоватый», пунахан «полноватый», млађахан, живахан «оживленный»; слн. majhen «маленький». В отдельных случаях образования этого типа уменьшитель-

ный оттенок семантики теряют. Различие возникло вследствие сохранения отдельными языками на периферии славянской языковой территории праславянских уменьшительных форм имен прилагательных с суффиксом -хн- (<*-sn-).

17. Восточнославянские, чешский, словацкий и нижнелужицкий языки, в которых имеются различные количественно ограниченные словообразовательные типы качественных имен прилагательных с увеличительным значением (преимущественно означающие физические размеры), противостоят остальным славянским литературным языкам, где такие образования необычны. Примеры см. в следующих пунктах.

18. Восточнославянские языки, в которых имеется словообразовательный тип увеличительных имен прилагательных с суффиксом -енн- (-энн-), противостоят остальным славянским языкам, не обнаруживающим таких образований. Ср. р. здоровенный, толстенный, широченный, высоченный; укр. здоровенний, товстенний, далеченний, глибоченний, страшенний; бр. высачэнны, здаравенны. Различие вызвано развитием словообразовательного типа в говорах древнерусского языка.

19. Русский и украинский языки, имеющие словообразовательный тип увеличительных имен прилагательных с суффиксом -уц- (-юц-, -уч-, -юч-), противостоят остальным славянским языкам, в которых такой тип отсутствует. Ср. р. толстуций, большуций, злоуций; укр. завзятуций, триклятуций, худюций, злоуций, хитрюций, багатюций, товстюций, товстючий, злоуций, худючий. Различие вызвано ареальным развитием в русском и украинском языках увеличительных прилагательных с суффиксом -уц- (-уч-) под влиянием отглагольных относительных прилагательных типа могуций, кипучий.

20. Украинский, белорусский и словацкий языки, в которых представлен словообразовательный тип увеличительных имен прилагательных с суффиксом -езн- (-ээн-, -ізн-), противостоят остальным славянским языкам, не обнаруживающим таких образований. Ср. укр. величезний, грубезний, старезний, довжезний, довжелезний; бр. велічэзны, высачэзны, шырачэзны, таўшчэзны, даўжэзны; сл. veličizný, hrubizný, hlubočizný, vysočizný, širočizný. Различие вызвано унаследованием украинским, белорусским и словацким языками словообразовательного типа, развившегося в соответствующих говорах праславянского языка периода его распада.

21. Чешский и словацкий языки, имеющие словообразовательный тип увеличительных имен прилагательных с суффиксом -ánsk-, противостоят остальным славянским языкам, в которых он отсутствует. Ср. ч. dlouhánský, hlubokánský, širokánský, vysokánský, mohutánský; сл. dlhánsky, hľbokánsky, širokánsky. Различие вызвано развитием этого словообразовательного типа в чешском и словацком языках под влиянием относительных имен прилагательных типа velikánský (от velikán).

Имеются количественно ограниченные словообразовательные типы имен прилагательных с увеличительным значением, свойственные лишь отдельным славянским языкам. Таковы бр. даўжэрны, цяжэрны.

ташчэрны, высозны, глыбозны; нл. *wjelicki, wusocki*. Они являются результатами индивидуального развития соответствующих языков.

22. В области префиксального образования прилагательных восточнославянские, польский и болгарский литературные языки, в которых имеется словообразовательный тип качественных прилагательных с префиксом *сверх-* и его функциональными соответствиями в других языках (*над-, звыш-, nad-, сврѣх-*), означающих высшую степень проявления признака, противостоят остальным славянским языкам, не обнаруживающим этого типа. Ср. р. *сверхдальный, сверхглубокий, сверхмалый, сверхновый, сверхнизкий, сверхсовременный*; укр. *надвисокий, надвисотний, надвлучний, наддалекий, наддовгий, надпотужний, надранній, надтвердий*; бр. *звышдалёкі, звышмагутны, звышметкі, звышранні, звышскорасны, звышустойлівы*; п. *padczuły, nadgorliwy, nadkwaśny, nadwrażliwy*; болг. *сврѣхмоцѣн, сврѣхнаселѣн, сврѣхчувствитѣлен*. Различие вызвано усилившимся в последние десятилетия процессом калькирования в соответствующих языках иноязычных прилагательных с префиксом *super-*, которому соответствует р. *сверх-*, и др. (ср. р. *суперсовременный*).

23. Украинский, польский, болгарский, македонский и сербохорватский языки, в которых ограниченно представлен словообразовательный тип качественных прилагательных с суффиксом *при-* (*przu-*), означающих слабую степень проявления признака, противостоят остальным современным славянским литературным языкам, не имеющим этого типа. Ср. укр. устар. *приглухий, приглухуватий, пристарий*, диал. *прималий, присухий, прижовтий*; п. *przyciasny, przyciemny, przydługi, przycięsny, przyostrzy*; болг. *приголям, прималѣк, приширок, притесен*; м. *пристар*; схв. *приглув, приглуп, припрост, пританак*; слн. *prigrōst*. Различие вызвано утратой или семантическим видоизменением в ряде славянских языков этого словообразовательного типа, унаследованного из праславянского языка (ср. р. диал. *приглух* «глуховатый», бр. диал. *прытрудны* «трудноватый», стсл. *прѣмѣдѣ*).

24. Словацкий язык, в котором качественные имена прилагательные с префиксом *prí-* имеют значение увеличительности, противостоят остальным славянским литературным языкам, не обнаруживающим такого явления: слц. *pridlhý* «слишком длинный, слишком долгий», *primalý, priskorý, príostrý, príurový, prímladý, príuzký, príhlboký*. Различие вызвано особым развитием значения этого словообразовательного типа в словацком языке. Ср. аналогичное развитие в укр. диал. *прітяжжкий* «претяжкий», бр. *прійдалы* «великолепный, удалой».

25. Русский, белорусский, чешский, словацкий и верхнелужицкий языки, имеющие количественно ограниченный словообразовательный тип качественных прилагательных увеличительной семантики с префиксом *раз-* (*rac-, roz-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых такой тип отсутствует. Ср. р. *разудалый, развеселый, разлюбезный, раскосый, распрекрасный*; бр. *разухабісты, разлюбезны, раскосы*; ч. *rozmilý, roztomilý, roztodivný*; слц. *roztomilý, roztodivný*; вл. *rozmilý*. Различие обусловлено утратой в большинстве славянских языков этого словообразовательного типа, унаследованного из пра-

славянского языка, в котором он, вероятно, тоже не был широко распространен.

26. Словацкий, серболужицкий, сербохорватский и словенский языки, в которых имеется словообразовательный тип качественных имен прилагательных деминутивной семантики с префиксом *па-* (*na-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. слц. *nahorkastý, nazelenastý, namodrastý*; вл. *paбѣдny, paблѣdy, pacoгny, paswѣtly*; нл. *pacарny, namodry, nažoŕty, pamaly*; схв. *наглух, накрив, накисео, наблед, нацрн, нажут, натруо* «жиловатый»; слн. *pagluh, pakisel*. Различие вызвано, по-видимому, диалектными расхождениями праславянского языка, из которого этот словообразовательный тип был унаследован соответствующими языками.

27. Серболужицкий, сербохорватский и словенский языки, в которых единичными примерами представлен словообразовательный тип качественных прилагательных деминутивной семантики с префиксом *po-* (*po-*), противостоят остальным славянским литературным языкам, не обнаруживающим этого типа. Ср. вл. *poбѣdny, pocoгnojty*; нл. *poбѣdny, posарny*; схв. *подобар* «довольно хороший», *полукав* «довольно хитрый», *повелик, повисок, подугачак* «длинноватый», слн. *poсгп*. Различие вызвано утратой в большинстве славянских литературных языков этого словообразовательного типа, унаследованного из праславянского языка (ср. р. *побольше, повыше*; укр. диал. *поширокий* «широковатый», «слишком широкий», *покороткий* «коротковатый», *потвердий* «слишком твердый», п. диал. *pobielawy*, ч. диал. *pobilý, posilný, poměňší, povětší*).

28. Нижнелужицкий, сербохорватский и словенский языки, имеющие количественно ограниченный словообразовательный тип качественных прилагательных деминутивной семантики с префиксом *wob-* (*wo-, o-*), противостоят остальным славянским языкам, которые не обнаруживают таких образований. Ср. нл. *wobmały, wochłodny*; схв. *ократак, онизак, омален*; слн. *oβemep, osiv*. Различие вызвано утратой большинством славянских языков этого словообразовательного типа, унаследованного из праславянского языка (ср. ч. *obstarší* «устаревший», слц. *obstarný* «тж.», наречия вл. *wobcoгп* «черновато», укр. *обмаль* «маловато» и др.).

Таким образом, в области словообразования имен прилагательных современные славянские литературные языки обнаруживают больше общих типологических признаков, чем существенных типологических расхождений. Обнаруживаемые типологические различия в этой области образуют различные изоглоссы и пучки изоглосс, объединяющие отдельные славянские языки в различные подгруппы. При этом наряду с подгруппами, которые образуются положительными изоглоссами (наличием определенных признаков), параллельно выделяются дополняющие их подгруппы из остальных славянских языков, образуемые отрицательными изоглоссами, т. е. отсутствием соответствующих типологических признаков. Только в трех случаях состав подгруппы образуется пучками из двух положительных (и, соответственно, двух

отрицательных) изоглосс, в остальных 19 случаях каждая подгруппа образуется одной изоглоссой.

Из трех традиционно выделяемых подгрупп славянских языков только восточнославянские языки по словообразовательным особенностям прилагательных выделяются — притом двумя изоглоссами — в отдельную подгруппу (наличие относительных прилагательных на *-ачий* и увеличительных на *-енный*). В пяти других случаях восточнославянские языки объединяются в подгруппы, включающие в свой состав еще один или несколько языков из других традиционно выделяемых подгрупп — польский (наличие уменьшительных прилагательных на *-еньк-*), польский, чешский и словацкий (относительные на *-чий*), польский и болгарский (префиксальные на *сверх-*), чешский, словацкий и нижнелужицкий (наличие категории прилагательных с семантическим оттенком увеличительности), сербохорватский (относительные на *-иний*). В двух случаях подгруппу образуют только два из трех восточнославянских языков — русский и украинский (увеличительные на *-юций*) и украинский и белорусский (относительные отглагольные на *-ничий*). В двух других случаях два восточнославянских языка объединяются в подгруппы с языками западнославянскими — украинский и белорусский со словацким (увеличительные на *-езний*) и русский и белорусский с чешским, словацким и верхнелужицким (префиксальные на *раз-*).

Южнославянские языки в самостоятельную подгруппу не объединяются ни разу. Македонский, сербохорватский и словенский языки входят в подгруппу, включающую еще украинский и словацкий языки (наличие качественных прилагательных на *-астый*). Три южнославянских языка — болгарский, македонский и сербохорватский — объединяются в одну подгруппу с украинским и польским языками (качественные прилагательные с префиксом *при-*). Четыре раза в различные подгруппы вместе с одним или несколькими западнославянскими языками объединяются два близкородственных южнославянских языка — сербохорватский и словенский: с серболужицкими языками (по наличию качественных прилагательных с префиксом *ро-* и по отсутствию относительных прилагательных на *-ист-*), с польским языком (по наличию уменьшительных прилагательных с суффиксом *-хан*, *-chn-*) и с нижнелужицким (по наличию качественных прилагательных на *(w)ob-*).

Западнославянские языки в полном составе ни в самостоятельные подгруппы, ни в сочетании с другими языками по признакам словообразования прилагательных положительными изоглоссами не выделяются. В двух случаях они в полном своем составе объединяются в одну подгруппу со всеми южнославянскими языками по отрицательному признаку отсутствия у них свойственных восточнославянским языкам относительных прилагательных на *-ачий* и увеличительных на *-енный*. Четыре западнославянских языка — чешский, словацкий и оба серболужицкие — выделяются только в сочетании с сербохорватским и то только по отрицательному признаку — отсутствию относительных прилагательных на *-льн-*. Чешский, словацкий и верхнелужицкий выделяются вместе с македонским и сербохорватским, и то только по

отрицательному признаку — отсутствию качественных прилагательных на *-оват-*; как уже упомянуто, те же три западнославянские языка выделяются в одну подгруппу вместе с восточнославянскими по наличию в них имен прилагательных с семантикой увеличительности и вместе с русским и белорусским по наличию прилагательных увеличительных с префиксом *раз-*. Чешский и оба серболужицкие выделяются в одну подгруппу по отрицательному признаку отсутствия относительных прилагательных на *-аст-*. Как уже упомянуто, словацкий и оба серболужицкие объединяются вместе с сербохорватским и словенским по наличию качественных прилагательных с префиксом *па-*, а польский, чешский и словацкий вместе с восточнославянскими по наличию относительных прилагательных на *-чий*. Ближайшие родственные чешский и словацкий языки дважды объединяются в одну подгруппу по наличию относительных прилагательных на *-telp-* и увеличительных на *-ánsk-*. Словацкий и верхнелужицкий объединяются в одну подгруппу по наличию уменьшительных прилагательных на *-ušk-*. Словацкий отличается от всех остальных славянских языков увеличительной семантикой прилагательных с префиксом *ргі-*. Русский язык выделяется среди всех остальных языков отрицательным признаком отсутствия уменьшительных прилагательных с суффиксом *-чк-*.

В двух случаях отдельные подгруппы образуются двумя языками, принадлежащими к разным традиционно выделяемым подгруппам — белорусским и польским (по наличию уменьшительных прилагательных на *-утк-*) и нижнелужицким и македонским (по отрицательному признаку отсутствия относительных прилагательных на *-к-*).

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В современных славянских языках числительные представляют собой весьма своеобразную группу слов, отражающую представления о числе и количестве, свойственные человеческой мысли нашего времени. Числительные обнаруживают большое типологическое сходство не только в пределах славянских языков, но и во многих других языках народов, вошедших в орбиту современной цивилизации.

Самым общим и главным типологически сходным фактом, характеризующим славянские, родственные индоевропейские и многие другие языки, является строгая системная организация числительных. В этом их особенность по сравнению со всеми другими частями речи и лексико-грамматическими группами. Стержень системы числительных составляют слова, обозначающие простое количество предметов или абстрактное число — количественные числительные. Эти слова могут быть расположены в один ряд, где каждое последующее числительное обозначает число, большее предыдущего на единицу. Теоретически такой ряд, начинающийся с единицы и последовательно на единицу же увеличивающийся, может быть продолжен до бесконечности, что отражает в языке бесконечность натурального ряда чисел и в конечном счете безграничность и беспредельность вселенной.

Организирующим началом, вносящим четкость и стройный порядок в продолжающийся (нарастающий) ряд чисел и называющих их числительных, является десятичная система. В ней справедливо усматривают влияние использования в далеком прошлом пальцев рук (и, по-видимому, ног) для счета и элементарных действий с числами [История математики 1 1970, 10]. Десятичная система непосредственно отражается не только в системе чисел, внутренней организации натурального числового ряда, но и в формах числительных.

Общим для всех славянских и многих других языков является также тот факт, что все огромное количество чисел выражается с помощью весьма ограниченного набора числительных — прежде всего простых (названия чисел первого десятка, названия сотни, тысячи, миллиона и нескольких последующих классов), а также образованных из них сложных; основную массу числительных составляют строго определенным образом построенные синтаксические сочетания из этих простых и сложных слов.

Следует отметить, что в лексический состав каждого языка входят (и фиксируются в словарях) лишь простые и сложные числительные типа р. *три, пять, семнадцать, восемьдесят, сто, четыреста, тысяча* и под.; составные числительные (многочисленные словосочетания типа *двадцать три, сто восемьдесят шесть* и т. п.) существуют скорее потенциально, как набор жестких моделей, по которым в нужный момент может быть построено соответствующее словосочетание, передающее любое количество (число).

Исключительной особенностью числительных по сравнению со всеми другими частями речи является наличие специальных цифровых символов для письменной фиксации первых девяти названий чисел и возможность передать с их помощью любое число (количество). Цифры интернациональны (собственно, существует две их системы: широко распространенная, универсальная арабская и римская, имеющая ограниченное применение); передача ими на письме числа более экономна и наглядна по сравнению со словесной. Последнее обстоятельство в немалой степени способствовало развитию математики как науки. Компактное и экономное цифровое написание чисел, выполняющееся по определенным правилам, оказало влияние на стабилизацию системы количественных числительных во всех языках народов, общившихся к современной культуре.

Среди многих других достижений в истории математики следует отметить открытие отрицательных величин, что позволило продолжить ряд натуральных чисел в обратном (от единицы и нуля) направлении. Таким образом, однонаправленный бесконечный ряд был заменен рядом, бесконечным в двух направлениях.

Очень большие числа (в математических вычислениях и под.) могут передаваться с помощью обозначения степеней десяти (10^{16} , 10^{33} и т. п.), а неограниченно продолжающееся нарастать количество обозначается специальным математическим знаком ∞ («бесконечность»).

Очередным важным шагом в абстрагировании от конкретного числа и количества, обусловленном развитием науки, было создание буквенной символики, которой математика оперирует наряду с циф-

ровой. Это значит, что мысль может иметь дело уже не только с определенным количеством конкретных предметов или абстрактным числом, но и с абстрактной величиной, абстрактным количеством как таковым. Буквенная символика так же интернациональна, как и цифровая.

В целом следует подчеркнуть особую роль числительных в языке науки, в первую очередь, разумеется, математики, а с другой стороны — не меньшую роль научной мысли в формировании и утверждении стройной, чрезвычайно последовательной и строгой системности количественных числительных и типологически сходной их системы во многих языках.

Следующей чертой, типологически общей для всех славянских и многих неславянских современных языков, является наличие строго параллельного длинному ряду количественных числительных другого ряда — числительных порядковых. Порядковые числительные обозначают порядковые числа, устанавливающие место того или иного множества в ряду других множеств. «Категория количества, — отмечал В. З. Панфилов, — тесно связана с категориями пространства и времени: то или иное конкретное множество предстает или как совокупность определенным образом расположенных в пространстве объектов, или как совокупность явлений, сменяющихся друг за другом во времени» [Панфилов 1982, 229].

Система порядковых числительных почти зеркально отражает все особенности системы количественных: подобно последним, порядковые организованы по десятичной системе; они также могут быть выражены с помощью небольшого набора простых порядковых числительных (за немногими исключениями, имеющих общие с количественными основы) и образованными от количественных сложными и составными. К каждому количественному числительному всегда есть или легко может быть образовано соответствующее порядковое.

Правда, бесконечность ряда порядковых числительных, хотя и может теоретически постулироваться, носит несколько условный характер, так как тот факт, что математика ими почти не оперирует, сильно сужает сферу и снижает частоту их употребления, особенно это касается составных порядковых (за исключением названий года — типа р. *1945-й* и под.). Поэтому по сравнению с системой количественных порядковые числительные представляют собой в современных языках как бы вторичную, вспомогательную систему.

Подобно количественным, порядковые числительные на письме могут обозначаться цифрами — как арабскими, так и римскими. Буквенная символика на порядковые распространяется редко. Порядковые числительные соотносятся с рядом только целых количественных; дробные величины, сами выражающиеся с помощью порядковых, соответствий у последних не имеют.

Помимо двух параллельных рядов числительных (количественных и порядковых) в каждом из славянских языков есть некоторое количество слов, образованных от основ (корней) числительных и относящихся к различным частям речи (среди них есть и числительные — ср. так называемые собирательные числительные в восточнославянских

языках). Кроме того, во всех славянских языках существуют также имена, местоимения и наречия с количественным значением, но с основами (корнями), не связанными с корнями числительных.

Таковы наиболее существенные черты числительных, составляющие их специфику как лексико-грамматической группы слов и являющиеся общими для всех славянских языков (а также и многих неславянских). Эти же черты определяют и особенности словообразования числительных. Отмечалось, что «словообразование в обычном смысле слова не присуще числительным» [Супрун 1969, 90]. Словообразовательный анализ в отношении рассматриваемой части речи обычно сводится, по сути, к более или менее углубленному изложению материала, касающегося структуры числительных различных групп, в своей совокупности составляющих их систему¹.

Общеславянские явления

1. Для словообразования числительных в славянских языках наиболее характерны суффиксация и словосложение.

2. Строгая системность числительных и их организация по десятичной (децимальной) системе обусловили ограниченность набора как словообразовательных моделей, свойственных этой части речи, так и материального инвентаря (производящие основы, суффиксы).

3. Производящими основами при словообразовании числительных могут быть только (за единичными исключениями) основы (корни) числительных же.

4. Замкнутость отдельных звеньев и элементов системы количественных и порядковых числительных, отражающих разряды и классы чисел, снимает вопрос о продуктивности словообразовательных моделей и формантов (суффиксов), характерных для этой лексико-грамматической группы: новыми образованиями числительные (за немногими исключениями) не пополняются.

5. Из суффиксов числительных более других распространены в славянских языках суффиксы *-н-* (*-п-*) в порядковых (ср. р. *тысячный*, п. *setny*, *czterechsetny*, нл. *hundertny*, *dwa hundredny*, болг. *стотни*, *осемстотни*, *хилядни*) и *-ор-* (*-ог-*), *-ер-* (*-ег-*) в собирательно-разделительных (р. *семь*, укр. *п'ятнадцатеро*, бр. *дваццацера*, п. *sześciogo*, ч. *desatero*, сл. *pátoro*, вл. *dwanaćogu*, нл. *stogy*, схв. *петнаесторо*, сл. *tisočer*).

6. Поскольку у числительных нередки выравнивания под влиянием соседних форм (обычно по типу прогрессивной ассимиляции, т. е. уподобления последующих форм предыдущим), то формальные приметы независимо от их происхождения, распространяясь на новые образования, могут приобретать статус словообразовательного форманта. Ср. р. *два-дцать*, *три-дцать* (из др. *два-десять*, *три-десять*) под влиянием предшествующих *девять-на-дцать* и других названий чисел

¹ Полнота типологического сопоставления всех элементов системы числительных в славянских языках потребовала выхода в лексикологию и синтаксис.

второго десятка; словацкая лично-мужская форма *tra-ja* (появилась под влиянием *dva-ja*) и под.

7. Во всех современных славянских языках основу материальной базы словопроизводства числительных составляют названия единиц первого десятка и несколько простых числительных, обозначающих разряды чисел: р. *один*, *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *сто*, *тысяча*; укр. *один*, *два*, *три*, *чотири*, *п'ять*, *шість*, *сім*, *вісім*, *дев'ять*, *десять*, *сто*, *тисяча*; бр. *адзін*, *два*, *тры*, *чатыры*, *пяць*, *шэсць*, *сем*, *восем*, *дзевяць*, *дзесяць*, *сто*, *тысяча*; п. *jeden*, *dwa*, *trzy*, *cztery*, *pięć*, *sześć*, *siedem*, *osiem*, *dziesięć*, *dziesięć*, *sto*, *tysiąc*; ч. *jeden*, *dva*, *tři*, *čtyři*, *pět*, *šest*, *sedm*, *osm*, *devět*, *deset*, *sto*, *tisíc*; сл. *jeden*, *dva*, *tri*, *štiri*, *pāt'*, *šest'*, *sedem*, *osem*, *devāt'*, *desat'*, *sto*, *tisic*; вл. *jedyn*, *dwaj*, *tři*, *štýri*, *pječ*, *šěsć*, *sydom*, *wósm*, *dzewjeć*, *džesać*, *sto*, *tysac*; нл. *jaden*, *dwa*, *tši*, *stýri*, *pěš*, *šesć*, *sedym*, *wosym*, *žewješ*, *žaseš*, *sto*, *tysac*; болг. *един*, *два*, *три*, *четири*, *пет*, *шест*, *седем*, *осем*, *девет*, *десет*, *сто*; м. *еден*, *два*, *три*, *четири*, *пет*, *шест*, *седум*, *осум*, *девет*, *десет*, *сто*; схв. *један*, *два*, *три*, *четири*, *пет*, *шест*, *седам*, *осам*, *девет*, *десет*, *сто*, *тисуча*; сл. *eden*, *dva*, *tri*, *je*, *štirje*, *pet*, *šest*, *sedem*, *osem*, *devet*, *deset*, *sto*, *tisoč*. Всё это старые, еще праславянские образования с общеиндоевропейскими корнями (псл. **jedīnъ* (**jedьnъ*), **dъva*, **trъje*, **četyre*, **pęť*, **šestъ*, **sedmъ*, **osmъ*, **devęť*, **desęť*, **sъto*, **tysętia* (**tysęti*) — ср. реконструируемые ие. **oīnos* «один», **duō* «два», **trejes* «тройка», **k^uetūr* «четверка», **penk^ue* «пятерка», **suek's* «шестерка», **septm* «семерка», **ok^u-tō(u)* «восьмерка», **neun* «девятка», **dek^um(t)* «десятка», **k^umtom* «сто»; **tysętia* (**tysęti*), кроме славянских, известно балтийским и германским языкам, рассматривается как сложное образование с корнем *sъt-* во второй части и с первоначальным значением «большая сотня»).

Если псл. **dъva*, **trъje*, **četyre*, а также **desęť* продолжают соответствующие индоевропейские формы, то **pęť* — **devęť* были образованы на праславянской почве от порядковых (собственно, прилагательных с корнями числительных) с помощью суффикса *-b*, который, присоединяясь к именной (адъективной) основе, придавал имени значение абстрактности или собирательности, ср. образованные по той же словообразовательной модели р. *черн(ый)* — *чернь*, *нов(ый)* — *новь*, укр. *молод(ий)* — *молодь*, *юн(ий)* — *юнь*, ч. *modr(ý)* — *modř* и под.

Единство исходной базы в значительной степени обусловило сходство (а во многих моментах и тождественность) большинства элементов всей системы числительных в славянских языках.

8. Тождественны по своей структуре во всех славянских языках количественные числительные — названия чисел второго десятка: р. *одиннадцать*, *двенадцать*, *тринадцать*, *четырнадцать*, *пятнадцать*, *шестнадцать*, *семнадцать*, *восемнадцать*, *девятнадцать*; укр. *одинадцять*, *дванадцять*, *тринадцять*, *чотирнадцять*, *п'ятнадцять*, *шістнадцять*, *сімнадцять*, *вісімнадцять*, *дев'ятнадцять*; бр. *адзінаццаць*, *дванаццаць*, *трынаццаць*, *чатырнаццаць*, *пятнаццаць*, *шаснаццаць*,

семнаццаць, васемнаццаць, дзевятнаццаць; п. jedenaście, dwanaście, trzynaście, czternaście, piętnaście, szesnaście, siedemnaście, osiemnaście, dziewiętnaście; ч. jedenáct, dvanáct, třináct, čtrnáct, patnáct, šestnáct, sedmnáct, osmnáct, devatenáct; сл. jedenást', dvanást', trinást', štrnást', pātnást', šestnást', sedemnást', osemnást', devātnást'; вл. jědnaće, dwanaće, třinaće, štyrnaće, pjatnaće, šesnaće, sydomnaće, wósmnaće, džewjatnaće; нл. jаднаśćо, дванаśćо, тринаśćо, стырнаśćо, рёснаśćо, шеснаśćо, седымнаśćо, восымнаśćо, зевјеснаśćо; болг. *единайсет, дванайсет, тринайсет, четирнайсет, петнайсет, шестнайсет, седемнайсет, осемнайсет, деветнайсет*; м. *единаесет, дванаесет, тринесет, четиринесет, петнаесет, шеснаесет, седумнаесет, осумнаесет, деветнаесет*; схв. *једанаест, дванаест, тринест, четрнаест, петнаест, шеснаест, седамнаест, осамнаест, деветнаест*; слн. enajst, dvanajst, trinajst, štirinajst, petnajst, šestnajst, sedemnajst, osemnajst, devetnajst. Эти числительные рассматриваются в современных языках как суффиксальные образования. Сходство их объясняется единством происхождения: все они появились на почве отдельных славянских языков из старых словосочетаний, состоящих из числительного первого десятка, предлога *на* и слова *десять* в местном (предложном) падеже (ср. стсл. *ДЪКА НА ДЕСАТЕ, ТРИ НА ДЕСАТЕ, ПАТЬ НА ДЕСАТЕ* и под.).

Постепенное превращение словосочетаний в слова прослеживается по памятникам. При этом первый компонент словосочетаний — числительное, несущее смысловую нагрузку, и следующий за ним предлог *на*, за которым закрепилось ударение, оставались без изменений (или почти без изменений), зато заударный компонент словосочетания *desęte* подвергся сильной деформации и редукции, так что в современных славянских языках воспринимается как суффикс (вместе с предшествующим *-на-*): р. *-надцать*, укр. *-надцять*, бр. *-наццяць*, п. *-naście*, ч. *-náct*, сл. *-nást'*, вл. *-naće*, нл. *-nasćо*, болг. *-найсе(т)*, м. *-наесет*, схв. *-наест*, слн. *-najst*.

9. Однотипны также по структуре во всех славянских языках названия для пяти, шести, семи и восьми десятков: это сложные слова с соответствующим простым числительным в первой части и основой *десять* во второй. Ср.: р. *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*; укр. *п'ятдесят, шістьдесят, сімдесят, вісімдесят*; бр. *пяцьдзесят, шэсцьдзесят, семдзесят, васьмдзесят*; п. *pięćdziesiąt, sześćdziesiąt, siedemdziesiąt, osiemdziesiąt*; ч. *padesát, šedesát, sedmdesát, osmdesát*; сл. *pāťdesiat, šest'desiat, sedemdesiat, osemdesiat*; вл. *pječdzesat, šesčdzesat, sydm dzesat, wósm dzesat*; нл. *pěšzaset, šesčzaset, sedymzaset, wosymzaset*; болг. *петдесет, шестдесет, седемдесет, осемдесет*; м. *педесет, шеесет, седумдесет, осумдесет*; схв. *педесет, шездесет, седамдесет, осамдесет*; слн. *petdeset, šestdeset, sedemdeset, osemdeset*. Все эти названия также происходят из словосочетаний, которые состояли из числительного первого десятка и слова *десять* в форме родительного падежа множественного числа (ср. стсл. *ПАТЬ ДЕСАТЬ, ШЕСТЬ ДЕСАТЬ, СЕДМЬ ДЕСАТЬ, ОСМЬ ДЕСАТЬ*). Оба компонента словосочетаний остались без существенных изменений, в некоторых языках даже сохранилось склонение первой части (ср. р. *пятьдесят, пятьюдеся-*

тью и под.), однако о далеко прошедшем процессе лексикализации бывших словосочетаний свидетельствует установление в большинстве языков одного общего ударения в возникших из них сложных числительных.

10. Общим для славянских языков является название сотни (р., укр., бр., болг., м., схв. *сто*, п., ч., сл., вл., нл., слн. *sto*), унаследованное, как отмечалось выше, из праславянского и индоевропейского языков (ср. продолжающие то же ие. *k'mtom «сто» лит. *šimtas*, лтш. *simts*, дринд. *šatám*, авест. *satəm*, лат. *centum* и др.).

11. Во всех славянских языках сходны по своей структуре названия двух и трех сотен: р. *двести, триста*; укр. *двісті, триста*; бр. *дзвесце, трыста*; п. *dwieście, trzysta*; ч. *dvě stě, tři sta*; сл. *dvesto, tristo*; вл. *dwě scě, tři sta*; нл. *dwě scě, tři sta*; болг. *двесте, триста*; м. *двесте, триста*; схв. *двеста, триста*; слн. *dvesto, tristo*. Это сходство — также результат одинакового происхождения названий — из словосочетаний, легко просматривающихся в приведенных числительных (ср. стсл. *ДВЪ СЪТЪ, ТРИ СЪТА*)². Словосочетания носили адъективный характер: числительные *два* и *три* согласовывались с *сто* в роде и числе (в *ДВЪ СЪТЪ* оба слова в форме двойственного числа среднего рода, в *ТРИ СЪТА* — также средний род, но множественное число). Первые компоненты (*два* и *три*) во всех языках сохранили свою старую форму неизменной.

12. Одинаковы в славянских языках названия для разрядов чисел, превышающих тысячу: р. *миллион, миллиард, биллион, триллион*; укр. *мільйон, мільярд*; бр. *мільён, мільярд*; п. *milion, miliard, bilion*, ч. *milión, miliarda, bilión*; сл. *milión, miliarda, bilión, trilión*; вл. *milion, miliarda, bilion*; нл. *milion, miliarda, bilion*; болг. *милион, миллиард, бицион*; м. *милион, милијарда, бицион*; схв. *милион, милијарда, бицион*; слн. *milijon, milijarda*. Названия являются книжными заимствованиями из западноевропейских языков: *миллион* более давнее (в восточнославянских языках, напр., слово зафиксировано в конце XVI в.), *миллиард, биллион* — новейшего происхождения.

13. Идентичные во всех славянских языках порядковые числительные к количественному *три* (р. *третий*, укр. *третій*, бр. *трэці*, п. *trzeci*, ч. *třetí*, сл. *tretí*, вл. *třeći*, нл. *tšesi*, болг. *трети*, м. *трет(и)*, схв. *трећи*, слн. *tretji*) продолжают псл. **treťьъ* «третий», которое является производным от имени **treťь* «треть».

14. Следующее порядковое, имеющее во всех славянских языках характерную для порядковых числительных словообразовательную примету *-т- (-t-)* (р. *четвёртый*, укр. *четвертий*, бр. *чацвёрты*, п. *czwarty*, ч. *čtvrtý*, сл. *štvrtý*, вл. *štwórty*, нл. *stworthy*, болг. *четвърти*,

² Названия чисел второго десятка и названия десятков имеют одинаковую структуру не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. Ср. в латышском: *vienpadsmit* «одиннадцать» (где *vien* «один», *pa* — предлог «по, после, за», *dsmit* < *desmit* «десять»), *divpadsmit* «двенадцать», *trīpadsmit* «тринадцать» — и т. д.; *divdesmit* «двадцать», *trīdesmit* «тридцать», *četrdesmit* «сорок». То же в древнегреческом языке: *ἑνδεκά* «одиннадцать», *δωδεκά* «двенадцать». В древнеиндийском: *ékaśaśa* «одиннадцать», *dvāśaśa* «двенадцать», *trayodaśa* «тринадцать», *śaturdāśa* «четырнадцать» и т. д.

м. *четврт(и)*, схв. *четврти*, слн. *četrti*), также является праславянским и соотносится с именем, обозначающим дробь: псл. **četvŕgtь* «четвертый» — *četvŕgtь* «четверть».

15. Славянские языки обнаруживают единство в формах порядковых числительных первого десятка в пределах *пятый — десятый*: р. *пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый*; укр. *п'ятий, шостий, сьомий, восьмий, дев'ятий, десятий*; бр. *пяты, шосты, сёмы, восьмы, дзевяты, дзесаты*; п. *piąty, szósty, siódmy, ósmy, dziewiąty, dziesiąty*; ч. *pátý, šestý, sedmý, osmý, devátý, desátý*; слц. *piaty, šiesty, siedmy, ôsmy, deviaty, desiaty*; вл. *pjaty, šesty, sedmy, wosmy, džewjaty, džesaty*; нл. *pěty, šesty, sedymy, wosymy, źewjety, źasety*; болг. *пети, шести, седми, осми, девети, десети*; м. *петти, шести, седми, осми, деветти, десетти*; схв. *пети, шести, седми, осми, девети, десети*; слн. *peti, šesti, sedmi, osmi, deveti, deseti*. Ведущая роль количественных числительных в обозначении числа и количества, прослеживаемое по памятникам образование порядковых числительных от количественных, обозначающих единицы второго десятка, названия десятков, сотен и пр. — приводят к ошибочному взгляду на порядковые *пятый — десятый*, также непосредственно соотносящиеся с *пять — десять*, как на производные от последних. Исторически, однако, порядковые *пятый — десятый* относятся, по-видимому, к числу наиболее древних образований в системе славянских числительных вообще: поскольку им есть соответствия в родственных славянских языках, то для них предполагается не только праславянская, но и индоевропейская древность (реконструируются ие. **penkt-* «пятый», **šuek't-* «шестой», **ok'tō(u)t-* «восьмой», **neŋt-* «девятый», **dek'mt-* «десятый»). Количественные же числительные **peť* — **deveť* возникли в праславянский период и соответствий в других индоевропейских языках не имеют, т. е. они появились позже порядковых **peť* — **deveť*. В глубокой древности происхождения этих порядковых — основа и причина их формального тождества в современных славянских языках (различия в фонетических особенностях слов, обусловленные закономерными изменениями звуков в отдельных славянских языках, здесь, как и во всех других подобных случаях, во внимание не принимаются).

16. Общей для всех славянских языков является модель образования порядковых числительных второго десятка, а также порядковых, относящихся к названиям десятков (хотя некоторые детали этой модели могут в отдельных языках отличаться): ср. р. *одинадцатый, двадцатый, девяностый*; укр. *одинадцятий, двадцятий, дев'яностий*; бр. *адзінаццацаты, дваццацаты, дзевяносты*; п. *jedenasty, czterdziesty, dziewięćdziesiąty*; ч. *jedenáctý, dvacátý, devadesátý*; слц. *jedenásty, dvadsiaty, devät'desiaty*; вл. *jědnaty, dwacety, džewječdžesaty*; нл. *jadnasty, dwažasty, źewješžasety*; болг. *единайцети, двајцети, деветдесети*; м. *единасестти, дваесетти, деведесетти*; схв. *једанаести, двадесети, деведесети*; слн. *enaјsti, dvajseti, devetdeseti*. Образовались такие порядковые от количественных уже на почве отдельных славянских языков (по памятникам можно проследить, как это происходило); формальной приметой порядковых является окончание членного при-

лагательного, свойственное данному языку, с предшествующим *-t-*. Общность модели — следствие единства исходного языкового материала и древности тенденции именно к такому образованию порядковых (но стсл. и *ПАТЫН НА ДЕСАТЕ* и под.).

17. Сходны модели, по которым конструируются во всех славянских языках составные количественные числительные, обозначающие числа, состоящие из сотен и десятков, тысяч, сотен и десятков и т. д. (числительные, обозначающие десятки с единицами, в некоторых языках могут строиться по иной модели). Именно составные количественные числительные обеспечивают возможность назвать (и зафиксировать) любое число натурального ряда, как бы велико оно ни было, а универсальность, однозначность и жесткость модели, по которой строится словосочетание, делают легким как создание составного числительного, так и его понимание (а также фиксацию с помощью цифр и прочтение любого ранее зафиксированного цифрами числа). В составных числительных компоненты располагаются по нисходящей — от высшего разряда к низшему: р. *три тысячи семьсот тридцать шесть*, укр. *п'ять мільйонів чотириста п'ятдесят тисяч шістсот двадцять*, бр. *мільён трыста тысяч пяцьсот*, п. *dziesięć tysięcy osiemset pięćdziesiąt*, ч. *dva tisíce pět set sedmdesát osm*, слц. *dvestotisíc devät'desiatdevät'*, вл. *tři tysacy sto a štyriadwaceci*, нл. *tysac pěš stow a tši*, болг. *хиляда сто двадесет и едно*, м. *илјада сто триесет и седум*, схв. *пет стотина деведесет и осам*, слн. *pet tisoč osemsto štirinštirideset*. Такой порядок был известен славянским языкам, судя по памятникам, с давних времен (наряду с другим расположением компонентов), но окончательно установился, по-видимому, под влиянием цифрового написания.

18. Сходны также в славянских языках конструкции составных порядковых числительных: они повторяют структуру соответствующих количественных, лишь последний член словосочетания приобретает форму порядкового, ср. р. *семьсот сорок восемь — семьсот сорок восьмой*, укр. *чотири мільйони триста шістдесят тисяч вісімсот п'ятдесят — чотири мільйони триста шістдесят тисяч вісімсот п'ятдесят*, бр. *чатырнаццаць тысяч дзевяцьсот дваццаць — чатырнаццаць тысяч дзевяцьсот дваццаты*, п. *osiemset trzydzieści jeden — osiemset trzydzieści pierwszy*, ч. *dva tisíce šest set osmdesát — dva tisíce šest set osmdesátý* (чаще, однако, с формой порядкового и у других компонентов), слц. *jedentisíc štyristo dvadsat' — jedentisícštyristo-dvadsiaty*, вл. *pjeć stow pjećdžesat — pjećistowpjećdžesaty*, нл. *dwě scě a wosymžaset — dwě scě a wosymžasety*, болг. *сто двајцет и едно — сто двајцет и п'рви*, м. *шестстотини педесет и пет — шестстотини педесет и петти*, схв. *четири стотине седамдесет и девет — четири стотине седамдесет девети*, слн. *dvesto šest — dvesto šesti*.

19. Для всех славянских, как и для многих других языков, является общим наличие, наряду с названиями целых чисел, обозначений долей целого — дробных величин (дробей). Литературным языкам свойствен наиболее универсальный способ их выражения — с помощью словосочетаний (хотя сам характер словосочетаний не во всех языках одинаков). Наиболее употребительны словосочетания типа р. *две*

пятых, семь сотых (ср. укр. *дев'ять десятих*, бр. *тры сёмых*, п. *dwie trzeci*, вл. *tři štvórcé*, болг. *една четиристотна*, схв. *седам десетих*). Возникнув на основе практических потребностей в разделении целого на несколько частей, в современных языках дробь отражают потребности научной мысли; являясь её продуктом, они могут обозначить любую, даже исчезающе малую величину, поскольку единицу можно делить теоретически бесконечно. В соответствии с этим так же бесконечно количество возможных словосочетаний, обозначающих дробные величины.

20. Из старых названий дробей все славянские языки сохранили праславянское обозначение четвертой части целого: р. *четверть*, укр. *чверть*, бр. *чвэрць*, п. *ćwierć*, ч. *čtvrť*, слц. *štvrt'*, вл. *štvórcé*, нл. *stwierć*, болг. *четвърт*, м. *четврт*, схв. *четврт*, слн. *četrt* (в украинском и белорусском старая форма вытеснена заимствованной из польского).

Межъязыковые различия

Наряду с общими явлениями, характеризующими словообразование и структуру числительных в современных славянских языках, существует большое количество моментов, которые отличают в этой области славянские языки один от другого. Различия имеются в системе как количественных числительных, так и порядковых и особенно собирательно-разделительных.

1. Как первое числительное при счете в восточнославянских языках вместо р. *один*, укр. *один*, бр. *адзін* может употребляться существительное *раз* (дрп. *разъ*), появившееся из словосочетания *один раз* (первоначально «один удар»). Слово *раз* известно и другим славянским языкам (п. *газ* «раз; удар», ч. *gáz* «удар; характер», слц. *gáz* «тж.», вл. нл. *газ* «раз; удар» и т. д.), но, кроме восточнославянских, лишь в польском, словацком и серболужицких может употребляться в значении, близком числительному *один*.

2. Не входит в систему количественных числительных, но по значению близко числительному *два* слово *оба* «и тот, и другой». Оно есть и в восточных, и в западных, и в южных славянских языках, причем в тех же формах, что и *два*, ср. р. *два*, *две* — *оба*, *обе*; п. *dwa*, *dwie* — *oba*, *obie*; ч. *dva*, *dvě* — *oba*, *obě*; слц. *dva*, *dve* — *oba*, *obe*; вл. *dwaj*, *dwě* — *wobaj*, *wobě*; схв. *два*, *две* — *оба*, *обе*; слн. *dva*, *dve* — *oba*, *obe*. Здесь сохранились старые формы (псл. **oba*, **obě*), имевшие тот же адъективный характер, что и **dъva*, **dъvě*. В украинском и белорусском языках вместо старых форм появились более поздние: укр. *обидва*, *обидві*; бр. *абодва*, *абедзве* (из словосочетаний, ср. дрп. *оба два*, *объ двѣ*); в польском, словацком, сербохорватском, словенском возможны и те, и другие: п. *oba*, *obie* и *obadwa*, *obudwa*, *obudwie*; слц. *oba*, *obe* и *obidva*, *obidve*; схв. *оба*, *обе* и *обадва*, *обадве*; слн. *oba*, *obe* и *obadva*, *obadvije* (с различными аналогическими выравниваниями в первой части).

3. В связи с наличием в ряде славянских языков лично-мужских форм имен вообще и числительных в частности появились и специфические словообразовательные приметы этих форм числительных.

а) В словацком и верхнелужицком языках такой приметой является -aj(a): слц. *dvaја*, *obaја*, *obidvaја*, *traја*; вл. *dwaj*, *wobaj*; сюда же, по-видимому, относится и п. *dwaj*. Происхождение форманта не установлено. Скорее всего, он абстрагирован из форм, возникших в результате различных взаимовлияний и контаминаций (в частности, контаминации *dva* и *dvoj*)³.

б) В верхнелужицком языке лично-мужские формы числительных, начиная с *tři*, имеют примету -o (*třo*, *štyrjo*, *řešo*), происхождение которой также неясно. Та же примета в нижнелужицком языке служит для выражения категории одушевленности (*tšo*, *stygjo*, *řešo*).

в) Лично-мужские числительные в болгарском языке характеризуются суффиксом -(и)ма (*двама*, *трима*, *четирима*, *петима*), который связывают с окончанием дательного-творительного падежа слова *два* (*дъвъма*), контаминированным с формой именительного падежа мужского рода [Супрун, 1969, 87]. Значение лично-мужских имеют также образования с суффиксом -ина: *седмина*, *осмина* (они же употребляются и как обозначения частей целого — см. далее, стр. 115); в результате переразложения основ этих двух слов появился суффикс -мина, присоединяющийся к другим числительным, образуя их лично-мужские формы: *двамина*, *петмина*, *деветмина*, *десетмина*. Числительные *два* — *четири* имеют в болгарском языке лично-мужские формы еще и на -ица: *двоица*, *троица*, *четворица* (из существительных *двоица*, *троица*, *четворица*, образованных от собирательных **dъvoјъ*, **tројъ*, **četvoгъ* с помощью именного суффикса -ic-).

г) Такие же форманты имеют лично-мужские формы числительных в македонском языке: -(и)ца для числительных *два* — *четири* (*двајца*, *обајцата*, *тројца*, *четворица*), -ина для числительных *пет* — *осум* (*петина*, *шестина*, *седмина*, *осмина*) и -мина для всех остальных (этот же суффикс может быть и при *пет* — *шест*: *петмина*, *шестмина*; *деветмина*, *десетмина*, *стомина*, *двестемина*, *илјадамина*).

4. Существуют некоторые различия между славянскими языками в формах названий двух и трех десятков: хотя возникли эти названия во всех языках на основе словосочетаний **dъva desęti*, **tři desęte*, вторая часть появившегося на их месте сложного слова подверглась разной степени деформации (чаще всего под влиянием других числительных). Лишь в польском и нижнелужицком языках она сохранилась почти без изменений (ср. п. *dwadzieścia*, *trzydzieści*, нл. *dważasća*, *třižasća* — последняя форма в нижнелужицком языке выровнялась под влиянием предыдущего *dważasća*). В восточнославянских языках оба числительных отразили влияние названий чисел второго десятка, ср. р. *два-дцать*, *три-дцать* под влиянием *восемна-дцать*, *девятна-дцать* и под.; так же в укр. *двадцять*, *тридцять*, бр. *дваццаць*, *трыццаць*. Подобная же картина в болгарском и македонском языках: болг. *двайсет*, *трийсет* (ср. *осемнайсет*, *деветнайсет*); м. *дваесет*, *триесет* (при *осумнаесет*, *деветнаесет*). В сербохорватском языке названия двух и трех десятков подверглись влиянию названий

³ Обзор различных гипотез о происхождении форманта -aj см. [Супрун 1969, 85—87].

последующих десятков: *двадесет, тридесет* как *педесет, шездесет*; то же можно сказать о словенском *trideset*. Чешские, словацкие и верхнелужицкие названия двух и трех десятков отражают разные степени редукции второй части без очевидного влияния других форм числительных: ч. *dvacet, třicet*; сл. *dvadsat', tridsat'*; вл. *dwaceći, třiceći*; таково же и сл. *dvajset*.

5. Более существенны различия между славянскими языками в обозначении четырех десятков. В восточнославянских литературных языках, как и в большинстве говоров этих языков, числительное, появившееся на основе общеславянского словосочетания **četyre desęte* было вытеснено словом *сорок* (бр. *сорак*) — из дрп. *сорокъ*, первоначально «набор из четырех десятков шкурки соболей или белки (на полную шубу)», затем эквивалентная ему по стоимости денежная единица и, наконец, обозначение четырех десятков вообще⁴. В западнославянских и южнославянских языках числительные, обозначающие четыре десятка (возникшие из **četyre desęte*), аналогичны словам, называющим два и три десятка: в польском и нижнелужицком языках — с сохранением старой формы второй части лексикализовавшегося словосочетания: п. *czterdzieści*, нл. *styrzasća* (с конечным -а, как в *tśiżasća*); болг. *четирийсет* (как *двайсет, трийсет*), м. *четириесет* (ср. *дваесет, трийесет*), схв. *четрдесет* (как *двадесет, тридесет* и *педесет, шездесет*), слн. *štirideset* (как *trideset* и *petdeset, šestdeset*), ч. *čtyřicet* (ср. *dvacet, třicet*), сл. *štyridsat'* (ср. *dvadsat', tridsat'*), вл. *štyrceći* (ср. *dwaceći, třiceći*).

В словацком языке в значении числительного *štyridsat'* может употребляться заимствованное из венгерского несклоняемое слово *meru*: *pät'ameru rokov, roku meruósmeho* и под.

6. Для обозначения пяти десятков в нижнелужицком наряду с числительным *pěšzaset*, аналогичным соответствующим числительным других славянских языков, возможны синонимичные *pořta* (старое образование) и *poř hundredta*; в верхнелужицком также есть *pořta* (ср. и русское разговорное *полста*).

7. Так же, как и в обозначении четырех десятков, в названии девяти десятков восточнославянские языки противостоят западным и южным славянским языкам: р. *дев'яносто*, укр. *дев'яносто*, бр. *дзев'яноста* при числительном из словосочетания **devęť desęť* во всех остальных языках: п. *dziewięćdziesiąt*, ч. *devadesát*, сл. *devät'desiat*, вл. *džewječdžesat*, нл. *zewješzaset*, болг. *деветдесет*, м. *деведесет*, схв. *деведесет*, слн. *devetdeset*. Как свидетельствуют памятники, древнерусскому языку, наряду с *девяносто*, было известно и *девятъдесятъ* (диалектно последнее встречается во всех восточнославянских языках и сейчас); отдать предпочтение какому-либо из этих слов как более древнему затруднительно. Этимология числительного *дев'яносто* не ясна⁵.

8. Хотя во всех славянских языках сохранилось старое название сотни (псл. **sъto*), в некоторых из них параллельно употребляются

⁴ Другие этимологии слова см. [Фасмер 3, 722—723; Карпенко 1958, 23—32].

⁵ Обзор существующих гипотез о происхождении слова см. [ЭССЯ 4 1977, 220—221; см. также [Карпенко 1959, 107—115].

и другие числительные с тем же значением: нл. *hundert* (заимствовано из немецкого языка), сл. *jednosto* (возникло в словацком языке по аналогии к последующим названиям сотен — *dvesto, tristo*), схв. *сто-тина* (слово образовано с помощью форманта -ина от порядкового *сто-ти*), болг. *стотина*, м. *стотина* (такого же происхождения).

9. При общем сходстве структуры сложных числительных, обозначающих названия сотен, между славянскими языками существуют некоторые частные различия в этих названиях:

а) в белорусском языке параллельно к числительному *дзвесце* (<дрп. *дъвѣ сътъѣ*) появилась более поздняя форма *дваста* (аналогичная последующим названиям сотен: *трыста, чатырыста*); при старой форме *двѣ* возникла более новая -ста в сербохорватском языке: *двеста* (ср. *триста*);

б) в словацком и словенском языках во всех названиях сотен во второй части сложного числительного старые падежные формы вытеснены неизменяемым *sto*: сл. *dvesto, tristo, štyristo, päťsto*, слн. *dvesto, tristo, petsto* (числительное *sto* в этих языках сейчас не склоняется);

в) старая падежная форма во второй части числительных в лужицких языках в названиях пяти—девяти десятков вытеснена более новой: вл. *pjeć stow, šěśc stow, sydom stow*; нл. *pěš stow, šesć stow*; в болгарском, македонском и сербохорватском языках новая форма выступает также и в названии четырех сотен: болг. *четиристотин, петстотин, шестстотин*; схв. *четири стотине, пет стотина, шест стотина, седам стотина* (во всех этих языках здесь, собственно, тоже неизменяемые формы, как и в словацком и словенском);

г) в нижнелужицком языке параллельно со старыми *dwě sčě, tśi sta, styri sta* употребляются более новые *dwa hundredta, tśi hundredy, styri hundredy*.

10. По конструкции составных числительных — словосочетаний, с помощью которых обозначаются числа, состоящие из единиц и десятков, восточнославянские языки вместе с польским отличаются от всех остальных славянских языков тем, что в них возможны только конструкции типа р. *двадцать один*, укр. *двадцять один*, бр. *дваццаць адзін*, п. *dwadzieścia jeden* — т. е. бессоюзные словосочетания, в которых сначала называются десятки, а затем единицы. В болгарском, македонском и сербохорватском языках при том же порядке расположения компонентов словосочетания они соединяются сочинительным союзом *и*: болг. *двайсет и едно*, м. *дваесет и еден*, схв. *двадесет и један*. Оба варианта словосочетаний (с союзом и без него) были свойственны языкам издавна, и, следовательно, в одних языках возобладал один из старых вариантов, а в других — другой.

11. В чешском и словацком языках для обозначения единиц с десятками параллельно со словосочетаниями типа ч. *dvacet jeden*, сл. *dvadsat'jeden* могут употребляться и словосочетания с обратным расположением компонентов, в таком случае появляется и сочинительный союз *а*: ч. *jedenadvacet, dvaadvacet, třiadvacet*; сл. *jedenadvatsat', dvaadvatsat'*.

В словенском и лужицких языках последний тип словосочетаний (с обратным порядком расположения компонентов и сочинительным союзом) является единственно возможным: слн. enaindvajset, dva-indvajset и т. д.; вл. jedynadwaceći, dwajadwaceći, нл. jadenadwažasća, dwaadwažasća, tšiadwažasća.

Относительно происхождения таких словосочетаний нет единого мнения. Поскольку все славяне, имеющие их, тесно контактировали с немцами, высказывалось предположение, что рассматриваемые конструкции составных числительных обязаны немецкому влиянию [Ногáлек 1962, 180; Леков 19586, 56]. Однако в отношении, например, словенского языка немецкое влияние отрицалось [Раповš 109]. Наиболее аргументированным представляется взгляд, что влияние немецкого языка лишь способствовало закреплению и распространению соответствующей конструкции, издавна свойственной славянским языкам среди других возможных вариантов словосочетаний [Супрун 1969, 76—79].

12. Специфичны словосочетания с mjenjej «менее» и wišej «более», развившиеся для обозначения единиц с десятками и сотнями, в нижнелужицком языке: poł hunderta mjenjej jadnogo «сорок девять», hundredt mjenjej šesćich «девяносто четыре», jaden wišej połtera hunderta «сто пятьдесят один» и т. п.

13. Современные славянские языки не имеют единого названия для десяти сотен. Восточнославянские и западнославянские, а также сербохорватский и словенский сохранили рефлекс псл. *tysetja (*ty-soti): р. тысяча, укр. тисяча, бр. тысяча, п. tysiac, ч. tisíc, слц. tisíc, вл. tysac, нл. tysac, схв. тисућа, слн. tisoč. В болгарском и македонском старое название вытеснено заимствованием из греческого: болг. хиляда, м. илјада (гр. χιλιάς, -άδος «тысяча»). В сербохорватском при тисућа употребляется и более новое хиляда; в нижнелужицком разговорном языке распространено towzynt (из нем. Tausend).

14. Русский язык объединяет с чешским, словацким и южнославянскими тот факт, что в порядковом числительном, соответствующем количественному один, выступает в этих языках основа *rygv-: р. первый, ч. prvý, слц. prvý, болг. първи (пръв), м. прв (први), схв. први, слн. 'prvi. В чешском наряду с prvý употребительна форма prvný. Та же основа *rygv-, распространенная суффиксом сравнительной степени прилагательных -ьš-, известна как первое порядковое числительное украинскому, белорусскому и польскому: укр. перший (<перви-), бр. першы, п. pierwszy. В лужицких языках в качестве первого порядкового выступает другое прилагательное: нл. grědny (собственно, «передний»), вл. grěni (<grědni).

Отсутствие одного общего для всех славянских языков первого порядкового отражает, по-видимому, старую вариативность выражения соответствующего понятия (*rygv- и *regd- принадлежат к одному этимологическому гнезду как старые однокорневые образования с разными суффиксальными элементами).

15. Нет единообразия в славянских языках и в выражении порядкового числительного, соответствующего количественному два: украинский, белорусский, все западнославянские языки, сербохорватский

и словенский имеют здесь слово с корнем drug- (drug-, druh-), тогда как русский, болгарский и македонский — с корнем втор-: укр. другий, бр. други, п. drugi, ч. druhý, слц. druhý, вл. druhi, нл. drugi, схв. други, слн. drugi при р. второй, болг. втори, м. втори. Различие уходит корнями в древность, но второй, по-видимому, является более старым (ср. стсл. вѢТОРЫН «второй», а также название второго дня недели от корня втор- в тех языках, в которых употребляется порядковое drug-: ч. úterý, úterek, схв. уторак и под.).

16. При образовании порядковых от названий десятков в русском, белорусском и польском языках в некоторых числительных в первой части выступает падежная форма (род. п.): р. пятьдесят — пятидеся-тый, восемьдесят — восьмидесятый; бр. пяцьдзсят — пяцідзсяты, восемдзсят — васьмідзсяты; п. dwadzieścia — dwudziesty. Во всех остальных языках (как и в других порядковых названных языков) первый компонент порядкового числительного не отличается от количественного в им. п.: укр. н'ятдесят — н'ятдесятий, шістдесят — шістдесятий; ч. padesát — padesátý, вл. dzewjećdziesiąt — dzewjećdziesiątý; болг. петдесет — петдесети (неизменность первого компонента является инновацией).

17. В нижнелужицком языке возможно порядковое числительное к połsta — połstaty (новое аналогическое образование).

18. а) Восточнославянские языки, в которых для обозначения единиц с десятками употребляются числительные типа р. двадцать один, имеют соответствующие порядковые типа двадцать первый. В отличие от них в польском, чешском и словацком языках форму порядкового имеют также и названия десятков: п. dwudziesty pierwszy, ч. dvacátý prvni, слц. dvadsiaty prvý. В нижнелужицком также можно сказать: styržasty a wosymy. Форма порядковых у обоих компонентов представляет собой более старый способ выражения соответствующих понятий.

б) Языки, в которых для обозначения единиц с десятками употребляются числительные типа вл. jedynadwaceći, имеют соответствующие им порядковые типа вл. jedynadwacety, ср. также нл. jadenadwažasty, слн. enaindvajseti. В чешском параллельно с dvacet jeden — dvacátý prvni возможны и jedenadvacet — jedenadvacátý; также и в словацком: dvadsat'jeden — dvadsiatyprvý и jedenadvadsat' — jedena-dvadsiaty.

19. Порядковые от сто (sto) в славянских языках имеют весьма разнообразную форму: р. сотый, укр. сотий, бр. соты, п. setny, ч. и слц. stý, вл. и нл. stoty, болг. стотни (стотен), м. и схв. стоти, слн. stoti. Различия объясняются тем, что восточнославянские языки и чешский со словацким сохранили старую форму порядкового (ср. псл. *sъtъ), тогда как в польском она усложнена суффиксом прилагательного -n-, а в лужицких и южнославянских языках порядковое образовано от количественного сто (sto) с помощью отвлеченной от других порядковых числительных приметы этого класса слов -t- (в болгарском это новообразование усложнено еще формантом -н-).

20. По форме первого компонента в порядковых числительных от названий сотен в славянских языках наблюдаются следующие различия:

а) в восточнославянских и чешском языках первый компонент сложного числительного всегда имеет форму родительного падежа: р. *двухсотый, трехсотый, четырехсотый, пятисотый, шестисотый*; укр. *двохсотий, трьохсотий, чотирьохсотий, п'ятисотий*; бр. *двухсоты, трохсоты, чатырохсоты, пяцісоты*; ч. *dvoustý, pětistý* и т. д.;

б) в польском языке форму родительного падежа имеют первые компоненты лишь трех числительных: *dwusetny, trzechsetny, czterechsetny* (далее *pięćsetny, sześćsetny*);

в) в верхнелужицком языке при *třistoty, štyristoty* возможны и *třochstoty, štyrjochstoty* (но только *dwustoty*; обычно также *pjećistoty, šěšćistoty* и т. д.);

г) форму именительного падежа имеют первые компоненты сложных порядковых в нижнелужицком и всех южнославянских языках: нл. *dwě stoty, tři stoty, styri stoty, pěs stoty*; болг. *двестотни* (но параллельно может быть и *двустотни, двустотен*), *трисотни, четиристотни, петстотни*; м. *двестотен, трисотен, четиристотен, петстотен*; схв. *двестоти, трисототи, четиристототи, петстототи* и т. д.; слн. *dvestoti, tristoti, štiristoti, petstoti*;

д) в словацком языке порядковые к *dvesto, tristo* в первой части имеют основу, совпадающую с основой собирательного числительного: *dvojstý, trojstý*.

Числительные с родительным падежом первого компонента представляют способ образования порядковых, характерный для более старого состояния славянских языков, тогда как именительный падеж в первой части свидетельствует о позднейших выравниваниях форм.

21. а) Порядковые к *тысяча (хляда), миллион, миллиард* имеют суффиксы прилагательных *-н-, (-ен-), -ов-, -ск-*, ср. р. *тысячный, миллионный, миллиардный*; укр. *тисячний, мільйонний, мільярдний*; бр. *тысячны, мільённы*; п. *tyśiączny, milionowy, slc. miliónový, нл. tysacny, болг. хлядни (хляден), миллионни (миллионен); м. илјаден, милионен; схв. тисућни; слн. milijonski* и под.;

б) в чешском, словацком, лужицких и словенском языках порядковое к *тысяча* образуется с помощью суффикса *-jъ-*: ч. *tisící*, слц. *tisíci*, вл. *tysaci* (чаще *tysacty*), слн. *tisoči*;

в) в чешском, верхнелужицком и сербохорватском языках при названии миллиона возможен формант *-i-* как примета порядкового числительного: ч. *milióntý*, вл., нл. *milionty*, схв. *милионити* (ср. и *хильадити, милијардити*).

Различия в образованиях порядковых к *тысяча, миллион, миллиард* частично связаны и с общими особенностями образования прилагательных в славянских языках.

22. Порядковые числительные к названиям нескольких тысяч, миллионов, миллиардов аналогичны порядковым к названиям сотен:

а) в восточнославянских и чешском языках в первой части сложного слова выступает количественное числительное в форме родительного падежа: р. *двухтысячный, пятимиллионный, восьмимиллиардный*; укр. *чотирьохтисячний, трьохмільйонний, двохмільярдний*; бр. *пяцітысячны, двухмільённы, дзевяцімільярдны*; ч. *dvoutisící, pětimiliontý*;

б) в польском языке падежную форму имеют первые компоненты лишь в трех первых числительных: п. *dwutysięczny, trzechmilionowy, czterechmiliardowy* (но *pięćtysięczny*);

в) в южнославянских и лужицких языках первый компонент имеет форму именительного падежа: болг. *двехилядни, деветмилионен* (но *двумилионен*), м. *петилјаден, седуммилионен*; схв. *тритисући, шестхильадити, четиримиллионити*; слн. *tristotisoči, štirimilijonski*; вл. *pjećtysacty*; нл. *wosym tysacny*.

Второй компонент этих сложных порядковых обычно идентичен в каждом конкретном языке соответствующей форме порядкового к *тысяча, миллион* и т. п. В целом формы образуются по моделям порядковых к названиям сотен.

23. Западнославянским языкам (кроме польского) свойственны названия дробей с суффиксом *-ina*: ч. *třetina* «треть», *čtvrtina* «четверть», *pětina* «одна пятая», *šestina* «одна шестая», *dvacetina* «одна двадцатая», *setina* «одна сотая», *tisícina* «одна тысячная»; слц. *třetina, pětina, šestnástina, štyridsatina, stotina, tisícina*; вл. *štórcína, pjećína, dzesaćína, třinaćína, dzewjećstoćína*; нл. *tšešina, šesćína, jаднасćína, dwažascína, pěšžasešina, dwěštošina*. Из южнославянских языков подобные образования не менее характерны для словенского, ср. *třetjina, četrtina, petina, dvajsetina* «одна двадцатая», *enaindvajsetina* «одна двадцать первая», *tisočina* «одна тысячная», *desettisočina* «одна десятитысячная», *milijonina* «одна миллионная»; есть они и в сербском: *петина, десетина, двадесетина, педесетина*.

Это старая праславянская модель. Праславянскому были известны названия частей целого на *-ina*, образованные от основ порядковых числительных первого десятка (**pětina, *desetina* и под.). Уже на почве отдельных славянских языков возникли обозначения дробных величин на *-ina* к названиям чисел второго десятка, названиям десятков, сотен и т. п.

Восточнославянские и польский языки сохранили лишь единичные образования на *-ina*: р. *десятина* (в историческом значении «мера земли» и под.); укр. *третина, десятина*; бр. *дзевяціна*; п. *trzecina*. Как обозначения дробей образования на *-ina* в болгарском языке употребляются лишь ограниченно — от нескольких числительных первого десятка: *третина, петина, шестина* и под. От числительного *десет*, названий чисел второго десятка, названий десятков слова с суффиксом *-ina* имеют значение приблизительного количества: *десетина, петнайсетина, двайсетина, стотина* (об употреблении числительных на *-ina* и для обозначения количества лиц мужского пола см. стр. 109). В македонском языке числительные первого десятка на *-ina* (и *-мина*, который, как уже отмечалось, появился в результате переразложения основ образований *седмина, осмина*) употребляются для обозначения количества лиц мужского пола, а от *десет* и выше — как имеющие значение приблизительного количества: *петина* (и *петмина*), *шестина* (и *шесмина*), *десетина* (и *десетмина*); *тринаесетина, дваесетина, педесетина*. Значение приблизительности у форм на *-ina*, а также их значение как лично-мужских развились на болгаро-македонской почве. Особенностью болгарского языка является

распространенность, параллельно с обозначениями дробных величин на *-ина*, более поздних образований на *-ин-ка* (суффикс *-к-* — из числа формантов с уменьшительно-ласкательным значением): *третинка*, *четвѣртинка*, *осминка*, *десетинка*, *единайсетинка*, а также возможность образования форм с уменьшительными суффиксами и от других числительных, в том числе количественных: *едничѣк*, *двенки*, *двечки*, *трички*, *четирки*, *двамка*, *двамца*, *тримка* и под. Формы на *-инка* есть и в других южнославянских языках, ср. слн. *četrtinka*, *osminka*, *šestnajstinka*. Однако собственно числительные с суффиксами субъективной оценки (как укр. *двійко*, *двієчко*, *трійко*, *трієчко*) для славянских языков не характерны.

24. В западнославянских языках распространены обозначения смешанных дробей типа п. *półtora*, *półtrzecia*, *półczwarta*, *półsiódma*, слн. *pol druha*, *pol tret'a*, *pol piata*. Особенно употребительны они в лужицких языках: вл. *poldra* «один с половиной», *połtřeća* «два с половиной», *połpjata* «четыре с половиной», *połsta* «пятьдесят», *połdra sta* «сто пятьдесят», нл. *połtšeša* «два с половиной», *połstworta* «три с половиной», *połžaseta* «девять с половиной», *połtšinasta* «двенадцать с половиной», *połdwaadwazasta* «двадцать один с половиной», *połtšeša sta* «двести пятьдесят». В чешском второй компонент, представляющий собой обычно порядковое числительное в форме родительного падежа именного склонения, может иметь также форму и местоименного склонения: *půl druha*, *půl čtvrtá*, *půl pátá* — и параллельно *půl druhého*, *půl čtvrté*, *půl páté* и под. (местоименное склонение для женского рода возможно и в польском языке: м. р. *połtora*, *półtrzecia*, но ж. р. *połtorej*, *półtrzeciej*). В восточнославянских, сербохорватском и словенском языках соответствующие образования сохранились только в значении «один с половиной»: р. *полтора*, *полторы*; укр. *півтора*, *півтори*; бр. *пайтара*, *пайтары*; схв. *подруг*, *подруга*, *подруго*; слн. *poldrugí*, *poldrugá*.

25. В восточнославянских, западнославянских, сербохорватском и словенском языках, кроме количественных и порядковых, есть группа числительных, за которыми закрепилось название собирательно-разделительных. Эти числительные образованы от основ (корней) числительных же с помощью формантов *-oj-* и *-eg-/-og-*. Их семантика, употребительность и грамматические особенности в славянских языках различны. Справедливо отмечалось, что «больше всего отличаются славянские языки в отношении собирательно-разделительных числительных» [Супрун 1969, 39]. Подобно количественным и порядковым, они также могут быть расположены в один ряд, где каждое последующее числительное больше предыдущего на единицу, но в большинстве языков этот ряд невелик (в некоторых языках он ограничивается лишь числительными одного-двух первых десятков).

Собирательно-разделительные числительные первого десятка представляют собой праславянские образования. В праславянском это были прилагательные, обозначающие количество неоднородных предметов (или их групп). Поскольку развитие системы числительных в славянских языках проходило по линии абстрагирования от конкретного количества предметов и на первый план выдвинулись числительные

количественные, сложившиеся из разнородных элементов в четко организованную систему, собирательно-разделительные постепенно оказались на втором плане. В болгарском и македонском языках они совсем вышли из употребления, в других сохранились в разной степени; в словенском и некоторых западнославянских языках собирательно-разделительные числительные оказались живой лексико-грамматической категорией, и словообразовательная модель числительных с суффиксом *-eg-/-og-* приобрела на почве этих языков продуктивность.

Собирательно-разделительные числительные, соответствующие количественным *два*, *три* и *оба*, имеют суффикс *-oj-*: р. *двое*, *трое*, *обое*; укр. *двоє*, *троє*, *обоє*; бр. *двоє*, *троє*, *обоє*; п. *dwoje*, *troje*, *oboje*; ч. *dvoji*, *troji*, *obojí*; слн. *dvoje*, *troje*, *oboje*; вл. *dwoji*, *troji*, *oboj*, *tšoji*; схв. *двоје*, *троје*, *обоје*; слн. *dvoj*, *troj*, *oboj*. Формы унаследованы из праславянского языка. Псл. **dъvoj-*, **troj-*, **oboj-* образованы от соответствующих корней количественных числительных с помощью того же форманта *-oj-*, который содержится в притяжательных местоимениях **moj-*, **tvoj-*, **svoj-*. В словенском языке по аналогии к *dvoj*, *troj*, *oboj* появилось также числительное *epoj* (от еп «один»).

Собирательно-разделительное числительное, соответствующее количественному *четыре*, имеет в славянских языках следующие формы: р. *четверо*, укр. *четверо*, бр. *чацвѣра*, п. *czworo*, ч. *čtvoro*, слн. *štvaro*, вл. *štware*, нл. *stware*, схв. *четворо* (и *четверо*), слн. *čtvoro*. Все они восходят к псл. *čtvoro/čtvoro*, *čъtvoro/čъtvoro* — форме среднего рода прилагательного *čtvorь/čtvorъ*, *čъtvorь/čъtvorъ* «четверной, состоящий из четырех частей». Псл. *čtvorь* имеет соответствия в лит. *ketveri* «четыре», дринд. *catvarám* «четыреугольная площадь, двор». Высказывалось предположение, что именно из этого древнего образования выделен формант *-og-/-eg-*, появившийся в других собирательно-разделительных числительных [Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964, 238].

Собирательно-разделительные числительные, соответствующие количественным *пять* — *десять*, имеют суффикс *-eg-/-og-*: р. *пятеро*, *шестеро*, *семеро*, *восьмеро*, *дев'ятеро*, *десятеро*; укр. *п'ятеро*, *шестеро*, *семеро*, *восьмеро*, *дев'ятеро*, *десятеро*; бр. *пяцѣра*, *шасцѣра*, *сямѣра*, *васьмѣра*, *дзев'яцера*, *дзес'яцера*; п. *pięcioro*, *sześcioro*, *siedmioro*, *ośmioro*, *dziewięcioro*, *dziesięcioro*; ч. *paterý*, *šesterý*, *sedmerý*, *osmerý*, *devaterý*, *desaterý*; слн. *pātoro*, *šestoro*, *sedmoro*, *osmoro*, *devātoro*, *desatoro*; вл. *pječory*, *šescory*, *sedmory*, *wosmory*, *dzewječory*, *džesačory*; нл. *pěšory*, *šescory*, *sedmory*, *wosmory*, *žewješory*, *žasešory*; схв. *петоро* (и *петеро*), *шесторо* (и *шестеро*), *седморо* (*седмеро*), *осморо* (*осмеро*), *деветоро* (*деветеро*), *десеторо* (*десетеро*); слн. *peter*, *šester*, *sedmer*, *osmer*, *deveter*, *deseter*. Приведенные числительные восходят к псл. *peťerъ/peťorъ*, *šesterъ/šestorъ*, *sedmerъ/sedmorъ*, *osmerъ/osmorъ*, *devęterъ/devętorъ*, *desęterъ/desętorъ*, образованным с помощью суффикса *-eg-/-og-* от основ порядковых числительных. В восточнославянских языках, чешском и словенском обобщились формы на *-eg-*, в сербохорватском возможны параллельно на *-og-* и на *-eg-*, в польском, словацком и лужицких — только на *-og-*.

В восточнославянских языках, польском и словацком собирательно-разделительные числительные (в восточнославянских и польском они называются собирательными, в словацком — разделительными — *gozďleповacie číslovky*) имеются лишь в форме на -оје и -его (по происхождению именные прилагательные среднего рода) и употребляются в значении количественных, в частности, в некоторых специальных случаях: при существительных *pluralia tantum* или обозначающих парные предметы, при местоимениях, в предложениях без существительных и др.

В русском и белорусском языках употребляются собирательные первого десятка (сохранились праславянские формы с изменением первоначальной семантики — сближением с количественными числительными), в украинском и польском возможны также числительные на -еро второго десятка: укр. *дванадцяттеро, п'ятнадцяттеро*, п. *dwadzieścigo* и под. (более поздние образования).

Чешский, словенский и лужицкие языки имеют собирательно-разделительные числительные в формах всех трех родов: ч. *dvoji, paterý, -á, -é*; слн. *dvoj, -a, -e, peter, -a, -e*; вл. *dwoji, -a, -e, pjećory, -a, -e*; нл. *dwoji, -a, -e, pjećory, -a, -e*. Они обозначают количество групп предметов или количество предметов разных, неоднородных: ч. *troje sukno* «сукно трех сортов», *paterý papír* «бумага пяти сортов»; вл. *dwoji woblek* «одежда двух видов (рабочая и праздничная)», *dzewjećora jědź* «девять разных блюд», нл. *dwoje žěši* «сводные дети», слн. *dwoje mleko, kislo in sladko*. В этих языках продолжают праславянские формы с их старым разделительным значением (подобно другим прилагательным они выступают как местоименные).

Сербохорватский язык также сохранил собирательно-разделительные числительные в формах всех трех родов (и во множественном числе), но в значении количественных при существительных *pluralia tantum* или обозначающих парные предметы: *dvoji naočari* «двое очков», *petore saonice* «пятеро саней», *sedmora kola* «семь телег (повозок)», *desetore rukavice* «десять пар перчаток» и т. п.

Кроме них, в сербохорватском языке есть еще и старые именные формы на -оје, -еро (средний род единственного числа) со старым разделительным значением: они обозначают количество неодинаковых предметов (или чаще лиц, различных по полу, возрасту и т. п.): *поделити, сломити на четворо* «разделить, разломать на четыре неравные части», *треба памтити осморо* «нужно помнить о восьми вещах (вопросах, делах)», *четворо деце* и под.

В тех языках, в которых собирательно-разделительные числительные остались живой лексико-семантической категорией (чешский, словенский, лужицкие языки), возможны образования с помощью форманта -ег-/-ог- не только от названий второго десятка, но и от названий десятков, сотен, тысяч и под.: ч. *sedmnáctery, dvacaterý, padesátery, stery, tisícery*; слн. *enajster, dvajseter, stoter, tisočer*; вл. *jědnaćory, dwacećory, třicećory, stotory* (и *story*), *tysacory*; нл. *jadnaćory, dwažasćory, pješčasćory, story* (и *hundertory*) и под. (по аналогии возможны также образования на -ог- и от первого числительного, ср. вл. *jednory*). При этом в чешском и словенском языках -ег- присоединяется к основе

порядковых числительных, а в лужицких — преимущественно к основе количественных (хотя, например, вл. *stotory*, параллельное *story*, свидетельствует о том, что основы порядковых тоже могут участвовать в образовании собирательно-разделительных числительных).

В сербохорватском языке также возможны такие образования на -ог-, как *петнаесторо, тридесеторо*, и даже составные: *четрдесет и шесторо, хиљаду и педесеторо, деведесет и деветоро* (так же и в польском: *czterdzieści czworo, sto trzydzieści pięćoro*).

По аналогии к собирательным *дванадцяттеро, п'ятнадцяттеро* в украинском языке возникло новообразование *кільканадцяттеро*; в чешском суффикс -ег- может присоединяться и к словам *kolik, tolik, několik: kolikerý, tolikery, několikerý* (и в именной форме: *kolikero, tolikero, několikero*).

26. От корней (основ) числительных с помощью различных формантов в славянских языках образуется значительное количество слов, относящихся к разным частям речи; нередко числительные выступают также как компоненты в многочисленных моделях сложных слов. Грамматические традиции некоторых языков часть таких образований относят к числительным.

Например, в польском языке выделяются числительные (по форме прилагательные) с суффиксом -ак- при основе собирательных числительных, указывающие на количество видов или сортов, в которых выступают предметы (*liczebniki wielorakie*): *dwojaki, trojaki, czworaki, pięćoraki*. Эта модель возникла в польском языке в результате отвлечения суффикса -ак- в *dwoj-ak-i, troj-ak-i*, являющихся старыми образованиями (ср. стсл. *дъвоакъ, дръ двоакыи*, сохранившиеся в ряде языков: р. *двоакый, троякий*, укр. *двоакый, троякий*, бр. *двакы, тракы*, ч. *dwojaký, trojaký*, болг. *двоак, трояк* и т. д.).

К числительным же в польском языке относятся также прилагательные, образованные от основ собирательных числительных с префиксом ро- и суффиксом прилагательных -п- и указывающие на количество составных частей предмета (*liczebniki mnożne*): *podwójny, potrójny, poczwógnny* (а также аналогичное им *pojedynczy*). Словообразовательная модель возникла на почве польского языка.

В соответствии с чешской грамматической традицией как числительные рассматриваются прилагательные на -*násobný* и наречия на -*krát* (*číslovky násobné: dvojnásobný, trojnásobný, čtyřnásobný, pateronásobný; dvakrát, čtyřikrát, stokrát*), а также предложные сочетания *po jednom, po dvou, po deseti, po stu, po tisících* (*číslovky podílně*).

В словенском языке к числительным относятся прилагательные, обозначающие кратность (*množilni števniki*): *enojen, dvojen, trojen, peteren, stoteren; dvakraten, petkraten, tisočkraten* и т. п.

Краткий анализ сходных черт и различий в образовании числительных славянских языков позволяет заключить, что сходство определяет наиболее важные, существенные моменты в структуре и семантике этой части речи, тогда как различия, хотя и весьма многочисленные, касаются преимущественно деталей, частных. Сформировались общие черты на основе единой исходной базы, обусловленной генетическим родством славянских языков, в процессе общего для европей-

ских народов развития мысли; специфика же тех или иных форм числительных в отдельных языках объясняется совокупностью нескольких причин: разной степенью сохранения старины, локальными иноязычными влияниями, индивидуальным развитием некоторых элементов.

Наиболее важны различия, связанные с сохранением или утратой группы собирательно-разделительных числительных (образования на -oj-, -eg-) и семантикой их форм в тех языках, где они сохранились. При этом чешский язык с лужицкими, словенским и сербохорватским объединяет употребительность этих образований (в форме прилагательных) в старом дистрибутивном значении, восточнославянские с польским и словацким — наличие только кратких форм среднего рода в значении количественных, болгарский с македонским — отсутствие числительных на -oj-, -eg-. Для последних двух языков характерны лично-мужские формы числительных на -мина и порядковое *второй*, употребляющееся также в русском языке (*второй*); с сербохорватским языком болгарский и македонский сближает употребление слова *хиљада* «тысяча» (м. *илјада*, схв. *хильада*).

Восточнославянские языки выделяются особыми названиями четырех и девяти десятков и отсутствием сочинительного союза в составных числительных; последняя черта характеризует и польский язык.

Чешский, словацкий, лужицкие и словенский языки объединяет изоглосса по наличию числительных типа ч. *jedenadvacet* (с обратным расположением компонентов и союзом). Названия дробей на -ина характерны для западнославянских языков (кроме польского), словенского и сербохорватского; в западнославянских языках употребительны также смешанные дроби типа п. *połtrzecia*, *połsiódma*.

Во всех славянских языках многочисленны производные (существительные, прилагательные, наречия) с корнями и основами числительных. Частично эти образования грамматическая традиция некоторых языков относит к числительным же.

НАРЕЧИЕ

Вопрос о словообразовании наречий теснейшим образом связан с вопросом о происхождении наречия как отдельной части речи. Связь эта проявляется прежде всего в том, что с древнейших времен наречия в индоевропейских языках образовывались при помощи морфолого-синтаксического способа словообразования — адвербиализации, которая состоит в переосмыслении и лексикализации определенных падежных форм полных слов (как правило, именных), их изоляции от парадигмы (депарадигматизации) и употреблении в функции обстоятельства. Поскольку под действие этого процесса попадали разные падежи разных частей речи, еще в глубокой древности развились соответствующие образцы наречий, которые высшей степени развития достигли в отдельных славянских языках (или шире — в отдельных индоевропейских языках). Эти образцы стали основой для постепенного перехода морфолого-синтаксического способа образования наречий — адвербиализации — в морфологический — по анало-

гии, при помощи аффиксов, вычленяемых на синхронном уровне из заостренных падежных форм, которые в той или иной степени сохраняют соотнесенность с живыми падежными формами полных слов других частей речи — существительных, прилагательных и т. д. Этот процесс можно считать законченным в тех случаях, когда такая соотнесенность нарушается вследствие выхода какой-либо формы из живого употребления. В других случаях синтагматическая позиция продолжает в той или иной мере определять грамматическую природу наречия. Поэтому часто приходится говорить о сложном взаимодействии морфолого-синтаксического способа словообразования — адвербиализации — и морфологического, вырастающего и развивающегося на основе первого, об их взаимопереплетении. В современном славянском языкознании вопрос о соотношении этих двух способов образования наречий окончательно пока еще не решен. Одни лингвисты считают адвербиализацию основным способом образования наречий, не обращая внимания на действие парадигматических (морфологических) факторов (или включая их в понятие адвербиализации) [Гумецька 233, 250; Мразек 12]. Очевидно, здесь сказалась переоценка факта неизменяемости и вторичности этой части речи. Другие лингвисты на первое место выдвигают как раз действие морфологических факторов и считают основным морфологический способ, не учитывая в должной мере синтагматических факторов [Рус. грам. 1980, 1, 398; Morfol. sloven. jaz. 575; Szober 1957, 149; Pauliny, Ružička, Štolc 300, и др.]. Оба подхода страдают определенной односторонностью. Однако второй подход, основанный на признании ведущей роли в современных славянских языках морфологического способа образования наречий, который проявляется в образовании наречий по аналогии, по образцам, при помощи абстрагированных из первоначальных адвербиализованных форм словообразовательных формантов, является более адекватным. Это, собственно, и создает предпосылки для классификации наречий по определенным словообразовательным типам и более или менее полного и всестороннего описания словообразовательной системы наречий в славянских языках.

Общеславянские явления

1. В соответствии с формантами, принимающими участие в образовании наречий современных славянских языков, выделяется ведущий способ словообразования данной части речи — аффиксальный с подвидом — суффиксальным, префиксально-суффиксальным и префиксальным. Некоторую роль играет также словосложение. Наибольшее распространение в славянских языках имеет суффиксальный подвид аффиксального способа образования наречий, что обусловлено типологической природой славянских языков [Совр. рус. лит. яз. 379; Грам. бел. мовы 425; Шуба 1962, 51—52]. Названные способы по-разному распределяются в зависимости от частей речи, послуживших словообразовательной базой для образования наречий. Так, аффиксальный способ превалирует при образовании наречий от именных частей речи, а одна из его разновидностей — префиксация — при

образовании наречий от наречий же, путем словосложения образуются наречия от именных частей речи и от наречий и т. д.

Поскольку наречия происходят от форм других частей речи, которые в значительной мере определяют их формально-структурное строение, целесообразным представляется анализировать наречия по исходным частям речи и, соответственно, определять их основные типы. Самый многочисленный класс наречий, наиболее регулярно образующих, представляют собой отыменные наречия, которые подразделяются на две неравные группы: отадъективные и отсубстантивные. Отадъективные представляют здесь намного большую группу, чем отсубстантивные, и характеризуются значительно более высокой степенью регулярности образования.

2. Наречия, производные от прилагательных, образуются в славянских языках, как правило, при помощи суффиксального и префиксально-суффиксального способов. Самыми распространенными в славянских языках словообразовательными формантами, наличествующими во всех языках, являются суффиксы *-o* и *-e*.

Соответственно этому выделяются два основных типа отадъективных наречий, характерных для всех славянских языков, — тип на *-o* и тип на *-e*.

3. Наиболее распространенным словообразовательным типом суффиксальных наречий в славянских языках является тип на *-o* (*-a*). При помощи суффикса *-o* во всех славянских языках образуются наречия преимущественно от качественных прилагательных, хотя постепенно в образование наречий втягиваются и прилагательные относительные. Напр.: р. *близко, бодро, страшно, видно*; укр. *багато, давно, радо, швидко*; бр. *близка, висока, дајно, часта*; п. *bardzo, blado, choro, ciepło, często, słabo*; ч. *blízko, daleko, hluboko, dlouho, málo, snadno*; слц. *blaho, cudzo, hltavo, hluchy, mrazivo, ľubo*; вл. *blisko, daloko, doľho, hľuboko, šeroko, ceňko, pravo, ľiwko*; нл. *blisko, daloko, dľujko, drogo, gorko, lažko, nisko, ťygo*; болг. *глухо, дълго, радостно, твърдо, хубаво*; м. *бавно, бегло, десно, криво, просто*¹; схв. *благо, верно, весело, драго, лудо*; слн. *dotatno, hitro, hudo, gladko, krepko, gavno, iskreno, skogo*. Тип на *-o* является господствующим в восточно- и южнославянских языках, в то время как в западнославянских он в значительной мере определяется взаимодействием с типом на *-e*. Взаимодействие этих двух типов имеет своим следствием возникновение в западнославянских языках вариантных форм образования наречий и влияние на выбор того или иного типа морфологических факторов, т. е. в этом случае усиливается действие системных факторов, более разнообразных, чем в восточно- и южнославянских языках. Например, в польском языке по типу на *-o* образуются наречия от бессуффиксных прилагательных (*bardzo, blado, ciepło, często, dawno, długo, mało, gano, suchy* и др., как правило, древнего происхождения), от прилагательных с суффиксами *-at-, -ast-, -aw-, -k-, -ok-*,

¹ В македонском языке есть значительное количество наречий с *-u*, возникших из *-o* (*блиску, далеку, малу, многу*), которые имеют тенденцию к обособлению [Конески 348].

-om-, -ow-, -uchn-, -uszk-, -utk- (*bogato, blisko, żwawo, słodko, głęboko, ruchomo, gotowo, surowo*), от прилагательных с суффиксом *-sk-* (*bratersko, prostacko, republikansko* и т. д.) [Суган 82—83]. В чешском языке наблюдается такая же картина (за исключением наречий от прилагательных с суффиксами *-sk-, -ck-*). Например: *blízko, daleko, dlouho, malo, mnoho, těžko, hluboko*. Взаимодействие с типом на *-e*, господствующим в чешском языке, привело к вариативности форм наречий на *-o* и на *-e*, которые более или менее отчетливо дифференцируются по семантике и по синтаксической функции. Формы на *-o* выступают преимущественно в предикативной функции [Травничек 238; Широкова 1961, 248]. Ср., напр.: *čisto — čistě, jasno — jasně* и т. д. В словацком языке тип на *-o* также подчиняется действию морфологических факторов. Суффикс *-o* выступает преимущественно после согласных *v, c, k* (наиболее многочисленные случаи), *p, b, m, ch, s, z, dž, š, ž*: *blízko, ďaleko, cudzo, dlho, mnoho, hluchy, hrubo, krivo, koso, ľáskavo, tupy* и т. д. Кроме того, ряд наречий с суффиксом *-o* образован от прилагательных на *-ny*, которые обычно образуют наречия при помощи форманта *-e*: *dávno, divno, chladno, mutno, možno, trudno, vidno*. Наличествуют здесь и параллельные вариантные формы наречий: *čisto — čiste, náhle — náhle, pevno — pevne, mílo — míle, divno — divne, hodno — hodne, rýchlo — rýchle*. Наречия на *-o*, как и в чешском языке, выступают часто в предикативной функции [Morfol. sloven. jaz. 576], хотя нередко колебание форм не несет никакой содержательной нагрузки (*tesno — tesne, búrno — búrne* и т. д.) [там же]. Наличие значительного количества колебаний в образовании наречий на *-o* и на *-e* свидетельствует, очевидно, о том, что оба типа в словацком языке находятся в состоянии динамического равновесия. В лужицких языках суффикс *-o* обусловлен позицией после велярных согласных, в то время как *-e* выступает после губных, зубных и плавных. Напр.: вл. *daloko, hľuboko, ředko, blisko, čežko, doľho, droho, čicho*; нл. *daloko, blisko, małko, męko, nisko, ředko, słodko, šežko, drogo, śicho*. И здесь наблюдается вариантность наречий на *-o* и на *-e*. Ср.: вл. *čisto — čisce, křivo — křiwje, pravo — prawje, směšno — směšnje, mjehko — mjehce, lochko — lochce, ředko — ředce*; нл. *pšosto — pšosće, lubo — lubje, těsno — těsnje, wěrnо — wěrnje, słodko — słodce, gładko — gładce*. Дифференциация этих вариантов по семантике и синтаксической функции в лужицких языках выражена слабее, чем в чешском и словацком.

Суффикс *-o*, ставший словообразовательным формантом отадъективных наречий, выкристаллизовался на основе адвербиализованных форм вин. пад. ед. числа кратких прилагательных ср. рода. Он, собственно, является застывшей флексией этого падежа. Поскольку краткие прилагательные в славянских языках на этапе их отдельного существования в той или иной мере были утрачены, этот суффикс превратился в сугубо наречный словообразовательный формант [Вступ 208; Богородицкий 195; Широкова 1961, 249; Вақ 230—231].

4. Общим для всех славянских языков является также словообразовательный тип наречий на *-e*: р. *крайне, искренне, певуче, далеко, добре*; укр. *добре, певне, умисне*; бр. *пэўне, наймысне*; п. *butnie, biegle*,

prawnie, chwalebnie; ч. bohatě, čistě, hlavne, slabě, směle; сл. hodne, kopečne, krásne, hlavne, mile, bohate; вл. derje, hŕupje, mĵernje, cyle, mile, sylnje; нл. gjarže, kšiwje, pěkņje, wjasele, wustņje, žedņje; болг. добре, зле, твърде, сетне; м. добре, мошне, сетне; схв. веле, эле; слн. gdeče и т. д. В восточно- и южнославянских языках наречия на -е представляют собой малочисленную группу, находящуюся на периферии словообразовательной системы наречия. В западнославянских же языках тип на -е обусловлен морфонологическими факторами, он функционирует в определенных позициях, поскольку другие позиции заняты, как правило, рассмотренным выше типом на -о. Так, в польском языке суффикс -е имеют наречия от прилагательных с суффиксами -iw-, -szyw- (chciwie, falszywie), с суффиксом -it- (jadowicie, obficie), с суффиксом -n- (bacznie, cudnie, czasnie, istotnie, mężnie, ustnie), а также dobrze, nagle, gychle, zle, dalece и др. В словацком языке формант -е выступает в наречиях, производных от прилагательных с суффиксом -ovitŭ (planovite, stupňovite) и от прилагательных с суффиксом -n- (mužne, citelne, temne, hlavne). Суффикс -е в рассматриваемом типе наречий большинством ученых считается застывшей флексией местного падежа ед. числа кратких прилагательных среднего рода [Вступ 207; Топоров 1961, 103; Суган 72; Травничек 237; Широкова 1961, 249].

Рассмотренные два типа суффиксальных отадъективных наречий охватывают основной массив наречий, производных от прилагательных, в современных славянских языках, в частности, и всех наречий вообще. Одной из важных причин этого является древность этих типов, которые во многом сложились еще в праславянскую эпоху, в отличие от остальных, развившихся, как правило, в эпоху раздельного существования славянских языков.

5. Наречия, производные от существительных, образуются при помощи суффиксального и префиксально-суффиксального способов. Наиболее продуктивными являются суффиксальные наречия, которые генетически восходят к беспредложному творительному падежу имен существительных, главным образом единственного числа мужского рода.

В соответствии с этим наиболее продуктивным является тип на -ом/-ем (-om/-em). Напр.: р. бегом, боком, верхом, вечером, кругом, целиком; укр. гуртом, даром, низом, раком, ранком, слідом, часом; бр. агулам, гвалтам, днѣм, задам, маѣчком, чвалам; п. bokiem, całkiem, czasem, gwałtem, raptem; ч. celkem, časem, dílem, křížem, krokem, místem; сл. behom, bokom, hurtom, križom, ladom; вл. hnydom, mjelčom, lědom²; болг. вигом, вихром, денем, редом, силом; м. гласум, делум, кришум, ничком, силум, денем³; схв. веѣном, вечером, гредом, крадом, махом, муком, широм; слн. križem, mahom, povodom, pričetkom, rodom, tekom. Наречный словообразовательный формант в образованиях этого типа генетически восходит к флексии тв. пад. ед.

² В лужицких языках на современном срезе сохраняются только остатки этого типа, наречия от тв. пад., как правило, выступают с предлогом z (s).

³ В македонском языке формант -ом превратился в -ум.

числа имен существительных мужского рода⁴, которая в результате адвербиализации соответствующих падежных форм изолировалась от парадигмы склонения и превратилась в словообразовательный формант, сохраняющий, впрочем, до некоторой степени соотносительность с флексией тв. пад. [Совр. рус. лит. яз. 1981, 380; Рус. грам. 400; Вступ 210; Ист. укр. мови 391; Сучас. укр. літ. мова 449; Виноградов 1972, 290; Суган 177]. Превращение падежной флексии твор. падежа в словообразовательный формант в отдельных славянских языках датируется по-разному. Например, для русского языка — XVII ст. [Коневицкий 19], для польского — XVIII ст. [Суган 177], для украинского — XV ст. [Ист. укр. мови 392]. Важным свидетельством превращения флексии в словообразовательный формант является тот факт, что по этому типу образуются наречия не только от имен существительных, но и от других частей речи (прилагательных, глаголов и т. д.). Формы тв. пад. имен существительных начали адвербиализоваться еще в праславянскую эпоху, достигнув высокого уровня развития уже в начале раздельного существования славянских языков. В пользу этого допущения свидетельствуют данные болгарского и македонского языков, в которых падежная система пришла в упадок в XIV в.; наречия этого типа они имеют такие же, как и другие славянские языки, сохраняющие склонение. Только эти наречия в болгарском и македонском языках не могут соотноситься с живыми падежными формами, и поэтому формант -ом/-ум/-ем подвергся полной дестимологизации, а образование соответствующих наречий — морфологизации, чего не наблюдается в других славянских языках.

6. В сербохорватском языке есть ряд специфических образований, не имеющих пока что удовлетворительного объяснения с точки зрения происхождения. Это наречия с суффиксами -иц-(е), -ц-(е), -им-иц-(е). Напр.: бодимице, браздимице, гнездицице, годимице, местимице, ницице, пешице, падомице. Эти наречия нередко возводятся к творительному падежу существительных [Jahn 95] или к родительному падежу существительных женского рода [Потебня 430]. Ср. наречия на -ица м. трчаница, бодинаница, вјаваница, которые трактуются как остатки старого творительного падежа существительных женского рода [Конески 345]. По значению отождествление их с формами творительного падежа вполне правомерно. Возможно, параллель к рассмотренным наречиям сербохорватского языка представляют собой укр. диал. крадмиц', потаймиц' (закарп.) [Ист. укр. мови 395].

7. Среди префиксально-суффиксальных наречий наибольшей продуктивностью отличаются образования, восходящие генетически к предложному винительному падежу существительных, типа «на- + -ѣ», «на- + -у». Наречия типа «на- + -ѣ» есть во всех славянских языках. Напр.: р. набок, навек, навверх, назад, напоказ, наугад; укр. набакир, надвір, наниз, нараз, насніх, наперед; бр. наадварот, наадрѣз, наввыпуск, накрыж, напам'яць; п. па bok, па czas, па kształt, па koniec,

⁴ В южнославянских языках в форме тв. пад. произошло снятие противопоставления муж. и жен. родов (в пользу муж. р.), что нашло отражение и в наречиях рассматриваемого типа: болг. вором, вигом, схв. вором, силом, м. силум.

на krzyż, na ostatek; ч. nahlas, nachvat, nakvap, paníc, parřed, parříklad; сл. pačas, nachvat, naostatok, napríklad, naspech; вл. pabok, paroí, parřed, pažel; нл. parred, naskok, nasléd, nasrěch; болг. навечер, наврѣх, наглед, надлѣж, наесен, накрѣст, накрк; м. наветар, надвор, наесен, назаем, накуп, напролет; схв. навек, навлас, наглас, нажалост, назор, наизглед, напочек, например; слн. pamah, pa ramet, paglas, paroí, parošev, pavgh, pargodaj. Этот тип наречий возник на базе адвербиализованных предложных форм винительного падежа ед. числа имен существительных мужского рода и женского рода на согласный. Тип отличается значительной продуктивностью в рамках префиксально-суффиксальных отсустантивных наречий. В болгарском и македонском языках вследствие разрушения системы склонения существительных (в XIV в.) рассматриваемый тип наречий в значительной мере трансформировался на основе чисто аналитических предложных конструкций, что позволяет говорить о формировании нового специфического типа, характерного для аналитических языков. Однако в данном случае специфика этого типа выражена слабо в формальном отношении, поскольку винительный падеж ед. числа существительных мужского рода и женского рода на согласный, как правило, лишен формальных примет вообще в славянских языках, а в болгарском и македонском форма падежа отсутствует как таковая.

8. Словообразовательный тип наречий «на- + -у» является параллельным к рассмотренному выше. Отличается он только суффиксом, поскольку эти наречия образовывались от существительных женского рода а-основ, флексия винительного падежа которых вследствие адвербиализации превратилась в словообразовательный наречный формант. Наречия этого типа распространены в меньшей мере, чем предыдущего, поскольку существительные женского рода меньше склонны к адвербиализации в силу своей большей маркированности. Однако наречия эти имеются во всех славянских языках. Напр.: р. *навстречу, наголову, насилу, наудачу, наяву*; укр. *навтыяжку, наголову, нагору, наполовину*; бр. *напару, напалавіну, насілу, насустрэчу, наўдачу*; п. *па гарę, па ргawдę*; ч. *nahogu*; сл. *padagomnici, pasilu*; вл. *па зуми, па ноги*; нл. *pagromadu, paršawdu*; болг. *насрецу*; схв. *наруку, насилу, на срећу, на страну*; слн. *па гоко, па грео*⁵.

9. К адвербиализованным формам предложного винительного падежа ед. числа существительных мужского рода и женского рода на согласный восходит тип префиксально-суффиксальных отсустантивных наречий «в- (у-) + ø» («v-/u- + -ø»). Напр.: р. *вбок, век, взад, взамен, вниз, вслед, виширь*; укр. *вверх, велиб, вголос, впритул, враз, вряд*; бр. *уброд, увєрх, увєчар, удзєнь, удоўж, усмак*; п. *w bok, wbrew, w brod, w cwał, wdal, wraz*; ч. *včas, vsmes, vhod, vniveč, vpřed*; сл. *vbok, včas, vdol, vopred*; вл. *wobok*; болг. *вред, възнак*; схв. *увєк, увис, угод, укриж, ујєсен, умах, вавек*; слн. *vbrę, vkreber, vkrę, vprek, vted, vstran*. В некоторых языках произошло смешение предлогов в

⁵ В словенском языке -и в вин. пад. ед. ч. существительных женского рода а-основ перешло в -о, что дает основания включать указанные наречия в рассматриваемый тип.

и и [Вступ 491—492]. Продуктивность типов, восходящих генетически к предложному винительному падежу, обусловлена развитой способностью этого падежа к адвербиализации.

10. Менее продуктивны в славянских языках другие типы префиксально-суффиксальных отсустантивных наречий. Например, тип «до- + -у/-а» («do- + -u/-a») встречается во всех славянских языках: р. *довеку, доверху, до зарезу, донизу, до упаду, дотла*; укр. *довіку, до ладу, додолю, додому, донизу, доценту*; бр. *давеку, даверху, дадолу, дасвета*; п. *do czasu, do dołu, do domu, do ostatku, do skutku*; ч. *do času, dopředu, dovrchu, do zadu, dokola, dopola*; сл. *dočasu, dopredku, dozadu, dovrchu, dodña, dodola, dokola, doobeda*; вл. *doposlédka, dopředka, doznaka*; нл. *dođnja, dopredka, doslédka*; болг. *довечера, дореда*; м. *довека, довечера, догроба, додолу, дореда*; схв. *довека, докраја, довечера, допола*; слн. *do kopca*. Тип возник на основе адвербиализованных предложных форм родительного падежа ед. числа имен существительных мужского рода. Отмечается его малая продуктивность [Рус. грам. 406; Грам. бел. мовы 430, и др.].

11. Определенное количество наречий в славянских языках образовано при помощи префикса з-/с- (z-/s-) и суффиксов -а или -у (-a/-u). Напр.: р. *сбоку, сверху, снизу, сразу, сроду, сходу*; укр. *збоку, звіку, ззаду, знаскоку, звечора, скраю, спереду, спочатку*; бр. *збоку, звеку, зверху, зразу, спачатку, спераду, ззаду*; п. *z dołu, zboku, ze spodu, z początku, zrazu*; ч. *zbrusu, zesponu, zpočátku, spolu, svrchu, zdola, zejména*; сл. *zboku, zdnu, zrazu, zvrchu, zprostredka*; вл. *zwjerchu, społu, zboka, zdala, zeslédka*; нл. *zwjerchu, zdala*; м. *здола, скраја*; схв. *здола, свєчєра, здвора, скупа, изрєбра, испочєтка, смєста, спочєтка*; слн. *spočetka, skraja, zdoma, z boka, zvrha, izročetka* и т. д. Тип этот генетически восходит к адвербиализованным предложным формам родительного падежа ед. числа существительных мужского рода, как и предыдущий.

12. Среди префиксально-суффиксальных наречий в славянских языках содержится некоторое количество наречий, восходящих к адвербиализованной форме предложного падежа с разными предлогами. В соответствии с этим выделяется три подтипа наречий — с предлогами в (у, w, v), на (па), по (ро), в составе наречий превращающихся в префикс. Напр.: р. *вблизи, вдали, вверху, ввиду, втишии*; укр. *ввєчєрі, вгорі, вночі, вверху, внизу*; бр. *уранні, увысі, уначы, увєчары, урзіцє, убаку, улєткє, уранку*; п. *w cześci, w dali, w drodze, we dnie*; ч. *vpřeli, vponi, vpravdě, v leťe, vcelku*; вл. *wožně, w posy*; нл. *wposy*; болг. *взори*; м. *взори, угоре, удолю*; схв. *ублизи, унизи, устрани, упочєтку*. С префиксом на- (па-): р. *накануне, наверху, на виду, наряду, начєку*; укр. *навєсні, нагорі, надворі, наверху, напоследку*; бр. *напярэдадні, наверхє, нарэшіцє, на пачатку*; п. *na dworze, na jawie, nareszcie, na końcu*; ч. *nahore, na jaře, navrchu, naspodu, nasuchu*; сл. *napogudzi, navidomoči, napohotove, naostatku*; вл. *na hromadze*; нл. *naměse, naposlédku, naslédku*; болг. *нагоре, надолє, назєми, наявє, надолу*; м. *нагоре, надолє, насонє*; схв. *напољє, наслєтку, напочєтку*. С префиксом по- (ро-) выступают наречия: р. *побоку, поверху, понизу, поначалу, поутру, поистине, поодиночке, посередине*; укр. *поволі,*

подалі, по-латині, позаду, попереду; бр. *папайдні, наверсе, панізе, паперадзе, пасярэдзіне*; п. *roblizu, po сіemku, pojutrze, rowoli*; ч. *rohromadě, ropaměti, rohřichu, po pravdě*; сл. *podobrote, rohromade, roobede, po predku*; вл. *rośmje, ročasu, ropořdnju*; нл. *rogromaže, ropořu*; м. *поземи*; схв. *подоле, позади*; сл. *rovećini, ročası, rodnevi, rogodu, rozimi*. Рассмотренные наречия характерны для большинства славянских языков, хотя особой продуктивностью не отличаются.

13. Особую группу наречий в славянских языках представляют собой наречия отнаречного происхождения, образуемые, как правило, при помощи префиксального способа. Становление этой группы наречий свидетельствует об относительно высокой степени развития системы наречного словообразования вообще. Этот тип наречий сложился на базе и под влиянием рассмотренных выше отадъективных отсубстантивных наречий, что позволяет их сблизить [Morfol. sloven. jaz. 558, 588]. Префиксы могут сочетаться с наречиями любого происхождения (очевидно, через ступень субстантивации) [Вступ 212; Грам. бел. мовы 437; Morfol. sloven. jaz. 558]. При этом нередко происходят различного рода аналогические процессы. Поскольку в этом классе наречий в роли словообразовательных формантов участвуют префиксы, целесообразно словообразовательные типы выделять именно по префиксам. Наиболее продуктивны префиксы *на-* (*па-*), *до-* (*да-*, *до-*), *от-* (*од-*, *од-*), *за-* (*за-*). Соответственно этому и выделяются словообразовательные типы префиксальных наречий, производных от наречий.

Префиксальный тип наречий с префиксом *на-* (*па-*) наличествует во всех славянских языках. Наречия образуются от наречий различного происхождения (главным образом — от отадъективных). Напр.: р. *набело, наверно, наглухо, налево, намертво*; укр. *напевно, набагато, направо, насухо*; бр. *навечна, наглуха, налева, намнога, направа*; п. *pa bialo, na brudno, nadaretno, na lewo*; ч. *naboso, nadlouho, nakrátko, nakřivo, napovo, nalevo*; сл. *naćisto, nadlho, nahlucho, nal'avo*; вл. *padarmo, na křivo, palewo, panowo*; нл. *padrobno, pamao, pargeto*; болг. *набосо, набързо, нависоко, наголямо, надесно*; м. *наголо, надолго, наверно, накосо, накратко, наскоро*; схв. *навелико, надебело, нагусто, надалеко, намало, наслепо*; сл. *parosodo, na levo, panovo*. Ср. также префиксальные образования от наречий других типов: р. *навряд, напополам, назавтра*; укр. *навскач, наосліп, насправді, напотемки, насторч*; бр. *наабapol, найдагад, найкруг, найпрост*; п. *na zawsze; вл. nazdala, napazdala*; нл. *nazdala*; болг. *навред, наназад, нагоре, надоле, нананпред*; м. *наназад, нананпред*; схв. *наоколо, наједанпут, наједнако*; сл. *panagroma, pavkreber, pavprek, pavzogog*. Обращает на себя внимание стечение нескольких префиксов в одном слове, что является доказательством наличия здесь префиксации.

14. Префиксальный тип наречий с префиксом *за-* (*за-*) по характеру образования сходен с рассмотренным выше. Напр.: р. *запросто, заживо, задолго, замертво, заново, засветло*; укр. *забагато, заблизько, задалеко, задовго, залегко, заледве*; бр. *загуста, задойга, зарана, заслабка, зацемни*; п. *zarówno, za często, zadarmo, zapewnie*; ч. *zadarmo, zadlouho, zadobře, záhodno, zajedno*; сл. *zadarmo, zakratko*; вл. *zadolho, zakrótko, zadarmo*; нл. *zadarmo, zalubo, zamao*; болг. *заедно*;

м. *заедно, заправо, завчера*; схв. *задуго, зазубно, заједно, замало, заправо, зацело, занавек, заувек*. С генетической точки зрения наречия этих двух типов зачастую рассматриваются как производные от кратких прилагательных среднего рода винительного падежа единственного числа [Вступ 208; Сучас. укр. літ. мова 446; Суган 158]. При этом совершенно упускается из виду, что на синхронном уровне такая соотносительность не существует, а указанная форма давно адвербиализовалась. Следовательно, никаких оснований трактовать рассматриваемые наречия как отадъективные на синхронном уровне не существует.

Рассмотренными выше типами ограничиваются общие типологические черты словообразовательных систем наречия в славянских языках. Их устойчивость и продуктивность обусловлена древностью происхождения и общими тенденциями развития наречия в славянских языках как части речи. Особенно показательными в отношении регулярности являются словообразовательные типы отадъективных наречий на *-о* и на *-е*. Именно они в основных чертах определяют систему наречных образований в славянских языках.

Межъязыковые различия

1. Среди суффиксальных отадъективных наречий обращает на себя внимание группа наречий с суффиксом *-и* (*-і*, *-у*), образованных от прилагательных на *-ск-*, *-цк-* (*-sk-*, *-ck-*), которые наличествуют в большинстве славянских языков (за исключением польского и частично словенского). Напр.: р. *адски, братски, варварски, воровски, геройски, детски, дружески, мастерски*; укр. *гігантські, молодецьки, страдницьки, мистецьки, нелюдські, хвацьки*; бр. *мастацкі, важнецкі, здрадніцкі, мяшчанскі*; ч. *basnický, bolševický, demokratický, hospodarský, kamarádský, nadlidský*; сл. *definsky, historicky, ľudsky, matersky, priateľsky*; вл. *serbski, němski, ruski, jendzelski, polski*; нл. *serbski, němski, energiski, francoski*; болг. *большевишки, варварски, детински, масторски*; м. *градски, лавовски, селански, немски, херојски*; схв. *хрватски, јуначки, кнежевски, братски, лавовски, лирски, митерински*; сл. *petški, slovenski, ritenski, hrvaški*. Рассматриваемый тип наречий особенно распространен в чешском, словацком, русском, сербохорватском и болгарском языках. Генетически этот словообразовательный тип восходит к форме старого творительного падежа мн. числа кратких прилагательных мужского и среднего рода [Вступ 208; Широкова 1961, 249, и др.]. Наиболее регулярно по этому типу образуются наречия от прилагательных, выражающих признак лица (в частности — национальный признак). В лужицких языках этот тип подвергся воздействию типа на *-е*, и поэтому соответствующие наречия расцениваются как редкие (ср. более распространенные варианты *egoistisce, serbsce* и т. д.). В польском языке наречия рассматриваемого типа были распространены в XIV—XV вв., однако они оказались полностью вытесненными наречиями на *-о* [Суган 161]. Аналогичный процесс замены словообразовательного форманта *-і* формантом *-о* происходит в словенском языке, однако он еще полностью не завершился, и наречия на *-і* еще встречаются, хотя расцениваются как ред-

кие [Jahn 48; Грам. слов. языка 180]. Превращению флексии старого творительного падежа множественного числа кратких прилагательных способствовал выход названной формы из живой парадигмы прилагательных и упадок кратких прилагательных вообще. На синхронном уровне морфонологические особенности отдельных славянских языков наложили своеобразный отпечаток на функционирование этого форманта, что не всегда позволяет трактовать наречия рассматриваемого типа как чисто суффиксальные. Например, в чешском, словацком и сербохорватском языках соотношение в конечных гласных долготы (в прилагательных) и краткости (в наречиях) осложняют суффиксацию и позволяют считать, что наречия образуются путем утраты долготы конечного гласного прилагательного. В болгарском, македонском, а также в белорусском языках соотносительные наречия и прилагательные являются омонимичными по отношению друг к другу и т. д.

1а. Специфически болгарский тип представляют собой наречия, производные от прилагательных с суффиксом *-ка* и определенным членом женского рода *-та*: *слепешката, лежешката, плачешката, крадешката, стоешката*. Кроме прилагательных, они образуются также и от бывших причастий [Андрейчин 308; Стоянов 416].

2. Префиксально-суффиксальные наречия, производные от прилагательных, составляют значительно менее многочисленную группу наречий, чем суффиксальные. Всем славянским языкам в истории свойственно было различие кратких и полных прилагательных, остатки которого наблюдаются в современном состоянии, в частности в системе словообразования наречий, различающихся весьма отчетливо в зависимости от того, какие прилагательные — краткие или полные — стали для наречий словообразовательной базой.

Наречия, производные от кратких прилагательных, представлены прежде всего типом «з- (с-), из- (из-, z- (s-), iz-/is- + -а (-у)». Напр.: р. *сгупа, сгоряча, свысока, слева, сперва, искоса, сызмала, сызнова*; укр. *зблизька, звільна, зглибока, згорда, здавна, злегка, спильна, сплоха, спроста, знову*; бр. *здайна, звысоку, спаўна, змоладу, зрана, сціха*; п. *zcicha, zdawna, zgęsta, z gruba, znowu*; ч. *zblízka, zcela, zčerstva, zdlouha, zhluboka*; слц. *scela, skrátka, splna, sprava, sticha, zblízka*; вл. *zdarma, zdawna, zдалока, zhoła, zhorda, znowa*; нл. *zlažka, znowa, z husta, sčicha*; болг. *издавна, излека*; схв. *здесьна, згорега, здобра, измала, изнова, искоса*; слн. *scela, skratka, sprva, izdavna, izmlada, izgana, iztiha, zlahka*. Этот словообразовательный тип встречается почти во всех славянских языках, и его вполне можно было бы считать общеславянским. Однако исключение представляет собой македонский язык, в котором такие наречия не зафиксированы (в академическом словаре македонского языка они не встречаются). Генетически они восходят к адвербиализованным предложным формам родительного падежа единственного числа кратких прилагательных мужского-среднего рода.

3. Близким к рассмотренному является тип *до-* (*да-*) + *-а* (*до-* + *-а*), также восходящий к форме родительного падежа ед. числа кратких прилагательных мужского-среднего рода. Напр.: р. *добела, догола, допоздна, допозна, досыта, дочиста*; укр. *догола, доп'яна, досуха, дочиста*; бр. *дабяла, дасыта, да рана, дацямна, дачырвана, дачыста*;

п. *do czysta, do ciemna, do niedawna*; ч. *do běla, docela, dočista, do široka*; слц. *docela, dod'aleka, dohlboka, dohola, dol'ava, donedavna*; вл. *docyła, dočista, do hluboka, dosyta*; болг. *досита*; м. *доп'ва*; схв. *догола, доиста, домала, досита, доскора*; слн. *docela, dočista, dogrda, dosita*. Этот словообразовательный тип также распространен в большинстве славянских языков, кроме нижнелужицкого, хотя и не отличается особой продуктивностью. В болгарском и македонском представлены единичные примеры этого типа.

4. Намного более продуктивным является префиксально-суффиксальный тип наречий «*по-* + *-у* (*по-* + *-у*)», который имеется в восточно- и западнославянских языках, но отсутствует в южнославянских. Однако распределение его в отношении различных групп прилагательных, ставших словообразовательной базой для наречий этого типа, неодинаково. Более или менее отчетливо различаются две подгруппы наречий рассматриваемого типа. Одна подгруппа — образования от кратких прилагательных — малочисленна, представлена в восточно- и западнославянских языках. Другая подгруппа — образования от относительных прилагательных с суффиксом *-ск-* (*-sk-*) весьма продуктивна, распространена преимущественно в белорусском, польском, чешском и лужицких языках. К первой подгруппе принадлежат, напр.: р. *подешеву, подолгу, полюбу, помалу, помногу, посуху*; укр. *побагату, повидну, подовгу, попросту, порівну*; бр. *напросту, пасуху, памалу, паціху, падоўгу, паройну*; п. *po сіchu, po lekku, romału, po ranu, po równu*; ч. *pohotovu, pomálu, popenáhlу, pořidku, poříznu, postaru*; слц. *poriedku, potichu*; вл. *romału*; нл. *porownu, po śichu, po wšyknu* и т. д.⁶ Другая подгруппа намного продуктивнее, в отдельных языках достигает высокой активности, вытесняя некоторые другие типы наречий. Напр.: бр. *па-адыгейску, па-руску, па-бацькоўску, па-братэрску, па-савецу, па-свойску*; п. *po barbarzyńsku, po chłopsku, po europejsku, po ludzku, po męsku, po mistrowsku*; ч. *podomácku, po vojensku, po venkovsku*; вл. *po serbsku, postarsku, po rusku, po poľsku, po rycersku, po budysku, po bursku, po česku*; нл. *po němsku, po serbsku, po polsku, po bogojsku, po bratšojsku*. Высокой продуктивностью рассматриваемый словообразовательный тип отличается в белорусском и польском языках, в чешском он малоупотребителен, в лужицких языках этот тип расценивается как архаичский даже в книжном языке [Sewc 216]. До середины XVIII в. этот тип был распространен в старобелорусском языке (*по братерску, по славенску*) [Исторія укр. мови 353, 364—385]. Генетически рассматриваемый словообразовательный тип наречий восходит к предложной форме дательного падежа кратких прилагательных мужского-среднего рода единственного числа. Превращению предлога и флексии в наречный словообразовательный формант способствовал упадок именного склонения прилагательных, как и во многих других случаях.

5. Префиксально-суффиксальный словообразовательный тип наречий «*по-* (*на-*) + *-ому/-ему* (*по-* + *-ему*)» на современном этапе функционирует в 5 языках всех трех подгрупп славянских языков,

⁶ Образования типа р. *подолгу, почасти* иногда трактуются как отнаречные [Совр. рус. лит. яз. 382].

распределяясь в них по-разному в отношении продуктивности и распространности. По этому типу наречия образуются от полных прилагательных. Напр.: р. *по-будничному, по-военному, по-новому, по-разному, по-хорошему*; укр. *по-російському, по-армійському, по-батьківському, по-листяному, по-літньому, по-нашому*; бр. *па-баявому, па-арлінаму, па-гарадскому, па-сучаснаму, па-вашаму, па-ягонаму*; п. ро *balowemu, ро dawnemu, ро dobremu, ро kobiecesemu, ро tojemu*; болг. *по военному, по новому, по старому, по вашему, по моему*. В болгарском языке наречия рассматриваемого типа считаются заимствованными из русского языка [Андрейчин 308; Стоянов 415—416; Вступ 209]. Распределение наречий этого типа в остальных славянских языках имеет свои особенности. Так, в украинском языке по этому типу регулярно образуются наречия от прилагательных на *-ськ-(ий), -цьк-(ий)*, что нехарактерно для русского и польского, в белорусском есть единичные образования такого типа. Генетически рассматриваемый словообразовательный тип наречий восходит к адвербиализованным формам предложного дательного падежа ед. числа полных прилагательных мужского-среднего рода [Вступ 208; Szober 1957, 148, и др.]. Возник он в рассмотренных языках относительно недавно. Например, в польском его появление датируется XV в. [Jahn 157], в русском — первой пол. XVII в. [Коневецкий 14—15], в украинском — серединой XVI в. [Ист. укр. мови 385]. Ср. и у Срезневского — *по мирьскому*, датируемое XIV в. [Срезн., 2, стлб. 152].

6. Префиксально-суффиксальный тип «в- + -ую (-у)» распространен только в восточнославянских языках и составляет их специфическую черту. Напр.: р. *вгустую, вкруговую, вкрутую, вплотную*; укр. *вхолосту, вручну, вчисту, всліпу*; бр. *укругавую, уручную, ухаластую, ушчыльную*. В литературе содержатся противоречивые оценки продуктивности этого типа. С одной стороны, он характеризуется как продуктивный в восточнославянских языках, в частности в русском [Вступ 208; Jahn 80; Рус. грам. 403—404], с другой, — как непродуктивный, в частности для белорусского языка [Грамм. бел. мовы 433, 434]. Генетически тип восходит к адвербиализованным предложным формам винительного падежа ед. числа членных прилагательных женского рода. Принадлежность базовых прилагательных к женскому роду ограничивает продуктивность типа.

7. Словообразовательный тип отадективных префиксально-суффиксальных наречий «по- + -и (-у) (па- + -ы)» является специфически восточнославянским, отличающим эти языки от остальных славянских. Напр.: р. *по-бабы, по-волчы, по-заячы, по-кошачы, по-лягушачы, по-мальчишечы*; укр. *по-баб'ячи, по-ведмежи, по-хлопчачи, по-старечи, по-вовчи*; бр. *па-воўчы, па-чалавэчы*. Образуются наречия этого типа, как правило, от посессивных прилагательных, производных от имен существительных со значением лица или животного. Считается, что рассматриваемый тип наречий возник в результате влияния типа «по- + -ски» на тип «по- + -у» (ср. др. *по божью, по воронью* — XIII в.), что привело к замене *-у* на *-и*. Этому способствовала, очевидно, семантическая близость прилагательных на *-ь* и на *-ьскъ* [Jahn 1966, 88—89; Ист. укр. мови 1979, 386].

8. Отсубстантивные суффиксальные наречия дают сравнительно мало материала для установления различий между славянскими языками, поскольку они вообще составляют относительно небольшую группу, основное место в которой занимают наречия рассмотренного выше словообразовательного типа на *-ом/-ем*, возникшего на основе адвербиализованных форм творительного падежа единственного числа существительных мужского рода. В связи с этим представляет интерес группа наречий, также восходящих к адвербиализованным формам творительного падежа, но других разрядов существительных. Например, от существительных женского рода во многих славянских языках есть некоторое количество наречий, различающихся суффиксами в зависимости от того, к какому типу основ принадлежат производящие имена существительные. Так, от существительных *-а*-основ наречия образуются при помощи словообразовательного суффикса *-ою/-ой/-ею/-ей* (*-оу, -а*): р. *весною (-ой), порою (-ой), дорогой, зимой, силой, волей, сторицею*; укр. *весною, зимою, порою, силою, ступою*; бр. *вясною, дугою, зімою, ступою*; п. *gromadą, zimą, wiosną*; ч. *sl. cestou, náhodou*; вл. *hromadu*; нл. *gromadu*. Наречия этого типа встречаются в восточно- и западнославянских языках. В южнославянских, как известно, противопоставление мужского и женского родов в творительном падеже было снято в пользу мужского рода, что нашло свое отражение и в отсубстантивных наречиях. От существительных женского рода на согласный наречия образуются при помощи словообразовательного форманта *-у (-ю), -ью (-а, -і, -оу)*. Напр.: р. *осенью, оцупью, насыпью, ночью, рысью, частью*; укр. *повністю, риссю, силоміццю, ніччю*; бр. *ноччу, рыссю*; п. *посај*; ч. *посі*; слч. *посоу, тосоу*; слн. *посој*; схв. *помоћу, ноћу*. Образований этого типа немного, это обусловлено тем, что имена существительные женского рода в славянских языках мало склонны к адвербиализации. Наоборот, падежные формы имен существительных мужского рода обладают этой способностью в высокой степени, что обусловлено, очевидно, меньшей маркированностью их сравнительно с существительными женского и среднего рода [Jahn 31; Богородицкий 193].

9. Высоко развитым словообразовательным типом отсубстантивных наречий является тип на *-ома*, характерный для словенского языка. Это обусловлено тем, что в словенском языке живой категорией является категория двойственного числа, к форме творительного падежа существительных которой восходит названный словообразовательный формант. Этот тип ощутимо отличает словенский язык от остальных славянских. Здесь наречия образуются прежде всего от существительных: *deloma* «частично», *korakoma* «шагом; постепенно», *kosoma* «поштучно», *mahoma* «мигом», *mikoma* «с трудом», *siloma* «силой, насильно». Однако большая продуктивность этого типа и превращение его в морфологизованный наречный тип (и, соответственно, форманта *-ома* в сугубо наречный формант) обуславливают втягивание в сферу действия типа других частей речи — прежде всего прилагательных и глаголов: *celoma, pagloma, skrivoma, tihoma, hotoma* — соответственно, от *cel, nagel, skriven, tih* и под. Таким образом, типологическая черта, отличающая словенский язык от других славянских на

одном уровне (двойственное число), трансформируется вследствие адвербиализации в типологическую черту, отличающую словенский язык от других славянских языков на другом уровне, в чем проявляется связь морфологических и словообразовательных категорий. К рассмотренному типу наречий на синхронном уровне ближе всего примыкают наречия украинского языка типа *жартома, кидькома, крадькома, мелькома, тайкома*, которые считаются результатом взаимодействия рассмотренного выше словообразовательного типа на *-ом* и наречий на *-ма* [Ист. укр. мови 1978, 395]. Эти последние чаще всего объясняются как образованные при помощи форманта *-ма*, представляющего собой застывшую флексию творительного падежа двойственного числа имен существительных [Вступ 1966, 210; Буслаев 1959, 153; Грам. бел. мовы 1962, 416]. При этом характерно, что наречия образованы не только от имен существительных, но и от других частей речи (прилагательных, глаголов и др.): р. *весьма, гормя, дрожмя, ливмя, ноймя, плашмя*; укр. *бігма, лежма, давма, сторчма*; бр. *бегма, жальма, стаўма, сухама*; вл. *lědma*. Однако возведение наречий этого типа к формам двойственного числа вызывает иногда и возражения. Они объясняются также как результат изменения форм типа укр. и бр. *дармо*, возникших будто бы под влиянием чешских наречий на *-то*, считающихся адвербиализованными формами вин. пад. ед. числа отглагольных существительных [Ист. укр. мови 1978, 394; Jahn 1966, 46—47].

10. Специфический тип суффиксальных наречий представлен в чешском и словацком языках. Это наречия с суффиксом *-то*: ч. *bořto, bodto, duřto, čtuřto, kleřto, koľto, kořto*; слц. *bleskto, brodto, kl'ařto, kosmo, plazto*. Ср. также единичные образования в верхнелужицком языке: *kóгsto* «корцами», *кrořto* «шагами», *wrósto* («*wróćić*). В других языках также есть единичные примеры (ср. укр. *дармо*, п. *darто*, бр. *дармо*). В остальных славянских языках наречия с этим суффиксом не зафиксированы. Окончательного мнения о происхождении форманта *-то* в этих наречиях не существует. Его объясняют по-разному: как остаток старой формы творительного падежа двойственного числа существительных, как застывшие формы страдательных причастий наст. времени [Pauliny — Ružička — Štolc 1968, 303; ср. также Богородицкий 1935, 197 — *знамо, вестимо*] (в этом случае их, очевидно, можно рассматривать как одно из проявлений типа на *-о* отадъективных наречий) [ср.: Morfol. sloven. jaz. 1966, 587], как адвербиализованные формы вин. пад. ед. числа отглагольных существительных [Jahn 1966, 46—47].

11. В болгарском и македонском языках, начиная с XIV в., произошел переход к аналитическому строю, вследствие чего на основе аналитических предложных конструкций возникли наречия, не характерные для остальных славянских языков с их синтетическим строем. Напр.: болг. *догодина, докрай, наслава, назима, наполовина, насила, насреца, открай, отначало, отсреща, отзад, отстрана*; м. *сосила, настрана, насила, открај, отстрана*. Ср. и схв. *издно, садно* (единичные примеры). В основе рассмотренных наречий лежит конструкция из предлога и «общей формы» существительного. В остальных случаях предложно-падежным формам других славянских языков

в болгарском и македонском соответствуют сочетания предлога с «общей формой» существительного, в результате чего устраняется несоответствие наречий и предложно-падежных форм. Наречия в этом случае соотносятся с предложными конструкциями, а в случае отсутствия предлога наступает полная морфологизация наречия.

12. В некоторых славянских языках существует префиксальный тип отнаречных наречий с префиксом *по-* (ро-), образованных от наречий на *-ски, -цки* (*-sky, -sky*). Напр.: р. *по-братски, по-детски, по-женски, по-мужски*; укр. *по-російськи, по-українськи, по-англійськи, по-московськи*; ч. *po česky, po moravsky*; слц. *po činsky, po česky*; болг. *по войнички, по граждански*. Считается, что они возникли вследствие скрещивания наречий типа *po česku* и *česky* [Jahn 87]. Рассматриваемые наречия также нередко трактуются как отадъективные [Рус. грам. 403]. Основано это, очевидно, на том, что в языке не всегда есть соответствующие беспрефиксные наречия. Однако в этом случае мы, очевидно, имеем дело с чресступенчатым словообразованием.

13. В болгарском и македонском языках существуют словообразовательные типы префиксальных наречий, отличающиеся от остальных славянских. Хотя их и можно, на первый взгляд, трактовать как префиксальные отнаречные, эти наречия отличаются по своей природе от префиксальных отнаречных. Напр.: болг. *издебело, изкриво, изново, изтихо, изцело, отдалеко, отдясно, отрано, отскоро, отляво*; м. *исцело, сниско*; ср. и схв. *сниско*. Возникли эти наречия на основе аналитических предложных конструкций, они заменили наречия, восходящие к предложно-падежным конструкциям, свойственным остальным славянским языкам. В болгарском и македонском языках остались только обломки этих конструкций, поскольку оба языка перешли к аналитическому строю.

14. Специфическим словенским типом префиксальных наречий, производных от наречий, является тип «ро- + наречие на *-sko*». Напр.: *po gosposko, po očetovsko, po gorjansko, po kmečko* [Slovenska slovnica 1956, 246].

15. Определенное количество наречий в славянских языках образуется при помощи словосложения. Среди них выделяются прежде всего редуцированные образования (простые и усложненные какими-либо морфемами). Напр.: р. *тихо-тихо, давно-давно, давным-давно, чин-чином, видимо-невидимо*; укр. *рано-рано, помалу-малу, тишком-нишком, рано-вранці, хрест-навхрест*; бр. *доўга-доўга, даўным-даўно, час-часам, крыж-накрыж*; п. *lelum-polelum, krok za krokiem, nos w nos, raz za razem, od dawien dawna*; ч. *cestou-necestou, dávno-předávno*; слц. *zôkol-vôkol, skrz-naskrz, isto-iste*; болг. *кажи-речи, надве-натри, горе-долу, волею-неволею*; м. *брго-брго, ден-денес, полека-лека, криво-лево*; схв. *где-где, дан-данас*.

16. Другие наречия основываются на адвербиализованных синтаксических конструкциях разного происхождения и поэтому с трудом поддаются обобщению и систематизации. Как правило, они восходят к предложным адъективно-субстантивным или глагольно-именным словосочетаниям. В украинском, белорусском и некоторых западнославянских языках выделяется тип наречий, производных от частицы

местоименного происхождения *що-* (*што-*, *со-*) и имени существительного в родительном или винительном падеже. Напр.: укр. *щогодини, щоднини, щодоби, щокварталу, щоліта, щомісяця, щодень, щомить, щораз, щорік*; бр. *штогадзіны, штодня, штолета, штогод, штодзень, штомесяц, штотыдзень, штовечар*. В других славянских языках наречия этого типа встречаются редко: п. *co dnia, co sekundy, co tchu, co dzień, co tydzień*; слв. *čochvila, čogaz, čo gok*. Ср. и ч. (*den*) *co den, (večer) co večer, co chvíli*. Объясняются эти наречия как результат сложения частицы местоименного характера с существительным в соответствующей падежной форме [Сучас. укр. літ. мова 1969, 464; Грам. бел. мовы 1962, 438—439; Іст. укр. мови 1978, 499—500]. Из наречий, восходящих к синтаксическим конструкциям, следует упомянуть также: р. *стремглав, втридорога, вполнакала, вполоборота*; укр. *споконвіку, насамперед, повсякчас, напівголосно*; бр. *запанібраты, стрымгалоў, таксама, аберуч*; п. *patenczas, patychmiast, dotychmiast, dotychczas, nasampierw*; ч. *strěmhlav, jaksepafří, milerád*; слв. *včas-rano, každovečerne, strmhlav, spakruky; вл. tuchwilu, tohorunja, bohužel, dzeń wote dnja, jako hodžinu*; болг. *весден, вдругиден*; м. *едно-чудо, гологлавечки, везден, полден*; схв. *стрмоглав, будзашто, оберучке, вишенпута, дозлабога*; слн. *samotež, potemtakem, dosihdob, odsihdob, dosihmal, obakrat*.

Таким образом, словообразовательная система наречия в славянских языках в наибольшей мере определяется словообразовательными типами отадъективных наречий как суффиксальных, так и префиксально-суффиксальных, в первую очередь очередь общих для всех славянских языков. Основными суффиксальными типами являются типы на *-о*, на *-е* и на *-и* (*-у*, *-і*). Именно их соотношение определяет основные параметры словообразовательной системы отадъективных наречий. Самым древним и самым продуктивным является общий для всех славянских языков тип на *-о*. Его взаимодействие с типом на *-е* в западнославянских языках создало ситуацию взаимной обусловленности этих типов. Среди отсустантивных наречий наибольшую общность демонстрируют наречия, производные от творительного падежа существительных и от предложной формы винительного падежа. Больше общих черт сохраняют восточно- и западнославянские языки, в то время как в южнославянских, особенно в болгарском и македонском, развилось немало новых черт.

Рассмотренный материал показывает, что в системе словообразования наречия в славянских языках имеются общие черты и различия. Однако даже там, где есть черты, общие для всех славянских языков, функциональная нагрузка их различна.

Наличие или отсутствие в отдельных славянских литературных языках определенных словообразовательных типов наречий создает ряд изоглосс, которые объединяют славянские языки в различные по своему составу подгруппы.

По двум признакам (наличие словообразовательных типов *вручную* и *по-волчьи*) выделяются в отдельную подгруппу восточнославянские языки. Еще по одному признаку (наличие словообразовательного типа *по-новому*) к восточнославянским языкам присоединяются поль-

ский и болгарский. По двум отрицательным признакам (отсутствие словообразовательных типов *попросту* и *весной*) в отдельную подгруппу выделяются южнославянские языки, противопоставляясь тем самым всем севернославянским языкам.

По двум признакам (наличие типов *насила*, *отстрана* и *изцело, отрано*) в отдельную подгруппу выделяются болгарский и македонский языки.

Чешский и словацкий языки противостоят остальным славянским языкам наличием у них словообразовательного типа *kolmo*.

В отдельную подгруппу объединяются русский, украинский, чешский, словацкий и болгарский языки по наличию у них словообразовательного типа *по-братски*. Еще одну подгруппу образуют белорусский, польский, чешский и серболужицкие, имеющие словообразовательный тип *па-братэрску*. Украинский и словенский языки объединяются наличием у них словообразовательного типа *siloma, жартома*.

Некоторые славянские языки — каждый в отдельности — противостоят всем остальным славянским языкам по какому-нибудь одному словообразовательному признаку: польский — по отсутствию у него типа *геройски*, нижнелужицкий — по отсутствию типа *добела*, болгарский — по наличию типа *лежешката*, македонский — по отсутствию типа *свысока, искоса* (может быть, случайно здесь не зафиксированного), словенский — по наличию типа *po gosposko*, а также по особой продуктивности типа *siloma*, имеющего в некоторых других языках реликтовый характер.

ГЛАГОЛ

Типологические особенности словообразования производных глаголов в славянских языках¹ целесообразно исследовать в нескольких аспектах, обеспечивающих наиболее полное представление об общих и своеобразных чертах системы глагольного словообразования. Такими аспектами являются: принадлежность производящих основ глагола к различным частям речи; способы глагольного словообразования; словообразовательные аффиксы глаголов (инвентарь глагольного словообразования); система словообразовательных значений производных глаголов; морфологические явления при глагольном словообразовании.

Словообразование причастий и деепричастий как особых форм глагола рассматривается отдельно.

¹ Согласно установившейся традиции, производными считаются глаголы, образованные от глаголов или других частей речи при помощи определенных морфологических средств. Глаголы, имеющие лишь корень (или основу) типа р. *бить, говорить, спать, ехать* с точки зрения современного состояния языка являются неизменяемыми и не могут быть объектом словообразовательного анализа. Поэтому такие глаголы, в том числе и унаследованные из праславянского языка семантически отличающиеся неизменяемые глагольные пары дуратив — итератив типа р. *везти — возить, лететь — летать, нести — носить* и др., здесь не рассматриваются.

Общеславянские явления

Принадлежность производящих основ глагола к различным частям речи

1. Во всех славянских языках особенно широко представлено унаследованное из праславянского внутриглагольное словообразование, т. е. образование новых типов от уже существующих глаголов при помощи чистой префиксации или префиксально-суффиксальным способом: р. *влететь, вывезти, забросить, изгнать, надрезать, объехать, переплатить, подкатить, разбросать, улететь, взгрустнуть, наигрывать, повизгивать*; укр. *вбігти, увійти, домчати, окреслити, обрахувати, обікрасити, підгледіти, прижовкнути, пробити*; бр. *адплаціць, выгнаць, злезці, набудаваць, пагарачыцца, перакінець, прыга-рэць, разагнаць, суаднесці*; п. *dolać, palepić, nadpisać, odbiec, podjechać, rozsytać, urwać, zmyć, zabrać*; ч. *dopsat, nadnest, odvolať, podvléci, projet, přelomit, rozlit, utéci, vybrat*; слц. *dosypat', odviest', podkosit', prisunut', skosit', zapustit'*; вл. *dočitać, napłakać so, posypać, p'jespać, wot'služić, zranić, zapalić*; нл. *dodaś, nastaś, podpisaś, p'selesaś, rozbiś, zašumiś*; болг. *възбужда, довлека, заглуша, измета, нагрѣя, обходя, отдавам, подишия, прелея, предложа, прикрепя, разруша, събера*; м. *вкопа, возроди, докине, заграда, искупи, наложи, окова, отплива, поткладе, пречека, предводува, прогризе, разгледа, соработува, убие*; схв. *дометнути, заковати, испити, начинити, одгуслати, положити, прикопати, прочитати, расплакати се, убити*; слн. *dopleti, najti, odpiti, pobiti, prerasti, prodreti, splesti, vdeti, zasesti*.

2. Общим для всех славянских языков является традиционное, восходящее к праславянской эпохе широкое использование в качестве производящей основы глагола именных основ, особенно основ имени существительного и имени прилагательного, от которых глаголы образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Ср. р. *завтракать, паровать, партизанить, пилотировать, столярничать, фильтровать, шефствовать, затенить, окружить, отграничить, пригубить, распылить, зеленеть, пустовать, свирепствовать, слепнуть, бодрить, важничать, затруднить, скособочить*; укр. *голосувати, гомоніти, квітчати, крохмалити, ледарювати, міряти, розуміти, світати, бадьорити, жовтіти, лагідніти, ліпшати, лукавити, хитрувати, нейтралізувати, терпнути*; бр. *крухмаліць, веславаць, слупянець, стальярніцаць, шэфстваваць, экранізаваць, бяліць, вастрыць, мацнець, румянець, слепнуць, агаліць, абмаладзіць*; п. *gorować, dnieć, chłodzić, snieżyć, mroczeć, żartować, bieleć, golić, suszyć, blednąć, marnować*; ч. *hostovat, tančit, blednout, černit, holit, radovat se*; слц. *hostit', bielit', mladnut'*; вл. *dymić, planować, zymować, sušić, swętleć*; нл. *dymiś, wikowaś, kšiwіś, wjaseliś, zachudnuś*; болг. *димя, искря, гладувам, бяля, веселя, суша, хитрувам*; м. *вечера, гости, војува, весели, зеленее, важничичи*; схв. *ветрити, зимовати, лакирати, бледети, мудрати, свежити*; слн. *ribariti, arneti, gnezditi, rumeneti, celiti*.

3. От основ местоимений во всех славянских языках суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом образуется весьма ограниченное количество глаголов, что объясняется немногочисленностью самих местоимений: р. *якать, выкать, тыкать, освоить, присвоить, усвоить, уничтожить*; укр. *якати, тикати, викати, микати, засвоїти, освоїти, присвоїти, чоґокати*; бр. *якаць, выкаць, тыкаць, асвоітацца, асвоіць, засвоіць, прысвоіць*; п. *tykać, przyswoić*; ч. *tykat, vykat, onikat* (реже *mykat*), *osvojit, nasobit, ničit*; слц. *jakat', tykat', vykat', onikat', ničit', osvojit' si, prisvojt' si*; вл. *tykać*; нл. *tykaś, wykaś*; болг. *присвоявам, обсебвам, усвоявам*; м. *присвојува, усвојува*; схв. *викати, тикати, нишитити, осамити* «уединить, изолировать», *освојити, присвајати, самовати* «жить в одиночестве», *самотовати* «тж.»; слн. *tikati, vikati, osvoјiti, prisvoјiti, uničiti*.

4. Все славянские языки объединяет также продуктивность глагольного словообразования от междометий и звукоподражаний. Практически от любого из них образуется глагольная форма, а немногочисленность таких форм в каждом из славянских языков объясняется ограниченным кругом лексически оформленных междометий и звукоподражаний в языке вообще.

Более многочисленной является группа глаголов, образованных от подражаний звукам, которые возникают в дыхательном и речевом аппарате человека, звукам домашних и диких животных, звукам и шумам окружающей природы. Напр.: р. *бацать, гавкать, икать, каркать, кукарекать, куковать, мяукать, сюсюкать, татакать, тенькать, тьякать, хихикать, чмокать, шушукать*; укр. *бухати, бухкати, бацати, гавкати, дзенькати, кукукати, кукурикати, каккати, крякати, кудкудакати, мекати, мекекати, нявкати, пугукати, рохкати, сюсюкати, теленькати, трахкати, цьвохкати, цявкати, чвакати, хлопати*; бр. *бабахаць, бахаць, бомкаць, булькаць, бухаць, вякаць, гаркаць, кайкаць, грукаць, гыркаць, кукаваць, кукарэкаць, кумкаць, мукаць, плюхаць, сыкаць, тупаць, ційкаць, цмокаць, цокаць, чыркаць, шорхаць*; п. *gdakać* «кудахтать», *chlapać, krakać, kukać, kukurykać, miauczeć, traskać*; ч. *bekat, bučet, čirikat, frkat, kdakat, kejhat, kvokat, krakat, kvakat, kukat, mekat, mukat, vrkat*; слц. *cmukat', havkat', kikirikat', kotkodakat', krakat', kvakat', kukat', m'aukat'*; вл. *dakać* «кудахтать», *galgać, gigać, kokać, kokotać, krakać, kukać, kwakać*; нл. *dakaś* «кудахтать», *dakotaś* «тж.», *kokotaś, krjakaś, kukaś, kwakaś*; болг. *бумкам, кукам, пухам, мънкам, мяукам, тракам, тупам*; м. *бумка, кукурича, кркоти се, кука*; схв. *бупати* «стучать, хлопать», *кукурекати, кукати, маукати, куцати, шкльоцати*; слн. *bohkati, smokati, čipkati, frleti, gagati, gagniti*.

Во всех славянских языках представлены глаголы, образованные от собственно междометий: р. *ахать, охать, баюкать, бисировать, дакать, ойкать, окать, улюлюкать*; укр. *акати, агакати, айкати, гейкати, говкати, екати, ехкати, кишкати, нумкати, нукати, охкати, ойкати, окати, собкати, тюкати, ухкати, фукати*; бр. *айкаць, акаць, ахаць, вохаць, тпрукаць хіхікаць, хукаць, шыкаць*; п. *achać, bisować, fukać, chichotać, nukać*; ч. *achkat, foukat, nalekat, hekat, hykat, hulákat, hopsat, huškat*; слц. *achkat', hikat', hmkat'*,

hákat', jajkat', jojkat', jujkat', ochkat', ujúkat', čičíkat' «баякать»; вл. chichotać, hikać; нл. chuchotaś, ojejkaś; болг. ахам, бухам, вайкам се, охам, ухам; м. кукоти «хохотать», офка; схв. гикати, гукати, жаукати, лелекати «стонать, вопить», хајкати «гнать зверя (при облаве)»; слн. ahati, ahniti, ajsati, elkati, hmkati, ovkati.

5. Другие части речи для образования глаголов во всех славянских языках используются ограниченно, и производные от них глаголы оформились сравнительно поздно, по-видимому, уже в период самостоятельной истории каждого языка.

В частности, от основ имен числительных префиксально-суффиксальным способом образуется лишь небольшая группа глаголов: р. повторять, объединиться, удвоить, утроить, учетверить, удесяттерить; укр. єднати, з'єднати, повторювати, подвоїти, (по)троїти, роздвоїти, четвертувати, восьмерувати; бр. дваїць, удвоїць, дваїцца, надвоїць, раздвоїць, удвоїць, траїць, траїцца, патроїць, утроїць, пяцярыць, дзєсяцярыць (разг.); п. jednać, (po)dwoić, rozdwoić, zdwoić; ч. (z)dvojit', čtvrtit' «делить на четыре части»; сл. zdvojit', štvrtit'; вл. (z)dvojić, rozdwojić, potrojić; нл. dwojcaś «делить что-л. дважды»; болг. съединя, повторя, удвоя, утроя, потреть, четворя; м. удвои, раздвои; схв. (o)двојити, предвојити, раздвојити, растројити, девєтати, издєвєтати «избить, исколотить»; слн. razdvoјiti, razčєtveriti.

6. В целом весьма непродуктивной базой для глагольных форм во всех славянских языках является наречие. Однако в украинском, чешском и сербохорватском языках отнаречных глагольных образований намного больше, чем в других славянских языках. Ср. р. опоздать, потакать, перетакивать, переиначить; укр. дармувати, жалкувати, задкувати, потаказати, запізнитися, рачкувати, шкодувати, переінакшити; бр. перайначиць, рачкаваць, спазніцца, шкадаваць; п. potakiwać, przeinaczyć; ч. (o)pozdit se, opakovat, ořeťovat, přičit se, upřilišit; сл. preinačit'; болг. преинача; м. назад(ну)ва, напред(ну)ва; схв. добровати «жить хорошо», напредовати «идти впереди», назадовати, опєтовати, противити се, скрозирати «пробираться сквозь что-л.»; слн. napredovati, nazadovati.

7. Совсем редко в славянских языках образуются глаголы от служебных слов — союзов и частиц: р. дакать, поддакивать, отнекиваться; укр. ікати, нікати, притакувати; схв. дакати, некати и т. п.

Способы образования глаголов

8. Типологическая общность славянских языков в способах образования глаголов проявляется в том, что всем им характерно лишь морфологическое словообразование, унаследованное из праславянского языка, главным образом аффиксация. Среди аффиксальных способов глагольного словообразования преобладает чистая префиксация и префиксально-суффиксальный способ.

Суффиксация в глагольном словообразовании во всех славянских языках играет гораздо меньшую роль. Имеется незначительное количество глаголов, образованных путем основосложения (композиции) и — в единичных случаях — словосложения (юкстапозиции).

9. Во всех славянских языках отличается богатством и выразительностью префиксальный способ глагольного словообразования (т. е. выражение деривационного значения производного слова с помощью префиксов), широко применявшийся еще в праславянский период. В глагольном словообразовании он является доминирующим. Поскольку в славянских языках присоединение приставки не изменяет принадлежности слова к части речи, префиксальный способ используется только при образовании новых глагольных форм от глаголов. Среди префиксальных наиболее распространенными являются однопрефиксные глаголы. Примеры см. на стр. 138, 145—148.

10. Для более тонкой и выразительной передачи характера глагольного действия славянские языки используют различные соединения унаследованных из праславянского языка приставок. Вследствие этого возникли префиксальные глаголы с двумя, тремя и даже четырьмя префиксами. В таких случаях каждая из приставок привносит в глагол свое значение.

Двухприставочные глаголы с разными приставками в славянских языках употребляются очень широко. Ср. р. допродать, предпочитать; укр. доповідати, допровадити, заокруглити; бр. давьканица, прыяд-кряць; п. doprowadzić, oprzytomnieć; ч. doobírat, zapomínat; сл. povychodit'; вл. sporadać; болг. изнапиша, понабия, поразглеждам, препрочитам; схв. доприносити, исподелити; слн. odprodati, gazpro-streti и т. п. Эти глаголы возникли, по-видимому, еще в праславянский период. Число двухприставочных глаголов в каждом из славянских языков зависит от количества одноприставочных глаголов, от семантики глагольного корня и одноприставочного глагола, от возможности сочетания второй приставки с первой, от эвфонических факторов и т. д. Согласно подсчетам Л. И. Ройзензона, по наличию бипрефиксных глаголов современные славянские литературные языки располагаются следующим образом: русский — 194, чешский — 164, болгарский — 146, польский — 143, македонский — 142, сербохорватский — 135, словацкий — 129, нижнелужицкий — 109, верхнелужицкий — 108, украинский — 107, словенский — 107, белорусский — 100 [Ройзензон 1974, 69—72].

Двойная префиксация может быть средством усиления лексико-грамматических значений собирательности, интенсивности и дистрибутивности действия. Напр.: укр. навігадувати, навідувати, повиходитьи, поприходитьи, повибивати, позгасати, понадкушувати; п. naznosić, naprzykładać, nawymyślać, podopisywać, pozawozić, ponaruchać, ponakupować; ч. popachylit, poopatnout, poskupovat, povyběhnout; болг. изпопадам, понабия.

Трехприставочных глаголов в целом мало. Они встречаются преимущественно в разговорном стиле. По наличию трехприставочных глаголов славянские литературные языки, согласно Л. И. Ройзензону, располагаются в иной последовательности: болгарский — 178 (вместе с народно-разговорными формами — 680), польский — 82 (177), русский — 76 (151), чешский — 69 (129), македонский — 43 (99), сербохорватский — 37 (62), верхнелужицкий — 32 (44), словацкий — 29 (53), нижнелужицкий — 24 (27), украинский — 18 (21),

белорусский — 17 (24), словенский — 16 (24) [Ройзензон 1974, 69—72]. Примеры: болг. *доразузная, изпоизбеля, изпоначуля, изразподелям, напонапека, поиздокарам, попредоставя, попреповторя*; п. *parowubiegać, parorozlewać, paroutykać, paropodstawiać, dopododawać, dopodokończyć, powyprowadzać, ponawykoruwać, ponaznosić*; р. *понавыписываць, поразузнаць*; схв. *испоразболевати се, поизразболевати се, поиспреваљивати, поиспреламати*; слц. *rozaujimat', povupačhadzat'*; укр. *повипроваджувати, понавиписувати, понарозказувати, поназносити*; вл. *znaręciwić, wupodobić, porozpředać*; слн. *izpozabiti, narępovedovati se, upodobiti*.

В двух- и трехчленных сочетаниях префиксов первыми чаще всего выступают *iz-*, *po-*, *pa-*, которые иногда в составе композиты меняются местами и выступают на втором месте, т. е. *izpo-*, *poiz-*, *izpa-*, *paiz-*, *ropa-*, *paro-* и т. п. Приставки *pre-*, *pr-*, *pr-*, *gaz-* занимают в префиксальных сложениях преимущественно второе или третье место.

Незначительное число полипрефиксальных глаголов в славянских языках обусловлено общими для них семантическими и формально-грамматическими ограничениями в сочетании глагольных словообразовательных морфем. Возможность словообразования полипрефиксальных глаголов определяется прежде всего лексической совместимостью первичных префиксов. Приставки, значения которых противоречат друг другу, не сочетаются. Например, от глаголов с префиксом *pro-*, указывающих на доведение действия или состояния до конца (*проспать, проморгать*), не могут образовываться новые глаголы при помощи префикса *po-* в ограничительном значении типа *попроспать*. И, наоборот, от глаголов с префиксом *po-* в ограничительном значении (*побегать, постоять*) невозможны новые глаголы со вторым префиксом *pro-* «основательно, совершенно, до конца» (*пропобегать*). Глаголы с префиксом *na-* не могут сочетаться с префиксальными глаголами, начинающимися на *do-*, *za-*, *po-*, *пере-*, *над-*, *про-*, и очень ограниченно сочетаются с глагольными префиксами *в-*, *под-*, *раз(с)-*.

Относительно редко в славянских языках встречается повторение одинаковых префиксов, следующих непосредственно друг за другом, типа болг. *препредавам*, м. *препераскаже*, *попогледне*, вл. *prępředać*. В украинском, белорусском и чешском языках повторение префикса *po-* (*па-*, *ро-*) квалифицируется как один особый префикс (см. ниже).

К редким явлениям относится и сочетание двух одинаковых приставок, разъединенных третьей (болг. *изпоизмачкам, напонапека, попреповторя* и др.).

Общей особенностью славянской глагольной полипрефиксации является также то, что префикс в составе одной и той же лексемы может повторяться лишь дважды. Тройное повторение одинакового аффикса славянским языкам неизвестно.

11. При образовании глаголов от основ именных частей речи — преимущественно от имен существительных и прилагательных² —

² Суффиксальное образование глаголов от глагольных основ тесно связано с образованием форм вида и залога, т. е. относится больше к словоизменению, чем к словообразованию, и поэтому здесь отдельно не рассматривается.

во всех славянских языках широко используется суффиксация. Этот способ глагольного словообразования унаследован еще из индоевропейского праязыка. Ср.: р. *белеть, чернить, седлать, рыбачить, баюкать, крепнуть, скромничать, квартировать, бактеризовать, витаминизировать*; укр. *сідлати, печалити, диміти, радіти, терпнути, горювати, блаженствувати, силосувати, активізувати*; бр. *сядлаць, багацець, глухнуць, сталярнічаць, веславаць, спляняць, нармалізаваць, праграміраваць, шэфстваваць, радыёфікаваць*; п. *bieleć, chudnać, chorować*; ч. *dudať, bydlieť, panovať, slabnúť*; слц. *beliet', smoliti', ostrit', tupiet', mladnut', kontrolovat', vodnatiet'*; вл. *dnit', bjesadować*; нл. *mydlić, kostkować* «играть в кости»; болг. *бунтувам, вълнувам, търгувам, добрувам*; м. *милува, брадоса* «области бородой», *нервници, минира, специјализира*; схв. *гласати, ширити, именовати, формирати, манипулисати*; слн. *barvati, debeleti, mladiti, reklamirati, počevati*.

12. При префиксально-суффиксальном способе, известном еще в праславянский период, деривационное значение производного слова выражается с помощью префикса и суффикса одновременно. Этим способом образуются глаголы преимущественно от имен прилагательных и существительных, изредка от глаголов: р. *выплясывать, придремнуть, раздумывать, осветлить, задобрить, остеклить, ороговеть, обновить, перекусить, наполнить, повысить, снизить, уточнить*; укр. *вигукувати, наспівувати, оберігати, розбалакувати, знекровити, вияснити, віддалити, здійснити, залюднити, одомашнити, окрилатити, перевищити, понизити, прискорити, прорідити, розслабити*; бр. *накрапваць, набліскваць, аветрыць, выкараніць, узаконіць, абяссілець, асвзяжыць, зменшыць, задобрыць, аджывіць, падкісліць, перапоўніць, прыскорыць, разрозніць, узвялічыць*; п. *podżartowywać, przewietrzyć, zadokumentować, urzeczywistnić, przytakiwać*; ч. *poblyskávat, ocukrovat, zavlažit, naostřit, oněmět, ohluchnout, obnovit, připevnit, osamět*; слц. *dohasinat'* «угасать, догорать», *pomužstít', omladit'*, *ovdoviet', oslabovat', zdrobniet'*; вл. *nadběhovać, zapěskować, prgrawić*; нл. *nakopić, rozkuskować*; болг. *оправдая, огушшая, оздравяя, поумнея*; м. *оздравее*; схв. *осеверити* «подуть с севера», *оглушавити*; слн. *obkoliti, prenoviti*.

13. Образование глаголов путем сложения двух основ (композиция) в славянских языках встречается редко. Этот способ возник, по-видимому, уже в период существования отдельных славянских языков. Глаголы-композицы по сравнению со словами-композицами других частей речи во всех славянских языках являются самым многочисленным классом слов вследствие того, что, в отличие от основ имен существительных и прилагательных, глагольные основы в пределах одного слова не сочетаются.

14. Композитные глаголы соотносятся со словосочетаниями, членами которых выступают существительные в винительном или творительном падеже и глаголы, наречия и глаголы, изредка — количественные числительные в родительном падеже и глаголы. Данные основы, как правило, соединяются интерфиксами *-o-* (*-a-*). В большинстве языков имеются также сложные глаголы, в которых роль первого

компонента выполняют основы *пол(у)-* и *само-*. Ср. р. *боготворить, взаимодействовать, колобродить, бедокурить, рукоплекать, животворить, оплодотворить, умиротворить, осточереть, треножить, полузакрывать, полулежать, самоочищаться, самоустраняться*; укр. *боготворити, верховодити, кровоточити, плодоносити, колобродити, рукоплекати, животворити, тихомирити, остогидіти, осточортіти, треножити, одухотворити, ублаготворити(ся), умиротворити(ся), напіввідкрити, напівобернутися, самозайматися, самозапильоватися*; бр. *благаслаўляць, богатварыць, верхаводзіць, відазмняць, кроватачыць, пладаносіць, рукапляскаць, уціхамірыць, трыножыць, узаемадзейнічаць, паўляжаць, паўсядзець, самаакуніца, самаліквідавацца*; п. *blagosławić, pośleżeć, samodzielnieć*; ч. *blahořečit, dobrořečit, zlořečit, svatořečit* «объявлять святым, канонизировать», *pololežet, polosedět*; сл. *dobrořečit', zlořečit', svatořečit', polodriemat', pololežat', polosediet', samozapal'ovat' sa*; вл. *dobrograjeć* «ругаться за кого-нибудь»; болг. *плододавам, рѣкопляскам, самозапалвам се, самобичувам се, самоуспокоявам се*; м. *зчудовиди се* «удивиться, поразиться», *обелодени, омаловажи* «умалить, недооценить», *омалодуши* «деморализовать, обескуражить», *острелоуши се, ошумоглави* «оглушить ударом, ошеломить», *самоопредели се, самопослужи се*; схв. *благословити, богорадити* «просить милостыню, молить, умолять», *костоломити, обелоданити* «обнаружить», *удобровольити* «привести в хорошее настроение», *уравнотежити* «уравновесить», *самобичевати се, самодавити се, самодисциплинирати се*; сл. *blagovoliti, blagosloviti, dolgočasiti* «надоедать кому-нибудь, наводить скуку на кого-нибудь», *golomišiti, obelodaniti, uistosmeriti, udobrovoljiti, uravnotežiti*. Большинство сложных глаголов в славянских языках имеет книжный характер. Часть из них представляет собой кальки соответствующих образований греческого, латинского и немецкого языков.

В ряде случаев глагольные образования, напоминающие композиты, в действительности оказываются непосредственно образованными аффиксальным способом от композитных существительных и прилагательных. Напр.: р. *домосед* — *домоседничать, зубоскал* — *зубоскалить, благодушный* — *благодушничать, живопись* — *живописать, кровохарканье* — *кровохаркать, лизоблюд* — *лизоблюдничать*; укр. *бузвир* — *бузвирствувати, верхогляд* — *верхоглядствувати, вітрогон* — *вітрогонити, лиходій* — *лиходіяти, лжесвідок* — *лжесвідчити, великодушний* — *великодушничати, криводушний* — *криводушничати, чародій* — *чародіяти, живопис* — *живописати, низькопоклонник* — *низькопоклонничати, милосердий* — *змилосердитися*; бр. *велікадушны* — *велікадушнічаць, зубаскал* — *зубаскаліць, кривадушны* — *кривадушнічаць*; сл. *samoslatný* — *osamoslatňovat' sa* и др.

15. Глаголы, образованные путем сращения слов или форм слов (юкстапозиция), во всех славянских языках — позднее и весьма редкое явление. Напр.: р. *боготворить, злоумышлять, злоупотреблять, заблагорассудиться*; укр. *благодіяти, зловживати*; бр. *злойжываць*; п. *zadostćuczynić* «удовлетворить»; ч. *předsevzít si (vzít si co před sebe)* «вознамериться», *zadostučinit*; сл. *dobrořečit'* «прославлять», *zlořečit'* «ругаться», *zadost'učinit'*; болг. *благопожелавам, благоустройвам*;

м. *денгуби* «тратить время зря»; схв. *брзојавити* «телеграфировать», *дангубити, злокобити* «предчувствовать зло», *злослутити* «тж.», *злорабити* «злоупотреблять», *злоставити* «замучить», *којвитезати* «звать на помощь»; сл. *brzojaviti, dolgoveziti* «многословить».

Словообразовательные аффиксы глаголов

16. Во всех славянских языках главной функцией глагольных префиксов является словообразование. Формообразовательная «перфективирующая» функция, свойство префиксов превращать несовершенный вид производящей основы в совершенный, является сопутствующей. Гораздо чаще префиксы присоединяются к глаголу для того, чтобы привнести в его значение новый оттенок лексической семантики или видоизменить его значение, т. е. образовать новый глагол, хотя при этом чаще всего изменяется и вид глагола. С помощью префиксов образуются новые глаголы как от непроемных глагольных форм (р. *лететь* — *перелететь*), так и от глаголов, образованных суффиксальным способом от имен существительных и прилагательных: р. *белый* — *белить* — *забелить, перебелить* и т. д.

17. Общность славянских языков, восходящая еще к праславянскому периоду, обнаруживается прежде всего в фонематической структуре префиксальных морфем. Наибольшее количество префиксов имеет двухфонемную структуру — KV (консонантный + вокальный компонент): *ви-* (*вы-*, *ву-*), *до-* (*до-*), *за-* (*за-*), *на-* (*на-*), *по-* (*по-*); VK: *об-* (*об-*), *от-* (*од-*, *од-*); KK: *вз-* (*вз-*). Довольно обычны также трехфонемные структуры — KVK: *над-* (*нат-*, *пад-*), *под-* (*пид-*, *пад-*, *пот-*, *под-*), *роз-* (*гоз-*); KKV: *пре-* (*пре-*, *рге-*, *рѣ-*, *рѣ-*, *рѣ-*), *при-* (*пры-*, *ргі-*, *ргзу-*, *ргі-*, *рсі-*) и др. Более редкими являются монофонематические префиксы — V или K: *о-*, *у-* (*у-*), *с-/з-* (*с-/з-*), *в-* (*в-*). Представлена и четырехфонемная структура KVKK: *пред-* (*прад-*, *przed-*, *před-*, *pred-*, *před-*)³. Украинский язык выделяется только ему свойственной пятифонемной структурой KVKVK: *перед-* (*передбачити, передплатити* и др.).

18. Среди многочисленных славянских глагольных префиксов выделяется значительная группа, общая для всех славянских языков. Эта группа префиксов восходит еще к праславянскому периоду, возможно, даже к периоду выделения праславянского языка из индоевропейской языковой общности [Вступ 245—247]:

до- (*да-*, *ди-*, *до-*) < псл. *do-*: р. *доварить, доплатить*; укр. *добігти, дібрати*; бр. *дабегчы, даніць*; п. *dolecieć, doczekać*; ч. *donest, domalovat*; сл. *dopalit', dosolit'*; вл. *dolečeć, dopisać*; нл. *dobyś, dokazaś*; болг. *доведа, донеза*; м. *донесе, доболи*; схв. *дометнути, доучити*; сл. *doskočiti, dokazati*;

за- (*за-*, в македонском языке *за-/зад(т)-* «назад») < псл. *za-*: р. *забросить, загреметь*; укр. *залетіти, зачервоніти*; бр. *залезці*,

³ Различные варианты и переходные случаи, когда на границе между префиксальными и корневыми морфемами появляются факультативные фонемы — типа *предо-* (*przede-*), *надо-* (*nade-*) и т. п., — здесь во внимание не принимаются.

зарабіць; п. zaječať, zakopať; ч. zabarvit, zakopat; слц. zanemiet', zapraviti'; вл. zastonať, zatorhať; нл. zabyś, zaspěwaś; болг. заложя, залишиа; м. завлече, зачека, затпостави, затскрие «спрятать»; схв. заградити, заливати; слн. zamesti, zapreti;

на- (па-) < псл. па-: р. налениць, напугать; укр. надибати, насипати; бр. наехаць, наскубиці; п. nakleić, парчаť; ч. palámat, papsat; слц. pabrat', paostřit'; вл. nasmjeť so; нл. palaś; болг. нагреля, наложа; м. накопа, напише; схв. направити, наоштриити; слн. paloviti, parasti; в некоторых славянских языках при помощи префикса на- от приставочных глаголов несовершенного вида, уже имеющих префиксы вы-, за-, о- (об-), под-, пере-, про-, при-, раз- и др., образуются глаголы совершенного вида с новым лексическим оттенком полноты, исчерпанности или чрезмерности действия: р. насобирать; укр. наобмивати, навивертати, назбивати, наскидати; бр. навыврабляць, наскідаць, наперабіраць, напрысылаць; п. паорowiedať, pazbierať, pazakuruwať, pawyliczať и т. п.;

над(о, і, а)- (нат-, nad(e)-) < псл. надъ-: р. надгрызьть, надстроить; укр. надбудуваць, надійти; бр. надбіць, надаслаць; п. nadleieť, nadriť; ч. nadnest, nadepsat; слц. nadpisat'; вл. nadběhať, nadpadať; нл. nadpadnuś, nadejś; болг. надбягам, надценя; м. надвисне, натпише; схв. надговорити, надлетети; слн. nadvladeti, nadzirati;

о- (а-, wo-, об-, аб-, аба-, обо-, обі-, оба-, оп-, об-, обе-, wob-, wob(e)- < псл. о-, об-: р. оковать, обмелеть, обозлеть; укр. окреслити, обділити, обігрити; бр. апярэдзіць, абгарнуць, абагнаць; п. okruć, obmuc', obejrzeť; ч. ohnout, obstoupit, obehnat; слц. ohradit', obletiet'; вл. wostalić so, wobtykať; нл. wodaś, wobglědaś, wobejś; болг. обера, обложя; м. осиромаша, обмисли, опточа; схв. оковати, облизати, обавестити, опкопати; слн. okovati, obsipati. В большинстве славянских языков префиксы о-, об- выступают как фонетические варианты одного префикса, употребление которых регулируется начальными звуками или звуковыми сочетаниями производящей основы. Однако в ряде случаев с префиксом о- связываются более абстрактные значения (р. охватить, осыпать; укр. огорнути, охопити, осипати; бр. агарнуць, асыпаць — р. обхватить, обсыпать, укр. обгорнути, обхопити, обсипати, бр. абгарнуць, абсыпаць), а иногда префиксы о- и об- являются средством выражения различных значений глаголов: р. оставить — обставить, осудить — обсудить, укр. опинатися — обпинатися, ошукати — обшукати, бр. асадзіць — абсадзіць, ашукаць — абшукать, слц. okopat' «ободрать» — obkopat' «окучить», ohogiet' «загореть (от солнца)» — obhogiet', болг. окова — обкова, ограда — обграда, осъдя — обсъдя, м. оградя — обградя, окова — опкова, осуди — опсуди и др.; в чешском языке у нескольких глаголов приставка о- имеет особое, переносное значение «не воспринимать, не чувствовать чего-либо»: oslyšet koňo «ослушаться», obolet «перестать болеть», ohrozit se «подвергаться опасности». Кроме того, приставки о-, об- иногда означают «использовать, износить»: ochodit' «обносить, износить»; особое место занимает нижнелужицкий язык, в котором префикс wo- имеет значение «движение с предмета или поверхности» (ср. woskocyś «соскочить»), тогда как во всех других славянских языках

с префиксами о-, об- связываются оттенки значения «вокруг, около, кругом»;

от(о)- (від(i)-, од(i)-, ад(а)-, od(e, o)-, wot(e)-) < псл. отъ-: р. отколоть, отомстить; укр. відлетіти, відійти, одіслати; бр. адвучыць, адаслаць; п. odrobić, oderwać; ч. cdsypat', odehnat; слц. odmenit', odornút'; вл. wotpisať, woteńć; нл. wotbyś, wotedaś; болг. отговоря, оттисна; м. одлепи, отпице; схв. одвезати, откинути; слн. odgovoriti, odpiti; в большинстве славянских языков глухой компонент префикса от- заменился звонким -д- под влиянием префиксально-предложных под-, над-, перед- (пред-); наиболее последовательно эта замена произошла в украинском, белорусском, польском, чешском, словацком и словенском языках; в южнославянских (македонском и сербохорватском) данное явление обусловлено качеством следующего согласного, а русскому, болгарскому и лужицким языкам оно неизвестно вообще;

пере- (пера-, пре-, prze-, pre-, pře-, pše-) < псл. *per-: р. переброчить, перехвалить; укр. перебігти, перечекати; бр. перабудаваць, перахацець; п. przejechať, przesiedzieť; ч. přestoupit, přepracovat; слн. prekrojit', prespat'; вл. přebrodziť, přečítať; нл. pšechysiś, pšesoliś; болг. пребия, преложя; м. презими, пресели; схв. прекинути, преплавити; слн. preleteti, predelati; в восточнославянских языках развилась полногласная форма пере-, что отличает их от других славянских языков; однако русскому языку известен и префикс пре-, заимствованный из старославянского в составе глаголов книжного происхождения: преобразовать, преуспеть и др.;

по- (ni-, па-, ро-) < псл. ро-: р. побеседовать, почистить; укр. побігти, піймати; бр. навезці, пакоўзаца; п. pokroieť, pochodziť; ч. posukrovat', posypat'; слц. podat', posunút'; вл. роітаць, подгараць; нл. postajiś, powucus'; болг. повея, поставя; м. пожелти, постеле; схв. погорети, поставити; слн. robiti, rotolcati; при помощи префикса по- от производных глаголов несовершенного вида, имеющих префиксы вы-, до-, за-, на-, над-, об-, от-, по-, под-, пере-, пре-, при-, раз(с)-, у- и др., образуются глаголы совершенного вида с новыми лексическими оттенками: в одних славянских языках — с оттенком полноты охвата действием двух или нескольких предметов (ср., например, укр. повибирати, повиходити, повіддавати, позвкати, понакупувати, понасипати; бр. пазаліваць, пападкрэсліваць, папавіваць, паразграбаць, паўтоптаваць; п. roparawiać, poskupiać, rowunajduwać, rowuposić; слн. poraznositi и т. п.), в других — наоборот, с оттенком частичности, неполноты действия (ср. р. повывезти, поизноситься, пообсохнуть, попривыкнуть; ч. poohlédnout se «поосмотреться», poodejiti «поотойти»; схв. понаквасити «смочить немного, подмочить», понарасти «подрости», попритегнути «поприжать, подтянуть немного» и др.).

под(о)- (нід(i, o)-, пад(а)-, пот-, pod(e)-) < псл. родъ-: р. подлезть, подсмотреть; укр. підвєслувати, підгудувати, підібрати, підснідати, підслухати; бр. падварыць, падаткнуць; п. podkarmić, podebrać; ч. podkopat', podestlat; слц. podkovat', podsadiť; вл. podeprěć; нл. podrězaś, podejś; болг. подложя, подсушиа; м. подгори, потстави; схв.

подбрижати, поткрадати; слн. *podkovati, podpisati*; в русском и белорусском языках префикс *под-* со значением неполноты действия может сочетаться с префиксальными глаголами: р. *подвыпить, подзабыть, подзагореть, подзакусить, подсохранить*; бр. *падвыпіць, падзабыць, падзагорэць, падналегчы, паднаціснуць, падсабраць* и др.;

пред(о)- (*пред-, перед-* (полногласие наблюдается только в украинском языке), *pret-, przed(e)-, před(e)-, pred(o)-, pšed(e)-*) < псл. *pred-* < **perdъ* «перед»: р. *предвидеть, предоставить*; укр. *передбачити, передплатити*; бр. *прадбачыць, прадвызначыць, прадказаць, прадухіліць, прадрашыць*; п. *przedatować, przedstawić, przedczuwać*; ч. *předběhnout, předehrávat*; слц. *predniest', predpisat', predostriet'*; вл. *předběrať, předewzať*; нл. *pšedpisaš, pšedewzeš*; болг. *предпазя, предшествувам*; м. *предводи, претплати*; схв. *предвидети, предосетити*; слн. *predlagati, predpisati*;

при- (*при-, przy-, pfi-, pri-, pši-*) < псл. *pri-*: р. *приглушить, припаять*; укр. *пригаснути, присоромити*; бр. *прыгарэць, прыскакаць*; п. *przykleknać, przymierzyć*; ч. *přisolit, přivolat*; слц. *prihnať, pritisnúť*; вл. *přizacínit*; нл. *pšidaš, pšiznaš*; болг. *приближа, притискам*; м. *приведе, причека*; схв. *приговорити, прибрати*; слн. *pripeti* «приблизиться с пением», *prigezati*; в восточнославянских языках при помощи префикса *при-* могут образовываться глаголы от производных глаголов, уже имеющих префиксы: р. *привстать, приздуматься, приоткрыть, приподнять(ся)*; укр. *призбирати, призвести, призабутти* (разг.); бр. *прыадкрыць, прынабыць, прыналегчы, прыпадняць, прыспуціць, прыўнесці* и др.;

раз (о, а)-, (рас-, роз(i)-, газ-, гоз(е, о)-) < псл. **ogz-*: р. *размазать, разогнать, распаковать*; укр. *розбовтати, розіслати*; бр. *развязаць, разагрэць, рассяць*; п. *rozdać, rozednieć*; ч. *rozkrajet, gozebrat*; слц. *gozmiěšať, gozoslatať*; вл. *gozписаць, нл. gozпуšćiš, gozeznaš*; болг. *разпрягам, разрушам*; м. *раздели, распраша*; схв. *раздружити, разазнати, раселити*; слн. *gazjasniti, razmetati*; по фонетическим различиям данного префикса южнославянские языки с огласовкой *раз-* (*рас-*), *газ-* противопоставляются восточно- и западнославянским языкам с формой *роз-* (*гоз-*); формы *раз-* (*рас-*) в русском и белорусском языках в безударной позиции отражают аканье, а в русском языке, кроме того, — еще и влияние старославянской письменной традиции.

19. Во всех славянских языках проявляется общая тенденция к постепенному абстрагированию и грамматикализации семантики глагольных префиксов, что способствует развитию префиксального видообразования [Вступ 248].

20. Суффиксы в глагольном словообразовании славянских языков занимают незначительное место. Общими и продуктивными для всех славянских языков суффиксами, использующимися для образования глаголов преимущественно от именных частей речи, являются древние суффиксы, восходящие к праславянскому языку:

-и(ть) (*-и-ти, -и-ти, -и(ы)-ць, -и(у)-ć, -it, -it', -iš*) < псл. *-i-ti*: р. *партизанишь, бодрить, утроить*; укр. *єнівити, білити, дрібнити, двоїти*; бр. *баразніць, сакратарыць, румяніць, дваіць*; п. *kosić, bielić, dwoić*; ч. *hospodařit, ostřit, čtvrtit, pozdit se*; слц. *farbit', hlušit', štvrtit'*;

вл. *mydlič, sušić, (z)dwojić*; нл. *dymiš, wjaseliš*, болг. *димиш, шумиш*; м. *важниччи, горчи, гости*; схв. *жарити, свежити, (о)двојити, ништити*; слн. *gnezditi, bogatiti, ediniti*;

-е(ть) (*-и-ти, е(а)-ць, -э-ць, -е-ć, -e-t, -ě-t, -e-t', -е(а)-я, -е-ти*) < псл. *-ě-ti*: р. *сиротеть, слабеть*; укр. *диміти, жовтіти, старіти*; бр. *вечарэць, баацець*; п. *dnieć, bieleć, drožeć*; ч. *želet, bělet, rozumět, jasnět, smutnět*; слц. *blazniet', tepliet'*; вл. *swětleć*; нл. *starješ*; болг. *белея, пустея*; м. *здравее, богатее*; схв. *зеленети, мрзети*; слн. *arpeti, bogateti*;

-а(ть) (*-а-ти, -я-ти, а-ць, -а-ć, -а-t(i), -а-t', -а-š, -а-я, -а*) < псл. *-a-ti*: *завтракать, хромать, выкать, ахать*; укр. *дзьобати, вечеряти, дужчати, рівняти, викати, гейкати*; бр. *рагатаць, кашляць, вохаць*; п. *jednać, ty-k-ać, achać*; ч. *dudať, černať, tykať*; слц. *vy-k-at', opi-k-at', mřau-k-at'*; вл. *ty-k-ać, ku-kać*; нл. *snědaš, wy-k-aš*; болг. *брзам, ви-к-ам, стрелям*; м. *ви-к-а, бум-к-а*; схв. *вечерати, равнати, блејати, да-к-ати*; слн. *goslati, vi-k-ati*;

-ова(ть)/-ева(ть), (*-ува-ти/-юва-ти, -ава-ць/-ява-ць, -ва-ць, -ова-ć, ова-t(i)/-ева-t(i), -ова-t', -ова-š, -ува-м, -ова-ти*) < псл. *-ova-ti*: р. *пароваты, пустоваты*; укр. *межувати, ковалювати, співати*; бр. *веславаць, друкаваць*; п. *biedować, żartować*; ч. *besedovat, pocovat*; слц. *krůžkovať, puncovať*; вл. *zypować*; нл. *wikowaš, kupowaš*; болг. *гладувам, подарувам*; м. *верува, зимува*; схв. *љутовати*; слн. *počevati*; в белорусском языке к префиксальным глаголам может присоединяться суффикс *-ва-* там, где должен бы быть суффикс *-ава-*: *пабліскаваць, патрэскаваць, прытупаваць, прышэптываць, ускрыкваць, узмахваць, падкідваць, падмігваць*; в болгарском языке вариант *-ва-* возможен и в беспрефиксных глаголах: *докладвам, обядам, милвам, радвам се*;

-ну(ть) (*-ну-ти, -ну-ць, -на, -не, -на-ć, -пои-t, -пи-t', -пу-ć, -па-š, -пi-ti*) > псл. *-nъ-ti*, выражающий моментальное однократное действие: р. *клюнуть, стукнуть*; укр. *моргнути, нюхнути*; бр. *лізнуць, шапнуць*; п. *dzlobnać, stuknać*; ч. *zobnout, klepnout*; слц. *d'obnúť, buchnúť*; вл. *buchnuć*; нл. *buchnuš*; болг. *бодна, мигна*; м. *бодне, буцне*; схв. *кљунути, лупнути*; слн. *blisniti*; восточнославянские языки выделяются тем, что в них наряду с образованиями этого типа возникли их просторечные разновидности с суффиксом *-ану-* (*-ону-*), употребляющиеся для придания действию оттенка интенсивности или резкости: р. *рубануть, стегануть, хлестануть*; укр. *мазонути, різонути, шпигонути*; бр. *кусануць, мазануць, седануць*; суффикс *-нуть* для обозначения постепенного перехода от одного состояния в другое в большинстве славянских языков является непродуктивным: р. *вянуть, глотнуть, крепнуть*; укр. *бліднути, сліпнути, худнути*; бр. *горкнучь, слепнучь*; п. *biednać, chudnać*; ч. *houstnout, slábnout*; слц. *hogknúť, žltnúť*; вл. *bohathnuć, hčuhnucь*; нл. *chudnuš*; болг. *вехна* «вянуть», *крепна*; м. *крепне*; схв. *венути, гинути*; слн. *veniti*.

Общим для всех славянских языков является также заимствованный из немецкого языка суффикс **-ирова-** (*-ирува-, -ирува-, -ирава-, -іrowa-, -егова-, -ира-, -іра-*): р. *проектировать*, укр. *марширувати, пікірувати*, бр. *праграміраваць*, п. *lakierować, kopirovať*, слц. *sortirovať*, вл. *sortěrowať*, болг. *групирам*, м. *конзервира*, схв. *дозирати*,

слн. portretirati. Однако в западнославянских и в украинском языках этот суффикс используется крайне ограниченно; в соответствующих функциях здесь чаще всего встречается суффикс *-owa-* (*-ува-*).

Структурно-семантические словообразовательные типы глаголов

Современные славянские литературные языки обнаруживают ряд общих словообразовательных типов глаголов, т. е. групп глаголов с одинаковым словообразовательным значением, производных от слов одной и той же части речи и оформляемых повторяющимися в каждом языке одними и теми же суффиксами. Это объясняется древностью семантических свойств словообразовательных формантов глагола, унаследованных еще из праславянского языка.

В современных славянских языках различаются структурно-семантические словообразовательные типы глаголов, производных от именных частей речи и от самих глаголов.

Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи

Глаголы, мотивированные именами, означают действия, занятия, поступки, а также чувства и состояния, имеющие отношение к предмету, явлению или признаку, названному мотивирующим именем. Из словообразовательных типов отыменных глаголов, общих для всех славянских языков, далее рассматриваются только суффиксальные образования; ряд менее значительных общеславянских явлений в области глагольного словообразования, а также многие подробности отдельных языков не учитываются.

21. Глаголы, означающие занятия или действия лиц, называемых мотивирующими именами существительными.

а) С суффиксом *-и-* (*-і-*): р. *рыбачить, служить, хулиганить*; укр. *кухарити, бабити, шарлатанити*; бр. *партызаниць, княжыць, дзівачыць*; п. *kucharzyć, atamanić, towarzyszyc*; ч. *bednařit, sedlačit, babit*; слц. *kramárit', vladárit', lajdačit'*; вл. *wučerić, babić*; нл. *slużyś, towarışıś se*; болг. *посредничии, бабиши, дружиши*; м. *рибари, стражари, баби*; схв. *другарити, господити, бабити*; слн. *samotariti, ribariti, partizaniti*.

б) С суффиксом *-ова-* (*-ва-, -ува-, -ова-, -ова-, -ува-*): р. *рыбаковать, плутовать, вроченать, волхвовать, воровать, джигитовать*; укр. *чумакувати, учительовати, чоботарювати, ворогувати*; бр. *казакаваць, панаваць*; п. *nauczycielować, panować, junakować*; ч. *soudcovat, vojákovat, kralovat*; слц. *gazdovat', majstrovat', kočišovat'*; вл. *šewcować, krawcować, gybakować, serbować* «придерживаться серболужицких обычаев»; нл. *šejcowaś, krawcowaś, wojakowaś*; болг. *служувам, членувам, гостувам, бабувам, шмекерувам* «жюльничать»; м. *другарува,*

бабува, членува, гостува; схв. *писаровати, царовати, господовати, краљевати*; слн. *predsedovati, gospodovati, pisateljevati, učiteljevati*.

Оба типа унаследованы славянскими языками из праславянского.

22. Практически всем славянским языкам (кроме нижнелужицкого) известен семантически близкий к предыдущим немногочисленный словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-и-* (*-і-*), означающих проявление свойств или действий, характерных для предмета, называемого мотивирующим именем существительным: р. *морозить, вьюжить, юлить, маячить, колесить, пружинить, лихорадить, фортунить*; укр. *морозити, мрячити, дощити, фурделити, хурделити, віхолити, вихорити, кружити, пружинити, лихоманити, щастити, фортунити*; бр. *марозиць, пятліць, спружыніць, шчасціць*; п. *mrozić, chłodzić, śnieżyć, majaczyć*; ч. *mrazit, sněžit, pružit, deštit*; слц. *mrazit', daždit', snežit'*; вл. *pružić*; болг. *снежи, роси* «моросит»; м. *мрази, роси, дожди, снежи*; схв. *снежити, мрячити* «затемнять», *росити* «выпадать росе; смачивать росой»; слн. *mraziti, dežiti, snežiti, rositi*. Этот словообразовательный тип, как и предыдущий с суффиксом *-и-*, унаследован из праславянского языка.

23. Глаголы, означающие действия, занятия, состояния или свойства, называемые мотивирующими именами существительными.

а) С суффиксом *-а-* (*-я-, -ја-*), в т. ч. ряд образований от существительных с суффиксом *-от-* (*-ет-, -от-, -ет-*), обозначающих преимущественно интенсивное звучание: р. *делать, обедать, завтракать, ужинать, работать, грохотать, рокотать, трепетать, скрежетать, щebetать*; укр. *обідати, вечеряти, щebetати, співати, розмовляти, пам'ятати, реготати, скреготати, щebetати*; бр. *абедаяць, вячэраць, спяваяць, памятаць, рагатаць, скрыгатаць, шчабятаяць*; п. *dziełać, śpiewać, wieczerać, pamiętać, grzmotać, stukotać, klekotać, szczebiotać*; ч. *dělat, zpívat, večeret, chechtat, reptat, řehtat, štebetat*; слц. *spievat', večerat', rehotat', štebotat', reptat'*; вл. *dziełać, spěwać, chichotać, rjeħotać, rjepotać, šciebotać*; нл. *želaś, spěwaś, ropotaś, chychotaś*; болг. *вечерям, роптая*; м. *дела, вечера, роптае*; схв. *делати* (редк.), *вечерати, спевати* «соинять», *ропотати, хихотати, трепетати, регатати, крекетати*; слн. *delati, večerjati, ropotati, regetati, trepetati*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором он восходит к периоду балто-славянского единства (ср. лит. *bylōti* «говорить, вещать» от *bylā* «речь», ст. *ātakioti* «мститься» от *ātakia* «месть» и др.) [Otrębski 1965, 342—343].

б) С суффиксом *-ова-* (*-ува-, -ва-, -ова-, -(о)ва-*): р. *беседовать, советовать, досадовать, тосковать, враждовать, веровать, памятовать, атаковать, штурмовать, критиковать, бунтовать, протестовать, дрейфовать, салютовать, кейфовать, чувствовать, буйствовать, бедствовать, путешествовать*; укр. *бенкетувати, пробувати, працювати, сумувати, злобувати, торгувати, інтригувати, мітингувати, дрейфувати, н'янствувати, єхидствувати, торжествувати*; бр. *памятаваць, прабаваць, дыспутаваць, інтрыгаваць, шахаваць, стартаваць, юродстваваць, шэфстваваць, начальстваваць*; п. *obiadować, biesiadować, pracować, próbować, intrygować, ofiarować*; ч. *bojovat, obědvat, pracovat, tancovat*; слц. *pochodovat', pletkovat', žartovat', špor-*

tovat'; вл. wërować «венчать», probować, protestować; нл. wërowaš, probowaš, startowaš; болг. *беседвам, обядвам, вярвам, враждувам, командувам, интригувам, дрейфувам*; м. *верува, практикува, интригува*; схв. *веровати, обедовати, паметовати, штрайковати, дебатовати*; слн. *besedovati, verovati, gladovati*. По-видимому, этот словообразовательный тип сформировался в период распада праславянского языкового единства и в значительной степени пополнился за счет новых производных основ, заимствованных из западноевропейских языков (кроме словенского языка, который в соответствующих новых образованиях последовательно использует суффикс -iga-).

24. Глаголы, означающие возгласы и звучания, передаваемые мотивирующими звукоподражательными междометиями, некоторыми местоимениями и частицами.

а) С суффиксом -а-: р. *ахать, охать, чихать, бахать, топать, гопать, кукарекать, тикать*; укр. *ухати, бахати, охати, кукаати, цокати, клацати, гупати, тупати*; бр. *бабахачь, вохачь, цокать, цмокать, кукарэкачь*; п. *achać, hopać, kukać, kukurykać*; ч. *hafat, bafat, hafat, rochat, káchat, kukat, klapat*; слц. *báchat', búchat', bafat', kukat'*; вл. *buchać, kukać, rukać*; нл. *rukaš, buchaš*; болг. *бухам, грухам, кукам, тупам, цъкам, чукам*; м. *бува, кука, кукурича, пука, тупа*; схв. *кукати, кукурекати, бупати, куцати*; слн. *ahati, buhati, puhati, kukati, kukurikati*.

б) С суффиксом -ка- (-ka-): р. *акать, ойкать, аукать, гавкать, гамкать, дакать, нукать, баюкать, тюкать, крякать*; укр. *айкати, ахкати, ухкати, галакати, квакати, кумкати, гавкати, дзвякати, нявкати, трахкати, дзенькати, викати*; бр. *акаць, айкаць, тпрукаць, хіхікаць, мукаць, божкаць, булькаць*; п. *hopkać, tykać, křakać, hurkać*; ч. *hulákat, huškat, oníkat, krákat, kvákat, kuřkat, drnkat*; слц. *achkat', hakat', hikat', ujúkat', hulákat', oníkat', havkat', bukat', krákat'*; вл. *tykać, křakać, kwakać, kunkać, hurkać*; нл. *tykaš, kunkaš, kwakaš*; болг. *ахкам, охкам, ухкам, мяукам, бумкам, дзънкам, дрънкам*; м. *мука, крака «кудахчет», квака, дрнка*; схв. *некати, тикати, букати, мукати, хракати, шушкати, хукати*; слн. *tikati, vikati, bekati, bukatí, krakati, kvakati, mukati*.

25. Глаголы, выражающие значения действий и состояний, содержащиеся в производящих основах имен прилагательных.

а) С суффиксом -ова- (-ува-, -ава-, -ова-, -ова-): р. *пустозать, мудровать, лютовать, обиловать*; укр. *пильнувати, слабувати, хитрувати, щирувати, ласувати*; бр. *лютаваць, мудраваць, шчыраваць, пуставаць*; п. *chorować, słabować, pustować, gróźnować*; ч. *tudrovat, chogovati* (уст.); слц. *tudrovat'*; вл. *chorować, tudrować, chëtrować*; нл. *tudrowaš*; болг. *хитрувам, мъдрувам, лудувам* «буйствую, балуюсь», *беснувам, умувам*; м. *мудрува, умува, лудува*; схв. *мудровати, лудовати, љутовати*; слн. *tudrovati, imovati*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором он образовался в результате слияния глагольного суффикса -а-, выполнявшего аналогичную функцию (см. в разделе о межъязыковых различиях) с суффиксом имен прилагательных -ov- (ср. *gotov-ъъ* — *gotovati*).

б) С суффиксом -е- (-i-, -ë-, -ie-, -je-): р. *пестреть, белеть, чернеть,*

темнеть, синеть, зеленеть; укр. *радїти, рябїти, хворїти, височїти, дурїти, ряснїти, чорнїти, білїти*; бр. *хварэць, цямнець, чарнець, бялець, сінець*; п. *głodnieć, ciemnieć, czernieć, bieleć, czerwienieć*; ч. *chromět, churavět, hladovět, bujet, bujnět*; слц. *besniet', choriet', chorl'aviet', chromiet', bujniet', strmiet'* «возвышаться», *lačniet'* «жаждать», *broniet'* «рдеть»; вл. *chorjeć, syrjeć* «мокнуть» (о ране); нл. *glodnjeć, chorjeć, chromjeć*; болг. *беснея, лудея, жаднея, пустея* «пустовать», *жълтея*; м. *беснее*; схв. *беснети*; слн. *brzeti, hrometi, besneti, črneti, modreti*. Тип образовался в конце праславянского периода в результате переосмысления глагольных форм, означавших изменение состояния (*bělēti, bělējet* «становиться белым, становится белее», см. следующий пункт). В сербохорватском и македонском языках глаголы состояния, означающие цвет, последовательно приобрели форму возвратных (схв. *модрети се, м. беле се*). Возможно, что именно в этих формах сохраняется более древнее праславянское состояние этого типа (ср. лит. *gerėtis, gerėjus* «чувствовать себя хорошо» от *gėgas* «хороший, добрый»).

в) С суффиксом -и- (-i-, -ы-, -у-): р. *грубить, лукавить, дерзить, шалить, хитрить, ловчить, фальшивить, горчить*; укр. *гуенявити, шепелявити, недбалити, хитрити*; бр. *грубіць, гнусяць, картавіць, мудрыць, хітрыць, фальшывіць, гарчыць*; п. *chytrzyć, mądrzyć, skąpić*; ч. *běsnit, křepit* «плясать», *řečnit* «произносить речь; разглагольствовать», *truchlit* «горевать»; слц. *besnit', divočit', chytrit'* (разг.); вл. *chromić, dźivić* «безумствовать», *syrić* «мокнуть» (о ране); нл. *chyťšiš* «спешить»; болг. *горчи, хитриши*; м. *горчи, буи* «пышно разрастается»; схв. *горчители, hitriti* «спешить»; слн. *drzniti si (se)* «осмелиться». Этот тип, слабо представленный за пределами восточнославянских языков, возник в праславянском языке, по-видимому, вначале как разновидность синонимичного ему типа с суффиксом -ě-.

26. Глаголы, означающие приобретение или усиление свойства, выражаемого основой мотивирующего имени прилагательного.

а) С суффиксом -е- (-i-, -ie-, -ë-, -je-): р. *дешаветь, голубеть, презветь, криветь, паршиветь, вдоветь*; укр. *грубіти, здоровїти, рїдїти, свїжїти, дурнїти, мутнїти, марнїти, кульгавїти*; бр. *багацець, весялець, гладчэць, саладзэць, сівець, суровець*; п. *smutnieć, mądrzeć, głupieć, ciemnieć, jasnieć, słowańszczeć*; ч. *zelenět, tupět, děravět, lakomět* «становиться скупым», *barbarštět*; слц. *tepliet', modriet', chudobniet', mocniet', peknet'* «хорошеть», *silniet'*; вл. *bědnjeć, čor-njeć, šedziwjeć* «седеть», *swětleć*; нл. *starješ, marnješ, šerješ* «седеть»; болг. *бледнея, дебелея, слабей, голее*; м. *темнее, синее, црнее, црвенеє, младеє, слабее, голее*; схв. *руменети, седети* «седеть», *зеленети, модрети* «синеть», *лудети* «сходить с ума», *храпавети* «шершаветь»; слн. *beleti, bledeti, bogateti, črneti, gosteti, trdети, hrometi, glušeti*. Этот богато представленный во всех славянских языках словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, в котором он восходит к периоду балто-славянской общности или к периоду окончательного распада индоевропейского праязыка (ср. продуктивность этого типа и в современных балтийских языках: лит. *baltėti, baltėjo* «белеть» от *báltas* «белый», *geltonėti* «желтеть» от *geltónas* «желтый»,

лтш. dzeltēt «желтеть» от dzelts «желтый» и т. д. [Otrębski 1965, 367, 369]).

б) С суффиксом *-ну-, -не-* (-па-, -не-, -пou-, -не-, -пú-, -пу-, -пí-): р. горкнуть, слепнуть, крепнуть, хрипнуть, тихнуть; укр. грубнути, гладнути, жозкнути, холонути, крпннути; бр. горкнуць, гуснуць, слепнуць, ціхнуць; п. chudnać, słabnać, blednać, głuchnać, mięknać; ч. chabnout «слабеть», chromnout, mládnout, stárnout, sládnout; слц. hlupnúť, hrubnúť, tvrdnúť, žltnúť, pustnúť; вл. bohatnyć, blédnyć, chudnyć, hluchnyć, twjerdnyć; нл. słabnuś, chudnuś «беднеть», туспни, blédnuś; болг. крепна, глухна, тихна, мекна; м. тивне, крепне, мекнее, слабнее; схв. бледнути, глухнути, мекнути, гуснути (се); слн. gostniti, sahniti. Тип унаследован из праславянского языка. В южнославянских языках, особенно в словенском, он сохранился в минимальной степени.

27. Единичные глаголы, означающие выделение предметами других предметов (веществ), называемых мотивирующими именами существительными.

С суффиксом *-и* (-i-): р. пылить, дымить, искрить; укр. чадити, пороштити, слъозити; бр. дыміць, іскрыць, смуродзіць; п. czadzić, dymić, kurzyć; ч. potit, plodit «плодоносить», pěnit «пениться»; слц. slzit', iskrit', čmudit' «чадить»; вл. plodzić, slinić, pěnić; нл. dymiś; болг. искря, димя, съляз; м. дими, искри, чади; схв. смрадити, сузити, балити «распускать слюни»; слн. potiti, čaditi, iskriti. Тип унаследован из праславянского языка. Часть таких глаголов (особенно в южнославянских языках) приобрела возвратные формы (в т. ч. наряду с приведенными невозвратными: болг. димя се; схв. пенити се; слн. čaditi se, iskriti se).

28. Немногочисленные глаголы, означающие воздействие на предмет, ведущее к превращению его в другое состояние или в другой предмет, называемый мотивирующим именем существительным.

С суффиксом *-и* (-i-): р. сиротить, калечить, французить, гноить, клубить, пустошить; укр. калічити, полячити, божествити, вурдити, мервити, вихрити, горбити; бр. гнаіць, папаліць, раіць, зябіць (зябліць), сираціць; п. kaleczyć, francuzić, gnoić, kłębić, garbić, ropielić; ч. otročit «порабощать», hrbit, hostit «принимать как гостя»; слц. nemčit', kaličit', mrzačit' «калечить, уродовать»; вл. hosćić; нл. gjarbiś; болг. гостя, турча, сиромаша «сделать бедняком»; м. турчи, грчи, јуначи «воодушевляет»; схв. каменити «превращать в камень», гостити, братити, сирити «створаживать», турчити, немчити, јуначити, владичити «посвящать в епископы»; слн. јунаčiti «ободрять», nemčiti, gostiti, pepeliti, grbiti. Тип унаследован из праславянского языка.

29. Немногочисленные глаголы, означающие разделение множества предметов или их вещества на части, характер или форма которых названа мотивирующим именем существительным.

С суффиксом *-и* (-i-): р. копнить, кучить, членить, слоить; укр. копичити, купчити, громадити; бр. камячыць, слаіць; п. stozyć, ziarnić; ч. hromadit, čtvrtit, zrnit, třidit, vlnit; слц. kopit', štvrtit', vlnit'; вл. hrzulić «превращать в комья», kopic', hromadzić; нл. грома-

ziś; болг. пластя (пластиш); м. стожи, пари «спаривает»; схв. парити, купити, черечити «разрезать на куски»; слн. kopiciti, gomiliti, pariti, četveriti «разрубать на четыре части». Тип унаследован из праславянского языка.

30. Глаголы, означающие придание предмету свойства или качества, на которое указывает мотивирующее имя прилагательное.

а) С суффиксом *-и* (-i-, -ы-, -у-), многочисленные во всех славянских языках: р. кривить, синить, кровавить, дырывать, узить, холодить, бесславить, безобразить; укр. свіжити, молодити, воложити, тверезити, поганити, пістрязити, кислити, повнити; бр. бадзэрыць, вастрыць, вузіць, вяліць, цямніць, гарачыць, вінаваціць; п. drobnić, weselić, suszyć, gęścić, słodzić, głębić, słowjańszczyć; ч. krátit, šifit, bohatit, marnit, hotovit, sladit; слц. čistit', bielit', čiernit', ostrit', krivit', menšit', lepšit', riedit', špatit' «безобразить»; вл. jasnić, tupić, čisćić, twjerdzić, zelenić; нл. mękcyś, głuśyś, żołsiś, nowiś, lepśyś; болг. беля, веселя, мокря, пълня, топля, черня, готвя, равня; м. бодри, шири, тесни, сини, црвени, црни, здрави, цели, готви; схв. жути, голити, готовити, љутити, модрити «синить», крвавити, маъити «уменьшать»; слн. beliti, črniti, glušiti, sušiti, kratiti, veseliti, gotoviti. Тип унаследован из праславянского языка, в котором явился, очевидно, продолжением индоевропейских образований [Vondrák 1924, 713].

б) С суффиксом *-а* (-я): р. коротать, лицевать, величать, равнять (ровнять); укр. коротати, готувати, лицювати, еднати, величати, рівняти; бр. гатаваць, велічаць, раўняць; п. gotować, równać, jednać; ч. hotovat, rovnat, jednat; слц. hotovat', rovnat'; вл. rupać, hotować; нл. govnaś, gotowaś; болг. величая; м. велича; схв. мекшати, равнати, величати, горчати «делать горьким», горшати «ухудшать»; слн. gavpati, veličati, manjšati «уменьшать». Тип унаследован из праславянского, во всех современных языках непродуктивен.

в) С суффиксом *-ова* (-ева-, -ува-, -юва-, -ова-, -ова-, -ова-, -ва-): р. радовать, свежевать, целовать, миловать; укр. радувати, білувати, маринувати, цілувати, любувати, милувати, абстрагувати, специфікувати; бр. радаваць, марнаваць, цалаваць, абстрагаваць, спецыфікаваць; п. radować, marnować, całować, jarować «ярловизировать», abstrahować, specyfikować; ч. libovat si, milovat, abstrahovat, specifikovat; слц. milovat', abstrahovat'; вл. lubować, abstrahować, specifikować; нл. lubowaś; болг. радвам, милвам; м. радува, милува, целува, здравува «здороваться»; схв. радовати, миловати, апстраховати; слн. milovati, radovati se. Тип унаследован из праславянского языка.

г) С суффиксом *-(и)фицирова-* (-іфікува-, -іфікава-, -(у)fikova-, -(i)fikova-, -(и)фицира-, -(i)ficira-): р. идентификувати, интенсификувати, фальсификувати; укр. ідентифікувати, інтенсіфікувати, фальсифікувати; бр. ідентифікаваць, інтенсіфікаваць, фальсіфікаваць; п. identyfikować, intensyfikować, falsyfikować; ч. identifikovat, falsifikovat; слц. identifikovat', intenzifikovat', falzifikovat'; вл. identifikować, falsifikować; болг. идентифицирам, фалшифицирам; м. идентифицира, идентификува, фалсифицира, фалсификува; схв. идентификовати, идентифицирати, фалсификовати; слн. identificirati,

intenzificirati, falzificirati. Тип образовался в современных славянских языках (XIX—XX вв.) в результате заимствования из западноевропейских языков суффикса *-фицир(ова)- (-фик(ова)-)*, ср. нем. *-fizier-en*, фр. *-fici-er*.

31. Разнообразные по своей словообразовательной семантике глаголы, означающие изменение свойств предмета в результате введения в его состав, нанесения на его поверхность или присоединения к нему других предметов (в т. ч. и действий), называемых мотивирующими именами существительными.

а) С суффиксом *-и- (-і-, -ы-, -у-)*: р. *солить, перчить, смолить, парить, дурманить, клеймить, морщинить, чехлить, вьючить*; укр. *золити, слинити, квасити, різбити, плямити, мозолити, ворсити, зубити, склити, плішити*; бр. *масліць, здобиць, парыць, охрыць, баразніць, граніць, пушыць, грузіць*; п. *mydlić, cukrzyć, kwasieć, brudzić, rosieć, pienieć, puszyć, juczyc, szklic*; ч. *solit, loužit, pařit, barvit, zlatit, pěnit, zbrojit, uzdit*; слц. *cukrit', škrobit'* «крахмалить», *kvasiat', farbit', špinit'* «грязнить», *mozolit', vrasnit'* «образовать складки», *venčit', šerčit'* «надевать чепец»; вл. *łužic, slinić, parić, supić* «лудить», *slěbrić* «серебрить», *wuždzić* «обуздывать», *bronić* «вооружать»; нл. *cukoriš, soliš, pariš, kwasys, barwiš, smoliš, bronis*; болг. *соля, плюнча, слюнча, паря, хваля, бележа, петня, пеня, товара* «гружу», *кърмя*; м. *бибери* «перчить», *пудри, кваси, злати, бразди, печати, пени*; схв. *медити, сапунити, парити, божити* «красить», *воштити, жульити* «мозолить», *зубити* «делать зубцы», *самарити* «сидеть», *користити* «приносить пользу»; слн. *soliti, magnetiti, pariti, kvasiti, srebriti, brazditi, zobiti* «делать зубцы», *peniti, mavčiti* «гипсовать», *tovogiti* «грузить». Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка.

б) С суффиксом *-а-* (немногочисленные): р. *пятнать, пеленать, хомутать*; укр. *латати, квітчати, сидлати*; бр. *вянчаць, пячатаць, сядлаць*; п. *siodłać, łatać*; ч. *poutat, látat, sedlat*; слц. *pútat', sedlat'*; вл. *slipać, sedlać, putać, pasać* «опоясывать»; нл. *pasaš*; болг. *седлая, венчая, пунктирам*; м. *седла, венча, шнира* «шнурует»; схв. *сапунати, пудрати, шарати* «разрисовывать», *гланцати, мръяти* «грязнить», *браздати, борати* «морщить», *седлати, венчати, уздати, пасати*; слн. *puđrati, nikljeti, žlindrati* «шлаковать», *brazdati, barvati, črtati, gubati* «морщить», *gipsati, sedlati, pasati, kronati, obročkati* «кольцевать». Тип унаследован из праславянского языка; лучше, чем в других, сохранился в сербохорватском и словенском.

в) С суффиксом *-ова-* (*-ева-, -ува-, -юва-, -ава-, -ова-, -ова-*): р. *спиртовать, белковать, квасцевать, орнаментировать, миновать, линовать, глянцеваць, кольцевать, бинтовать, нумеровать, титуловать*; укр. *цукрувати, хлорувати, лікувати, воскувати, очкувати, плямувати, лініювати, маскувати, меблювати*; бр. *валнаваць, шлакаваць, ваксаваць, асфальтаваць, пазаваць, гіпсаваць, пламбаваць, барыкадаваць, акцэнтаваць*; п. *cukrować, ługować, gazować, gładcować, betonować, karbować, bandażować, sznurować, finansować*; ч. *puđrovat, chromovat, cukrovat, lakovat, dehtovat, znám ovat, vatovat, glazurovat, čislovat*; слц. *chlórovat', voskovat', naftalinovat', lako-*

vat', cementovat', maskovat', argumentovat'; вл. *cokorować, warpować, łuhować, lakować, brózdować, kołmazować, betonować, śnogować, krónować, kredytować*; нл. *limowaš* «клеить», *wěnkowaš, kроноваš, cyslowaš*; болг. *лекувам, щампувам (щамповам), фрезувам, бинтовам, дарувам, именувам*; м. *никлува, ленува, прстенува, дарува, именува*; схв. *пудровати, балсамовати, гипсовати, асфалтовати, прстенувати, даровати, именовати*; слн. *darovati, imenovati*. Этот словообразовательный тип, унаследованный из праславянского языка, подвергся заметному ограничению в южнославянских языках, и особенно в словенском, в котором суффикс *-ова-* почти везде вытеснен суффиксом *-а-*.

г) С суффиксом *-фицирова-* (*-фікува-, -фікава-, -fikowa-, -fikova-, -фицира-, -фикова-, -ficira-*): р. *газифицировать, звукофицировать, кинофицировать, радиофицировать, теплофицировать, электрифицировать*; укр. *газифікувати, електрифікувати, звукофікувати, кінофікувати, радіофікувати, теплофікувати*; бр. *газіфікаваць, гукафікаваць, кінафікаваць, радыёфікаваць, цеплафікаваць, електрыфікаваць*; п. *ozonifikować, gazyfikować, elektryfikować, radiofikować*; ч. *elektrifikovat, radiofikovat*; слц. *elektrifikovat', radiofikovat'*; вл. *elektrifikować*; болг. *газифицирам, електрифицирам, кинофицирам, радиофицирам, теплофицирам*; м. *електрифицира, кинофицира, радиофицира*; схв. *електрифікувати, електрифіцирати, кинофіцирати*; слн. *elektrificirati*. Тип, охватывающий всего несколько глаголов, но постепенно расширяющийся, сложился в современных славянских языках в результате упомянутого выше заимствования из западноевропейских языков суффикса *-фицир(ова)- (-фик(ова)-)*.

32. Глаголы, означающие непереходные и, чаще, переходные действия, которые выполняются при помощи предметов, называемых мотивирующими именами существительными.

а) С суффиксом *-и- (-і-)*: р. *барабанить, трубить, рулить, утюжить, кайлить, бомбить, тормозить*; укр. *сурмити, бубнити, голосити, батожити, шпорити, лопатити, мантачити* «острить (косу)»; бр. *барабаніць, трубіць, арканіць, вудзіць, тараніць*; п. *bębnic, kotwiczyć* «бросать якорь», *głosić, strzelić, wędzić, kleić*; ч. *troubit, plachtit* «плыть под парусами», *bruslit* «кататься на коньках», *brousit* «точить», *střelit, brzdit* «тормозить»; слц. *plachtit', kotvit'* «стоять на якорь», *jazyčit'* «болтать языком», *brusit', plúžit', brzdit'*; вл. *trubić, rozumieć* «понимать», *střělic, wudžic*; нл. *stšeliš, wužiš, filiš* «пилить напильником»; болг. *барабана, трѣбья, глася, пиля, кръстя*; м. *барабани, труби, гласи, пили, бруси, крсти*; схв. *трубити, крмити* «править рулем», *једрити* «ходить под парусами», *сврдлити, пилити, тестерити* «пилить»; слн. *trobiti, krmiti, streliti, klejiti, krstiti*. Тип унаследован из праславянского языка.

б) С суффиксом *-ова-* (*-ева-, -ува-, -юва-, -ава-, -ява-, -ова-, -ова-*): р. *мозговать, голосовать, фильтровать, триеровать, вальцевать*; укр. *веслувати, телеграфувати, млинкувати, дискутувати, гальмувати*; бр. *баранаваць, тэлеграфавач, шпрыцаваць, пілаваць, гільяцінаваць*; п. *kozorować, gardłować* «горланить», *motykować, torpedować, szprycować*; ч. *sáňkovat* «кататься на санках», *hubovat* «браниться»;

жаловаться», *bičovat*, *remzovat*, *ramatovat*; сл. *gajdovat* «играть на гайде», *paskovat* «ругаться», *palicovat* «бить палкой», *kefovati* «чистить щеткой», *göntgenovat*; вл. *kótwicować* «становиться на якорь», *telegrafować*, *radlować* «окучивать», *sondować*, *filtrować*; нл. *bubnowaś*, *fożowaś* «плыть на судне», *šrubowaś* «завинчивать», *filowaś* «пилить напильником», *fotografować*; болг. *гласувам*, *пресувам*, *стругувам* (*струговам*) «обрабатываю на токарном станке», *шприцовам*; м. *бичува*, *пресува*; схв. *добовати* «барабанить», *филтровати*, *каменовати* «збрасывать камнями»; слн. *glasovati* «голосовать». Тип унаследован из праславянского языка; в словенском языке почти полностью вытеснен образованиями с суффиксом *-a-* (*bobnati*, *veslati*, *bičati*, *kamenjati* и т. д.).

33. Единичные глаголы, означающие проведение отрезка времени (обычно времени дня или времени года), называемого мотивирующим именем существительным.

С суффиксом *-ова-* (*-ева-*, *-ува-*, *-юва-*, *-ава-*, *-ява-*, *-ова-*, *-ова-*): р. *зимовать*, *ночевать*, *дnevать*, *зоревать*, *вековать*; укр. *зимувати*, *літувати*, *веснувати*, *ночувати*, *днювати*, *ранкувати*, *зорювати*, *вікувати*; бр. *начаваць*, *дняваць*, *зараваць*, *зімаваць*, *векаваць*; п. *posować*, *dniować*, *zimować*, *latować*, *wiosnować*, *wiekować*; ч. *posovať*, *zimovať*; сл. *posovati*, *zimovati*, *letovati*; вл. *posować*, *zymować*; нл. *posowaś*; болг. *нощувам*, *денувам*, *пладнувам*, *зимувам*, *летувам*, *векувам*; м. *ножува* (*ножева*), *денува*, *пладнува*, *зимува*, *летува*, *векува*; схв. *дановати*, *зимовати*, *летовати*, *вековати*; слн. *počevati*, *zimovati*, *letovati*. Тип унаследован из праславянского языка и остался малопродуктивным из-за количественной ограниченности характерных для него мотивирующих имен существительных.

34. В перечисленных словообразовательных типах, общих для всех славянских языков, наибольшую функциональную нагрузку несет суффикс *-и-* (*-і-*), входящий в состав 11 словообразовательных типов отыменных глаголов. Второе место по широте употребления занимает суффикс *-ова-* (*-ува-*), используемый в 7 словообразовательных типах, за ним следуют суффиксы *-а-* (4 типа), *-е-* (*-ě-*) и *-фицирswa-* (по 2 типа), *-ну-* и *-ка-* (по 1 типу).

Словообразовательные типы глаголов, мотивированных глаголами

35. Производные глаголы, образованные от глаголов, во всех славянских языках означают действия, на которые указывают мотивирующие глаголы, с какими-нибудь дополнительными лексикосемантическими характеристиками — чаще всего пространственными, реже модальными или касающимися степени интенсивности действия (его количества или результатов). Основным словообразовательным средством в таких глаголах являются префиксы, присоединяемые к мотивирующим глаголам. Изменение основы мотивирующего глагола при помощи суффиксации в подавляющем большинстве случаев ведет только к изменению видового значения мотивирующего глагола, не затрагивая его лексической семантики.

36. К числу общих для всех славянских языков принадлежит немногочисленная словообразовательно-семантическая категория глаголов, означающих движение или действие, на которое указывает мотивирующий глагол, направляемое снизу вверх.

Словообразовательный тип с префиксом *под-* (*подо-*, *під-*, *піді-*, *пад-*, *пада-*, *под-*, *пode-*, *пот-*): р. *подпрыгнуть*, *подбросить*; укр. *підскочити*, *підкинути*; бр. *падрасці*, *паццаць*; п. *podskoczyć*, *podnieść*; ч. *podskočit*, *podjímati*; сл. *podletiet*; вл. *podlećeć*, *podskočić*, *podrość*; нл. *podlešeś*, *podrość*; болг. *подскока*, *подраستا*, *подметна*, *подхвърля*; м. *потскока*, *подрасне*, *потфрла*; схв. *подлетети*, *подрасти*, *подскочити*; слн. *podrasti*. Этот непродуктивный тип выделился, по-видимому, в конце праславянского периода из словообразовательного типа глаголов с префиксом *rodъ-*, означающих действие, производимое под нижней поверхностью предмета (*rodъbiti*, **rodъdъgъzati*).

37. Сравнительно немногочисленным является общий для всех славянских языков, до некоторой степени антонимичный предыдущему словообразовательный тип глаголов с префиксом *над-* (*наді-*, *пад-*, *nade-*, *нат-*, *надо-*), означающих действия, производимые дополнительно к уже выполненным (преимущественно относящиеся к верхней части предмета): р. *надстроить*, *надвязать*, *надвить*, *надбавить*; укр. *надбудувати*, *надклеїти*, *надставити*; бр. *надишыць*, *надкляцаць*, *надвязаць*; п. *nadmurować*, *nadsztukować*; ч. *nadstavět* «надстроить», *nadlepšiti* «улучшить»; сл. *nadviazat*, *nadstaviti* «удлинить», *nadplácati*, *nadrobiti* «надставить»; вл. *nadwobleć* «надеть поверх чего-н.»; нл. *nadwězaś*; болг. *надстроя*, *надбавя*; м. *надсуда*, *наддаде*; схв. *надгърадити*, *надзидати*, *надовезати*; слн. *nadzidati*. Этот тип образовался в конце праславянского периода, первоначально с чисто пространственным оттенком значения, сохраняющимся, помимо большинства приведенных примеров, также в отдельных непереходных глаголах некоторых языков; напр.: укр. *надлетіти*, *надбігти*, *надійти*, *надходити*; п. *nadlecieć*, *nadejść*, *nadskoczyć*, *nadchodzić*; ч. *nadskočit*; сл. *nadskočit*; вл. *nadběhać*, *nadpadnuć*; нл. *nadlešeś*, *nadejś* «найти, наткнуться».

38. Одну из наиболее распространенных во всех славянских языках словообразовательно-семантическую категорию составляют глаголы, означающие движение или действие мотивирующего глагола, направляемое на поверхность какого-либо предмета.

Словообразовательный тип с префиксом *на-* (*па-*): р. *налететь*, *набежать*, *наехать*, *нападать*, *надвинуть*, *насыпать*, *набросать*, *надеть*; укр. *набрести*, *наскочити*, *насунутись*, *намерзнути*, *настроїти*, *набризкати*, *начепити*; бр. *наехаць*, *напаўзці*, *напльць*, *наліянуць*, *накінуць*, *нацягнуць*, *наляпіць*; п. *napływać*, *naskoczyć*, *pacieć*, *paгнаć*, *nadmuchać*, *nabić*, *nabrudzić*, *najuczyć*, *paciskać*; ч. *nasednout*, *najeti*, *nahmatat*, *nastlat*, *namést*; сл. *naletiet*, *naskočiti*, *nastupiti*, *nahnat*, *napustiti*, *nasiat*, *narysovati*; вл. *najeć*, *nasunyc* «надвинуть», *nabrojic* «насыпать», *nalēpic*; нл. *nastupiš*, *namydliś*; болг. *налетя*, *настеля*, *напудря*, *надраскам*; м. *нападне*, *настапи*, *нафрла*, *намести*; схв. *наићи*, *налетети*, *навести*, *намотати*, *налепити*; слн. *naleći*, *naleteti*, *naložiti*. Тип унаследован из праславянского языка.

39. Широко представлены во всех славянских языках и антонимичные предыдущим глаголы, означающие движение или действие, на которое указывает мотивирующий глагол, направленное от поверхности предмета вниз (а) или под предмет (б).

а) С префиксом *c-* (*co-*, *z-*, *zi-*, *ca-*, *s-*, *se-*, *z-*, *zo-*, *cъ-*): р. *сбежати*, *сойти*, *соскользнуть*, *стянуть*, *соскрести*; укр. *злізти*, *злетіти*, *зійти*, *змести*, *зігнати*, *стерти*; бр. *з'ехаць*, *сыці*, *сарваць*, *змыць*; п. *zleźć*, *zejść*, *spelzać*, *zeskoczyć*, *zeskubać*, *zestrzyc*, *zlizać*; ч. *sejít*, *stéci*, *sestoupit*, *snést*, *sesouti*, *srypati* «спезать, сцарапать»; слц. *zletiet'*, *zíst'*, *zliezt'*, *stiahnut'*, *skefovati'*, *zodriet'*; вл. *zlězc*, *scáhnyc*, *zlizać*; нл. *zbęgaś*, *zeźneś* «сжать, скосить», *zlizać*; болг. *слеза*, *сваля*, *снеса*, *сълбека*; м. *слезе*, *скине*, *сметне*, *свлече*, *соблече*; схв. *сјахати*, *слетети*, *скинути*, *свући* «стащить»; слн. *sestopiti*, *zlesti*, *zleteti*, *zvléci*, *streti*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором, вероятно, развился на основе глаголов со значением движения или действия, направленного в одно место (*сбърати* «собрать», *свѹзати* «связать»).

б) С префиксом *под-* (*подо-*, *під-*, *піді-*, *пад-*, *пада-*, *под-*, *подо-*, *пот-*): р. *подлезть*, *подложить*, *пододвинуть*; укр. *підтекти*, *підсунути*; бр. *падлезці*, *падкласці*; п. *podlipnać*, *podbić*; ч. *podejít*, *podkovať*; слц. *podletiet'*, *podliezt'*, *podvrhnúť*; вл. *podlězc*, *podkopnyć*; нл. *podbęzaś*, *podbiś*; болг. *подложа*, *подкопая*, *подвържа* «подвзгать»; м. *подметне*, *потстави*, *поткове*; схв. *подићи*, *подлећи* «подвергнуться», *подметнути*, *подставити*; слн. *podpluti* «подтечь», *podkovati*.

40. Из глаголов, означающих движение или действие, направленное внутрь предмета, во всех современных славянских языках сохранился лишь словообразовательный тип с префиксом *за-* (*za-*): р. *зайти*, *залезть*, *заглянуть*, *засыпать*; укр. *забігти*, *заскочити*, *застромити*, *запустити*; бр. *запаўці*, *запхнуць*, *засунуць*, *запісаць*; п. *zabiec* «забежать», *zapęzać*, *zapędzić* «загнать», *zachować*; ч. *zalézt*, *zarazit*, *zastrčit*, *zapsat*; слц. *zaliezt'*, *zabit'*; вл. *zabězeć*, *zatločić* «втиснуть», *zastorčić* «воткнуть»; нл. *zaskocyś*, *zamosyś*, *zabiś*; болг. *забия*, *запиша*; м. *забодe* «воткнет», *забуца* «тж.»; схв. *затурити* «засунуть», *завући* «вовлечь»; слн. *zatakniiti* «запахнуть», *zabiti*. Этот словообразовательный тип возник в праславянском языке при наличии обширного типа глаголов с префиксом *въ(п)-* (в настоящее время отсутствующих в серболужицких языках) на основе словообразовательного типа глаголов с префиксом *за-*, означавших движение или действие, направленное за предмет.

41. Словообразовательный тип глаголов с префиксом *за-* (*za-*), означающих действие или движение, направленное за предмет (и, как разновидность этого значения, действие или движение, направленное далеко в пространство), также представлен во всех современных славянских языках: р. *зайти*, *забросить*, *занести*; укр. *запливати*, *заблукати*, *закинути*; бр. *зайсці*, *забрысці*, *замчаць*, *закінуць*; п. *zachodzić*, *zajść*, *zabłądzić*, *zarzucić*; ч. *zajít*, *zabíhat*, *zanestat* «оставить, бросить», *zahodít* «забросить»; слц. *zajst'*, *zaliezt'*, *zaplavati'*, *založit'* (пуки за спину); вл. *zaklasć*; нл. *zalešeś*, *zagnaś*; болг. *заяза*, *зайда*, *забягна*, *завлека*, *захвърля*; м. *зајде*, *замине*, *завлече*, *занесе*; схв. *заћи* «зайти»,

затаћи «заткнуть», *забацити* «забросить», *заметнути* «тж.»; слн. *zalti*, *zavreči*. Тип унаследован из праславянского языка.

42. Семантически близким к предыдущему является общий для всех славянских языков словообразовательный тип глаголов с тем же префиксом *за-* (*za-*), означающих действия, в результате которых предмет прикрывается: р. *закрити*, *застегнуть*, *затенить*, *заслонить*; укр. *засипати*, *залити*, *забілити*, *завалити*; бр. *заклеїць*, *засеяць*, *замураваць*, *забудаваць*; п. *zalepić*, *zasadzić*, *zamalować*; ч. *zamazat*, *zavodnit*, *zadělat*, *zastínit*; слц. *zahalit'* «закрывать», *zapriet'* «запереть», *zabalit'* «уложить, укутать»; вл. *zakryć*, *zastajć* «загородить», *zastupić* «преградить»; нл. *zagrębaś*, *zagłaziś*, *zagroziś*; болг. *засенча*, *залея*, *загърна*, *заградя*; м. *запрета* «засыпать», *затвори*, *завитка*, *закопа*; схв. *закутати*, *зазидати* «замуровать», *засејати*, *засипати*; слн. *zaviti*, *zasuti* «закидать», *zatemniti*, *zagniti* «покрыть». Тип унаследован из праславянского языка.

43. Широко представлена во всех славянских языках словообразовательно-семантическая категория глаголов, означающих движение или действие, завершающееся сближением одного предмета с другим или предполагающее такое сближение.

а) Словообразовательный тип с префиксом *при-* (*пры-*, *przy-*, *při-*, *pri-*, *pši-*): р. *приехать*, *прилететь*, *прислать*, *пригнать*, *прибить*, *приклеить*; укр. *прийти*, *припливати*, *привести*, *прив'язати*, *приліпити*; бр. *прыбегчы*, *прымчаць*, *прыкапаць*, *прыцягнуць*, *прыкалоць*; п. *przychodzić*, *przynieść*, *przybić*, *przypleść*; ч. *přijít*, *přispět*, *přinest*, *přitisknout*, *přivolat*, *připevnit*; слц. *pribehnút'*, *priplávat'*, *prišunút'*, *přišliapnut'*, *prišepit'*; вл. *přichadžeć*, *přiskočić*, *přiřehać*, *přikovać*, *přiklepać*; нл. *pšistupiš*, *pšistajiš* «приставить», *pšipěš* «прикрепить»; болг. *приседна*, *пристана*, *прикрепя*; м. *прилега*, *привлече*, *приведе*, *притисне*; схв. *приступити*, *пригнати*, *прилепити*, *пришити*; слн. *prihajati*, *pripluti*, *priplesti*, *priklopiti* «прищепить». Тип унаследован из праславянского языка.

б) Словообразовательный тип с префиксом *до-* (*ди-*, *да-*, *do-*): р. *доехать*, *доставить*, *дотянуть*, *добросить*; укр. *дійти*, *доповзти*, *докинути*; бр. *дабегчы*, *давеславаць*, *давалачы*, *данесці*; п. *doležć*, *dogorzeć*, *dopusćić*, *dołożyć*, *dołączyć*; ч. *dojít*, *dohodít*, *dotat*; слц. *doletiet'*, *doskakat'*, *dohnat'*, *doplavit'*; вл. *doběhnyc*, *doječ*, *donješeć*; нл. *dorosć*, *doņjasć*, *dopusćis*; болг. *дойда*, *дотичам*, *докарам* «пригнать», *донеса*, *довлека*; м. *дотече*, *дотрча* «добежать», *дотера* «пригнать», *довезе*, *донесе*; схв. *добежати*, *допузити*, *добацити*, *довести*, *догнати*; слн. *dolesti*, *doleteti*, *dognati*, *doložiti*. Тип унаследован из праславянского языка.

44. Во всех славянских языках имеется семантически близкий к предыдущему словообразовательный тип глаголов с префиксом *при-* (*пры-*, *przy-*, *při-*, *pri-*, *pši-*), означающих дополнительное действие. Ср. р. *приплатить*, *пририсовать*; укр. *прибудувати*, *прималювати*; бр. *прыкупіць*, *прыплаціць*; п. *przydać*, *przypłacić*; ч. *přivafit*, *přikoupit*; слц. *prisolit'*, *priplatit'*; вл. *přidać*, *přivažeć* «довесить»; нл. *pšikupiš*, *pšidobyś*; болг. *придам*, *прикупя*; м. *прикупи*, *припише*; схв. *придати*, *присадити*; слн. *prikupiti*, *priliti*. Тип унаследован

из праславянского языка, в котором сформировался на основе предыдущего.

45. Всем славянским языкам свойствен синонимичный предыдущему словообразовательный тип с префиксом *до-* (*да-*, *do-*): р. *доплатити*, *досолити*; укр. *долити*, *добрати*; бр. *даважыць*, *дакупиць*; р. *dopłacić*, *dolić*; ч. *dosolit*, *datat*; сл. *dosypat'*, *doplatit'*; вл. *dokupić*, *doleć*; нл. *doklásć*, *dolaś*; болг. *доплата*, *докупя*; м. *доплати*, *доле*; схв. *дозидати*, *додати*; слн. *dokupiti*, *dosoliti*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором развился на основе глаголов перемещения с префиксом *do-* (*donesti*, см. п. 43).

46. Во всех славянских языках представлен семантически близкий к предыдущему словообразовательный тип глаголов с префиксом *до-* (*di-*, *да-*, *do-*), означающих доведение действия до конца или до определенного результата. Ср. р. *досидеть*, *доварить*; укр. *дожити*, *докосяти*; бр. *дагарыць*, *дакапаць*; п. *dosiedzieć*, *doczytać*; ч. *dopit*, *docíst*; сл. *dohovoriti'*, *dočítati'*; вл. *dospěwać*, *dopisać*; нл. *domëriś*, *dopisaś*; болг. *доживея*, *доям*; м. *догори*, *допия*; схв. *доживети*, *доорати*; слн. *dogoreti*, *dozidati*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором возник на основе предыдущего типа.

47. В антонимическом отношении к предыдущим двум типам (пп. 44—45) находится свойственный всем славянским языкам словообразовательный тип глаголов с префиксом *от-* (*ото-*, *від-*, *виді-*, *од-*, *оди-*, *ада-*, *ot-*, *ote-*, *od-*, *ode-*, *wot-*, *wote-*), которые означают движение или действие, заключающее в себе пространственное удаление от предмета: р. *отбежать*, *отойти*, *отнести*, *оторвать*; укр. *відлетіти*, *відійти*, *відв'язати*, *відчепити*, *одійти*; бр. *адбегчы*, *адскочыць*, *адштурхнуць*, *адаслаць*, *адагнаць*; п. *odpłynąć*, *odejść*, *odegnać*, *odedrzeć* «отодрать»; ч. *odletět*, *odejít*, *odněst*, *odstavit*, *odvolat*; сл. *odtiect'*, *odplávat'*, *odhodit'*, *odchýlit'*; вл. *wotbëžec*, *wothopić*, *wotebrać*; нл. *wotpadaś*, *wotłożyś*; болг. *отлетя*, *отвържа* «отвязать», *отпгдя* «отогнать»; м. *одлета*, *одвлече*, *откине*, *отклони*; схв. *одбѣи*, *отпасти*, *одбити*, *отвести*; слн. *odskočiti*, *odnesti*, *odpustiti*. Тип унаследован из праславянского языка.

48. Общим для всех славянских языков является также словообразовательный тип глаголов с префиксом *о-* (*об-*, *обо-*, *оби-*, *а-*, *аб-*, *аба-*, *ob-*, *obe-*, *wo-*, *wob-*, *op-*, *оба-*), означающих движение или действие, совершаемое вокруг предмета: р. *обежать*, *обойти*, *облететь*, *осыпать*, *обрезать*; укр. *обійти*, *огорнути*, *обгорнути*, *обв'язати*, *обліпити*; бр. *аб'ехаць*, *атынкаваць*, *абмыліць*; п. *obiec*, *obsadzić*, *obedrzeć*; ч. *objet*, *objeít*, *okopat*; сл. *obletiet'*, *ohradit'*, *oblepit'*; вл. *wobjeć* «объехать», *wobchodzić*, *wobëlic*, *wobhajić* «огородить»; нл. *wobbëgaś*, *wobbiś*, *wobduś* «обдуть»; болг. *облегна*, *окопая*, *обишия*; м. *опседне*, *огрне*, *обложи*, *опсине*; схв. *обићи*, *облетети*, *облити*, *оковати*, *опкопати*, *обавезати*; слн. *objahati*, *odreti*, *okopati*, *obmotati*. Тип унаследован из праславянского языка.

49. Один из общих для всех славянских языков словообразовательных типов глаголов с четко выраженным пространственным оттенком значения объединяет глаголы с префиксом *пере-* (*пера-*, *prze-*, *prę-*, *pre-*, *pře-*, *pre-*), означающих движение или действие, совершае-

мое из одного места в другое через предмет или пространство: р. *переехать*, *передвинуть*, *перебросить*; укр. *перейти*, *перенести*, *перекинути*; бр. *пераплыць*, *перавалачы*, *перанесці*; п. *przelecieć*, *przeprowadzić*, *przerzucić*; ч. *přejít*, *převézt*, *přeložit*; сл. *preliezt'*, *prekročit'*, *preñlest'*, *preložiti'*; вл. *přeleeć*, *přechodzić*, *přesadzić*, *přesunýc*; нл. *pšejeś* «переехать», *pšekocyś* «перешагнуть», *pšenjasc*; болг. *премина*, *прескоча*, *пренеса*, *превеза*; м. *преплива*, *префрли*, *преметне*; схв. *прескочити*, *прелетети*, *превући*, *пренети*; слн. *prekočačiti*, *presaditi*, *prevesti*. Тип унаследован из праславянского языка.

50. Обширный словообразовательный тип глаголов, общий для всех славянских языков, представлен глаголами с префиксом *с-* (*со-*, *з-*, *зі-*, *са-*, *z-*, *ze-*, *s-*, *se-*, *зо-*, *сѣ-*), означающими действие, при котором предметы перемещаются из разных мест в одно: р. *свестить*, *снести*, *сознать*; укр. *згорнути*, *скидати*, *злити*, *зігнати*; бр. *згэрэці*, *з'яднаць*, *сзваць*; п. *zwołać* «созвать», *zegnać*, *zebrać*; ч. *svést*, *sebrat*, *sestavit*; сл. *zhrabat'*, *zlepiti'*, *zobrat'*; вл. *zhromadzić*, *zebrać*; нл. *zjadnaś* «объединить», *zegnaś*; болг. *сложя*, *сѣдидия*, *свържа* «связать»; м. *сложи*, *сврже*, *состави*, *собере*; схв. *слепити*, *здружити*, *саставити*; слн. *zgrebsti*, *zgnati*, *sestaviti*. Тип унаследован из праславянского языка.

51. Общим для славянских языков является и антонимический по отношению к предыдущему словообразовательный тип с префиксом *раз-* (*рас-*, *разо-*, *роз-*, *розі-*, *раза-*, *гоз-*, *гозе-*, *гозо-*), означающий действия, при которых предметы передвигаются из одного места в разные стороны: р. *раздвинуть*, *разогнать*, *рассыпать*; укр. *розсунути*, *роз'єднати*, *розібрати*; бр. *развалачы*, *раскідаць*, *разапхнуць*; п. *roznieść*, *rozpuścić*, *rozebrać*; ч. *rozchvatit*, *rozhodit*, *rozdrobit*, *rozedrat*; сл. *rozhrabat'*, *rozniest'*, *rozoslat'*; вл. *rozbëžec*, *rozbrojić* «рассеять», *rozdrobnić*, *rozehnać*; нл. *rozbëžaś*, *rozblis*, *rozčegnuś*, *rozebraś*; болг. *разсея*, *разхвърлям*, *раздам*, *разпусна*; м. *раскине*, *распадне*, *распраша*; схв. *разбацати* «разбросать», *разбити*, *разврсти* «развязать», *разјурити* «разогнать», *раскинути* «разорвать», *раставити* «разделить», *разагнати*; слн. *raznesti*, *razdreti*, *raztrgati*, *razbrati*. Тип унаследован из праславянского языка.

52. Лишенным пространственного оттенка значения является общий для славянских языков словообразовательный тип глаголов с префиксом *по-* (*па-*, *po-*), означающих множественные действия, распространяющиеся на каждый из многих объектов (мотивирующие глаголы преимущественно префиксальные): р. *побросать*, *посносить*, *порубить*, *посечь*; укр. *поваляти*, *позбирати*, *покосити*, *позривати*; бр. *паксчурваць*, *пазаливаць*, *паабдзіраць*; п. *poszechować* «поклеить», *poskuwać*, *pospalać*, *popaprawiać*, *pozamykać*; ч. *pobijet*, *porařit*, *pozavírat* «позакрывать»; сл. *poɦlušit'*, *porálit'*, *porezat'*, *popachodit'*, *porozbijat'*; вл. *poɦraбаć*, *robić*; нл. *robiś*; болг. *посека*, *понабера*, *полепя*, *понавържа*; м. *поломи*, *поброи* «пересчитать»; схв. *позидати* «построить одно за другим», *поломити*, *потоварити* «погрузить», *поштампати* «печатавать», *поразбијати*; слн. *rometati* «побросать», *podaviti*, *rovezati*, *porazdati*. Тип унаследован из праславянского языка.

53. В разной степени представлен во всех славянских языках словообразовательный тип глаголов с префиксом *из-* (*изо-*, *ис-*, *з-*, *с-*, *z-*, *s-*, *iz-*), означающих действие, которое охватывает объект в максимальной степени, исчерпывающим образом: р. *изъездити*, *исходити*, *избить*, *изранити*, *искромсати*; укр. *зборознити*, *зрешетити*, *зранити*, *сполосувати*; бр. *збіць*, *згадзіць*, *здзіравіць*, *спісаць*; п. *zbiegać*, *zjeżdżić*, *złafać*, *zbruzdzić*, *spaskudzić*; ч. *zběhat*, *zchodit*, *zbrázdit*, *zranit*; слц. *schodit'*, *zbrázdit'*, *zbičovati'*, *zbiti'*; вл. *zbić*, *zbrózdzić*, *skusać*; нл. *zbiś*, *skusaś*; болг. *избраздя*, *избия*, *израня*; м. *избаца* «испачкать», *избоде* «исколоть», *исколе* «переколоть, перерезать»; свх. *избраздати*, *изгазити* «истоптать», *изранити*, *избити*; слн. *izbrzdati*, *izrisati* «изрисовать». Словообразовательный тип унаследован из праславянского языка, в котором развился на основе типа с пространственным оттенком значения, содержавшимся в таких глаголах, как *izdergi* «вырвать», *izěsti* «съесть» (первоначально «выесть») и т. п.

54. Сложная объектная и временная словообразовательная семантика свойственна глаголам общего для всех славянских языков словообразовательного типа с префиксом *пере-* (*пера-*, *prze-*, *pře-*, *pře-*, *pše-*, *pre-*), означающим действия, осуществляемые в течение определенного времени, обычно занимаемого другим действием: р. *пересидеть*, *перезидать*, *переночевать*; укр. *перебути*, *перезити*, *перезимувати*; бр. *пераспаць*, *перамайчаць*, *перадняваць*; п. *przeczekać*, *przesiedzieć*, *przeżyć*; ч. *přetrpět* «перенести, перетерпеть», *přečkat*, *přestat*; слц. *prespati'*, *preplakat'*, *prežimovati'*; вл. *přeživić* «перезить», *přečakać*, *přebywać* «пребывать»; нл. *pšebyś*, *pšeboleś*, *pšecakaś*, *pšeměś* «перетерпеть, перенести»; болг. *преживея*, *преболя*, *презимувам*, *пренощувам*; м. *преседи*, *преживее*, *претрпи*, *презими*; свх. *пріболети*, *прібивати*, *прістојати*, *пріноћити*; слн. *preživeti*, *preždeti*, *prespati*, *prezimiti*. Тип унаследован из праславянского языка.

55. Широко представлен во всех славянских языках продуктивный словообразовательный тип глаголов с префиксом *на-* (*па-*), означающих доведение результатов действия до максимальных пределов: р. *наносить*, *нарвать*, *наорать*, *насобирать*; укр. *набрати*, *накопати*, *напалити*, *навігрібати*; бр. *набудоваць*, *надраць*, *накасіць*, *налавіць*; п. *pakupić*, *parieć*, *pargać* «настирать», *pasiać* «нарезать»; ч. *pagubat*, *pakrouhat* «нашинковать», *paházet* «набросать»; слц. *pakúpit'*, *parílit'*, *navravit'* «наговорить»; вл. *пабраць*, *паселиć* «насолить», *парушіć* «напустить», *парасć* «попасти вдоволь»; нл. *pagubiś* «награбить», *pagęzaś*, *pażałowaś*; болг. *навържа*, *нахвърлям*, *накопая*, *наприказвам*; м. *накопа*, *назбира*, *нафати*; свх. *натрести*, *намлатити*, *накупити*; слн. *namolsti* «надоить», *navrati*, *navoziti*, *navogoviti*. Тип унаследован из праславянского языка, в котором развился на основе глаголов с пространственным оттенком значения типа *naložiti*, *nakiņgti*.

56. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип глаголов с префиксом *пере-* (*пера-*, *prze-*, *pře-*, *pře-*, *pše-*, *pre-*), означающих действие, выполненное с чрезмерной интенсивностью. Ср. р. *перекормить*, *перехвалить*; укр. *пересолити*, *перегодувати*; бр. *перарасаці*, *перасалиць*; п. *przesmażyć*, *przekarmić*; ч. *přechválit*, *přepřlatit*; слц. *presolit'*, *preplatit'*; вл. *přepjelnić*, *přelec*; нл. *pšesolis*;

болг. *преям*, *прехваля*; м. *прегрее*, *преплати*; свх. *препити*, *преплатити*; слн. *prerasti*, *presoliti*. Тип унаследован из праславянского языка.

57. Обычным для всех славянских языков является до некоторой степени антонимичный предыдущему словообразовательный тип глаголов с префиксом *по-* (*па-*, *po-*), означающих количественно ограниченное действие (по времени его осуществления): р. *походить*, *почитать*, *поплакать*; укр. *побігати*, *поснівати*, *поговорити*; бр. *пабываць*, *падрамаць*, *паездзіць*; п. *porbiegać*, *pochichotać*, *pokrzyczeć*; ч. *požavit*, *počkat*, *posvitit*; слц. *posediet'*, *počitat'*, *pospat'*; вл. *poležeć*, *počakać*, *poplacać* «похлопать»; нл. *pospaś*, *poswěśis*, *rogroniś* «поговорить»; болг. *поседа*, *походя*, *почета*, *попея*; м. *постои*, *поседи*, *посвири*; свх. *постати*, *постојати*, *појести*; слн. *počakati*, *poležati*, *posedeti*. Тип унаследован из праславянского языка.

58. Во всех славянских языках имеется словообразовательный тип глаголов с префиксом *при-* (*пры-*, *przy-*, *při-*, *při-*, *při-*), означающих слабое, неинтенсивное, не полностью совершаемое действие. Ср. р. *привстать*, *приглушить*; укр. *прив'янути*, *пригаснути*; бр. *примарозіць*, *прыгарэць*; п. *przygluszyć*, *przyhamować*; ч. *přismahnout*, *přibarvit*; слц. *prihoriet'*, *prižmurit'*; вл. *přidžeržeć*; нл. *pšizabyś*; болг. *приболя*, *примижа* «прищурить»; м. *причека* «пождать», *припука* «стрельнуть несколько раз»; свх. *присушити*, *припазити* «присмотреть»; слн. *prismoditi* «прижечь», *priđušiti* «приглушить». Тип унаследован из праславянского языка, в котором развился на основе пространственного значения глаголов с префиксом *pri-* (псл. *prisěsti*, *prikloniti*).

59. Широко представлен во всех славянских языках словообразовательный тип глаголов с префиксом *пере-* (*пера-*, *prze-*, *pře-*, *pře-*, *pše-*, *pre-*), означающих повторное совершение действия, обычно с каким-то его видоизменением: р. *переделат*, *перестроить*, *перепачать*, *перекрасить*; укр. *перевбудувати*, *пересіяти*, *перекфарбувати*, *перемотати*, *передислокувати*; бр. *перакіняціць*, *пераклеіць*, *перакроіць*, *перакваліфікаваць*; п. *przerobić*, *przegrupować*, *przekolorować*; ч. *přešit*, *přemalovat*, *převychovat* «перевоспитать»; слц. *prerobiti'*, *prefarbit'*, *preobut'*; вл. *překować*, *přebarvić* «перекрасить», *přeforgmować*; нл. *pšebarwiś*, *pšekupis*, *pšesųś*; болг. *прекроя*, *преваря*, *превържа*; м. *преправи* «переделат», *превади* «переснять», *прекрои*; свх. *преорати*, *прекројити*, *пресвући* «переодеть», слн. *predelati*, *prekrojiti*, *prebarvati*. Тип унаследован из праславянского языка.

60. Единичными примерами представлен во всех славянских языках словообразовательный тип глаголов с префиксом *пред-* (*перед-*, *przed-*, *před(e)-*, *pred-*, *před-*, *pret-*, *predo-*), означающих действия, предваряющие или предполагающие другие действия: р. *предзнаменоват*, *предвидеть*, *предчувствовать*, *предрешать*; укр. *передбачити*, *передвіщати*, *передплатити*, *передректи*; бр. *прадказаць*, *прадбачыць*, *прадпісаць*, *прадвызначыць*; п. *przeddatować*, *przedprężyć* (техн.), *przedwiercać* (техн.); ч. *předbihat*, *předeslat*, *předepsat*, *předplatit*; слц. *predriekat'*, *predpisat'*, *predhrievat'*, *predsušovati'*; вл. *předcuć*, *predchadžeć*, *predpisać*; нл. *pšedcuś* «предчувствовать», *pšedeis* «пред-

шествовать; прийти заранее», pšedpřašís; болг. *предшествувам, предвещая, предвидя, предчувствуюм*; м. *предвести, претскаже, претплати*; схв. *предвидети, предосетити*; слн. *predvideti, predpisati, predpostaviti*. Словообразовательный тип окончательно сформировался в XIX—XX вв. в результате длительного процесса заимствования и калькирования соответствующих слов книжным путем (ср. стсл. *прѣдъвѣзъвати*, гр. *προκαταγγέλλειν*, лат. *praenuntiare*).

61. В перечисленных словообразовательных типах, общих для всех славянских языков, наибольшую функциональную нагрузку несут префиксы *за-* и *пере-*: каждый из них входит в состав трех разных, но генетически связанных словообразовательных типов, общих для всех славянских языков. За ними следуют префиксы *на-*, *с-*, *по-* и *под-*, каждый из которых входит в состав двух разных, однако генетически связанных словообразовательных типов. Остальные восемь префиксов — *над-*, *при-*, *до-*, *от-*, *из-*, *о(б)-*, *раз-* и *пред-* обнаруживают по одной словообразовательной функции, общей для всех славянских языков.

Префиксальные глаголы, в которых видовые значения префиксов преобладают над оттенками их лексических значений (напр., р. *крыть — укрыть, бежать — убежать, греметь — загреметь*, укр. *тікати — утекти, падати — упасти, мокнути — змокнути*), здесь не рассматриваются. Не учитываются также многие префиксальные глаголы с переносными словообразовательными значениями, развившимися на основе значений перечисленных здесь словообразовательных типов (напр., р. *перекипеть, заготовить, облить, заесть*; укр. *перемерзнути, заснути, опрацювати* и др.).

Морфонологические явления при глагольном словообразовании

62. Общей для всех славянских языков является способность глагольной основы мотивирующего слова подвергаться определенным морфонологическим преобразованиям в структуре мотивированного глагола (преимущественно перед суффиксальными морфемами при суффиксальном, префиксально-суффиксальном и суффиксально-постфиксальном способах словообразования). Морфонологические изменения на границе морфем (морфемном шве) обусловлены правилами сочетания (взаимоприспособления) морфем. К этим изменениям, общим для всех славянских языков, относятся: чередование, усечение производящей основы и нерегулярное соотношение основ.

Во всех славянских языках при глагольном словообразовании наиболее характерным видом чередования является традиционное чередование заднеязычных и шипящих *g — ж* (*g — ž, h — ž*), *k — ч* (*k — cz, k — č*), *x — ш* (*ch — sz, ch — š, h — š*) на морфемном шве, возникшее еще в праславянский период (первая палатализация заднеязычных согласных), а также чередование *ц — ч* (*c — č*), в котором объединились результаты первой и второй переходных палатализаций согласного *k*. Ср.: р. *дорогой — дорожить, горький — горчить, пастух — пастушить, кузнец — кузничить*; укр. *дорогий — дорожити, нянь-*

ка — няньчити, сухой — сушити, перець — перчити; бр. *друг — дружыць, батрак — батрачыць, сухі — сушыць*; п. *śnieg — śnieżyć, mrok — mroczyć, suchy — suszyć*; ч. *dlouhý — dloužit, divoký — divočet, vetchý — vešet, hranice — hraničit*; слц. *sluha — služiti, svedok — svedčiti, lenoch — lenošiti, kupec — kupčiti*; вл. *druh — družiti, krok — kročiti, such — sušiti*; нл. *drogi — drożyć, drug — družiti, smėch — smėšyti*; болг. *белег — бележа, посредник — посредника, сух — суша*; м. *слуга — служи, соперник — соперники, дух — души, граница — граничи (се)*; схв. *брлог — брложити, велик — величати, сух — сушити, венец — венчати*; слн. *sluga — služiti, velik — veličati, greh — grešiti, venec — venčati*.

63. Общим для славянских языков является также чередование вокализованных и невокализованных префиксов при образовании глаголов от глаголов: *в-* — *во-* (*vi-, vi-, va-, va-*), *w-* — *we-*, *v-* — *ve-* (*vo-*), *вз-* — *взо-*, *vz-* — *vze-* (*vzo-*), *воз-* — *возо-*, *из-* — *изо-*, *над-* — *надо-* (*нади-, нада-*), *над-* — *nade-*, *низ-* — *низо-*, *об-* (*аб-, об-*) — *обо-* (*аба-, обе-*), *wob-* — *wobe-*, *от-* — *ото-*, *од-* — *оди-, від-* — *види-, ад-* — *ада-, од-* — *ode-(odo-), wot-* — *wote-, под-* — *подо-, під-* — *пиди-, над-* — *нада-, pod-* — *pode-, пред-* — *предо-* (*przed-* — *przede-, před-* — *přede-, pred-* — *predo-, pšed-* — *pšede-*), *раз-* — *разо-, роз-* — *рози-, раз-* — *раза-, roz-* — *roze-, с-* — *со-, з-, с-* — *зи-, зо-, изи-, с-* — *сь-, z-* — *ze-, zo-, s-* — *se-, so-*. Ср. р. *вбросить — вобрать, подплыть — подостлать, размазать — разобрать*; укр. *відлетіти — відібрати, надбігти — надіслати*; бр. *абвезці — абдраць, надбіць — надабраць*; п. *odrobić — odeprzeć, podkarmić — podebrać*; ч. *padněst — nadepsat, odsypat — odehnat, podkopat — podestlat*; слц. *odkrojiti — odopnuti, rozhrabat — rozoslat*; нл. *pšedpisaš — pšedewzeš, wotbyš — wotebraš*; болг. *сближа — събера*; м. *сметне — собере*; схв. *сјединити — сабрати, раздружити — разабрати*; слн. *sleči — sežgati* «сжечь».

Данное явление объясняется различием в морфонологической (глубинной) структуре основ и сначала реализовалось преимущественно в глагольных основах, содержащих морфему *гласная / ъ*. Ср. р. *беру — брать, гоню — гнать, деру — драть*, отсюда (*во-, надо-, обо-, ото-, подо-, разо-, со-*) *брать*, (*во-, обо-, ото-, подо-, разо-, со-*) *гнать*, (*изо-, надо-, обо-, ото-, разо-, со-*) *драть* и т. д., но *подбросить, подставить, надстроить* и др. Позже вокализация префиксов начала использоваться также и в исключительно эвфонических целях: р. *обогреть*, укр. *розікрасти*, бр. *падагрэць*, п. *rozeznać*, ч. *odehrát se* и т. п.

Чередование вокализованных и невокализованных префиксов особенно характерно для восточно- и западнославянских языков. В южнославянских языках оно встречается значительно реже.

64. Чтобы избежать нарушения законов морфонологии, в частности скопления гласных или согласных на морфемном шве, при образовании глаголов от именных частей речи во всех славянских языках могут сокращаться (усекаться) не имеющие самостоятельного значения элементы основы — конечные фонемы, суффиксы и субморфы производящих основ.

При образовании глаголов от имен существительных в славянских языках могут опускаться:

а) конечный гласный основы несклоняемых имен существительных: р. *декольте* — *декольтировать*; укр. *резюме* — *резюмувати*; бр. *пратэжэ* — *пратэжыраваць*; ч. *résumé* — *resumovat*; слц. *dekolté* — *dekoltovat'*; болг. *протеже* — *протежирам*; м. *деколте* — *деколтира*; схв. *резиме* — *резимирати*; слн. *dekolte* — *dekoltirati*; это явление объясняется тем, что в подобных случаях глаголы не образовывались в славянских языках от имен существительных, а заимствовались из западноевропейских языков параллельно с соответствующими существительными вместе с иноязычными глагольными суффиксами, которые в отдельных случаях калькировались славянскими;

б) конечные суффиксы и субморфы: *-к-*, *-ат-*, *-ат(а)*, *-иј-* (*-иј-*, *-ыј-*), *-ик-* (*-ік-*), *-ик(а)*, *-ич-* (*-іч-*), *-н-*, *-ени (ј)-*, *-енок-*, *-циј(а)* и др.: р. *шалевка* — *шалевать*, *пеленка* — *пеленать*, *постулат* — *постулировать*, *цитата* — *цитировать*, *препятствие* — *препятствовать*, *праздник* — *праздновать*, *математика* — *математизировать*, *паралич* — *парализовать*, *дневальный* — *дневалить*, *движение* — *обездвижить*, *теленок* — *телиться*, *транскрипция* — *транскрибировать*; укр. *вудка* — *вудити*, *кокетка* — *кокетувати*, *делегат* — *делегувати*, *цитата* — *цитувати*, *субсидія* — *субсидувати*, *параліч* — *паралізувати*, *математика* — *математизувати*; бр. *жулік* — *жульніцаць*, *параліч* — *паралізаваць*, *цитата* — *цытаваць*, *субсідья* — *субсідзіраваць*; п. *kokietka* — *kokietować*, *cytata* — *cytować*, *transkrypcja* — *transkrybować*; ч. *citát* — *citovat*, *transkripce* — *transkribovat*; слц. *citát* — *citovat'*; болг. *цитат* — *цитирам*, *празник* — *празнувам*, *математика* — *математизирам*, *паралич* — *парализирам се*; м. *цитат* — *цитира*, *празник* — *празнува*; схв. *цитат* — *цитирати*, *празник* — *празновати*, *субвенција* — *субвенисати*; слн. *citát* — *citirati*, *praznik* — *praznovati*; в большинстве приведенных примеров такие формальные соотношения глаголов и существительных объясняются непосредственным заимствованием глаголов вместе с суффиксами из западноевропейских языков; в случаях типа *праздник* — *праздновать*, *жулик* — *жульніцаць* произошли замены исчезнувших мотивирующих слов другими, необоснованные переосмысления структуры мотивирующих слов и др.

При образовании глаголов от имен прилагательных в славянских языках могут усекаются суффиксы *-н-/ан-/ен-* (*-п-/ап-/еп-*), *-к-/ок-*, *-ск-/ськ-* (*-sk-*), *-ок-*, *-ив-*, *-ичн-/ичен-* (*-ычн-*), *-ическ-*, *-иш-*, *-иш-*, *-ейш-* (*-эйш-*), *-нейш-* и др. Ср.: р. *мутный* — *мутить*, *разнообразный* — *разнообразить*, *робкий* — *робеть*, *широкий* — *ширить*, *схематичный* — *схематизировать*, *герметический* — *герметизировать*; укр. *каламутний* — *каламутити*, *близкий* — *близити*, *широкий* — *ширити*, *латинський* — *латинізувати*, *теоретичний* — *теоретизувати*; бр. *нейтральны* — *нейтралізаваць*, *кароткі* — *караціць*, *латынскі* — *латынізаваць*, *шырокі* — *шырыць*, *схематычны* — *схематызаваць*; п. *mętny* — *mącić*, *krótki* — *skrócić*, *łaciński* — *latynizować*, *szeroki* — *szerzyć*; ч. *silný* — *sílit*, *blízky* — *blížít*, *hluboký* — *hloubit*; слц. *mútny* — *mútit'*, *široký* — *širit'*; вл. *hluboki* — *hlubić*,

daloki — *dalić so*; болг. *мътен* — *мътя*, *широк* — *ширя*, латински — *латинизирам*, *херметичен* — *херметизирам*; м. *широк* — *шири*, *матен* — *мати*; схв. *влажан* — *влажити*, *мутан* — *мутити*, *нейтралан* — *нейтралізавати*; слн. *kalen* — *kaliti*. Такое усечение суффиксов в словах, унаследованных из праславянского языка, объясняется тем, что глаголы образовывались от бессуффиксных основ, позже исчезнувших. Усечение в заимствованных словах объясняется непосредственным заимствованием глаголов вместе с их суффиксами из западноевропейских языков.

65. В немногочисленных случаях в славянских языках при образовании глаголов от именных основ конец мотивирующей основы подвергается определенным изменениям — замене отдельных фонем и целых морфов другими, вставками морфов, связывающих именную основу и глагольный суффикс и т. п. Ср.: р. *гипноз* — *гипнотизировать*, *депозит* — *депонировать*, *иней* — *индеветь*, *наркоз* — *наркотизировать*, *мелкий* — *мельчать*, *музыка* — *музицировать*, *паяц* — *паясничать*, *рефлекс* — *рефлектировать* (при наличии *рефлектировать*), *скорняк* — *скорняжничать*, *столб* — *столбенеть*, *суспензия* — *суспендировать* (при наличии *суспензировать*), *тусклый* — *тускнеть*, *флексия* — *флектировать* (при наличии *флектировать*), *фланг* — *фланкировать*, *эмульсия* — *эмульгировать* (при наличии *эмульсировать*); укр. *гіпноз* — *гіпнотизувати*, *депозит* — *депонувати*, *емульсія* — *емульгувати*, *наркоз* — *наркотизувати*, *рефлекс* — *рефлектувати*, *суспензія* — *суспендувати*, *фланг* — *фланкувати*, *флексія* — *флектувати*; бр. *гіпноз* — *гіпнатызаваць*, *дэпазіт* — *дэпаніраваць*, *музыка* — *музіцыраваць*, *наркоз* — *наркатызаваць*, *рэфлекс* — *рэфлектаваць*, *фланг* — *фланкіраваць*, *флексія* — *флекціраваць*; ч. *depozit(um)* — *deponovat*, *hypnóza* — *hypnotizovat*; слц. *depozit(um)* — *deponovat'*, *parkóza* — *narkotizovat'*, *hypnóza* — *hypnotizovat'*; вл. *hypnoza* — *hypnotizować*, *parkoza* — *narkotizować*; болг. *суспензия* — *суспендирам*, *фланг* — *фланкирам*, *хипноза* — *хипнотизирам*; м. *хипноза* — *хипнотизира*; схв. *депозит* — *депоновати*, *наркоза* — *наркотизирати*, *наркотизовати*; слн. *hipnoza* — *hipnotizirati*, *refleks* — *reflektirati*. Это явление, как и часть предыдущих, вызвано непосредственным заимствованием соответствующих глаголов, вместе с их суффиксами и изменениями основ, из западноевропейских языков.

Межъязыковые различия

Способы глагольного словообразования и словообразовательные аффиксы

В словообразовании глаголов современных славянских литературных языков наряду с общими типологическими признаками имеется значительное количество различий.

1. В области способов глагольного словообразования имеет место существенное различие между восточнославянскими языками с их широко и последовательно используемым постфиксальным способом образования глаголов (с неотделимой возвратной частицей *-ся*, квалифици-

руемой в последнее время как постфикс [Рус. грам. I 1980, 124, 138, 384]), и остальными славянскими языками, в которых этот способ отсутствует (возвратные глаголы образуются здесь путем присоединения к невозвратным глаголам отделяемой от них краткой формы винительного падежа возвратного местоимения). Ср. р. *мыться* — *я моюсь*; укр. *сміятися* — *я сміюся*; бр. *стрыгчыся* — *я стрыгуся* и п. *myje się* — *ja się myje*, *buduje się dom* — *dom się buduje*; ч. *myjí se* — *já se myjí*, *staví se dům* — *dům se staví*; слц. *stavia se dom* — *dom se stavia*; вл. *twari so chěža* — *chěža so twari*; болг. *строи се къща* — *къща се строи*; м. *мијам се* — *јас се мијам*; схв. *мијем се* — *ја се мијем*; слн. *zida se hiša* — *hiša se zida*. Различие возникло в результате постепенного слияния в большинстве говоров восточнославянских языков местоименной формы *ся* с глагольными флексиями и превращения ее в неотделимую частицу.

2. В составе инвентаря глагольного словообразования — префиксов и суффиксов — наибольшие различия обнаруживают глагольные префиксы *iz-*, *pro-*, *съ-*, *и-*, *въ-*, *въз-*, *ву-*, которые последовательно выделяются лишь в русском языке. Другие славянские языки в употреблении указанных префиксов при образовании глаголов отличаются рядом особенностей.

Восточно- и западнославянские языки, в которых широко употребляется глагольный префикс *вы-* (*ви-*, *ву-*, *ву-*), в серболужицких языках совпавший с *и-* (*иу-*), противостоят в этом отношении южнославянским языкам, совершенно не знающим этого префикса (в соответствующих случаях здесь употребляется префикс *из-* (*ис-*, *из-*). Ср. р. *выехать*, *вылететь*; укр. *вибігти*, *випекти*; бр. *вынесці*, *выпысці*; п. *wybrać*, *wysunąć*; ч. *vujíť*, *vyskočit*; слц. *vystúpit'*, *vybehnúť*; вл. *wujěć*, *wulećeć*; нл. *wujěś*, *wulešeś*, но болг. *излетя*, *изнеса*; м. *излезе*, *излета*; схв. *изјахати*, *излетети*; слн. *izjahati*, *izleteti*. Хотя небольшое количество глаголов с *ву-*, унаследованных из праславянского языка, зафиксировано в ряде словенских говоров, в старославянском и в древних памятниках других южнославянских языков префикс *ву-* не засвидетельствован, что дает основание считать исчезновение этого префикса здесь довольно давним [Вступ 248].

3. Серболужицкие языки противостоят всем другим славянским языкам полным отсутствием в них префикса *w-*, которому здесь чаще всего функционально соответствует префикс *za-*. Это объясняется тем, что унаследованный всеми славянскими языками из праславянского префикс *въ(п)-* серболужицкими языками в ходе их исторического развития был постепенно утрачен.

4. Серболужицкие языки противостоят остальным славянским языкам также совпадением префикса *wу-* с префиксом *и-* в форме *wи-*: вл. *wučitaś*, *wulećeś*, *wuspřewaś*; нл. *wulešeś*, *wupisaś*, *wuznaś*. Это совпадение произошло сравнительно недавно: лужицкие письменные памятники XVI в. последовательно отражают глаголы с префиксом *wу-* [ср. Ройзензон 1974, 40—41].

5. Русский, польский, чешский, словацкий, болгарский, македонский и словенский языки, последовательно различающие унаследованные из праславянского префиксы *в-* (*во-*, *въ-*, *w-*, *we-*, *ve-*, *v-*,

vo-) < псл. *въ(п)-* и *у-* (*и-*, *wи-*) < псл. *и-* (р. *влететь*, *войти*, *улететь*, *уйти*; п. *wbiec*, *wnieść*, *ubiec*, *unieść*; ч. *vskočit* — *uskočit*; слц. *vletiet'* — *uletiet'*; болг. *въведа*, *вляя*, *убягне*, *укрия*; м. *вдене*, *внесе*, *убие*, *укаже*; слн. *vdeti*, *vložiti*, *uteći*, *ivesti*), противостоят украинскому, белорусскому и сербохорватскому языкам, в которых *в-* (*v-*) совпал с префиксом *у-*, причем в украинском и белорусском языках этот объединенный префикс выступает в двух позиционно обусловленных фонетических вариантах — *в-(ѵ-)* и *у-* (ср. укр. *внести/унести*, *вмити/умити*; бр. *Ўбегчы/убегчы*, *Ўкрыць/укрыць*; схв. *уписати*, *уписати*). Это различие было обусловлено фонетическим превращением лабио-дентального согласного *v* после падения следовавшего за ним слабого гласного *ъ* в украинском, белорусском и сербохорватском языках в билабиальный согласный (полугласный), который затем совпал с гласным *у*. В чешском и словацком языках произошел частичный фонетический переход *v* в *и-* преимущественно перед *v*: ч. *uvrhnout* со до *čeho*; слц. *uviesť*, *uvrhnúť*.

6. Русский и южнославянские языки, последовательно различающие префиксы *с-* (*со-*, *съ-*, *з-*, *s-*, *z-*) и *из-* (*ис-*, *из-*), противостоят в этом отношении остальным славянским языкам, в которых соответствующие функции выполняет один и тот же префикс *с-* (*з-*, *зі-*, *са-*, *z-*, *ze-*, *s-*, *zo-*, *se-*). Ср. р. *сходить*, *сорвать* — *исходить*, *избегать*, *изорвать*; болг. *слеза*, *съсека* — *излеза*, *изсека*; м. *снесе*, *збие* — *изнесе*, *избие*; схв. *сковати*, *сабрати*, *збити* — *исковати*, *из(а)брати*, *избити*; слн. *sestaviti*, *zgnati* — *izstaviti* «выставить», *izgnati*, но укр. *сходити*, *зірвати*, *зрешетити*; бр. *збіць*, *сзвациць*, *згадзіць*, *здзіравіць*; п. *zebrać*, *zjeździć*; ч. *sestoupit*, *zběhnout*, *zranit*; слц. *stiahnut'*, *zletiet'*, *zbrázdit'*; вл. *sčahnyć*, *skusać*, *zlězć*; нл. *zlizaś*, *skusaś*. Это различие возникло в результате фонетической редукции начального гласного *и* (*i*) в соответствующей части славянских языков и процессов ассимиляции префиксов *с-*, *з-* (<*iz-*) по глухости-звонкости к следующему согласному.

7. Украинский и серболужицкие языки противостоят всем остальным славянским языкам, более или менее последовательно различающим префиксы *вз-* (*воз-*, *взо-*, *вс-*, *вос-*, *уз-*, *vz-*, *въз-*) и *с-* (*со-*, *з-*, *са-*, *s-*, *se-*, *z-*, *ze-*), между тем как в украинском и серболужицких языках *вз-* (*wz-*) не отличается от префикса *з-* (*зі-*, *с-*, *z-*, *ze-*, *s-*), за исключением деэтимологизированных форм укр. *взяти*, вл. *wzać*, нл. *wześ*. Ср. укр. *звотати*, *скипити*; вл. *zběhać* «поднимать», *zlězć* «взлезть»; нл. *schadaś* «всходить» в соответствии к р. *взболтать*, бр. *узбегчы* и др. (но *зважыць*, ср. р. *взвесить*), п. *wzlecieć* и др. (но *zwias-tować*), ч. *vzletět* и др. (но *zdvihnout*), слц. *vzkypiet'* и др. (но *zvýsknut'*), м. *воспротиви се* (при *спротиви се*). В южнославянских языках префикс *vz-* (*уз-*), *въз-* малоупотребителен — он заменяется другими префиксами, но не сливается с префиксом *с-* (*з-*, *s-*, *z-*). Ср. болг. *възбуда*, *възвирам*, *възложя*, *възляза*; схв. *узвикнути* «вскрикнуть», *узвити*, *узлетати*; слн. *vzkipeti*, *vzplameneti*, *vzmahniti*, *vznemiriti* «взбалмутить» и т. п. Это различие объясняется фонетическим сближением префиксов *вз-* (*wz-*) и *з-* (*z-*) < **съ(п)-* в украинском, серболужицких и частично в других языках.

8. Восточнославянские, южнославянские и чешский языки, последовательно различающие префиксы *про-* (рго-) и *пере-* (*пера-*, рге-), противостоят остальным западнославянским языкам, в обоих случаях обнаруживающим один и тот же префикс рге- (рге-, рге-, рсе-): р. *прорубить* — *перерубить*; укр. *пролетіти* — *перелетіти*; бр. *прабіць* — *перабіць*; болг. *провъртя* — *первъртя*, м. *прогледа* — *прегледа*, схв. *прокопати* — *прекопати*; слн. *prodreti* — *predreti*, ч. *probrat* — *přebrat*, но п. *przebiec* «пробежать, перебежать», *przeczekać* «переждать»; слц. *preletiet* «пролететь, перелететь»; вл. *přeleceť*, нл. *pseleesē* «тж.» и др. Это различие объясняется совпадением двух унаследованных из праславянского языка фонетически и семантически близких префиксов рго- и рге- в польском, словацком и серболужицких языках. Префикс рго- постепенно вытесняется префиксом рге- также в словенском языке. Этому способствует произношение рго- в безударной позиции как рге-, из-за чего наряду с немногочисленными словами с префиксом рго- (*prodati*, *proslaviti* и др.) встречаются слова с префиксом рге-, совмещающим функции обоих префиксов: *preiti* «перейти; пройти», *pregledati* «пересмотреть; посмотреть». В белорусском языке вследствие аканья и отвердения исконно мягкого *р'* глагольные префиксы *про-* и *пере-* (в церковнославянской огласовке) совпали в *пра-*: *праследваць*, *прадаць* и др.

9. Украинскому, белорусскому и чешскому языкам характерен неизвестный другим славянским языкам новый глагольный префикс *попо-*, возникший путем удвоения широко употребительного префикса *по-* и воспринимающийся уже не как сложный, а как неразложимый единый префикс: укр. *попоїсти*, *попобігати*, *попомерзнути*; бр. *папабегаць*, *папагаварыць*, *папамерзнуць*, *папастарыцца*; ч. *porojet* «немного проехать» [Вступ 248]. Ср. также удвоенный префикс *по-* в м. *попогледне*, *попокрие*, р. разг. *попобегать*.

10. В глагольной префиксации славянских языков наблюдаются и более мелкие явления, представленные в разных языках различными фактами или же характерные лишь для одного или нескольких языков. К ним относятся комбинированные префиксы *спо(а)-* в украинском и белорусском языках (укр. *спожити*, *спородити*; бр. *спажыць*, *спагнаць*, *спазнаць*, *спарадзіць*), *роз-* в чешском языке (*rozvutahovat*), *испо-* (*изпо-*) в болгарском, македонском и сербохорватском языках (болг. *изпоизбеля*; м. *испотена*; схв. *испогибати*, *испоредити*). Кроме того, по грамматическим традициям, сложившимся в том или ином славянском языке, в состав глагольных префиксов этих языков включаются такие префиксы, как р. *противо-* (*противодействовать*, *противостоять*, *противоопоставить*), укр. *проти-* (*протидіяти*, *протистояти*, *протипоставити*), бр. *проці-* (*проціпаставіляць*, *процідзейнічаць*, *процістаяць*), *супраць-* (*супрацьпаставіць*, *супрацьстаяць*), п. *przeciw-* (*przeciwdziałać*, *przeciwstawić*, *przeciwuderzać*, *przeciwważyć*), слц. *protiv-* (*protivutočiti*), болг. *противо-* (*противодействувам*, *противополагам*, *противоопоставя*), м. *против-* (*против(по)стави*), схв. *против-* (*противставити*, *противстајати*, *противстати*), болг. *врѣх-* (*врѣхлетя*), *зад-* (*задминавам* «опережать, перегонять»), м. *зад-* (*зат-*) (*затскрие* «скрыть, спрятать», *затпостави*), м. *су-* (*сузбие*

«отбить, отразить», *суздаде* «поддаться, сдаться», *суправи* «навести порядок»), схв. *мимо-* (*мимолазити*, *мимоїти*).

11. Незначительные различия между славянскими языками в составе глагольных суффиксов объясняются преимущественно иноязычными влияниями. В частности, русский и болгарский языки выделяются продуктивным в книжной речи глагольным суффиксом *-ствова(ть)*, *-ствува(м)* староболгарского (церковнославянского) происхождения. Ср. р. *бодрствовать*, *здравствовать*, *наличествовать*, *долженствовать*, *сопутствовать*, *усердствовать* и др., болг. *бодърствувам*, *съпътствувам*, *лентяйствувам*. Данная модель особенно распространена в русском языке, где глаголы на *-ствова(ть)* первоначально образовывались от имен существительных на *-ство*, *-ствие*, но затем этот тип распространился и на случаи, где этого суффикса не было. В украинском, белорусском и македонском языках при свободном образовании глаголов с суффиксом *-ува-* (*-ава-*) от существительных на *-ств-о*, *-ств-ие* (укр. *торжествувати*, *ораторствувати*; бр. *п'янтстваваць*, *шэфстваваць*; м. *безумствува*, *учителствува*) глаголы с суффиксом *-ствува-* (*-ствова-*) от других основ отсутствуют. При необходимости обозначения соответствующих действий употребляются суффиксы *-ува-ти*, *-ава-ць* (р. *злоствовать*, укр. *злобувати*; р. *умствовать*, укр. *мудрувати*, бр. *мудраваць*), в белорусском языке — также суффикс *-ніча-ць* (р. *злоствовать* — бр. *злоснічаць*) или описательные обороты (р. *бодрствовать* — укр. *не спати*, бр. *не спаць*; р. *здравствовать* — укр. *бути живим і здоровим*, бр. *быць здоровым*). В качестве исключения может быть приведено схв. *умствувати*.

12. Словенский язык отличается от всех остальных славянских языков полным отсутствием заимствованного из французского языка суффикса *-iz(ov)a-*, который является мало обычным также для болгарского и македонского языков. Ср. р. *колонизовать*, укр. *яровізувати*, бр. *активізаваць*, п. *detalizować*, ч. *normalizovat*, слц. *centralizovat*, вл. *legalizować*, нл. *realizowaś*, болг. *романизувам*, м. *романизува*, схв. *вулгаризувати*. В словенском языке (как и в болгарском и македонском) этому суффиксу обычно соответствует *-iziga-* (болг. м. *-изира-*).

13. Русский и южнославянские языки, широко использующие заимствованный генетически сложный суффикс *-изирова-* (*-изира-*, *-iziga-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого суффикса: р. *сигнализировать*, болг. *иронизирам*, м. *симпатизира*, схв. *србизирати*, слн. *jarovizirati*. Украинский, белорусский и западнославянские языки в соответствующих случаях используют обычно заимствованный суффикс *-изува-* (*-изава-*, *-izowa-*, *-izova-*).

14. Характерной особенностью южнославянских языков, отличающей их от других славянских, является наличие в них глагольного суффикса с инвариантным элементом *-са-* (*-ос(в)а-*, *-ес(в)а-*, *-ис(в)а-*, *-ус(в)а-*, *-яс(в)а-*, *-оса-*, *-јоса-*). Этот суффикс, состоящий из заимствованной морфемы *-са-* греческого аористного суффикса (*-σα-*) и славянской морфемы *-(в)а-*, в южнославянских языках встречается прежде всего в глагольных заимствованиях из греческого и турецкого языков. Ср. болг. *здрависам*, *пудросам*, *захаросам*, *ванс(в)ам* «красить», *залис(в)ам* «отвлекать внимание», *липс(в)ам* «пропадать», *орисвам*

«предопределять будущее» и др.; м. *брадоса* «образы бородой», *гнојоса* «загноиться», *парчоса* «изорвать», *тревјоса* «зарастить травой», *црвоса*; схв. *будалисати* «глупить, делать глупости, валять дурака», *инвентарисати*, *интервјуисати*, *коментарисати*, *концентрисати*, *култивисати*, *телеграфисати*; слн. *žigosati* «штемпелевать, клеймить». Суффикс *-са-* был заимствован южнославянскими языками не позднее IX—X вв. Об этом свидетельствуют самые ранние памятники болгарского языка, где встречаются глаголы *власфимисати*, *магоуцисати*, *лписати*, *канонисати*, *сканѣдалисати* и др. [Мирчев 1978, 75]. Позже суффикс *-с(в)а-* стал употребляться и при словообразовании болгарских глаголов от славянских основ: *белис(в)ам*, *белос(в)ам*, *варос(в)ам*, *ядос(в)ам* и др. По подсчетам Д. Матова, в болгарском языке имеется около 400 глаголов с суффиксом *-с(в)а-*, из них $\frac{1}{4}$ — греческого, $\frac{1}{2}$ — турецкого происхождения и $\frac{1}{4}$ — местные образования [Матов 1899, 24—30; Филипова — Байрова 1969, 43]. В сербохорватском языке суффикс *-иса(ти)* может употребляться параллельно с *-ира-ти*: *-иса-ти* преобладает на востоке, *-ира-ти* — на западе: *конструисати* — *конструирати*, *легитимисати* — *легитимирати*, *оперисати* — *оперирати*, *регулисати* — *регулирати*, *функционисати* — *функционирати*. Однако и на западе существует ряд слов, употребляющихся с суффиксом *-иса-* (*бакарисати*, *зборисати*, *адвокатисати*, *деканисати*, *директорисати*, *секретарисати*, а на востоке — слова с *-ира-ти* (*гранулирати*, *демонстрирати*, *мигрирати*, *провоцирати*, *пропагирати*, *студирати*, *финансирати*, *цитирати*) [Стевановић 1970, 577—578].

Своеобразным расширенным вариантом суффикса *-са-* в болгарском и македонском языках является глагольный суффикс *-диса-м/-тиса-м*, встречающийся обычно в заимствованиях из турецкого языка: болг. *боядис(в)ам* «красить», *калайдис(в)ам* «полудить», *уйдурдис(в)ам* «приладить»; м. *бојадиса*, *курдиса*. Суффиксальный компонент *-ди-* восходит к турецким глагольным формам прошедшего времени (болг. *боядисам* < форма прошедшего времени тур. *boyadıım* от глагола *boyamak*) [Мирчев 1978, 86].

15. Только русскому языку издавна был характерен продуктивный в разговорной речи и в просторечии глагольный суффикс *-(н)ича-ть* (*бродяжничать*, *важничать*, *откровенничать*, *подличать*). Под влиянием русского языка этот суффикс стал употребляться в украинском, белорусском, болгарском и македонском языках: укр. *дипломатничати*, *нахабничати*, *фіглярничати*; бр. *арыгінальнічаць*, *важнічаць*, *школьнічаць*, *фамільярнічаць*; болг. *интимнича*, *любезнича*, *нервнича*, *оригиналнича*; м. *нервничі*, *оригиналничі*. В белорусском языке суффикс *-ніча-* выступает даже в некоторых глаголах, образованных от имен существительных на *-ство*, от которых в русском языке образуются глаголы только с суффиксом *-ствова-ть*: бр. *донкіхотнічаць* (р. *донкихотствовать*), *садзейнічаць* (р. *содействовать*) и др.

16. Чешский, словацкий и южнославянские языки противостоят остальным славянским языкам сравнительно широким распространением в них уменьшительного глагольного суффикса *-ка-* (*-ка-*, *-іпка-*, *-урка-*, *-у(ц)ка-*): слн. *stopkati*, *spančkati*; ч. *supkat* «топать, идти,

семенить» (дет.), *tlapkat* «семенить», *blinkat* «тошнить, рвать» (дет.), *bolinkat*, *hajinkat* «бай-бай», *spinkat*; слц. *bol'kat'*, *jedkat'*, *gobkat'*, *sadkat'* «присаживаться; садиться» (дет.), *dupkat'*, *hajkat'*, *hajinkat'*, *hajenkat'*; болг. *боричкам* (*се*) «бороться (дружески)», *гледкам* «поглядывать», *клатучкам* «покачивать», *свиркам* «насвистывать», *тропкам*, *тупкам*; м. *боцка* «покачивать», *клацка* «покачивать», *свирка*, *тропка*, *тупка*; схв. *боцкати*, *говоркати*, *дреमुцкати*, *зопкати* «поклевать», *пијуцкати*, *пеуцкати*, *свиркати* и др. Ср. единичные случаи в некоторых других славянских языках: укр. *лизькати*, *тицькати*; вл. *spinkač* «бай-бай»; слн. *dremuckati*.

17. В глагольной суффиксации южнославянских языков наблюдаются и чисто местные суффиксы, в частности, болг. *-ул-я*, *-ол-я*, м. *-ол-и*, схв. *-уши-ти*, слн. *-lja-ti*, имеющие деминутивное значение: болг. *кривуля*, *вѣртоля*, *трополя*, *шумоля*; м. *шумоли*, *шушоли*; схв. *пеушишти* и др. В противоположность этому, некоторые суффиксы имеют аугментативное или пейоративное значение: болг. *-отя* (увеличительное и пренебрежительное значение) — *гукотя*, *драскотя*, *мачкотя*, *тропотя*, *цапотя*; м. *-оти* (увеличительное значение) — *грготи*, *ломоти*, *пискоти*, *трескоти*, *штракоти*; схв. *-уљити*, *-уцкати*, *-арати* (пренебрежительное значение) — *смејуљити се*, *дремуцкати*, *вуцарати се* «шляться, слоняться», *лупарати* «нести вздор, молоть чепуху». Эти суффиксы явились результатом самостоятельного развития словообразовательных систем отдельных южнославянских языков.

18. Среди западнославянских языков выделяются чешский и словацкий наличием у них глагольного словообразовательного суффикса *-natět*, *-natiet'*: ч. *vodnatět*, *kornatět* «отвердевать, терять эластичность»; слц. *vodnatiet'*, *kornatiet'*, *uhol'natiet'*.

Словообразовательные типы глаголов, мотивированных именными частями речи

19. Различия между славянскими языками в составе словообразовательных типов глаголов значительно более многочисленны, чем различия в составе формальных средств глагольного словообразования. Они обусловлены тремя основными факторами исторического характера: утратой части унаследованных словообразовательных типов в отдельных славянских языках, развитием в отдельных языках новых словообразовательных типов из унаследованного словообразовательного материала и заимствованием в отдельные славянские языки новых словообразовательных средств из других языков.

20. Восточнославянские языки, в которых существует словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-а-* (*-я-*), означающих действия или занятия лиц, называемых мотивирующим именем существительным (р. *щеголять*, *угодничать*, *бабничать*, *садовничать*; укр. *суперничати*, *фокусничати*, *капосничати*; бр. *настаўнічаць*, *агароднічаць*, *двурушнічаць*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим такого типа. Это типологическое различие возникло в результате заимствования (и калькирования) соответствующих глаголов украинским и белорусским языками из русского, в котором они сформиро-

вались в основном как производные от имен существительных на *-ник*, вероятно, по аналогии к глаголам на *-ова-* (*плутовать, воровать*).

21. Восточнославянские языки выделяются также наличием у них неизвестного остальным славянским языкам словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-нича-* (*-нича-*), означающих действия и занятия лиц, называемых мотивирующим именем существительным: р. *портняжничать, бродяжничать, сумасбродничать, столярничать*; укр. *кустарничати, верхоглядничати, ловеласничати, дармоїдничати*; бр. *сталярнічаць, лодарнічаць, гультайнічаць*. Это различие, как и предыдущее, возникло в результате заимствования соответствующих образований в украинский и белорусский языки из русского, в котором десубстантивные глаголы на *-нича-* возникли под влиянием глаголов на *-а-*, образованных от основ имен существительных на *-ник* (см. предыдущий тип). Ср. появление аналогичного образования (на *-нич-*) в болгарском языке: *кокетнича*.

22. Болгарский, македонский и словенский языки выделяются отсутствием у них свойственного в незначительной степени всем остальным славянским языкам словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-а-* (*-я-*), означающих проявление свойств или действий, характерных для предмета, называемого мотивирующим именем существительным. Ср. р. *светать, холодать, петлять*; укр. *світати, холодати, петляти*; бр. *світаць, пятляць*; п. *švitać*; ч. *svítat*; слц. *svitat'*; вл. *switać*; нл. *switaś*; схв. *колати* «кружиться». Это различие возникло в результате утраты тремя южнославянскими языками унаследованного из праславянского языка немногочисленного словообразовательного типа.

23. Русский и южнославянские языки выделяются отсутствием у них свойственного остальным славянским языкам синонимичного предыдущему словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-ова-* (*-ава-*, *-ува-*, *-ова-*). Ср. укр. *вирувати, колувати, урядувати, фонтанувати, патрулювати, пікетувати*; бр. *фантанавачь, патрулявачь*; п. *kołowac*; ч. *kolovat, patrolovat*; слц. *kolovat', patrolovat'*; вл. *deś-ćować, gosować, patroljować*; нл. *mgozowaś* «индеветь». Это различие возникло, по-видимому, как следствие образования данного типа в западных говорах праславянского языка, откуда он, возможно, уже в исторический период, распространился также на украинский и белорусский языки.

24. Восточнославянские, польский и сербохорватский языки, в которых имеется семантически близкий к двум предыдущим словообразовательный тип глаголов на *-е-* (*-і-*) с оттенком становления, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. *вечереть*; укр. *вечоріти, ночіти, жаріти*; бр. *вечарэць*; п. *dnieć*; схв. *дажджети*. Различие вызвано утратой в ряде славянских языков этого немногочисленного словообразовательного типа, унаследованного из праславянского языка. В таких языках соответствующие значения выражаются другими словообразовательными формами или же словосочетаниями (ср. ч. *schylovat se k večeru*; слц. *dnit' sa*; болг. *свечеря се*).

25. Русский и южнославянские языки, в которых имеется крайне

узко представленный словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ирова-* (*-ира-*, *-іра-*), означающих действие, свойственное предмету, названному мотивирующим именем существительным, противостоят украинскому, белорусскому и западнославянским языкам, не знающим этого типа: р. *патрулировать, пикетировать*; болг. *патрулирам, пикетирам*; м. *патролира*; схв. *патролирати*; слн. *patruljirati*. Различие объясняется малой употребительностью заимствованного суффикса *-ірова-* (*-ирува-*, *-ірава-*, *-егова-*, *-егова-*) в западнославянских, украинском и белорусском языках, в которых соответствующие глаголы образуются с суффиксом *-ува-* (*-ава-*, *-ова-*, *-ова-*).

26. Польский и серболужицкие языки выделяются отсутствием у них свойственного остальным славянским языкам словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-ірова-* (*-егова-*), означающих действия, названные мотивирующими именами существительными, как правило, заимствованными. Ср. р. *ремонтировать, дренажировать, синтезировать, галопировать, контролировать, маневрировать*; укр. *марширувати, репетирувати, пікірувати*; бр. *маршыраваць, ваяжыраваць, фантазіраваць, гастраліраваць, амнісціраваць*; ч. *fantazírovat*; слц. *fantazírovat'*; болг. *бойкотирам, пропагандирам, пародирам, шантажирам*; м. *синтезира, рецензира, пулсира, гарантира*; схв. *дебатирати, контролирати, рекламирати, пародирати*; слн. *kontrolirati, fantazirati, analizirati*. Различие объясняется неупотребительностью в польском и серболужицких языках заимствованного суффикса *-ірова-* (*-егова-*), которому в таких случаях здесь соответствует суффикс *-ова-*. В чешском и словацком языках рассматриваемый словообразовательный тип также представлен лишь единичными примерами.

27. Большинству славянских языков, в которых имеется синонимичный предыдущему словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-изова-* (*-изува-*, *-ізава-*, *-ізова-*, *-ізова-*), противостоят болгарский, македонский и словенский языки, не знающие этого типа: р. *сигнализировать, терроризировать, агонизировать*; укр. *симпатизувати, іронізувати, сигналізувати*; бр. *сымпатызаваць, аганізаваць, іранізаваць, сігналізаваць*; п. *sympatyzować, terroryzować, ironizować, sygnalizować*; ч. *ironizovat, agonizovat, sympatizovat, signalizovat*; слц. *terorizovat', signalizovat', ironizovat'*; вл. *signalizować, sympatizować*; нл. *terorizowaś, sympatizowaś*; схв. *иронизовати, симпатизовати, сигнализувати*. Различие вызвано тем, что в болгарском, македонском и словенском языках не получил распространения суффикс *-изова-* (*-изова-*).

28—29. Русский и болгарский языки, в которых имеется словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ствова-* (*-ствува-*), означающих проявление действий, состояний или свойств, называемых мотивирующими именами существительными, противостоят всем остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. *наличествовать, роскошествовать, благодушествовать, ответствовать*; болг. *изобилствувам, способствувам*. Различие вызвано образованием в русском и болгарском языках нового суффикса *-ствова-* путем слияния унаследованного глагольного суффикса *-ова-* (*-ува-*) с суффиксом имен существительных *-ств-*.

30. Серболужицкие языки, в которых отсутствует словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-a-* (*-e-*), означающих проявление состояний и свойств, называемых мотивирующими именами прилагательными, противостоят всем остальным славянским языкам, обнаруживающим этот тип в ограниченном количестве примеров. Ср. р. *хворать, хромать, дерзать, голодать*; укр. *сліпати, буяти, голодати*; бр. *галадаць*; п. *šlępać, bujać*; ч. *chutnat, bujet*; слц. диал. *chromat', bujat'*; болг. *бързам, дързя, буя(я)*; м. *брза*; схв. *дрзати, храмати, брзати, бујати, мудрати*; слн. *hramati, hromati, divjati* «беситься», *bržati*. Различие вызвано утратой в серболужицких языках этого унаследованного из праславянского языка немногочисленного типа.

31. Восточнославянские, болгарский и македонский языки, в которых имеется словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ич(a)-* (*-іча-*), означающих проявление свойств, называемых мотивирующими именами прилагательными, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. *жадничать, важничать, любезничать, подличать*; укр. *скромничати, наївничати, делікатничати, сентиментальничати*; бр. *злараднічаць, важнічаць, моднічаць, наївнічаць*; болг. *важнича, любезнича, нервнича, капризнича*; м. *важничичи, љубезничичи, сентименталничичи*. Это различие возникло в результате заимствования некоторыми славянскими языками соответствующих глаголов из русского языка, в котором они сформировались под влиянием десубстантивных глаголов типа *столярничать* (см. п. 22).

32. Серболужицкие, македонский и сербохорватский языки, в которых отсутствует словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-e-* (*-ě-*), означающих самопроизвольное превращение в предмет, называемый мотивирующим именем существительным, противостоят остальным славянским языкам, обнаруживающим этот тип в ограниченном количестве примеров. Ср. р. *сиротеть, сиветь, звереть, сатанеть*; укр. *бабіти, дубіти, попеліти, скліти, стовніти, совіти, теріти, звіріти*; бр. *сірацець, папалець, дубець, звярэць, савець*; п. *sierocieć, polaczec, babieć, zwierzęcieć, dębieć, popieleć*; ч. *havranět*; слц. *hmyziet', jarabiet'*; болг. *сиромашея*; слн. *siromašeti*. Это различие обусловлено утратой в части славянских языков словообразовательного типа, унаследованного в ограниченном составе из праславянского языка или изменением его формального облика (ср. в этом словообразовательном значении м. *сиромашаи (се)*, схв. *сиромашити*).

33. Русский, украинский, чешский и сербохорватский языки, в которых имеется словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-а-*, означающих приобретение или усиление свойства, называемого мотивирующим именем прилагательным, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа: р. *худать, плошать, дорожать, дичать, ветшать, нищать, тощать, мельчать, легчать*; укр. *ближчати, вужчати, дужчати, слабшати, глибшати, рідшати, молодшати*; ч. *bělat, běpnat*; схв. *дебьати* «толстеть», *јачати* «крепнуть», *једрати* «плотнеть», *мекшати*. Различие возникло в результате утраты

большинством славянских языков унаследованного из праславянского языка количественно ограниченного словообразовательного типа, к которому в украинском языке присоединились многочисленные глагольные образования от форм сравнительной степени прилагательных типа *тяжчий* — *тяжчати* (<*tęžъčęti), *здоровіший* — *здоровішати* (<*zdorvęšęti) с *-а-*, восходящим к этимологическому *-ě-* после шипящих.

34. Болгарский, македонский и словенский языки, в которых отсутствует словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ова-* (*-ова-*), означающих действие, превращающее один предмет в другой, называемый мотивирующим именем существительным, противостоят остальным языкам, обнаруживающим этот тип (в сербохорватском языке встречен один пример). Ср. р. *уродовать, коксовать, силосовать, клинкеровать, шельмовать*; укр. *консервувати, силосувати, коксувати, фільмувати, режюмувати, шельмувати*; бр. *каксаваць, кансерваваць, сіласаваць, клінкераваць*; п. *proszkować, ziarnować, koksować, kopiować, modelować, szelmować*; ч. *práškovat, koksovat, portrétovat, konspektovat, kaceřovat* «обвинять в ереси»; слц. *konzervovat', koksovat', konspektovat'*; вл. *konserwować, modelować, portretować, śrótować* «крупно молоть»; нл. *šrotowaś*; схв. *коксовати*. Различие возникло, по-видимому, в результате позднего развития и распространения словообразовательного типа путем книжных заимствований в соответствующей части славянских языков.

35. Словенский язык, не обнаруживающий синонимичного предыдущему словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-изова-*, противостоит всем остальным славянским языкам, в которых этот тип имеется. Ср. р. *романизовать, колонизовать*; укр. *українізувати, слов'янізувати, догматизувати, колонізувати*; бр. *беларусізаваць, гіпербалізаваць, гераізаваць, германізаваць*; п. *proletaryzować, schematyzować, angliczować*; ч. *kolonizovat (kolonisovat), amerikanizovat (amerikanisovat)*; слц. *dogmatizovat', kolonizovat', germanizovat'*; вл. *proletarizować, kolonizować*; нл. *germanizowaś*; болг. *романизувам*; м. *романизува*; схв. *романизовати, германизовати, американизовати*. Различие вызвано тем, что в словенский язык не был заимствован суффикс, при помощи которого образован данный тип глаголов. Минимальное распространение получил он также в болгарском и македонском языках.

36. Украинский, белорусский, польский и нижнелужицкий языки, не знающие синонимичного предыдущим словообразовательного типа с суффиксом *-ирува-* (*-ірова-*, *-егова-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых такой тип имеется. Ср. р. *консервировать, моделировать, конспектировать, портретировать, копировать*; ч. *kopřovat*; слц. *kopřovat'*; вл. *kopřować*; болг. *консервирам, коксирам, силажирам, моделирам, копирам*; м. *конзервира, моделира, силажира, копира, портретира*; схв. *конзервирати, коксирати, копирати*; слн. *modelirati, kopirati, konzervirati, portretirati*. Различие вызвано нераспространенностью заимствованного суффикса *-irova-* (*-егова-*) в польском и серболужицких языках. Слабо представлен этот тип и в остальных западнославянских языках.

37. Русский и южнославянские языки, обнаруживающие синонимичный предыдущим словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-изирова-* (*-изира-*, *-izirga-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. *романтизировать, славянизировать, украинизировать, догматизировать, автоматизировать, шампанизировать*; болг. *романизирам, славянизирам, колонизирам*; м. *германизира, романизира, пролетаризира*; схв. *американизирати, србизирати, романизирати*; слн. *anglizirati, germanizirati, dogmatizirati*. Различие вызвано неодинаковой распространенностью заимствованного суффикса *-изирова-* в славянских языках.

38. Серболужицкие языки, в которых не обнаруживается синонимичный предыдущим словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-fikowa-* (*-fict(ow)a-*), противостоят всем остальным славянским языкам, знающим этот тип. Ср. р. *русифицировать, персонифицировать*; укр. *русифікувати, персоніфікувати*; бр. *русифікаваць, персоніфікаваць*; п. *rusyfikować, rusyfikovat, personifikovat*; слн. *rusifikovat', personifikovat'*; болг. *персонифицирам*; м. *русифицира, персонифицира, персонификува*; схв. *русифицирати, русификовати, персонифицирати*; слн. *rusificirati*. Расхождение может быть только кажущимся, поскольку слова, соответствующие п. *rusyfikować, personifikować*, в серболужицких языках вполне возможные, могли оказаться случайно не зафиксированными в словарях.

39. Словенский (и нижнелужицкий) язык, в котором отсутствует словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ова-* (*-owa-*), означающих разделение предметов на части, характер и форма которых называется мотивирующими именами существительными, противостоит всем остальным славянским языкам, имеющим этот тип. Ср. р. *скирдовать, тюковать, четвертовать, пластовать, сортовать, комплектовать*; укр. *стогувати, шматкувати, гуртувати, пакувати, членувати, парувати, сортувати, групувати, брошурувати*; бр. *сціртаваць, пластаваць, цюкаваць, камплектаваць, штабеляваць, брыкетаваць, гранулаваць*; п. *kawałkować, stertować, warstwować, parować, dozować*; ч. *stohovat, papákovat* «скирдовать», *briketovat*; слн. *granulovat', dózovat', grupovat'*; вл. *kuskować, rakować, krupičkować, briketować*; болг. *пластувам, комплектувам*; м. *пакува*; схв. *паковати, комплектовати*. Различие вызвано тем, что в словенском языке глагольный суффикс *-ова-* в подавляющем большинстве случаев вытеснен суффиксом *-а-*. Соответствующие нижнелужицкие образования с суффиксом *-ова-* могли остаться не зафиксированными в словарях.

40. Западнославянские языки, не обнаруживающие синонимичного предыдущему словообразовательного типа с суффиксом *-а-*, противостоят восточно-и южнославянским языкам, в которых этот тип имеется в крайне ограниченном составе. Ср. р. *верстать, пластать, комкать*; укр. *верстати*; бр. *вярстаць, комкаць*; болг. *броширам*; м. *брошира*; схв. *комадати* «делить на куски», *парчетати* «тж.», *гомилати* «складывать в кучи»; слн. *kosati* «разбивать на куски». Различие возникло в результате утраты западнославянскими языками унаследованного из праславянского языка немногочисленного словообразовательного типа.

41. Украинский, польский, чешский и нижнелужицкий языки,

не имеющие синонимичного предыдущему словообразовательного типа с суффиксом *-ирува-* (*-igowa-*, *-egowa-*, *-igova-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых такой тип представлен. Ср. р. *дозировать, штабелировать, группировать, брикетировать, гранулировать*; бр. *дазіраваць, эшаланіраваць*; слн. *sortirovat'*; вл. *sortigować*; болг. *дозирам, сортирам, пакетирам, брикетирам, групирам*; м. *комплетира, сортира, групира*; схв. *пакетирати, группирати, сортирати, гранулирати, комплетирати*. Различие вызвано необычностью заимствованного суффикса *-igova-* (*-igowa-*, *-ирува-*) для западнославянских и украинского языков. В словацком и верхнелужицком языках этот тип тоже представлен лишь единичными примерами.

42. Русский, нижнелужицкий, болгарский, македонский и словенский языки, в которых отсутствует синонимичный предыдущим словообразовательный тип с суффиксом *-изова-* (*-izowa-*, *-изува-*, *-iz(ov)a-*), противостоят остальным славянским языкам, обнаруживающим этот тип в крайне ограниченном количестве примеров. Ср. укр. *колективізувати, систематизувати*; бр. *калектывізаваць, сістэматызаваць*; п. *systematyzować, kolektywizować*; ч. *kolektivizovat, systematizovat, systemizovat*; слн. *kolektivizovat', kompletizovat'*; вл. *kolektivizować, sistematizować*; схв. *систематизувати*. Различие обусловлено слабой употребляемостью заимствованного суффикса *-изова-* в соответствующих славянских языках и количественной ограниченностью рассматриваемого словообразовательного типа.

43. Русский и южнославянские языки, обнаруживающие в ограниченном количестве примеров словообразовательный тип глаголов с суффиксом *-ирова-* (*-ира-*, *-iga-*), означающих придание предметам свойств, на которые указывают мотивирующие имена прилагательные, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа: р. *назалировать, специфицировать, абстрагировать*; болг. *абстрахирам, специфицирам*; м. *активира, апстрахира, специфицира*; схв. *активирати, детальирати, апстрахирати*; слн. *abstrahirati, detailirati, intenzivirati*. Различие обусловлено низкой употребительностью заимствованного суффикса *-igova-* (*-igova-*, *-ирува-*, *-ирова-*) в западнославянских, украинском и белорусском языках.

44. Болгарский, македонский и словенский языки, в которых не обнаруживается синонимичный предыдущему словообразовательный тип с суффиксом *-изува-* (*-izova-*), противостоят остальным славянским языкам, имеющим этот тип. Ср. р. *легализовать, нормализовать, нейтрализовать, детализовать*; укр. *яровизувати, озимизувати, вульгаризувати, популяризувати, назалізувати*; бр. *яравізаваць, азімізаваць, актывізаваць, вульгарызаваць, нейтралізаваць*; п. *jarowizować, normalizować, legalizować, neutralizować*; ч. *jarovizovat (jarovisovat), normalizovat (normalisovat)*; слн. *jarovizovat', aktivizovat', normalizovat', legalizovat'*; вл. *jarowizować, aktiwizować, idealizować, legalizować*; нл. *realizować, normalizować*; схв. *активізувати, легалізувати, неутралізувати, нормалізувати*. Различие вызвано необычностью суффикса *-изува-* (*-izova-*) для южнославянских языков (кроме сербохорватского).

45. Русский и южнославянские языки, в которых имеется синонимичный предыдущим словообразовательный тип с суффиксом *-изирова-* (*-изира-*, *-izirga-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. р. *яровизировать, озимизировать, военизировать, активизировать, европеизировать, специализировать*; болг. *вулгаризирам, неутрализирам, назаализирам, натурализирам*; м. *активизира, вулгаризира, легализира, нормализира*; схв. *јаровизирати, активизирати, вулгаризирати, нормализирати, неутрализирати*; слн. *јаровизирати, legalizirati, dramatizirati, naturalizirati*. Различие вызвано отсутствием соответствующего заимствованного суффикса в западнославянских, украинском и белорусском языках.

46. Чешский и нижнелужицкий языки, не обнаруживающие словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-igowa-* (*-igova-*), означающих изменения предмета путем введения в его состав, нанесения на его поверхность или присоединения к нему другого предмета, названного мотивирующим именем существительным, противостоят остальным славянским языкам, в которых этот тип представлен в различных масштабах. Ср. р. *газировать, бальзамировать, озонировать, фаршировать, пломбировать, меблировать, акцентировать*; укр. *фарширувати, драпірувати*; бр. *газіраваць, бальзаміраваць, нікеліраваць, браніраваць, лакіраваць, грыміраваць, маскіраваць, мініраваць*; п. *faszergować, lakierować*; слц. *faširovat'*; вл. *miněrować*; болг. *ваксинирам, балсамирам, хромирам, бронирам, бетонирам, пломбирам, мебелирам, номерирам, финансирам*; м. *ваксинира, балсамира, гумира, лакира, емајлира, цемента, орнаментира, гипсира, аргументира*; схв. *озонирати, вакцинирати, балсамирати, лакирати, асфалтирати, минирати, меблирати, барикадирати, нумерирати, акцентирати*; слн. *papricirati, balzamirati, kromirati, lakirati, betonirati, graduirati, maskirati, meblirati, kreditirati*. Различие обусловлено необычностью заимствованного суффикса *-igowa-* (*-igova-*) для западнославянских языков. В польском, словацком и верхнелужицком состав типа ограничивается приведенными примерами.

47. Болгарский, македонский и словенский языки, в которых отсутствует синонимичный предыдущему словообразовательный тип с суффиксом *-изува-* (*-izova-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых этот тип распространен. Ср. р. *электризовать, бактеризовать, моторизовать, конвейеризовать, канализовать*; укр. *вітамінізувати, бактеризувати, тракторизувати, моторизувати, каналізувати, паспортизувати*; бр. *вітамінізаваць, бактэрызаваць, электрызаваць, каналізаваць, матарызаваць, канвеерызаваць*; п. *witaminizować, metalizować, elektryzować, kanalizować, motoryzować*; ч. *vitaminizovat (vitaminisovat), metalizovat (metalisovat), motorizovat (motorisovat), pasportizovat (pasportisovat), telefonizovat (telefonisovat)*; слц. *vitaminizovat', ozonizovat', metalizovat', elektrizovat', telefonizovat', kanalizovat'*; вл. *motorizować, kanalizować*; нл. *mechanizowaś*; схв. *електризувати, моторизувати*. Различие обусловлено необычностью заимствованного суффикса *-изува-* (*-izova-*) для болгарского, македонского и словенского языков.

48. Русский и южнославянские языки, в которых распространен

синонимичный предыдущим словообразовательный тип с суффиксом *-изирова-* (*-изира-*, *-izirga-*), противостоят остальным славянским языкам, для которых этот тип не характерен. Ср. р. *витаминизировать, металлизировать, химизировать, машинизировать, телефонизировать, канализировать*; болг. *машинизирам, електризирам, моторизирам, канализирам*; м. *канализира, механизира*; схв. *електризирати, магнетизирати, моторизирати, механизирати*; слн. *metalizirati, elektrizirati, motorizirati, kanalizirati*. Различие вызвано необычностью соответствующего заимствованного суффикса для западнославянских, украинского и белорусского языков.

49. Южнославянские языки, обнаруживающие синонимичный предыдущим словообразовательный тип с суффиксом *-иса-* (*-osa-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср. болг. *сапунисам «мыть», захаросам, спиртосам, пудросам, щампосам*; м. *маслоса, шпиртоса, воскоса, штампоса, жигоса «заклеймить»*; схв. *вакцинисати, балсамисати, пудерисати, орнаментисати, асфалтисати, електрисати, каналисати, крунисати, нумерисати, аргументисати, глећосати «глазировать», жигосати*; слн. *žigosati*. Различие вызвано ареально ограниченным характером заимствования суффикса *-са-* из греческого языка в южнославянские (в словенском — единичный пример).

50. Серболужицкие и македонский языки, не обнаруживающие словообразовательного типа глаголов с суффиксом *-ѣ-* (*-e-*), означающих обычно непереходящее действие, выполняемое при помощи предмета, названного мотивирующим именем существительным, противостоят остальным славянским языкам, в которых этот тип представлен отдельными примерами: р. *дудеть, газеть*; укр. *дудіти, розуміти*; бр. *дудзець, разумець*; п. *rozumieć*; ч. *rozumět*; слц. *rozumiet'*; болг. *разумея*; схв. *разумети*; слн. *gazumeti*. Различие вызвано утратой в части языков этого унаследованного из праславянского языка количественно ограниченного типа.

51. Словацкий и нижнелужицкий языки, в которых отсутствует синонимичный предыдущему словообразовательный тип с суффиксом *-а-* (*-ja-*), противостоят остальным славянским языкам, представляющим образование этого типа в крайне ограниченном количестве. Ср. р. *стрелять, козырять, пулять*; укр. *трембітати, горлати, стріляти*; бр. *казыраць, гарлаць, страляць*; ч. *dudat*; вл. *dudać*; болг. *помпам, стрелям*; м. *весла, пумпа, гласа*; схв. *веслати, бубњати, бранати, гласати*; слн. *veslati, bobnati, pumpati, gobcати «дерзко говорить», sidrati «стать на якорь», jadрати «плыть под парусами»*. Различие вызвано утратой унаследованного словообразовательного типа в части славянских языков.

52. Западнославянские языки, не имеющие синонимичного предыдущим словообразовательного типа с суффиксом *-igowa-* (*-igova-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых он представлен в ограниченной степени. Ср. р. *телефонировать, телеграфировать, радировать*; укр. *радирувати*; бр. *тэлефаніраваць, радзіраваць*; болг. *телефонирам, телеграфирам*; м. *телефонира, телеграфира*; схв. *телефонирати, телеграфирати*; слн. *telefonirati, telegrafirati*.

Различие обусловлено необычностью заимствованного суффикса -igowa- (-igova-) для западнославянских языков.

53. Западнославянские языки, не обнаруживающие словообразовательного типа глаголов с суффиксом -а- (-ja-), означающих переходное действие, которое выполняется при помощи предмета, называемого мотивирующим именем существительным, противопоставляют остальным славянским языкам, представляющим этот тип в виде единичных образований. Ср. р. *сапати, швартовать*; укр. *сапати, пиляти*; бр. *швартаваць*; болг. *печатам*; м. *шприца*; схв. *сврдлати, мамузати* «шпорить», *пеглати* «утюжить», *решетати* «просеивать сквозь решето», *тестерати* «пилить», *бремзати* «тормозить», *бургијати* «сверлить», *камџијати* «бичевать»; слн. *rešetati, svedrati* «сверлить», *žagati* «пилить», *bičati* «бичевать», *kamenjati* «побивать камнями». Различие могло быть вызвано тем, что этот тип сформировался в отдельных славянских языках после их выделения из праславянского под влиянием аналогических воздействий со стороны других типов.

54. Русский, белорусский и южнославянские языки, в которых имеется синонимичный предыдущему словообразовательный тип с суффиксом -ирова- (-ирава-, -ира-, -іга-), противопоставляют остальным славянским языкам, не обнаруживающим этого типа. Ср. р. *зондировать, торпедировать, фотографировать, гильотинировать*; бр. *зандіраваць*; болг. *сондирам, торпилирам, филтрирам, гилотинирам*; м. *сондира, торпедира, фотографа, гилотинира*; схв. *сондирати, штемплирати, китирати* «шпаклевать», *филтрирати, гильотинирати*; слн. *sondirati, torpedirati, filtrirati, giljotinirati*. Различие вызвано необычностью заимствованного суффикса -igowa- (-igova-, -ирува-) для западнославянских и украинского языков.

Словообразовательные типы глаголов, мотивированных глаголами

55. В области префиксального образования глаголов, мотивированных глаголами, украинский и серболужицкие языки, не имеющие словообразовательного типа глаголов с префиксом *вз-* (*взо-, вс-, уз-ус-, wz-, wze-, vz-, vze-, vzo-, вѣз-, воз-*), означающих движение вверх, противопоставляют остальным славянским языкам, в которых этот тип распространен. Ср. р. *взлететь, взойти, вспрыгнуть*; бр. *узляцець, ускінуць*; п. *wzlecieć, wzęjsć*; ч. *vzletět*; слн. *vzletiet'*; болг. *възлеза, въздигна*; м. *вознесе*; схв. *уздигнути*; слн. *vzdigniti, vzleteti*. Различие вызвано фонетическим совпадением префикса *вз-* (*wz-*) в украинском и серболужицких языках с префиксом *з-* (*z- < съ(п)-*), что привело и к смешению их прежних словообразовательных значений (ср. укр. *злетіти* — р. *взлететь* и *слететь*). Остатки старого префикса *вз-* (*wz-*) сохраняются в укр. *взяти*, вл. *wzać*, нл. *wześ*.

56. Серболужицкие языки, не имеющие словообразовательного типа глаголов с префиксом *w-*, означающих движение или действие, направленное внутрь предмета, противопоставляют остальным языкам, для которых этот тип является обычным. Ср.: р. *въехать, войти, влить*; укр. *вбігти, увійти, вкинути*; бр. *убегчы, увагнаць*; п. *wlecieć, we-*

pchnąć; ч. *vkročit, vepsat*; слн. *vletiet', vohnut'*; болг. *введа, въвлека*; м. *влезе, вложи*; схв. *улетети, утиснути*; слн. *vlesti, vložiti, uvesti*. Различие вызвано полной утратой префикса *w-* в серболужицких языках. Его пространственную функцию здесь перенял на себя префикс *za-* (вл. *zaběhnуć* «вбежать», нл. *zabiś* «вбить»).

57. В славянских языках отсутствует единый общий для них словообразовательный тип префиксальных глаголов, означающих движение или действие, направленное изнутри предмета. В этом отношении имеет место четкое различие между южнославянскими и остальными славянскими языками.

а) Восточнославянские и западнославянские языки, в которых имеется словообразовательный тип глаголов указанной семантики с префиксом *вы-* (*wy-, wу-, wu-*), противопоставляют южнославянским языкам, не знающим этого типа. Ср.: р. *вылететь, выгрузить*; укр. *вискочити, винести*; бр. *выплысиць, выграбци*; п. *wyleźć, wugnać*; ч. *vyskočit, vyliť*; слн. *vystúpit', vyviezt'*; вл. *wuplunуć, wusunуć*; нл. *wuleśeś, wugnaś*. Различие вызвано утратой и полной утратой унаследованного префикса *wу-* в южнославянских языках, которые сохранили в этой функции только префикс *из-* (*iz-*).

б) Южнославянские языки, обнаруживающие как семантическое соответствие к предыдущему типу только словообразовательный тип с префиксом *из-* (*ис-, iz-*), противопоставляют в этом отношении остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср.: болг. *изляза, изведа*; м. *избега, избере*; схв. *изјахати, извести*; слн. *izgnati, izliti*. Различие обусловлено утратой в восточных и западных славянских языках этого унаследованного из праславянского языка словообразовательного типа, вытесненного здесь образованиями с унаследованным префиксом *вы-* (*vi-, wу-, wу-, wu-*). Но ср. р. *извлечь, истечь* и нек. др.

58. Польский, словацкий и серболужицкие языки, в которых имеется словообразовательный тип глаголов с префиксом *prze-* (*pre-, pře-, pše-*), означающих движение или действие, связанное с перемещением в пространстве мимо какого-нибудь предмета или сквозь предмет, и отсутствует семантически соответствующий ему тип с префиксом *prо-*, противопоставляют остальным славянским языкам, которые в таком значении имеют только тип с префиксом *про-* (*pro-*) и не имеют соответствующего типа с префиксом *пере-* (*pre-, pге-*). Ср.: р. *проплыть, провезти, пролезть, пробить*; укр. *пройти, пронести, проколоти*; бр. *праляцець, праехаць, пранізаць, прапаліць*; ч. *proběhnout, pronest, probodnout, prolomit*; болг. *пробягам, пробода, провъртя*; м. *проплива, прогризе*; схв. *пропузати* «проползти», *пробости, продрати*, но п. *przepłynąć, przewieść, przeleźć, przebić*; слн. *prebehnúť, prehryzt', prevřtat'*; вл. *přeplуwаć, přebić, překopać* «прокопать»; нл. *pšebęgaś, pšekopaś*. Промежуточное положение между обеими группами языков занимает словенский, в котором имеются оба типа — с *prо-* и с *pre-*. Ср.: слн. *prodreti* «проникнуть», *prosevati* «просвечивать», *predreti* «проколоть», *prebosti* «т.ж.», *prebiti* «пробить». Различие между двумя группами языков вызвано полным слиянием в большинстве западнославянских языков унаследованного префикса *prо-* с префиксом *prze-* (*pre-, pře-, pše-*).

59. Восточнославянские, польский и словацкий языки, в которых обнаруживается словообразовательный тип глаголов с префиксом *под-* (*nid-*, *pad-*, *pod-*), означающих движение или действие, связанное с приближением к предмету, противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср.: р. *подбежать*, *подойти*, *подсесть*, *поднести*, *пододвинуть*; укр. *підступити*, *підійти*, *піднести*; бр. *падбегчы*, *падсесці*, *падагнаць*; п. *podjechać*, *pojechać*, *podbiec*; слц. *podist'*, *podbehnút'*, *podvrhnút'* «подбросить (кому-л.)». Различие возникло в результате развития этого словообразовательного типа на основе таких глаголов, как *podъlězti*, *podъložiti* (*podъ съto*) в части славянских языков после их выделения из праславянского.

60. Украинский, белорусский и польский языки, в которых существует синонимичный предыдущему немногочисленный словообразовательный тип глаголов с префиксом *над-* (*pad-*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим этого типа. Ср.: укр. *надбігти*, *над'їхати*, *надійти*, *надвезти*; бр. *над'ехаць*, *надысці*; п. *nadjechać*, *nadjępać*, *nadejść*, *nadskoczyć*, *nadpieść*. Различие могло возникнуть в результате заимствования (калькирования) соответствующих глаголов в украинский и белорусский языки из польского, в котором они развились, вероятно, под влиянием семантики глагола *padlecieć* (псл. *padъletěti*) «надлететь, прилететь».

61. Сербохорватский и словенский языки, в которых отсутствует словообразовательный тип глаголов с префиксальным комплексом *недо-* (*nedo-*), означающий недостаточное или неполное действие, противостоят остальным славянским языкам, имеющим этот тип. Ср.: р. *недобрать*, *недоглядеть*; укр. *недоварити*, *недодати*; бр. *недабачыць*, *недасеяць*; п. *niedomagac*, *niedowidzieć*; ч. *nedolit*, *nedoplatit*; слц. *nedorobit'*, *nedosolit'*; вл. *njedostyšeć*; нл. *njedowěriš*, *njedorozmieš* «неправильно понять»; болг. *недоваря*, *недоспя*; м. *недогледа*, *недорече*. Различие возникло, по-видимому, в результате раннего отделения протосербохорватских и протословенских говоров от остального праславянского языкового массива — до начала формирования в нем глаголов на *nedo-*.

62. Украинский и западнославянские языки, в которых имеется специфический словообразовательный тип глаголов (преимущественно отыменных, но частично и отглагольных) с префиксальным комплексом *зне-* (*znie-*, *zpe-*, *zpje-*), означающих лишение признака, называемого мотивирующим именем или глаголом, противостоят остальным славянским языкам, которые в соответствующих случаях обнаруживают обычно образования со сложным префиксом *обез-* (*obes-*). Ср.: укр. *знебарвити*, *знекровити*, *знесилити*; п. *znieślawić*, *znieuchomić*, *zniecżulać* «обезболить», *zniecierpliwić*; ч. *znectilivit* «обезболить», *znehodnotit* «обесценить», *znetožitit* «сделать невозможным», *zneužívat* «злоупотреблять»; слц. *znečistit'* «загрязнить», *znerokojovat'* «беспокоить», *zneužívat'*; вл. *znpjemožnić*, *zniepodobnić* «обезобразить», *znpjekojeć*, *znpjesmjertnić*, *znpješkodnić*; нл. *znpjerěšyš* «загрязнить», *znpjemudriš* «сделать глупым». Словообразовательный тип возник в западнославянских языках на основе суффиксально-префиксальных глаголов с префиксом *z-*, образованных от имен прилагательных,

начинающихся с отрицательной частицы *ne-*, *nie-* (напр., п. *nieuchomu*, *niecierpliwy*; ч. *netožitný*).

Многие разновидности словообразовательных значений префиксальных глаголов, отличающихся друг от друга по языкам, представляют собой результаты закрепления в употреблении различных переносных значений, восходящих к первичным, преимущественно пространственным значениям глаголов с теми же префиксами (напр., р. *расхвалить*, *разругать* с оттенком интенсивности действия или *разгуливать*, *размышлять* с оттенком неторопливости, возникшие на основе первичного пространственного значения префикса *раз-* (псл.* *ogz-*) в таких глаголах, как *разбить*, *разбросать*, *развести*, *разобрать*).

63. Наряду с морфонологическими чередованиями, сопутствующими глагольному словообразованию во всех славянских языках, имеют место морфонологические изменения в этой области, характерные лишь для отдельных языков. В частности, чешский язык отличается от всех остальных славянских языков морфонологическими чередованиями *g — ř*: *dar — dařit*, *vít — věřit*, *široký — šířit*.

64. Болгарский язык отличается от остальных славянских языков возможностью чередования в основе слов при глагольном словообразовании гласных *e* и *'a* (*я*): *грях — греша*, *дял — деля*, *бял — беля*.

65. Среди языков, различающих краткие и долгие гласные, чешский и словацкий языки отличаются от сербохорватского и словенского возможностью чередования в них при глагольном словообразовании долгих гласных с краткими: ч. *rytlák* «браконьер» — *rytlačit*, *rybář* — *rybařit*, *hrůza* — *hrozit*, *pás* — *pasovat*, *dílo* — *dělat*, *mlát* — *mlátit*, *hlás* — *hlásat*, *sluha* — *sloužit*, *brus* — *brousit*; слц. *král'* — *kral'ovat'*, *pán* — *panovat'*, *pás* — *pasovat'*, *mlát* — *mlátit'*, *sluha* — *slúžit'*, *slých* — *slýchat'*.

Различия между славянскими языками в словообразовании глаголов составляют ряд изоглосс и сложных пучков изоглосс, по-разному объединяющих современные славянские языки в различные группы. Изоглосс, совпадающих с традиционным членением славянских языков на три подгруппы, оказывается сравнительно немного. К их числу принадлежат две изоглоссы, отмежевывающие севернославянские (восточно- и западнославянские) языки от южнославянских и образованные противопоставлением функционально соответствующих префиксов *vy-* и *iz-* и оформляемых при их помощи словообразовательных типов *вылезти* — *изляза*, а также отсутствием или наличием заимствованного суффикса *-sa-*; три изоглоссы, отмежевывающие восточнославянские языки от западно- и южнославянских и состоящие в наличии или отсутствии постфиксального образования глаголов (с постфиксом *-ся*) и двух формально родственных словообразовательных типов глаголов — *угодничать* (*щеголять*) и *столярничать*; три изоглоссы, отмежевывающие западнославянские языки от восточно- и южнославянских и образуемые отсутствием или наличием словообразовательных типов *комкать*, *сапать* и *телефонировать*. За исключением противопоставления *vy-* — *iz-*, которое восходит, по-видимому, еще к диалектным различиям позднепраславянского периода, все остальные названные противопоставления возникли на различных сравнительно

поздних этапах развития славянских языков в сложившихся генетически-территориальных группировках и в вызванных этим условиях их взаимодействия между собой и с неславянскими языками.

К перечисленным пучкам изоглосс примыкают изоглоссы, охватывающие подгруппы славянских языков вместе с отдельными языками из других подгрупп. Таковы отдельные изоглоссы, присоединяющие к восточнославянским языкам болгарский и македонский (наличие суффикса *-ича-* и сформированного при его помощи словообразовательного типа *важничать*), македонский, сербохорватский и словенский (наличие словообразовательного типа *сапати*), польский и сербохорватский (наличие словообразовательного типа *вечереть*), словацкий (наличие словообразовательного типа *подбежать*); изоглоссы, присоединяющие к южнославянским языкам русский (формальное различие префиксов *с-* и *из-*; наличие заимствованного суффикса *-изир(ов)а-*; наличие словообразовательных типов *патрулировать*, *романизировать*, *абстрагировать*, *яровизировать*, *канализировать*, отсутствие словообразовательного типа *патрулювати*), русский и белорусский (наличие словообразовательного типа *зондировать*); изоглосса, присоединяющая к западнославянским языкам украинский (наличие префиксального комплекса *зне-*).

С другой стороны, к изоглоссам, которые охватывают целые подгруппы языков, примыкают случаи, когда какой-нибудь один из языков, принадлежащих к данной подгруппе, остается вне изоглоссы. Таковы изоглоссы, охватывающие украинский и белорусский языки (наличие сложного префикса *спо-*), польский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий (функционалирование префиксов *prze-* и т. д. в соответствии с *про-* и связанное с этим наличие словообразовательного типа *przerūpać* в соответствии с *проплыть*), болгарский, македонский, сербохорватский (наличие сложного префикса *изпо-*, отсутствие словообразовательного типа *светать*), болгарский, македонский, словенский (отсутствие словообразовательных типов *уродовать*, *сигнализировать*, *легализовать*, *моторизовать*).

К предыдущей разновидности изоглосс примыкают такие случаи, когда остающийся за пределами изоглоссы один из языков данной подгруппы замещается в изоглоссе одним или двумя языками из другой подгруппы. Таковы изоглоссы, охватывающие русский, украинский, чешский и сербохорватский языки (наличие словообразовательного типа *худеть*), украинский, белорусский и польский (наличие словообразовательного типа *надбігти*), украинский, белорусский и чешский (наличие префикса *попо-*), украинский, белорусский и сербохорватский (фонетическое совпадение префиксов *в-* и *у-*), украинский, белорусский, польский и нижнелужицкий (отсутствие словообразовательного типа *консервировать*), болгарский, македонский, сербохорватский, чешский и словацкий (наличие глагольного суффикса *-ка-* с уменьшительным значением и соответствующего словообразовательного класса глаголов), болгарский, македонский, словенский, русский и нижнелужицкий (отсутствие словообразовательного типа *колективізувати*).

Наряду с изоглоссами, точно или приблизительно совпадающими

с целыми традиционно выделяемыми подгруппами славянских языков, имеется ряд случаев, когда по какому-нибудь словообразовательному признаку основному количеству славянских языков противостоит один язык или два наиболее близкородственных языка. Таковы случаи выделения чешского языка (по наличию сложного префикса *roz-*), сербохорватского (по наличию уменьшительных суффиксов *-уши-*, *-уцк-*), словенского (по отсутствию префикса *-iz(ov)a-* и связанного с ним словообразовательного типа *романизовать*, а также по отсутствию словообразовательного типа *скирдовать*), серболужицких (по отсутствию префикса *w-* и связанного с ним словообразовательного типа *въехать*, по фонетическому совпадению префиксов *wu-* и *u-*, по отсутствию словообразовательного типа *хворать* и *русифицировать*), болгарского и македонского (по наличию уменьшительных глагольных суффиксов *-ол'*, *-ул'*, увеличительного *-от'* и соответствующих словообразовательных типов), чешского и словацкого (по наличию суффикса *-patě-*), сербохорватского и словенского (по отсутствию префиксального комплекса *недо-*).

Остальные девять изоглосс объединяют от двух до четырех языков, находящихся в более отдаленном родстве (в большинстве случаев принадлежащих к различным подгруппам). Таковы изоглоссы, объединяющие чешский и нижнелужицкий (по отсутствию словообразовательного типа *газировать*), словацкий и нижнелужицкий (по отсутствию словообразовательного типа *стрелять*), польский и серболужицкие (по отсутствию словообразовательного типа *ремонттировать*), русский и болгарский языки (по наличию суффикса *-ствова-* и связанного с ним словообразовательного типа *наличествовать*), украинский и серболужицкие (по неразличению префиксов *вз-* и *з-* и отсутствию словообразовательного типа *взлететь*), серболужицкие и македонский (по отсутствию словообразовательного типа *дудеть*), верхнелужицкий, македонский и сербохорватский (по отсутствию словообразовательного типа *советь*), украинский, польский, чешский и нижнелужицкий (по отсутствию словообразовательного типа *дозировать*).

Причастие и деепричастие

Общеславянское состояние

Система глагола во всех славянских языках включает в себя формы причастий и деепричастий. Причастие, представляющее собой промежуточную морфологическую категорию, объединяющую основные семантико-грамматические признаки глагола (вид, переходность-непереходность, залог) и имени прилагательного (род, число, падеж), унаследовано славянскими языками из праславянского или восстановлено в литературных языках под влиянием старой письменной традиции как важное средство сжатого изложения сложного синтаксического содержания [Вступ 234]. Деепричастие, объединяющее в себе признаки глагола (вид, переходность-непереходность) и наречия (морфологическая неизменяемость, обстоятельственные синтаксические функции), возникло в славянских разговорных языках после распада

праславянского единства как результат утраты действительными причастиями форм словоизменения. Вместе с тем в составе и характере словообразовательных форм причастий и деепричастий между различными славянскими литературными языками имеют место существенные типологические различия.

Межъязыковые различия

1. По составу грамматических разрядов причастий все современные славянские литературные языки делятся на две подгруппы. В одну из этих подгрупп входят русский и белорусский языки, имеющие пять словообразовательных (семантико-грамматических) типов причастий: действительные настоящего времени с суффиксом *-щ-* (*-ч-, -ущ-, -ащ-, -ющ-, -ящ-, -уч-, -ач-, -юч-, -яч-*) (р. *несущий, питающий, летящий*; бр. *ідучы, бачачы, узрастаючы*), действительные прошедшего времени с суффиксом *-ш-* (*-вш-, -ѣш-*) (р. *пекший, носивший*; бр. *узнікшы, прыехалшы*), страдательные настоящего времени с суффиксом *-м-* (р. *несомый, носимый, читаемый*; бр. *правадзімы, будуемы*), страдательные прошедшего времени с суффиксами *-н(н)-* или *-т-* (р. *несен(ный), отбитый*; бр. *пісаны, перакінуты*) и причастия на *-л-* (*-ѣ-, -ѣ-*): р. *нес, несла, носил*; бр. *нёс, нясла, насіў, насіла*. Другую подгруппу составляют все остальные славянские языки, которым страдательное причастие настоящего времени на *-м-* не свойственно. Различие возникло в результате сохранения в русском литературном языке и развития под его влиянием в белорусском литературном языке унаследованного из праславянского языка причастия на *-м-*, употреблявшегося в древнерусском и старославянском языках, и утраты его во всех остальных славянских литературных языках, как и во всех без исключения разговорных славянских языках.

2. По признаку наличия или отсутствия действительных причастий прошедшего времени на *-ш-* (*-вш-, -ѣш-, -ѣ-, -вѣ-*) восточнославянские, чешский, словацкий и словенский языки, имеющие в различном объеме этот словообразовательный тип (ср. п. 1, а также укр. *перемігший*, ч. *nesší, dělávší*, слц. *vzavší*, слн. *reksi, stopivši, začeniši*), противостоят остальным славянским языкам, не знающим таких образований. В болгарском языке, лишенном этого словообразовательного типа, роль действительных причастий прошедшего времени выполняют причастия на *-л-*: *навел* «опустивший», *станал* «ставший». Различие возникло в результате сохранения частью славянских литературных языков унаследованного из праславянского языка соответствующего словообразовательного типа причастий, утраченного остальными языками.

3. По признаку наличия или отсутствия словообразовательного типа действительных причастий настоящего времени с суффиксом *-щ-* (*-ч-, -с-, -ащ-, -ош-, -іс-, -іщ-, -іас-, -іщ-*) македонскому языку, не знающему таких образований, противостоят все остальные славянские языки, которым он в той или иной степени свойствен (ср. п. 1, а также укр. *сожнутий, дуоющий, летячий*; п. *piszący*; ч. *nesoucí, dělající*; слц. *vedúci, spriaci*; вл. *pletacy, džělacy*; болг. *четец, стрелящ, желяош*; схв. *идући, носећи*; слн. *proseč, vedoč*). В украинском, белорусском и сербо-

хорватском языках количество таких причастий ограничено. Различие вызвано полной утратой унаследованных из праславянского языка соответствующих образований в македонском и сербохорватском языках, подобно тому как они утрачены и в большинстве других разговорных славянских языков.

4. Украинский, польский и болгарский языки, в которых роль действительных причастий прошедшего времени выполняют образования с суффиксом *-л-* (*-л-*), противостоят остальным славянским языкам, в которых это явление отсутствует. Ср.: укр. *посивілий, полеглий, засохлий*; п. *posiwiały, oniemiały, poległy*; болг. *паднал, пресъхнал, надвиснал*. В чешском и словацком языках все соответствующие образования относятся к отглагольным именам прилагательным [Smilauer 129—130, 140; Horecký 1959, 177]. Различие возникло в результате утраты украинским, польским и болгарским языками причастных форм на *-(в)ш-*.

5. По общему количеству имеющихся словообразовательных типов причастий македонский и сербохорватский языки, знающие только два типа — причастия на *-л-* (*-о*) и страдательные причастия на *-н-* (*-п-*) или *-т-* (*-т-*), противостоят всем остальным славянским языкам, имеющим от трех (серболужицкие и болгарский языки) до четырех (украинский, польский, чешский, словацкий, словенский) и даже пяти типов причастий (русский и белорусский).

6. В отличие от всех остальных славянских языков, чешский литературный язык обнаруживает противопоставление словообразовательных форм деепричастий в зависимости от того, относятся ли они к субъектам действия, обозначаемым именами мужского рода (ч. *pesa, dělaje, pes, děláv*), к субъектам, выражаемым именами женского и среднего рода (ч. *pesouc, dělajíc, pesši, dělávši*), или же к субъектам, оформляемым множественным числом (ч. *pesouce, dělajíce, pesše, dělávše*). Это различие возникло в результате искусственного закрепления в чешском литературном языке форм деепричастий, различающихся по родам и числам, восходящих к более древним формам причастий.

7. В области словообразования деепричастий болгарский и македонский языки, имеющие только один недифференцированный словообразовательный тип деепричастий (болг. *читейки, ходейки, гледайки*; м. *викајки, бегајки, носејки*), противостоят остальным славянским языкам, различающим по два словообразовательных типа деепричастий — настоящего и прошедшего времени (ср. р. *крича, играя, играючи, едучи и разыграв, толкнув, толкнувши, озябши*; укр. *кричачи, граючи, ідучи и упавши, штовхнувши, звикши*; бр. *едучы, знаючы, бачачы, просячы и выцершы, злезшы, стаўшы, кінуўшы*; п. *pisząc, umiejąc и zaniósłszy, przeczytawszy*; слц. *nesúc, prosiac и устарелые zavolavši, napisavši*; вл. *kupujo, sedžo, sedžicy и dopjesši, zapisawši*; схв. *пладући, знајући, носећи и рекавши, сазнавши, почев, узев*; слн. *nesoč, hvaleč, stoje, molče и reksi, skrivši*). Различие вызвано утратой унаследованной формы причастия и возникшего из него впоследствии деепричастия прошедшего времени на *-ш-* в болгарском и македонском языках, как и в большинстве разговорных форм остальных славянских языков. При-

меры из чешского языка, отличающегося необычной для других славянских языков дифференцированностью словообразовательных форм деепричастий, см. под п. 5.

Таким образом, в области словообразования причастий и деепричастий, несмотря на незначительное абсолютное количество различий между отдельными славянскими языками, обусловленное ограниченным общим количеством причастных форм, четко прослеживается противопоставление восточнославянских языков, сохраняющих в целом более обширный состав словообразовательных типов причастий и деепричастий, и южнославянских языков (за исключением словенского), в которых количество соответствующих типов сократилось. Западнославянские языки занимают в этом отношении промежуточное положение.

□ □ □

ЛЕКСИКА

О ПРИНЦИПАХ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Для лексической типологии современных славянских литературных языков, как и для общей лексической типологии, характерным является множество открытых вопросов, исчерпывающий ответ на которые современные исследования дать не в состоянии. Причина этого кроется не только в специфике исследуемого материала, к которой относится прежде всего открытость лексической системы, большой объем материала, сложная иерархизация элементов лексической системы, а и в недостатке разработок, которые бы содержали характеристику структурных особенностей лексики. Между тем известно, что именно принцип выявления структурных сходств и различий является основополагающим для типологии [Кацнельсон 1983, 10; Якобсон].

Анализ существующих взглядов на задачи и методику типологических исследований демонстрирует необыкновенное многообразие критериев, выдвигаемых в качестве основных для типологических классификаций лексики [Уфимцева; Гак 1977а, 1977б; Исаченко 1958; Леков 1958в; Супрун 1983; Филипц 1983; Аракин 1979; Зеленецкий, Монахов]. Множественность критериев объясняется не только особенностями исследуемого материала и степенью его научной разработанности, но и общим требованием комплексного подхода в типологических исследованиях [Супрун 1983, 4, 42].

Примерный список параметров для типологического описания лексики славянских языков приводит в своей работе А. Е. Супрун [там же, 43—44]. Этот список целесообразно привести полностью, так как он отражает современные представления о типологии славянских литературных языков в области лексики. (В него включены следующие признаки):

1. Количественная характеристика объема лексикона;
2. Представленность в лексиконе различных семантико-тематических сфер лексики, связанных с различными областями жизни носителей языка и различными областями функционирования языка;
3. Статистическая структура лексикона; текстообразующая роль наиболее частых слов, в том числе наиболее частых полных слов, соотношение частых и редких слов в тексте, количественное соотношение слов различных семантических и грамматических классов в тексте и в лексиконе и т. п.
4. Сходство различных сфер лексикона сопоставляемых языков по внешнему облику лексем и по плану содержания соответствующих

слов) с учетом разных статистических зон, разных частей речи, разных семантических группировок и т. д., а также обобщенные данные о сходствах и различиях слов в системе и в тексте, представленные в обобщенных количественных показателях.

(5. Естественная грамматическая классификация лексикона по частям речи) с учетом общности фундаментальных грамматических членений славянских словарей и своеобразия некоторых грамматических подтипов слов.

(6. Морфемно-словообразовательная характеристика лексикона, в которой возможен учет продуктивности различных классов морфем и типов морфем, а также способов словообразования) таких, например, как словосложение, конденсация и т. п., а также мера осознаваемой носителями языка связности лексикона по морфемному строению.

(7. Семантическая структура лексики в целом с точки зрения общих характеристик семантических группировок разного типа) развития и качественного своеобразия многозначности и омонимии, синонимии, эквонимии, антонимии.

(8. Стилистическая стратификация лексики, соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в лексиконе и в тексте, своеобразия стилистической маркированности лексики.

(9. Ассоциативная характеристика лексики) включающая особенности словесного ассоциирования в плане смысловой стратегии ассоциирования, разнообразия направлений ассоциирования с различными лексическими стимулами...

(10. Своеобразие и общность лексической сочетаемости слов и их групп) особенности индивидуальной и групповой лексической сочетаемости, способность различных слов и их группировок к фразеобразованию. Лексическая сочетаемость на уровне текста: особенности совместной встречаемости слов в рамках текстовых фрагментов, допустимость повторов и средства их избежания, своеобразия использования слов-заместителей — синонимов и местоимений.

(11. Внешняя структура слова) длина слова и различных типов слов в фонемах и слогах, особенности начала и конца слова, своеобразия последовательностей фонем в составе слова..., просодическая характеристика различных типов слов...».

В основу значительного числа приводимых здесь параметров положен принцип, относящийся к материальной стороне слова (см. 1, 4, 11, в определенной мере сюда можно отнести также 2, частично 3, 10), который можно назвать принципом материального сходства/различия языков. Наряду с этим принципом, при котором лексика рассматривается прежде всего как номенклатура, проводится принцип семантический, включающий в себя пункты 3, 7, 10, 8. И, наконец, принцип исследования, учитывающий сложный промежуточный характер лексики, позволяющей ей быть предметом исследования и лексикологии, и морфологии (грамматики в широком смысле слова), включает в себя критерии 5 и 6.

Наиболее полно разработанным в современной славистике является принцип материального сходства/различия. Данный принцип можно считать специфичным для типологии близкородственных язы-

ков (с. 11), поскольку для общей типологии материальная близость несущественна. То, что преимущественное большинство типологических и сравнительных исследований современных славянских литературных языков исходит именно из принципа материальной близости/различия, оправданно во многих отношениях, и прежде всего потому, что такая классификация современных славянских литературных языков далеко не совпадает с их генетической классификацией вследствие того, что современные славянские литературные языки — продукт более позднего и во многом самостоятельного развития. Этот подход в области лексики оправдан и тем, что основным носителем фонем и морфем, во многом определяющих тип языка, является именно слово. Отмечаемая многими исследователями поразительная близость лексики современных славянских языков может служить их специфической чертой, отличающей их, например, от языков германского мира. Однако для формального определения степени близости современная славистика основаниями не располагает. Практическое решение представляется возможным только при машинной обработке материала всех славянских литературных языков.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Группировка славянских литературных языков по степени общности их словарей

Исследование материалов словарей современных славянских литературных языков [Супрун 1983, 6—10] свидетельствует в пользу значительной близости славянских языков по количественному составу их словарей: «Большая часть словарей крупных словарей современных славянских литературных языков близка по объему и составляет величину от ста до полутора тысяч словарных статей» [там же, 7]. Вместе с тем существуют отличия, позволяющие выделить отдельные группы языков. Например, помимо словарей с объемом, превышающим указанную цифру (к ним относятся 8-томный словарь чешского языка, начатый многотомный словарь болгарского языка), следует указать на словари македонского и верхнелужицкого языков, объем которых ниже указанной цифры. Если объяснением более низкого по сравнению с другими славянскими языками количественного состава словаря в македонском языке может служить возможная недостаточная накопленность материала на период составления словаря, то меньший по сравнению со словарями других славянских языков количественный состав серболужицких языков обусловлен их ограниченным функционированием [Супрун 1983, 9, 10]. Однако такая типология по признаку количественного состава словаря не имеет жесткого характера и должна быть интерпретирована скорее как тенденция современного состояния славянских литературных языков, учитывающая подвижность лексики как таковую [там же, 12—13].

Ввиду отмеченных технических трудностей в проведении сопоставления словарных составов в целом, до сих пор преимущественно иссле-

довались отдельные фрагменты лексических систем с использованием различных методик. В частности, на основании данных, полученных при глоттометрическом подходе в определении близости славянских языков, констатировалось, что современные славянские литературные языки по степени близости их лексического состава подразделяются на 4 основные группы: 1) северо-восточную, в которую входят русский, белорусский, польский, украинский, словенский и сербохорватский; 2) юго-восточную с болгарским и македонским; 3) северо-западную с нижне- и верхнелужицким и 4) юго-западную — словацкий и чешский языки [Котова, Янакиев 255]. Более тесные связи отмечаются между отдельными парами языков — помимо упомянутых болгарского, македонского, чешского, словацкого, — между белорусским и украинским, русским и украинским, польским и белорусским, при этом наибольшая близость отличает украинский и белорусский [там же, 252].

Сопоставление данных относительно наиболее употребительных глаголов и существительных, которые были отобраны из текстов белорусского языка, с их соответствиями в других славянских языках дало следующую картину: наибольшее число совпадений наблюдается у русского и белорусского, за ними следуют белорусский со словацким и украинским, затем белорусский и польский, словенский, сербохорватский. Наибольшее количество несоответствий оказалось у белорусского с лужицкими, болгарским и македонским языками [Супрун 1983, 16—18]. Сопоставление наиболее редких слов дало несколько отличные результаты — более близким к белорусскому оказался украинский, за ним следует русский, польский с несколько меньшим количеством полных и частичных соответствий и дальше чешский, болгарский и сербохорватский [там же, 18—19]. Наконец, было проведено сопоставление текстов отдельных славянских языков, которое показало, что доля совпадающей лексики наибольшая у польского и белорусского, русского и болгарского. Средняя степень близости отмечена для польского и русского, болгарского и белорусского [там же, 20—21].

По подсчетам В. Георгиева, наибольшая близость наблюдается между болгарским и сербохорватским языками: 80—85 % слов сербохорватского языка тождественны или очень близки словам болгарского языка. Большая удаленность отличает русский язык, у которого с болгарским есть приблизительно 60 % тождественных слов, за ним по степени удаленности следуют чешский — 40—45 % тождественных слов — и польский — 35—40 % [Вступ 563]. Если в качестве исходного берут украинский язык, то утверждается, что ближе всего к нему в лексическом отношении стоит белорусский язык, за ним следует русский, в меньшей степени польский, и дальше по степени убывания близости языки располагаются следующим образом: словацкий, чешский, лужицкий и группа южнославянских языков. Лексика русского языка, как утверждается, ближе всего стоит к белорусскому и украинскому, в меньшей степени к польскому и болгарскому, более слабые связи отмечаются для остальных языков. Польская лексика характеризуется значительной близостью с чешской и словацкой,

более удалена от лужицких языков, еще в большей степени — от украинского и белорусского, сравнительно далека от русского и более всего — от группы южнославянских языков [Вступ 563].

Определенное представление о группировках современных славянских литературных языков можно получить, проанализировав состав отдельных его лексических подсистем. В качестве примера можно взять лексическую группу с семантикой размера как одну из групп лексики, принадлежащих к основному словарному фонду и в силу своей семантики лишенной историко-культурной специализации. В каждом из современных славянских литературных языков эта группа насчитывает немногим более 100 единиц. Замечательное сходство — и, в первую очередь, фонетическое — характерно для значительного количества слов и прежде всего для тех, которые в каждом из языков принадлежат к наиболее частотным. Это соответствия р. *высокий, длинный, малый, низкий, тесный, толстый, тонкий, широкий, великий*. Некоторые из этих прилагательных нельзя считать полными семантическими соответствиями из-за несовпадения (частичного совпадения) объема их значений. Если учитывать не только формально-фонетические, а и семантические соответствия, то обнаруживается следующая группировка славянских языков: наиболее тесно связанными являются русский и украинский языки, подобная степень близости характеризует чешский и словацкий. Несколько меньше она обнаруживается у русского и белорусского, украинского и белорусского, болгарского и македонского. Следующую подгруппу попарно связанных языков представляют украинский и польский, сербохорватский и македонский, сербохорватский и болгарский, болгарский и русский (количество общих лексем более 40 %). Менее сильные связи по нисходящей обнаруживают между собой словацкий и украинский, чешский и украинский, польский и русский, польский и словацкий, болгарский и украинский. Самые слабые связи — у сербохорватского и чешского, сербохорватского и польского, словенского и польского, словенского и чешского. Связи украинского с другими славянскими языками во многом идентичны по характеру связям русского с другими языками за некоторыми исключениями: у русского более тесные связи с болгарским, чем у украинского с болгарским; у украинского более тесные связи с польским, чем у русского с польским. Белорусский язык отличают более тесные связи с польским, чешским и словацким, чем русский с этими же языками, и слабые связи с южнославянскими, исключая болгарский. Польский язык по количеству соответствий одинаково близко стоит к украинскому, чешскому и словацкому (однако украинско-польские связи более сильны), слабые связи у него с языками южной группы.

Чешский язык по степени близости лексической группы со значением размера к словацкому может быть поставлен в один ряд с парой русский — украинский. С польским языком связи чешского слабее, чем со словацким, и в системе западнославянских языков чешский и словацкий образуют одну четко отделимую группу. Связи с южнославянскими языками выражены слабее. То же самое справедливо и для словацкого языка. Болгарский язык обнаруживает очень тесные

связи с македонским, в меньшей степени — с сербохорватским и словенским.

Формирование подобных мелких, попарных подгрупп зависит главным образом от той части слов в составе лексико-семантической группы слов со значением размера, которую эти подгруппы не разделяют с другими славянскими языками и которые тем самым представляют их общие несовпадения со словами других языков. Часть лексики, общая для всех или подавляющего большинства славянских языков, играет в таком образовании отдельных подгрупп славянских языков значительно меньшую роль.

Проведенное Ф. Копечным исследование основного словарного фонда всех современных славянских языков, базирующееся на анализе как праславянской лексики, так и лексики, возникшей в результате последующей эволюции, показало, что современные славянские языки обладают достаточно широким рядом не только формально, но и семантически общих для них лексем. В реестре слов, представленных во всех славянских языках [Кореѣнѣ 1981], их насчитывается 1990 единиц (частично они могут отсутствовать в каком-либо одном, реже — двух-трех языках). Из этого числа действительно общеславянскими, т. е. представленными во всех славянских языках, являются 1170. Из них формально отличающихся из-за различия в роде, в суффиксе, префиксе, фонетическом облике как закономерном для того или иного языка, насчитывается 295 единиц, что составляет 25 % от общего состава. Из остающихся 875 общеславянских слов более половины — семантически однотипны, т. е. они имеют одинаковое (тождественное) основное значение. Если игнорировать формальные различия, указанные выше, то семантически соотносительных слов оказывается больше — 1000, однако это при условии, что и тождественность значения понимается шире, чем просто адекватность семантики. После учета слов, представленных во всех славянских языках, и слов, которые отсутствовали в одном или более языках, было обнаружено, что наибольшее количество слов, общих для всех славянских языков, отсутствует в македонском. Это связывается с тем, что македонский язык как младолитературный обладает незначительным количеством архаизмов, сохраняемых другими славянскими языками в силу давно установившейся традиции [Кореѣнѣ 1981, 10]. Дальше за македонским по количеству незасвидетельствованных слов, общих для значительного большинства славянских литературных языков, следует болгарский язык (отмечается, что болгарский имеет ряд общих с македонским лексем, не известных другим славянским языкам), белорусский, украинский, сербохорватский, русский, словенский, польский, словацкий и чешский. Из них, помимо упомянутой пары языков — болгарского и македонского — с общими для них несовпадениями с остальными славянскими языками, общие несовпадения обнаруживаются также у других пар языков, приводимых здесь по степени убывания этих несовпадений, — белорусского и украинского, сербохорватского и македонского, русского и белорусского, польского и белорусского, русского и украинского, словенского и сербохорватского. Таким образом, как и в приводимом выше примере прилагательных со значением размера,

более тесная группировка отдельных языков определяется преимущественно специфическими для них лексемами, не известными другим славянским языкам.

И. Леков в исследовании аналогичного фрагмента лексикона славянских языков показал, что деление на северную и южную группу, хотя и не должно переоцениваться, в значительной степени подтверждается материалами основного словарного фонда. Северные языки формируют свои частные подгруппы, из которых одной из наиболее характерных является подгруппа польского, белорусского и украинского языков [Леков 1955, 102].

Наконец, проводившиеся сопоставления словарного состава не менее трех языков (исследования, анализирующие пары языков, трудно использовать из-за несопоставимости рассматриваемого в них лексического материала) во многом подтвердили наличие группировок отдельных славянских языков. Например, сравнительное исследование русского, чешского и словацкого языков засвидетельствовало значительную близость русского и чешского, русского и словацкого языков в области основного словарного фонда, однако было обнаружено, что элементы, общие для чешского и словацкого языков, более многочисленны, чем элементы, общие для русского и чешского или русского и словацкого [Будовичова 257]. Изучение лексики восточнославянских языков позволило заключить, что «белорусский язык по своим словарным особенностям стоит ближе к русскому языку, чем украинский, занимающий среди восточнославянских языков среднее место» [Филин 1983, 14]. Суммируя все точки зрения относительно близости/различия лексического состава славянских языков, несмотря на определенную пестроту высказывавшихся мнений, можно отметить следующее: наиболее цельной из всех славянских групп языков является группа восточнославянских, все три составляющие которой — русский, украинский, белорусский — демонстрируют особую близость своего лексикона. Языки, входящие в другие группы, в значительной степени разошлись между собой, образовав более мелкие подгруппы в пределах некогда единых групп: это чешский и словацкий в пределах западнославянской группы, болгарский и македонский, сербохорватский и македонский, в меньшей степени болгарский и сербохорватский в пределах южнославянских языков. Остальные — польский, верхнелужицкий и словенский — занимают обособленное место каждый в своих генетических группах.

К факторам, объясняющим единство современных славянских литературных языков в области лексики, относятся следующие: 1) высокая устойчивость общего праславянского фонда во всех славянских языках; 2) использование одинаковых (генетически тождественных) морфологических средств, что приводит к появлению лексем, сходных материально и семантически; 3) давняя, практически непрерывная традиция взаимовлияний славянских литературных языков; 4) наличие общих источников заимствований. Названные факторы могут одновременно служить для определения не только близости, но и различия славянских языков, т. е. одни и те же факторы могут как сближать, так и разделять определенные языки между собой.

Обращение к этимологическим словарям славянских языков подтверждает свидетельства о том, что относительно обширный слой лексики, унаследованный славянскими языками из праславянского, сохраняет не только формальную, но и семантическую близость. В соответствии с приводимыми И. Лековым данными, современные славянские языки сохранили в своем основном словарном фонде $\frac{2}{3}$ единиц, обнаруживаемых в праславянском [Леков 1955, 102]. Конкретную цифру праславянской лексики приводит Т. Лер-Сплавинский, однако только для словарного состава современного польского языка — 1700 единиц [Lehr-Spławifski 1954, 24]. Эту величину нельзя считать абсолютно достоверной по той причине, что сам количественный состав праславянского лексического фонда исследователи определяют по-разному, поскольку пользуются различными критериями отбора праславянской лексики. Как следствие этого, Ф. Копечный для праславянского словаря называет цифру в 2000 единиц, Ф. Славский — в 9000 единиц, а О. Н. Трубачев предполагает, что праславянский лексикон составляет приблизительно 20 000 слов [Ondruš 199—300]. Вопрос сохранения праславянского фонда не может быть решен однозначно еще и потому, что разобщенность или близость современных славянских литературных языков по признаку сохранения ими праславянской лексики зависит не только от того, в какой степени они сохранили эту лексику в своем составе, но и от диалектной расчлененности самого праславянского языка. И все же несмотря на теоретические и методологические трудности определения участия праславянского фонда в составе словника каждого из языков, важность такого определения остается бесспорной. Примечательной чертой сохраненной славянскими языками праславянской лексики является то, что будучи весьма разнообразной по характеру, она преимущественно однотипна своей принадлежностью к основному словарному фонду, подверженному минимальным по сравнению с другими слоями лексики изменениям. Унаследованная из праславянского языка лексика продолжает играть весьма существенную роль в составе словников современных славянских литературных языков, обозначая явления духовной (интеллектуальной), физической жизни, природы. Это названия частей ландшафта, частей дня, времен года, погоды, названия металлов, веществ, частей тела, слова, обозначающие семейно-родовые отношения, хозяйственную деятельность человека, названия орудий производства, животных, растений, слова, связанные с общественной деятельностью человека, описывающие физические качества и свойства, а также явления, принадлежащие к сфере интеллектуального. Например, р. *земля*, укр. *земля*, бр. *зямя*, п. *ziemia*, ч. *země*, слц. *zem*, вл. *zemja*, болг. *земя*, м. *земја*, схв. *земља*, слн. *zemlja*; р. *хвалить*, укр. *хвалити*, бр. *хвалиць*, п. *chwalić*, ч. *chváliti*, слц. *chválit'*, вл. *chwalić*, болг. *хваля*, м. *фали*, слн. *hvaliti* и т. д. Подробно эти группы лексики рассмотрены в [Леков 1955; Вступ 503—557]. Примечательной чертой целого ряда слов, унаследованных из праславянского, является совпа-

дение их семантики в большинстве или даже во всех языках. Расхождения в семантике не настолько часты, как можно было бы ожидать, учитывая специфику лексико-семантической системы каждого отдельно взятого языка. В качестве примера можно взять лексему с семантикой «воскресенье»: р. *неделя*, укр. *неділя*, бр. *нядзеля*, п. *niedziela*, ч. *neděle*, слц. *pedel'a*, вл. *pjędzela*, болг. *неделя*, м. *недела*, схв. *неделья*, слн. *pedelja*. Все славянские языки, за исключением русского, имеют значение «воскресенье», возникшее у них в связи с появлением христианства по аналогии с греческим *'αλρακτῆ* «нерабочий день». Вторичное значение — часть месяца, все остальные дни — возникло позже и фиксируется только в некоторых языках: в форме множественного числа в верхнелужицком; в украинском, польском и словенском такое значение лексемы известно только диалектам.

Не совпадает семантическая структура слов, продолжающих псл. **ęzykъ*: если при обозначении органа речи все славянские языки демонстрируют полное единообразие, то это же слово в значении «речь», являющееся калькой латинского административного *lingua* [Мейе 1951, 411], сохранили не все славянские языки: для выражения этого понятия украинский и белорусский языки используют слово *мова*.

Слова праславянской лексики могут сохраняться в современных славянских языках, и не относясь к основному словарному фонду. Например: р. *денница* (в современном языке как поэтизм; заимствовано из церковнославянского), ч. *denice*, слц. *denpica*, болг. *денница*, м. *Деница*, схв. *даница*, слн. *danica*; р. *десница* (заимствовано из церковнославянского, устаревшее, поэтизм), болг. *десница*, м. *десница*, схв. *десница*, слн. *desnica*; укр. *правиця*, п. *prawica*, ч. *pravice*, слц. *pravica*, вл. *prawica*; укр. *лівиця* «левая рука», п. *lewica*, ч. *levačka*, слц. *l'avica*, вл. *lěwica*, болг. *левица*, м. *левица*, схв. *левица*, слн. *levica*; укр. *кам'яниця* «каменный дом», бр. *камяница*, п. *kamienica*, слц. *kamenica* (использовалось в старорусском как церковнославянизм); м. *дождевница*, *дождовница* «дождевая вода», схв. *даждевица*, слн. *deževnica* (их эквиваленты есть в диалектных названиях украинского, чешского и болгарского языков).

Однако при всей близости современных славянских языков по сохраненному ими праславянскому фонду между ними в этом отношении есть и значительные расхождения. Исследовав основной словарный фонд славянских языков, большинство лексем которого унаследовано из праславянского, Ф. Копечный пришел к выводу, что в наибольшей степени праславянский фонд сохранили чешский и словацкий языки, в наименьшей — македонский, а в промежуточную между ними зону входят польский, словенский, русский, сербохорватский, украинский и белорусский. Несомненно, это требует проверки, так как на получение подобных результатов могло сказаться то, что, как это отмечает автор, он исходил из данных чешского языка [Korešný 1981, 53]. Более верное представление о степени утраты или сохранения каждым из славянских языков слов праславянского фонда можно было бы получить, исходя из данных самого праславянского [Супрун 1983, 18]. С этой целью анализировались материалы Этимологического словаря славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева, был взят произ-

вольный фрагмент словаря — буква «б». Учитывались только слова литературных языков, данные диалектов игнорировались как несущественные для литературных языков. На основании анализа этого материала было получено следующее распределение славянских языков по степени сохранения ими праславянского фонда: сербохорватский, словенский, чешский, словацкий — наибольшая сохранность, верхнелужицкий, белорусский — наименьшая, остальные языки составляют промежуточную зону. Некоторое сомнение здесь могут вызвать материалы словенского языка из-за того, что в целом ряде случаев здесь может идти речь не о сохранении, а о заимствовании праславянских по происхождению лексем из других славянских языков.

Дополнительные сведения о роли праславянского лексического наследия можно получить из данных частотных словарей. Проведенный Ш. Ондрушем анализ ста наиболее частотных слов словацкого языка показал, что 99 % этих слов являются праславянскими и только одно слово является заимствованием — *musiet'* [Ondruš 300], проникшее еще в дописьменный период из немецкого языка — двн. *muozan*. Равным образом и среди второй сотни слов только одно слово является заимствованием — *chvíl'a*; подобная картина наблюдается и среди слов третьей сотни. В целом из тысячи наиболее частотных слов современного словацкого языка 950 относятся к тем, которые существовали еще до X в., и только 50 слов являются более поздними заимствованиями (там же, с. 301). Тем самым убедительно подтверждается мысль о значительной сохранности праславянского наследия в составе современного словацкого языка.

Из-за отсутствия частотных словарей всех славянских языков аналогичный анализ на материале других языков не представляется возможным. Некоторые данные были получены относительно русского, чешского, украинского и польского языков. Для этого были использованы «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной (М., 1977), «Частотный словник сучасної української художньої прози» под редакцией В. И. Перебийнос (Киев, 1981), для чешского и польского были использованы материалы, помещенные в словаре Й. Мистрика [Mistrík]. В чешском языке праславянских слов оказалось несколько меньше, чем в словацком. Кроме общих со словацким заимствований, в чешском в первые три сотни¹ наиболее частотных слов вошли такие заимствования, как *repíz*, *republika*, *plán*, *motor*, *král*. Помимо этих, среди наиболее частотных слов есть слова, не относящиеся непосредственно к праславянскому фонду, возникшие в ходе самостоятельного существования чешского языка. Это *otázka*, *práce*, *pracovní*, *vývoj*, *opravdu*, *stejně*, *úkol*, *vždycky*, *zájem*, *válka*. Примечательным является значительное совпадение лексических единиц, принадлежащих к наиболее частотным в чешском и словацком языках,

¹ Ограничиваемся таким количеством слов не только из-за отсутствия полных частотных словарей, а и потому, что первые две сотни наиболее частотных слов включают в себя слова, которые по характеру своей семантики сходны в различных языках (это местоимения, предлоги, полнозначные части речи с наиболее широкой семантикой). В третьей и четвертой сотне слов проявляется национальная специфика языков [Mistrík 85].

что подтверждает точку зрения об особой их близости. Наряду с этим есть и отличия — как в материальном составе наиболее частотных слов, так и в частоте их употребления. Напр.: ч. *řikati* входит во вторую сотню наиболее частотных слов, между тем как словацкое *riest'* — только в третью тысячу. Не имеют фонетико-семантических соответствий в словацком языке ч. *dělník*, *stejně*, *úkol*, *válka*.

В польском языке в первых трех сотнях наиболее частотных слов значительный процент составляют слова, не принадлежащие к праславянскому фонду. Среди них: *bieżący*, *problem*, *ubiegły*, *produkcja*, *otrzymywać*, *przedstawiciel*, *teren*, *okres*, *podkreślać*, *przewidywać*, *temat*, *cel*, *mieszkaniec*, *podejmować*, *rozmowa*, *wobec*, *budowa*, *podobny*, *sytuacja*, *warunek*, *rozwój*, *kierunek*, *działalność*, *istnieć*, *przybywać*, *rejon*, *rzecz*, *realizacja*, *urządzenie*, *spotkanie*, *stosunek*, *wzrost*, *brak*, *informować*, *poza*, *według*, *wynik*, *zwiększenie*, *zwłaszcza*, *doświadczenie*, *ruch*, *gospodarka*, *organizować*, *przedstawić*, *szereg*, *wypadek*, *zasada*, *dziedzina*, *grupa*, *inicjatywa*, *plan*, *przykład*, *społeczny*, *wspólny*, *budynek*, *decyzja*, *informacja*, *okazja*, *opracować*, *stan*, *załoga*, *akcja*, *ekspert*, *fakt*, *rodzaj*, *specjalny*, *stopień*, *zagadnienie*. Значительная часть этих слов — заимствования и прежде всего греко-латинского происхождения.

В русском языке среди первых трех сотен наиболее частотных слов не были унаследованы из праславянского такие, как *жизнь*, *товарищ*, *советский*, *вопрос*, *большой*, *завод*, *американский*, *наука*, *армия*, *развитие*, *партия*, *машина*, *главный*, *производство*, *комната*, *военный*, *отношение*, *общество*, *хозяйство*, *государство*, *форма*, *вещество*, *условие*, *газета*, *образ*, *класс*, *задача*, *солдат*, *письмо*, *план*, *развитие*, *революция*, *область*, *огромный*, *история*. По сравнению с чешским и словацким русский язык среди наиболее частотных слов имеет большое количество заимствований, однако значительно меньше, чем польский.

В украинском языке среди трех сотен наиболее частотных слов не принадлежат к праславянскому фонду такие, как *пан*, *обличчя*, *хлопець*, *жінка*, *думка*, *козак*, *людина*, *раптом*, *лише*, *товариш*, *завжди*, *хіба*, *справа*, *справді*, *погляд*, *наче*, *розмова*, *школа*, *хвилина*, *кімната*, *останній*, *гетьман*, *стен*, *зрозуміти*, *одразу*, *генерал*, *мить*, *ніби*, *машина*.

Приведенные данные действительно свидетельствуют в пользу того, что из представленных здесь языков лучше всего праславянский лексический фонд сохранили чешский и словацкий, а наибольшие изменения коснулись польского языка, в котором собственно польские образования и заимствования потеснили праславянскую лексику. В непраславянской лексике, входящей в состав наиболее частотной в каждом из языков, совпадения отдельных лексем наблюдаются главным образом среди заимствований. Ср.: укр. *хвилина*, ч. *chvíle*, сл. *chvíl'a*; р. *комната*, укр. *кімната*; р. *машина*, укр. *машина*; р. *товариш*, укр. *товариш*. Реже такие совпадения-соответствия обнаруживаются в лексике, возникшей на почве каждого отдельного языка — укр. *розмова*, п. *rozmowa*.

Исходя из данных частотных словарей, степень сохранности праславянской лексики следует признать наибольшей в словацком языке,

за которым идут чешский, украинский, русский, польский. Естественно, необходимо учитывать, что принципы отбора лексики, как и характер текстов, используемых для частотных словарей, имеют большие отличия в каждом отдельно взятом случае, поэтому и приводимые данные не бесспорны относительно частностей, отдельных лексических единиц.

Морфемно-структурная близость славянских языков

Морфемно-структурные особенности славянских языков во многом определяют как их сходства, так и отличия.

Факт значительной близости, а то и полного тождества отдельных словообразовательных элементов в части или во всех славянских языках является наследием былого праславянского единства. Общими, унаследованными из праславянского, являются также многие словообразовательные способы — префиксация, суффиксация, словосложение. В разделе «Словообразование» было показано, что в большей степени они определяют различия между славянскими языками, сходства относятся преимущественно только к части языков. Совпадение корня, сопровождающееся идентичностью аффиксов, или двух корневых морфем при словосложении, как правило, распространяется на небольшое число языков и небольшое число лексем. Напр., бр. *кормнік* «откармливаемая на убой свинья», ч. *kŕmník*, слц. *kŕmnik*, с иным суффиксом вл. *koŕmjenk*, м. *крмак*, схв. *крмак*; болг. *воденица* «водяная мельница», м. *воденица*, схв. *воденица*; укр. *кров'янка* «кровяная колбаса», бр. *крявянка*, с иной суффиксацией — болг. *кървавица*, м. *краввица*, схв. *краввица*, слн. *kravica*; укр. *вітряк* «ветряная мельница», бр. *вятрак*, п. *wiatrak*, с иной суффиксацией ч. *větrník*, вл. *wětrník*, м. *ветерница*, схв. *ветреѣча*, с отличным значением слц. *vetrák* «вентилятор»; р. *мінералка* «минеральная вода», укр. *мінералка*, бр. *мінералка*, ч. *minerálka*, слц. *minerálka*, вл. *mineralka*; р. *електричка*, укр. *електричка* (в восточнославянских как разговорные варианты); р. *общество*, болг. *общество*, м. *општество*; ч. *visitka* «визитная карточка», слн. *visitka*; р. *вечерка* «вечерняя газета» (прост.), укр. *вечірка* (разг.), бр. *вчорка* (разг.), с другим суффиксом — ч. *večerník*, слц. *večerník*, вл. *wječorník* (в западнославянских языках как нейтральные литературные варианты).

Более распространенными являются соответствия тех языков, особая близость между которыми указывалась раньше, что объясняется сходными или одинаковыми словообразовательными особенностями, возникшими в ходе самостоятельного развития языков. Случаи полных словарных соответствий у других языков немногочисленны, но ярки: ср. укр. *місячно*, вл. *měsačno*.

Лексика, возникшая на почве отдельных языков, в наибольшей степени определяет их специфику и особенности отношений, степень близости с различными славянскими языками. Однако делать в этом отношении какие-то общие выводы еще рано. Основная причина заключается в том, что словообразовательные особенности языков исследу-

ются преимущественно в плане дериватологии, ставящей своей задачей обнаружение различных словообразовательных типов и способов их реализации, определения их места (продуктивности) в тот или иной исторический период. Вопрос же о том, какие конкретные общие фонетико-семантические соответствия возникают в различных языках в результате действия сходных словообразовательных процессов и использования сходных морфем, не разрабатывается, поскольку эти явления находятся за пределами компетенции дериватологии, относясь к области лексикологии. Между тем, производные, являющиеся самостоятельными образованиями в каждом из славянских языков, представляют значительный интерес для изучающего славянские языки, позволяя обнаружить то специфическое, что составляет приметную черту отдельного языка, формирует его лицо. Поэтому в определении общего и специфического лексических единиц различных языков, рассматриваемых под таким углом зрения, необходимы совместные усилия дериватологов и лексикологов.

Нередко один и тот же словообразовательный процесс, направленный на индивидуализацию языка, приводит к тому, что этот язык отдельными лексическими единицами отходит от одних языков (как правило, более близких к нему по лексическому составу) и сближается с другими. Например, неологизм А. Т. Балана в болгарском языке *поява* отдаляет его от русского *появление*, но одновременно сближает с укр. *поява*. Точно так же м. *лицемерство* вместо *лицемерие*, *розвиток* вместо *развитие*, закрепляющиеся в македонском литературном языке, сближают его с украинским (укр. *лицемерство*, *розвиток*), отдаляя от болгарского. Тем самым дивергентные процессы являются одновременно и конвергентными.

Определение и сходства, и различия между славянскими языками в плане отражения тождественного или близкого значения одинаковыми морфологическими средствами, как и построение в дальнейшем на этой основе типологии славянских языков, было бы вполне осуществимым при наличии сопоставительного словаря славянских языков, задача создания и принципы построения которого остро дебатировались на IV Международном съезде славистов. Эту задачу могло бы выполнить также типологическое сопоставление славянских лексиконов, которое бы учитывало особенности использования общих и различных морфем для обозначения одних и тех же или близких понятий [Супрун 1983, 29]. Отсутствие сопоставительного словаря всех славянских языков, который бы охватывал не только терминологию, а и общеупотребительную лексику, как и отсутствие достаточного количества исследований, в которых бы изучалась проблема отражения различными славянскими языками одного и того же содержания при сходных или различных морфемах, затрудняет выполнение этой задачи.

Но создание такого словаря все же не смогло бы разрешить основной проблемы, — определения того, являются ли наблюдаемые сходения итогом словообразовательной деятельности определенного языка или же они — результат заимствования из какого-либо другого славянского языка. Определить пути появления слова — независимость возникновения или итог заимствования — можно только в том случае,

когда глубоко исследуется история конкретного слова. Особенно трудно отмежевать случаи поздних параллельных образований в отдельных славянских языках, когда нельзя исключить роль межславянских литературных влияний или калькирования иноязычных соответствий. Ср.: р. *подпись*, укр. *підпис*, бр. *podpis*, п. *podpis*, ч. *podpis*, слц. *podpis*, вл. *podpis*, слн. *podpis*, болг. *подпис*, м. *потпис*, схв. *потпис* и нем. *Unterschrift*; укр. *читанка*, болг. *читанка*, м. *читанка*, схв. *читанка*, п. *czytanka*, ч. *čitanka*, слц. *čitanka* (нем. *Lesebuch*); р. *соученик*, болг. *съученик*, м. *соученик*, слн. *součenec*.

Результаты взаимодействия славянских языков

Взаимовлияния славянских литературных языков — один из наиболее мощных факторов, способствующих их дальнейшей консолидации. Все славянские литературные языки в той или иной мере испытали и продолжают испытывать влияние других славянских языков, — как путем непосредственных литературных контактов, так и через посредство диалектов. Влияния, как правило, имеют взаимный характер, отличаясь при этом различной интенсивностью со стороны контактирующих языков. Например, в результате контактов украинского и польского языков в каждом из них образовался слой заимствованной лексики, однако в украинском языке заимствований из польского языка больше, чем в польском из украинского. Заимствования из одного славянского языка в другой коренным образом отличаются от заимствований из неславянских языков. Это объясняется значительной близостью морфемного состава и фонетического облика слов, позволяющих им с особой легкостью внедряться в состав другого славянского языка, что нередко затрудняет определение генезиса того или иного слова. Подобные трудности возникают и тогда, когда нужно выявить, является ли слово самостоятельным образованием или оно калькирует слово-образец другого языка.

Широкая распространенность межславянских заимствований является также следствием специфики развития славянских языков, когда при создании их как литературных одной из центральных ставилась задача очистки родного языка от чужеродных элементов с ориентацией на использование взамен их лексических образцов других славянских языков. В результате таких взаимовлияний происходило постепенное сближение славянских языков не только в области той лексики, возникновение которой связано с самостоятельной словотворческой деятельностью отдельного языка, а и в области лексики праславянского происхождения, которая была утеряна заимствующим языком (ср. появление праславянского по происхождению слова *bratstvo* в словенском языке под влиянием р. *братство* [Läg Reid 88]). Все это вместе взятое способствует укреплению более тесных связей между отдельными славянскими языками и славянскими языками в целом, возникновению у них совпадений не только отдельных лексем, а целых пластов лексики, общих для части славянских языков. Например, в болгарском языке сформировались обширные пласты общественно-поли-

тической и другой абстрактной лексики, заимствованной из русского языка [Цонев; Павлова]. Многие из слов не подверглись при этом даже фонетической адаптации: ср. болг. *благоухание*, *звук* с русской огласовкой вместо закономерных *благоухание*, *звѣк*. Не без участия русской лексики происходило также формирование словариков таких языков, как сербохорватский и словенский [Läg Reid], чешский [Лилич]. Особенно значительным было влияние русского языка на украинский и белорусский, никогда не порывавших с ним непосредственных контактов.

Русский язык, со своей стороны, испытал влияние других славянских языков, из них в первую очередь украинского и белорусского. При этом следует заметить, что отмежевать украинские влияния от белорусских не всегда представляется возможным, так как «влияние украинского, белорусского (а нередко и польского) языков обычно сливалось в один общий поток, к тому же белорусский и украинский языки часто играли и дополнительную роль — помогали закрепляться в русском литературном языке словам, пришедшим из польского и других западноевропейских языков» [Козлов 213]. Польский язык, являвшийся источником многих заимствований в русский язык, нередко также служил каналом, по которому проникали слова из других славянских языков. Например, слова *смертельный*, *пекарь*, *пекарня*, воспринимаемые как исконно русские, появились в русском языке под влиянием польского, в который они в свою очередь проникли из чешского [Мельников 114].

Межславянскими влияниями объясняется общность лексического состава восточнославянских языков, а также украинского и польского, белорусского и польского, польского и чешского, чешского и словацкого, чешского и сербохорватского, чешского и словенского, сербохорватского и словенского, сербохорватского и болгарского, болгарского и македонского, македонского и сербохорватского, сербохорватского и русского, болгарского и русского, сербохорватского и украинского. Для формирования лексики некоторых славянских литературных языков межславянские лексические влияния имели решающее значение. В частности, в словенском языке, по подсчетам Ф. Безлая, в результате таких влияний появилось около трети всех слов литературного языка [Bezla].

Существенно, что традиция межславянских влияний является практически непрерывной, вынужденная изоляция отдельных славянских языков (например, чешского, словенского, болгарского) в некоторые исторические периоды восполнялась впоследствии активными контактами с остальным славянским миром. Существование более тесных контактов между отдельными языками сказывается на наличии общих для них лексем, отсутствие непосредственных контактов объясняет спорадичность их появления. Например, относительно небольшое по сравнению с другими славянскими языками количество общих лексем у польского и сербохорватского языков объясняют отсутствием контактов этих литературных языков [Урбанчик 69—70].

Межславянские влияния являются также важным фактором освоения неславянских заимствований.

Займствования занимают особое место среди факторов, обуславливающих сходство или различие славянских языков. Если действие рассмотренных выше трех факторов способствует сохранению и расширению генетического родства славянских языков, то займствования представляют собой фактор типологической значимости: он может приводить к появлению сходств или различий, не обусловленных общностью происхождения. Факты славянских языков свидетельствуют о значительной их дифференциации по этому признаку. Займствования можно рассматривать как с точки зрения количества слов, проникших в тот или иной язык, так и с точки зрения внедрения их в лексико-семантическую систему языка. Что касается количественной стороны, то она показательна для определения степени проницаемости лексической системы для займствований, что выдвигалось И. Лековым как критерий типологической классификации славянских языков [Леков 1958в, 13]. Этот признак положен в основу известной классификации славянских языков Б. Унбегауна. Принято считать, что славянские языки характеризует сдержанное по сравнению с языками других генетических групп отношение к займствованиям, что связывают с их структурными особенностями и прежде всего с их богатыми словообразовательными возможностями. Однако и среди славянских языков отношение к займствованиям далеко не однородно: среди них выделяются такие, которые займствуют больше, чем другие славянские языки. В зависимости от отношения отдельных славянских языков к займствованиям Б. Унбегаун выделял среди них такие, которые предпочитают прямые займствования — к ним он относил польский, русский, сербский и болгарский языки, — и те, которые предпочитают калькирование прямому займствованию — чешский, хорватский, словенский и лужицкий языки. Если рассматривать займствования как фактор, определяющий материальное сходство или различие славянских языков, то, очевидно, нельзя ограничиваться отдельными частными примерами, для определения действительной роли займствований необходимо было бы сплошное исследование словарей славянских языков. Пример структурно очень близких чешского и словацкого языков убеждает в том, что отношение к займствованиям зависит и от конкретных исторических условий развития языка, в результате которых в словацком значительно чаще, чем в чешском, займствуются новые слова. Интересные данные дало обследование неологизмов послевоенного времени, убедительно показавшее, что славянские языки выравниваются в своем отношении к займствованиям [Коломиец 1973, 242—243].

Из-за невозможности обследования всего словаря славянских языков в силу очевидных причин была рассмотрена только его часть — слова на букву «к» как составляющие значительную долю в каждом из языков (около 10 % от общего словаря). Оказалось, что займствованные слова, общие для всех славянских языков, составляют довольно обширную группу. Такими же многочисленными оказались займствования, имеющие соответствия почти во всех славянских языках.

В пределах этой группы обнаружилась любопытная особенность: чаще всего общие со всеми славянскими языками соответствия отсутствуют в верхнелужицком языке, несколько в меньшей степени эта закономерность проявляется в македонском языке. Эта обособленность верхнелужицкого и македонского языков проявляется также тогда, когда они объединяются общностью отсутствия займствованных лексем, представленных во всех остальных языках. Другие славянские языки также могут не иметь общих с другими славянскими языками займствований, но это происходит спорадически и не имеет такого закономерного характера, как в верхнелужицком и македонском. Отличительной особенностью лексики, разделяемой всеми или почти всеми славянскими языками, является ее преимущественная принадлежность к интернационализмам, а в семантическом плане — абстрактности значения. Обособляются славянские языки также по наличию займствованных лексем, общих для части языков, но отсутствующих в остальных славянских языках. Наиболее примечательным является объединение части южнославянских языков — болгарского, македонского и сербохорватского. Если в других славянских языках соотношение общих для всех славянских языков займствованных лексем с индивидуальными займствованиями таково, что преобладают общие или почти в равных количествах представлены и те, и другие, то в группе южнославянских языков больше займствованных лексем, не разделяемых ими с другими славянскими языками. В группе лексем, общих для всех или почти всех славянских языков, преобладают слова греколатинского происхождения или же займствования из западноевропейских языков; в группе лексем, обособляющих южнославянские языки, преобладают турцизмы. Значение тюркизмов в южнославянских языках уже было с достаточной четкостью определено исследователями, отметившими их роль как фактора сближения южнославянских языков в качестве особого языкового союза [Дмитриев 504, 517]. Хотя тюркизмы есть и в других славянских языках, прежде всего в восточнославянских и польском, между тюркизмами этих языков и тюркизмами южнославянских языков есть заметные отличия, в результате чего материальное сходство между ними наблюдается относительно редко. С одной стороны, в южнославянских языках тюркизмов значительно больше, с другой стороны, различны источники, из которых шли тюркизмы: в южнославянских языках это, как правило, турцизмы, воспринятые довольно поздно (напр., самые старые в сербохорватском относятся к XV в., а самые молодые к I пол. XIX в. [Стаховский 59]), а в восточнославянских языках в формировании пласта тюркизмов большую роль сыграли кыпчакские, татарские, чувашские и другие диалекты.

Самые ранние из этих займствований (в разные периоды из разных источников) относятся к VIII в., особенно интенсивными они были в XIII—XV вв. и как вкрапления-экзотизмы в более поздние периоды [Баскаков 1974, 6]. Тюркизмы в польском языке займствованы либо непосредственно из турецко-османского языка, либо восприняты через посредство украинского (особенно в XVI в.), либо из западноевропейских языков позднее [Zajaczkowski 58, 72].

Менее многочисленны и выразительны группы слов, объединяющие другие языки, в частности, группу северных языков, к которым из южных подключается болгарский, группу восточнославянских, к которым реже подключается польский, или группу восточнославянских с соответствиями в болгарском языке, группу языков, в которую не входят только восточнославянские. Индивидуальных заимствований, характеризующих только отдельный язык, больше всего в верхне-лужицком. Это — заимствования из немецкого языка. Ряд индивидуальных заимствований есть в болгарском литературном языке из новогреческого.

Однако и количественный состав заимствований в славянских языках и одинаковость источников заимствования не вполне определяют место, которое заимствования занимают в системе каждого славянского языка. Например, было обращено внимание на то, что «судьба заимствованных слов в русском и словацком или чешском языках весьма различна: и это касается не только дальнейшего развития их семантической структуры, стилистической нагрузки или синтаксической валентности, но прежде всего их словообразовательной активности» [Коллар 407]. Для восточнославянских языков характерны прежде всего изолированные единицы, в словацком языке заимствования имеют значительно больше дериватов. Заслуживает внимания и вопрос о включении в систему и частотности совместно заимствованных слов, место, которое они занимают в синонимических рядах. Различия наблюдаются и среди наиболее близких языков. Например, в русском языке заимствования значительно чаще, чем в украинском языке, входят в состав синонимических рядов. Проведенное исследование слов латинского и греческого происхождения в польском и словацком языках показало, что хотя они заимствовались преимущественно в тождественную сферу — интеллектуальной лексики — и ко многим из них были образованы собственные синонимы, распределение и использование таких слов в обоих языках неодинаково: в словацком языке чаще по сравнению с польским используются собственные синонимы [Buffa 165—183]. Известный своими пуристическими традициями чешский язык в технической терминологии чаще использует заимствованные слова, чем польский, который в этих случаях больше ориентируется на собственную лексику [Damborský 1975, 174]. Если в северной группе языков тюркизмы в словарном составе оттеснены главным образом на периферию (выполняют роль историзмов, имеют узкоспециальные значения и т. д.), то в южной группе они остаются важным элементом словарного состава, активно включаясь в систему синонимических отношений. Заимствования в болгарском языке характеризуются большим семантическим объемом, чем соответствующие единицы в украинском [Паламарчук, Андерш, Стоянов 180]. Уже эти примеры показывают, что принцип полексемного сходства, используемый при определении материальной близости славянских языков, страдает рядом существенных недостатков, основным среди которых является то, что при этом не раскрываются функциональные различия или сходства между единицами.

Аспекты исследования

Принцип материального сходства структурных единиц сопоставляемых языков играет в типологии лишь второстепенную роль наряду с основным для нее принципом структурно-функционального сходства, ибо в близкородственных языках функциональное сходство часто базируется на генетическом единстве, отражающемся в сходстве материальном. В типологии исследование движется от значения к форме, выясняя, какими способами передается то или иное значение. Очевидно, что этот принцип вполне приемлем и для типологии лексики. Типология лексики при этом освещается с точки зрения ономастиологии, задачи семасиологии отодвигаются на второй план. Построение типологии лексического состава языка с точки зрения ономастиологии как проблема поставлена довольно давно. Отмечая особенности типологического исследования словарного состава славянских языков, Ф. Копечный подчеркивал, что первостепенным при этом должно стать исследование не совокупности всего словарного материала, а главным образом структуры наименования [Корещу 1958, 9]. Важность ономастиологического подхода в типологии славянских языков отмечается и в работах последнего времени [Филипец 1983, 52]. Как главную задачу ономастиологии В. Матезиус определял «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности» [228]. Одним из первых на практике такой подход к изучению лексики славянских языков осуществил А. Исаченко [1958]. Важным в этом подходе было то, что при этом были раздвинуты традиционные рамки сопоставления лексического состава славянских языков, ограничивавшиеся только словами. Был осуществлен выход за рамки собственно лексики, учтены и промежуточные явления, относимые по преимуществу только к синтаксису. Обнаружив неодинаковую роль лексем и составных наименований в системах славянских языков, А. Исаченко делает выводы о наличии черт аналитизма у языков, отдающих предпочтение словосочетаниям, и синтетизма у тех языков, которые отдают предпочтение цельнооформленным единицам. При всех своих бесспорных достоинствах эта классификация имеет и недостатки, и не столько как классификационный принцип, сколько как законченная классификация. Ее уязвимое место — явно недостаточный материал: примерам, приводимым в качестве доказательства синтетизма чешского и словацкого языков как противостоящих русскому аналитическому языку, можно назвать множество контрпримеров, утверждающих обратное. Ср.: р. *пресс-конференция*, ч. *tisková konference*, сл. *tlačová konferencia*; р. *парта*, ч. *školní lavice*; р. *библиотека*, сл. *sklad kníh*; р. *машиностроение*, ч. *písačka na stroji*; р. *простокваша*, ч. *kyselý mléko*; р. *кофемолка*, ч. *mlýnek na kávu*; р. *землячество*, ч. *krajanský spolek*, сл. *krajanský spolok*; р. *крахмал*, ч. *bramborová moučka*; р. *фуникулер*, ч. *ozubená dráha*.

Обращение к другим языкам также подтверждает, что в любом из них можно найти примеры, которые могли бы быть использованы как доказательства и синтетизма и аналитизма. Некорректность такого подхода в том, что он является по существу формальным, предполагающим полную однородность лексики, лексических групп, не учитывающим того, что между отдельными лексическими группами и отдельными способами наименования устанавливаются свои отношения. «Внутри системы словообразования устанавливается ... известное распределение действия отдельных способов словообразования. Удельный вес каждого из таких способов определяется совокупным действием множества различных факторов, немаловажную роль среди которых играет не только тип языка и особенности его структуры, а и ономазиологические (понятийные) категории, группирующие вокруг себя различные словообразовательные модели» [Языковая номинация: Виды наименований 224]. Собственно, был нарушен принцип типологии — исходя из значения, устанавливать способы выражения этого значения: здесь учитываются способы без связи со значением. В отличие от морфологической системы с ограниченным набором элементов и выражаемых ими значений, лексическая система характеризуется столь значительным разнообразием их, что в принципе типология лексической системы может представлять собой типологию отдельных ее частей — микро-типологию, по терминологии В. Скалички [Skalička 1968, 137].

Проблема проявления аналитизма и синтетизма в лексике затрагивалась в ряде работ, которые строились на доказательстве гипотезы о возможности классификации славянских языков с точки зрения использования ими однословных или составных наименований [Damborský 1962, 1966; Lotko]. В работе Е. Кучеровой, исследовавшей материал словацкого и русского языков, было показано, что проблема однословных и составных наименований не может решаться столь прямолинейно, как это первоначально нередко делалось. Материалы некоторых фрагментов лексической системы словацкого и русского языков продемонстрировали значительную сложность отношений, возникающих при использовании однословных и составных наименований [Kučerová]. Автором убедительно показано, что составные наименования не исключают наличия однословных в одном и том же языке, что между ними устанавливаются свои особые отношения в каждом отдельно взятом языке.

Проблема однословных и составных наименований, особенно активно разрабатывавшаяся в чехословацкой лингвистике, исследовалась также в плане тенденций к универбизации или мультивербизации [Jedlička 1965, 1969, 1974, 1981]. Тем самым был осуществлен выход за пределы «узких рамок словообразования» и появилась возможность «говорить о наименовании» [Кореспу 1957, 173]. Составные наименования редко становились предметом исследования из-за своего промежуточного характера, до самого недавнего времени как самостоятельная категория они не рассматривались ни в синтаксисе, ни в лексикологии, ни в фразеологии. То, что словосочетание не рассматривалось в лексикологии, объясняется прежде всего тем, что основное внимание лексикология сосредоточивает на слове как единице цельноформенной,

хотя при этом лексикологами неоднократно отмечались случаи, когда семантическими эквивалентами словам выступают словосочетания. Эта эквивалентность проявляется по отношению и к семантике, и к функции. Как и слово, словосочетание может служить единицей наименования. Составные, многословные наименования, или в чешской лингвистической традиции — *sdružená pojmenování*, отличаются как от синтаксически свободных, так и от синтаксически связанных или фразеологических сочетаний. От первых их отделяет устойчивость, воспроизводимость, закрепленность, от вторых — очевидная мотивированность, роднящая их с регулярными дериватами. В исследовании словосочетаний как единиц наименований имеются значительные трудности прежде всего из-за того, что степень их лексикализации также неодинакова, а поэтому трудно найти критерии их выделения, которые бы всегда работали. Исследование целостных фрагментов языка с ономазиологической точки зрения во многом упрощает задачу — лексикализованные словосочетания при этом легче выделяются, и само представление о способах обозначения того или иного фрагмента действительности становится более полным, чем при обращении только к словам. Рассмотрение лексикализованных словосочетаний с точки зрения номинации позволяет четче определить их место среди других средств техники номинации — словосложения, деривации (морфологической и семантической), заимствований. Вместе с тем различия количественных и функциональных соотношений между однословными и составными наименованиями в разных языках делают составные наименования одним из важных объектов сопоставительно-типологического исследования близкородственных языков.

Для определения того, как соотносятся между собой в сопоставляемых языках аналитические и синтетические способы номинации, лучше всего остановиться на тех участках лексической системы, которые, как правило, имеют морфологические средства для их выражения.

Названия языков

Общей типологической чертой, объединяющей все современные славянские литературные языки в формально-номинативном плане при наименовании языков, является использование двусоставных наименований, однотипно представленных по всем славянским языкам. Это двусловные сочетания, состоящие из прилагательного, называющего национальность, и существительного со значением «язык». Напр., р. *французский язык*, укр. *французька мова*, бр. *французская мова*, п. *język francuski*, ч. *francouzský jazyk*, слц. *francúzsky jazyk*, вл. *francoska řeč*, болг. *френски език*, м. *французски јазик*, схв. *французски језик*, слн. *francoski jezik*; р. *испанский язык*, укр. *іспанська мова*, бр. *испанская мова*, п. *język hiszpański*, ч. *španělský jazyk*, слц. *španielsky jazyk*, болг. *испански език*, м. *шпански јазик*, схв. *шпански језик*, слн. *španski jezik*. Подобные двусоставные наименования существуют и в других, неславянских языках (ср. англ. *the English language*, фр. *la langue française*, нем. *die deutsche Sprache*).

Наряду с этим в области названий языков имеются особенности, которые характерны лишь для некоторых их групп или отдельных языков. К ним, в первую очередь, следует отнести возможность однословного наименования, неодинаково реализующуюся в славянских языках. Впрочем, если принимать во внимание принципиальную возможность, подтверждаемую частными, исключительными примерами, не учитывая распространенность данного явления, то можно было бы констатировать общность для всех славянских языков и в этом плане.

По степени представленности однословных наименований славянские языки членятся на несколько подгрупп:

1. Языки, в которых однословные наименования появляются в результате контекстной универбизации соответствующих составных наименований. Сюда принадлежит македонский язык, использующий в качестве синтетического наименования членную форму прилагательного, входящего в состав аналитического наименования: *албанскиот, грчкиот, турскиот, македонскиот* и т. д.

2. К языкам, имеющим специальные, но в очень ограниченном количестве однословные наименования для названий языков, принадлежат восточнославянские и сербохорватский. Часть этих наименований у них соотносима семантически. Это название латинского языка: р. *латынь*, укр. *латинь, латина*, бр. *латынь*, схв. *латинштина*. В сербохорватском языке существует также лексема для обозначения греческого языка — *грека*, полное фонетическое соответствие которой представлено из восточнославянских языков только в украинском — *грека*, изредка используемое в специальной литературе. Не имеет соответствий ни в одном из восточнославянских языков схв. *арапштина*. Однословное нормативно закрепленное употребление субстантивированной формы прилагательного р. *русский* не имеет соответствий в языках этой подгруппы.

3. Значительно более широкий круг однословных наименований с анализируемой семантикой представлен в польском, чешском, словацком, верхнелужицком, словенском и болгарском языках. Помимо наименований классических языков (п. *łacina*, ч. *latina*, слц. *latina*, *latinčina*, вл. *łacaniščina*, *lačina*, болг. *латински*; п. *greczyzna*, *greka*, ч. *řečtina*, слц. *gréčtina*, вл. *grekšćina*, слн. *gršćina*, болг. *грѣцки*), а также арабского языка (п. *arabszczyzna*, ч. *arabština*, слц. *arabčina*, вл. *arabščina*, болг. *арабски*) существуют однословные наименования для других языков. Особая регулярность подобных наименований характеризует чешский, словацкий и болгарский языки, в которых практически любой язык можно обозначить однословно, менее последовательно однословность наименования соблюдается в верхнелужицком и словенском языках, еще менее регулярны однословные наименования в польском языке. Для языков с менее регулярно используемыми однословными наименованиями можно было бы предположить тенденции к однословному наименованию славянских и наиболее распространенных неславянских языков, о чем могли бы свидетельствовать следующие примеры: п. *polszczyzna*, вл. *pólščina*, слн. *poljšćina*; п. *niemczyzna*, вл. *němčina*, слп. *nemščina* и п. *celtycki język*, *język celtyki*, вл. *keltišćina*, слн. *keltški jezik*. Однако этот принцип выдерживается непосле-

довательно, что проявляется, в частности, в способе наименования русского языка: п. *język rosyjski*, вл. *ruščina*, слн. *ruščina*.

В языках с практически неограниченными возможностями однословного наименования создается предпосылка параллельного употребления аналитических и синтетических наименований. Вместе с тем возможность параллельного употребления наименований различным образом реализуется разными языками: отличительной особенностью болгарского языка по сравнению с чешским и словацким является преимущественное использование в нем составных наименований, большая распространенность однословных наименований в разговорной речи, тогда как в чешском и словацком языках преобладает тенденция к однословному наименованию, не скованная стилистическими ограничениями.

Группировка современных славянских литературных языков по признаку использования однословных и составных наименований для анализируемой лексической сферы не совпадает с генетической, так как однословные наименования (а следовательно и возможность параллельного употребления) характерны в первую очередь для части западных языков и части языков южной группы — болгарского и словенского. Другие славянские языки используют однословные наименования sporadически вследствие их стилистической маркированности — как правило, разговорной или устарелой (напр., р. разг. *латынь*, укр. устар. *грека*). Однословные наименования языков по происхождению, насколько об этом позволяют судить материалы исторических словарей, — явление довольно позднее. Так, словарь Гебауэра подает только двусоставные наименования «v slovanském i w czefkém jazyku» [Gebauer 1, 170]. Не оставляют сомнений в позднем происхождении однословные наименования болгарского языка, являющиеся генетически конденсатами аналитических наименований. Возникновение и закрепление однословных наименований в славянских литературных языках можно рассматривать как результат воздействия и внутриязыковых и контактных факторов. На возникновение однословной модели наименования под влиянием контактов указывает основной ареал ее распространения — чешский, словацкий, верхнелужицкий и словенский языки, испытавшие сильное влияние немецкого языка (ср. нем. Deutsch, Russisch). Вместе с тем следует отметить, что в этих языках происходило заимствование не модели наименования (тогда следовало бы ожидать субстантивированное прилагательное), а только принципа однословного наименования. Это подтверждается также используемым здесь специфически славянским способом словообразования. Важно отметить и то, что однословные наименования свойственны прежде всего языкам с характерными для них продолжительными литературно-языковыми связями.

Материалы исследуемой группы лексики подтверждают мнение о том, что ряд славянских языков стремится к синтетическому способу наименования. Однако, если учитывать сам принцип, не ограничиваясь рамками исключительно литературного языка, то можно указать на некоторые особенности, позволяющие констатировать большее, чем это было отмечено, единство славянских языков в использовании прин-

ципа однословного наименования. Прежде всего это относится к русскому языку, широко использующего субстантивацию.

Славянские языки различаются также по характеру реализации однословного наименования. Определенные способы наименования служат не только объединению, а и разобщению современных славянских литературных языков. Достаточно общим для всех языков, но охватывающим незначительное количество названий, является заимствование, что позволяет отдельно выделить русский, украинский и белорусский, как использующие слово *латынь* (нем. Latein), отдельно украинский, польский, словацкий, верхнелужицкий и чешский, использующие другое заимствование: укр. *латина*, п. *łacina*, ч. *latina*, слц. *latina*, вл. *lačina*. Такие заимствования не известны в группе южнославянских языков. Среди однословных заимствований можно было бы упомянуть также названия таких языков, как *санскрит*, *хинди*. Однако для типологии важным представляется не только способ, но и степень его распространения. И по сравнению с прямыми заимствованиями неизмеримо более важное место основной массы славянских языков занимает способ суффиксации, объединяющий как формальное средство польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и словенский языки, однако отличающийся материальной формой его воплощения, в соответствии с чем выделяются более частные подгруппы чешского, словацкого, верхнелужицкого и словенского языка, с одной стороны, и подгруппа, в которую входит только польский, — с другой. Ср.: п. *litewszczyzna*, ч. *litevština*, слц. *litovčina*, вл. *litewščina*, слн. *litovščina*; п. *czeszczyzna*, ч. *čeština*, слц. *čeština*, вл. *čěščina*; п. *włoszczyzna*, ч. *italština*, слц. *taliančina*, вл. *italščina*, слн. *italijanščina*, *laščina*. Польский язык использует суффикс *-izna*, присоединяемый к основе прилагательного, мотивированного названием национальности, все другие славянские языки используют суффикс *-ina*. Таким образом, членение и в данном случае не совпадает с генетическим. Обращает на себя внимание продуктивность данного способа, позволяющего наряду с прямыми заимствованиями использовать собственные варианты. Ср.: п. *greka*, *greszczyzna*, слц. *latina*, *latinčina*, вл.: *lačina*, *lačonščina*.

В отличие от названной группы языков, болгарский язык не использует суффиксацию. Специфической словообразовательной чертой болгарского языка в этой группе лексики является использование субстантивированных прилагательных, что отчетливо отделяет его от других славянских языков (в македонском языке субстантивированные формы прилагательных контекстуально обусловлены, ограничены).

Различаются и разграничиваются славянские языки также по семантике однословных наименований (двусоставные наименования однозначны). Наиболее четко выделяются группы языков, в которых однословные названия являются моносемичными, образуя только название языка. Сюда относятся чешский, словацкий, верхнелужицкий и словенский. Другую группу языков составляют те, в которых однословное наименование получает дополнительное значение. Это — польский и сербохорватский. Так, п. *węgierszczyzna*, *francuszczyzna*, *angielszczyzna*, схв. *латинштина* обозначают не только язык, но

и все то, что связано с культурой, обычаями, мировоззрением народа. Каждый из этих славянских языков в отдельности характеризуется специфичностью употребления, не разделяемой другим языком. Например, схв. *арапштина* имеет значение «то, что свойственно арабам». Этими созначениями можно объяснить по сравнению с чешским и словацким ограниченную употребительность однословных наименований в польском и сербохорватском. В ряде случаев такие образования обозначают преимущественно или только то, что связано с определенным народом (п. *madziarszczyzna*, функционирующее наряду с *węgierszczyzna*, обозначает прежде всего то, что связано с укладом жизни венгров, п. *guszczyzna* может обозначать либо все восточнославянские языки в целом и русский в частности, либо все то, что характеризует русских). Этой стороной своих значений однословные наименования языков смыкаются с другими славянскими языками, использующими модель «основа, мотивированная названием национальности, плюс суффикс *-ščina*», как р. разг. *итальянщина*, болг. *английщина*, которые выступают как омонимы к аналитическим наименованиям языков.

Что касается однословных наименований болгарского языка, то все они полисемантичны, поскольку обязательно сохраняют (в качестве основной) семантику национальности.

Таким образом, и в семантическом плане при обозначении языков славянские литературные языки сохраняют лишь частично группировку по генетическому признаку: для части языков, как для чешского и словацкого, общность сохраняется, у других языков проявление генетических связей в семантике анализируемых единиц оказывается ослабленным, как у польского, у которого нет совпадения с языками западнославянской группы, и у сербохорватского, у которого нет семантической корреляции с языками южнославянской группы.

Названия видов мяса

Общим типологическим признаком в формально-номинативном плане для всех славянских языков является использование двусоставных наименований, состоящих из прилагательного с основой, мотивированной названием животного (реже существительного — названия животного, — в родительном падеже) и существительного со значением «мясо». Напр.: р. *кроличье* (*медвежье*, *утиное*, *козье*, *конское*, *куриное*, *телячье*, *свиное*, *баранье*, *китовое*) *мясо*; укр. *кроляче* (*ведмеже*, *качине*, *гусяче*, *куряче*, *кінське*, *теляче*, *оленяче*) *м'ясо*; бр. *валовае* (*качынае*, *гусінае*, *курынае*) *мяса*, *мяса казы*; п. *mięso wolowe*, *gęsie mięso*, *kozie mięso*, *wieprzowe mięso*, *mięso niedźwiedzie*, *mięso królicze*, *kurze mięso*, *cielęce mięso*, *mięso końskie*, *mięso prosięce*, *mięso jagnięce*; ч. *volské* (*hovězí*, *vepřové*, *ovčí*, *skopové*, *husí*, *kozí*, *kůzlečí*, *jehněčí*, *kuřecí*, *telecí*, *slonové*) *maso*; слц. *hovädzie* (*baranie*, *jelenie*, *kozle*, *jahňacie*, *králičie*, *kaprie*) *mäso*, *mäso kapra*; вл. *howjaze* (*wolace*, *swinjace*, *jelenjace*, *kozace*, *čelace*) *mjaso*; болг. *говешдо* (*свинско*, *еленово*, *кокоше*, *телешко*, *гъше*, *овнешко*, *агнешко*, *козе*, *конско*, *патешко*, *рибешко*) *месо*; м. *говедско* (*јарешко*, *јагнешко*, *овнешко*, *гускино*,

телешко, свинско, коњско) месо; свх. jarehe (говеђе, овчије, гушичије, свинско, јагњеће, јеленово, коњско, прасеће, пилеће, рибе, кокошије) месо; слн. goveje (kokošje, jagnječje, ovčje, jelenje, gosje, račje, piščančvo, konjsko, jesetrovo, medvedje) месо. Подобные словосочетания в славянских языках достаточно лексикализованы, о чем свидетельствует использование определенных словообразовательных форм прилагательных (укр. качине, а не качаче, кінське, а не коняче). Свободны по характеру словосочетания, состоящие из двух существительных — обозначающих мясо и животное (рыбу). Этот тип описательных по характеру словосочетаний является общим для всех славянских языков и используется в случае «лакуны», как, напр., п. mięso jesiotra, р. месо кальмара.

Менее общим типологическим признаком, характерным для всех славянских языков, является принцип однословного наименования конкретного вида мяса, поскольку он не проводится столь систематически по всем славянским языкам, как принцип многословного наименования. В зависимости от того, как представлены в языке однословные наименования с анализируемой семантикой, все славянские языки могут быть распределены по двум основным группам. В одну из них входят македонский и болгарский языки, в которых однословные наименования видов мяса являются в определенной степени еще ситуативными, как болг. *свинско, агнешко, телешко*, используемые в определенной ситуации — в магазине или когда речь идет о магазине и представляющие собой самостоятельные употребления прилагательного с незавершенным процессом субстантивации [Грам. на бълг. език 162].

Другую подгруппу составляют остальные славянские языки: р. *баранина*, укр. *баранина*, бр. *баранина*, п. *baranina*, слл. *barančina*, вл. *skopina*, свх. *овчетина*, слн. *bravina, ovčevina*, ч. *jehněčina*. Для чешского приведено название, семантически не соотносимое с названиями в других языках. Сделано это по той причине, что это один из очень немногочисленных примеров однословного употребления в чешском языке (ср. еще ч. разг. *kopina*). Тем самым можно утверждать неравномерное по всем славянским языкам проведение принципа однословного наименования. Наиболее последовательно этот принцип соблюдается в восточнославянских и словацком языках: р. *свинина, кабанина, говядина, воловина, оленина, гусятина, утятина, козлятина, курятина, цыплятина, поросятина, зайчатина, телятина, словина, осетрина, севрюжина*; укр. *свинина, кабанятина, яловичина, оленина, гусятина, качатина, козлятина, ягнятина, курятина, курчатина, поросятина, зайчатина, телятина, осетрина, севрюжина*; бр. *кабанина, сви́нина, ялавичына, гавядзіна, аленіна, гусяціна, качына, казляціна, ягняціна, кураціна, парасяціна, зайчаціна, цяляціна, асятрына, сяўружына*; слл. *jelenina, jahňacina, hovädzina, barančina, kozacina, tel'acina, jeseterina, husacina, husacinka, mačacina, kuracina, kuracinka, kačacina, гувасіна*.

С широкой синонимической вариативностью представлены подобные названия в сербохорватском: *овчетина, овчевина, овчина, крметина, свињетина, воловина, говедина, гушчетина, козетина, козјетина, козлетина, јаретина, јагњетина, јањетина, пилетина, прасетина,*

телетина, бобровина, а также в словенском языке: *lososovina, kuretina, jesetrovina, medvedina, teletina, kozina, kozlovina, kozletina, bravina, ovčevina, ovčina, ovčėtina, slopovina, volovina, govedina, jagnječina, jagnjetina, svinina, jelenina, jelenovina*.

Промежуточную подгруппу между языками, широко использующими однословные наименования, и теми, которые не используют их, составляют польский и верхнелужицкий языки. Например, п. *jelenina, šwinina, wierzowina, wołowina, baranina, kozina, kozłina, cielęcina, gęsina, prosięcina*; вл. *howjazyna, jehnječina, skopina, husacina, zajęcina*.

Из вышеприведенного видно, что группировка славянских языков по использованию принципа однословного наименования видов мяса, как и наименований языков, не совпадает с генетической классификацией и делением на восточную, западную и южную подгруппы. Разобщиными, как и в первой группе, оказываются западнославянские языки, однако с отличиями в составе группировок. Едиными в последовательности проведения принципа однословного наименования в обеих лексических группах являются восточнославянские языки.

Наличие в языке однословных наименований наряду с многословными требует рассмотрения вопроса о соотношении их в процессе функционирования в языке. Прежде всего следует отметить, что функциональная синонимичность однословных и многословных наименований проявляется с различной полнотой как по отдельным языкам, так и внутри каждого из них. Однако и здесь можно выделить некоторые черты, характерные для большинства языков. В первую очередь это касается преимущественного употребления однословных наименований для названий мяса, получаемого от традиционно наиболее важных видов животных, т. е. чаще употребляется, например, р. *говядина*, укр. *яловичина*, бр. *ялавичына*, свх. *говедина*, слн. *govedina*; р. *телятина*, укр. *телятина*, бр. *цяляціна*, п. *cielęcina*, слл. *tel'acina*, свх. *телетина*, слн. *teletina*, чем их двусоставные соответствия. Однако этот принцип также имеет свои ограничения. Не располагая данными относительно всех славянских языков, можно отметить, что в словацком языке, особая близость которого к восточнославянским отмечалась выше, более употребительны, по сравнению с русским, многословные наименования [Кишгорова 13, 30]. Тем самым, имея большую близость к восточнославянским по распространенности однословных наименований, функционально словацкий язык сближается с чешским, использующим многословные наименования.

В отношении языков, обладающих значительным числом однословных и многословных наименований, следует отметить, что соотношение между такими наименованиями чаще всего имеет характер дополнительной дистрибуции; однословные наименования наиболее употребительны для называния видов мяса, традиционно сохраняющих свою важность в качестве продуктов питания, промежуточная зона допускает широкий параллелизм однословных и многословных наименований, а периферию составляют многословные наименования, обозначающие необычные виды мяса. Объяснение этому следует искать, как в особенностях строения самого языка, не всегда способного легко и

свободно реализовать возможность однословного наименования, так и в особенностях прагматического характера, поскольку составные наименования, будучи по характеру близкими к описательным выражениям, лишены многозначности, нередко характерной для однословных наименований. Поэтому, например, в русском языке используется сочетание *китовое мясо* вместо однословного *китовина*. Преимущественное использование таких двусоставных наименований вместо однословных типологически сближает восточнославянские языки с остальными славянскими языками.

Что касается способов воплощения односоставного наименования, то их отличает исключительное единообразие для всех славянских языков: все они представляют собой образования с суффиксом *-ina* (*-ovina*) и основой, мотивируемой названиями животных. Это специфически славянская черта, отличающая славянские языки, напр., от германских, в которых подобные явления не проведены столь последовательно. Ср. английские названия мяса *rook, beef* и названия животных, от которых получают это мясо, *pig, ox, cow*. Типологическую параллель по характеру мотивации обнаруживает немецкий язык, в котором подобные наименования представляют собой словосложения типа *Kalbfleisch*. В материальном выражении, как показывают вышеприведенные примеры, также проявляется полное единство славянских языков, что является вполне закономерным и имеет свое историческое объяснение, поскольку значительное число однословных наименований восходит к праславянскому языку: **jelenina, *konina, *agnĕtina, *goveđina, *baranina/*boranina, *jarĕtina, *teletina, *esetřina, *gqsina, *svinina*. В свете этих данных более правильной является постановка вопроса о сохранении отдельными славянскими языками праславянского фонда, а не о продуктивности подобных образований, являющихся продуктивными только исторически (синхронически необъяснимы явно немотивированные образования р. *говядина*, бр. *гавядзіна*, укр. *яловичина*, бр. *ялавичина*). Ср. также схв. *бравина*, обозначающее мясо разных животных «баранина, козлятина», восходящее к псл. **bogvina*. Языки, в которых отдается предпочтение двусоставным наименованиям, одновременно оказываются теми, в которых эта группа важной праславянской лексики была утеряна, т. е. это в первую очередь болгарский, македонский, чешский и в меньшей степени польский и верхнелужицкий. То, что это явление характерно для славянских языков как литературных и не связано с первоначальной диалектной раздробленностью праславянского, подтверждают свидетельства диалектов, в которых однословные наименования сохранились, а также имеющиеся свидетельства исторических словарей (ч. диал. *hovežina*, ст. ч. *hovĕdina*, ст. ч. *bravina* с широким спектром значения «мясо мелкого домашнего скота», болг. диал. *гуведина*).

В верхнелужицком ряд рефлексов праславянских форм представляют собой не более чем омонимы: *konina* «запах коня», *swinina* — разновидность растения.

С диалектной раздробленностью праславянского языка связана не принципиальная возможность однословного наименования, а различие в материальном выражении, представленном в некоторых языках, в

первую очередь южнославянских. Ср., например, название баранины, четко членившее языки на северный и южный ареалы: р. укр. *баранина*, бр. *баранина*, слц. *baranina*, схв. *овчетина*, слн. *ovčevina, ovčetina*.

Если учитывать материальное выражение данной семантической группы в целом, то наибольшая близость характеризует группу восточнославянских языков (соответствующие примеры см. выше), белорусский язык занимает особое положение, отражая большую близость к украинскому: укр. *ягнятина*, бр. *ягняціна* (название молодой баранины в русском языке как однословное больше характерно для диалектов); укр. *качатина*, бр. *качына*; укр. *яловичина*, бр. *ялавичина*.

Близким к восточнославянским является и словацкий. Близость словацкого к восточнославянским в однословных названиях видов мяса усиливается благодаря использованию в нем уменьшительных форм, соотносимых с уменьшительными формами восточнославянских языков. Ср.: р. *гусятинка*, укр. *гусяцінка*, бр. *гусяцінка* и слн. *husacinka*.

Что касается той части лексики с семантикой мяса, которая сформировалась в более поздний период, то она определяет еще в большей степени те различия между славянскими языками, о которых говорилось выше, поскольку в русском языке, несколько меньше в украинском и белорусском, модель не утратила продуктивности, тогда как для других славянских языков можно констатировать лишь сохранение ее исторической продуктивности.

Семантическая структура однословных наименований видов мяса в современных славянских языках демонстрирует как черты общности, так и различия. К общим относится обозначение мяса как еды, блюда. Семантически оно настолько тесно переплетается с обозначением мяса, что нередко толковые словари выделяют у слов, обозначающих мясо, значение еды как оттенок, а не как отдельный лексико-семантический вариант. Единство славянских языков в группе лексики, обозначающей мясо как блюдо, проявляется в последовательно проводимом по всем славянским языкам принципе не только двусловного, но также и однословного наименования. В частности, те славянские языки, для которых в качестве специфической черты констатировалась ограниченность однословных наименований видов мяса, при названии мяса как еды, также пользуются однословными наименованиями. Ср. болг. *говеждо, свинско, овнешко*; м. *овнешко, свинско*; ч. *hovĕží*. Отличаясь фонетическим обликом, эти слова сходны по способу образования, являясь конденсатами двусоставных наименований типа *свинско мясо*.

Общим для славянских языков является не только использование таких субстантивированных прилагательных, но и использование названий мелких животных, птиц для обозначения приготовленного мяса: р. *гусь, рябчик*; укр. *куропатка, гуска*; бр. *гусь*; п. *geś, kuga*; ч. *kachna*; слц. *kačka*; вл. *kuriatko*; болг. *прасенце*; м. *прасе*; схв. *прасе*; слн. *kozliček*.

Можно выделить еще один семантический план у слов с семантикой мяса, который обнаруживает как общие, так и различительные черты славянских литературных языков и возникновение которого связано с их раздельным существованием. Общим для всех тех славянских языков, которые используют однословные наименования, является

разветвленность семантической структуры количественно небольшого, но довольно важного ряда лексем, в то время как другая часть подобных слов остается моносемичной. Таковы дополнительные по сравнению с основным значениями кожи, шкуры, выделяемые у р. укр. *воловина*, бр. *валовіна*, ч. *jeňpěčina*, слц. *jaňpacina*, схв. *козлетина*, слн. *jaňječina*. Противопоставление славянских языков в этой части лексики связано с тем, что если для восточнославянских языков подобная семантическая разветвленность имеет скорее характер исключений и для таких обозначений выработаны специальные лексические средства (хотя диалекты и дают свидетельства довольно разнообразной семантики подобных лексем, сближающей их с лексемами других славянских языков), то в группе южнославянских — сербохорватского и словенского — подобная разветвленность представляется обычным явлением. Ср.: схв. *воловина*, *јеленовина*, *коњина*, *јагњетина*, *овчина*, *козлетина*; слн. *ovčina*, *slonovina*, *kozina*, *kozlovina*, обозначающие дополнительно шкуру животного. Часть слов может обозначать и кожу: схв. *овчина*; слн. *kozlovina*, *svinina*, *ovčina*. Некоторые лексемы сохранили или развили специфические значения. Таковы укр. *овчатина* «запах овцы», *конина* «измученная лошадь», схв. *овчина* «большая овца», схв. *воловина* «сорт винограда», слн. *govedo* — неодобрительно характеризологическое о человеке, *slonovina* «слоновая кость». Показательным является то, что южнославянские языки сохранили для указанных наименований широкую синонимику, лишь изредка дифференцируя отдельные значения формально — через выражение отдельными лексемами (напр., слн. *teletovina* для обозначения шкуры теленка), тем временем как восточнославянские языки избрали путь упрощения семантической структуры слова. Именно в этом обстоятельстве — практической однозначности слов, используемых для названия мяса, возможно, следует усматривать причину их значительно большей продуктивности в восточнославянских языках по сравнению с подобными названиями в южнославянских языках. Что касается сохранения семантических особенностей, характерных для праславянского, то можно отметить значительный отход от первоначальной структуры в современных восточнославянских языках. В праславянском названия на *-ina*, мотивируемые названиями животных, обозначали разные предметы. Это могло быть и мясо, и кожа, и шкура. Эти же названия могли обозначать и запах. На обоснованность такой интерпретации ясно указывают свидетельства диалектов, сохранившие эти значения. Поэтому можно утверждать, что южнославянские языки в наибольшей степени сохранили древние семантические отношения, в то время как восточнославянские языки как литературные, ориентировавшиеся на специализацию исходной праславянской семантики, тем самым не только сохранили, но и развили сам принцип однословного наименования.

*Названия предприятий
(фабрик, заводов, мастерских, цехов)*

Лексическая группа названий предприятий является одной из наиболее многочисленных в современных славянских литературных языках групп, в которых представлены способы однословного и многословного наименования, используемые каждым из современных славянских языков. Отличительной чертой этой группы по сравнению с другими группами лексики является ее открытый характер, определяемый непосредственными предметными связями данной группы. Количество названий различных производств продолжает неизмеримо возрастать в связи с необходимостью номинации предприятий, которые заняты производством новых материалов, с использованием в них новых технологий, увеличением ассортимента выпускаемых предметов вследствие расширяющегося и углубляющегося характера производственной деятельности, особенно в настоящем столетии. Другой примечательной чертой этой группы лексики является широчайшая область ее функционирования — от быденно-бытовой речи до высокостандартизованных деловых и специальных стилей. Такая функциональная широта во многом затрудняет ее исследование, но она же способствует более четкому осмыслению процессов, происходящих в современных славянских литературных языках, решению вопросов о степени влияния разговорного и официально-делового стилистического друг на друга, об их взаимоотношениях в процессе функционирования и развития литературного языка.

Наиболее общим признаком, свойственным всем современным славянским литературным языкам, является принцип многословного наименования. Только для одного языка — верхнелужицкого — располагаем весьма скудным материалом, что, однако, не является свидетельством отсутствия в нем подобных составных наименований вообще. Малочисленность таких примеров — скорее следствие того, что переводные словари, которые были использованы при сборе материала, реже, чем толковые, фиксируют аналитические сочетания, особенно в тех случаях, когда в языке есть однословные наименования. Верхнелужицкий принадлежит к тем литературным языкам, которые с особой последовательностью в наименованиях предприятий проводят принцип однословного наименования, представленного также в других славянских языках.

Несмотря на существующую принципиальную возможность аналитических и синтетических номинаций по всем славянским языкам, подлинный их параллелизм наблюдается далеко не всегда и не равномерно по отдельным языкам, хотя при этом и можно выделить одну общую для всех славянских языков особенность — аналитический способ является практически единственно возможным при назывании производств с относительно узкой специализацией. Ср. п. *fabryka sprężyn* «завод, производящий пружины», ч. *závod na výrobu tašek* «черепичный завод», слц. *továrna na povgazy* «канатный завод», болг. *пеницилинов завод*, схв. *фабрика лепила* «клееварная фабрика», слн. *oprekarna na strešno oreko* «черепичный завод». В системе названий

предприятий в целом такие номинации занимают нецентральное положение и не они определяют преобладающий в языке тип названия. Более показательны названия промежуточной и центральной зоны, являющиеся наименованиями предприятий с достаточно широко или традиционно развиваемой специализацией². Эта группа наименований имеет глубокие отличия по славянским языкам. Основываясь на возможности параллельного использования аналитических и синтетических наименований и степени их взаимозаменяемости, славянские языки можно разделить на две подгруппы:

1. К языкам с преобладающим аналитическим способом наименования принадлежат русский, украинский, белорусский, македонский, в несколько меньшей степени — болгарский. Несмотря на то что в восточнославянских языках есть довольно широкий круг однословных наименований, как об этом свидетельствуют приведенные дальше примеры, синонимия однословных и составных наименований в них сведена к минимуму. Это объясняется тем, что однословные и составные наименования редко соотносимы семантически и стилистически. Из восточнославянских языков это в первую очередь относится к русскому, большинство однословных названий которого (исключая композиты со второй частью — *завод*, *комбинат*) семантически специализировалось, обозначая мелкие предприятия (отсюда нередкая их архаизация и использование для названий существовавших в прошлом мелких предприятий), цехи, мастерские. Напр.: *бумагопрядильня*, *гвоздарня*, *дубильня*, *литейная*, *льнопрядильня*, *маслобойня*, *маслодельня*, *мукомольня*, *мыловарня*, *переплетная*, *пекарня*, *мельница*, *красильня*, *прачечная*, *скотобойня*, *слесарня*, *сукновальня*, *сыроварня*, *шелкопрядильня*. Часть однословных наименований — архаизмы в современном русском литературном языке. Это — *винокурня*, *кожевня*, *сахароварня*, *смолокурня*, *солеварня*. Для наименования крупных предприятий используются составные наименования, однословные названия немногочисленны и, формально являясь однословными, синтетическими, с точки зрения семантики аналитичны. Это р. *автозавод*, *сахарозавод*, *молокозавод*, *мясокомбинат*, *рыбозавод*, *льнозавод*, *авиазавод*, вторая часть которых именуется вид предприятия. Подлинно синтетическими являются р. *издательство*, *типография*, *верфь*. Разграничение предприятий по размеру послужило, очевидно, поводом к тому, что слово *пекарня* как обозначающее небольшое предприятие было заменено словосочетанием *хлебопекарский завод*, а затем и существительным *хлебозавод* для обозначения крупного предприятия. *Хлебозавод* все больше вытесняет слово *пекарня* даже в случаях, когда контекстно оно адекватно. В украинском и белорусском языках также значительное число однословных наименований устарело — ср. укр. *винниця*, *гуральня*

² Деление на зоны — центральную, промежуточную, периферийную, — находящее свое отражение в различной частотности слов в тексте, обусловлено в этой группе лексики в первую очередь внеязыковыми факторами: распространенностью предприятий с определенным видом продукции (производства), их значением в производственной жизни общества в целом. Однако распространение определенного типа наименования — синтетического или аналитического — диктуется исключительно языком.

«винокурный завод», *крохмальня*, *мыловарня*, *гарбарня* «кожевенный завод», *дъогтярня* «дегтярный завод», *ткальня* «ткацкая мастерская», *бровар*, *броварня*, *броварниця* «пивоваренный завод», *цукроварня*, *сахарня* «сахарный завод», *гута* «стекольный завод»; бр. *піваварня*, *паперня* «бумажная фабрика», *вінакурня*, *цукраварня* «сахарный завод», *гута* «стекольный завод», *валюш* «сукновальня». Другая часть однословных наименований, как и в русском языке, семантически сузилась, обозначая цехи, мастерские, мелкие заводы, фабрики — укр. *виноробня* «винокурный завод», *маслоробня* «мелкое маслодельное предприятие», *дубильня* «кожевенная мастерская», *крупорушка*, *круподерня*, *ливарня* «литейная», *олійниця* «маслобойня (растительного масла)», *пекарня*, *фарбувальня* «покрасочная мастерская», *палітурня* «переплетная мастерская», *фарбоварня* «предприятие по изготовлению красок», *бондарня*, *слюсарня*, *смолярня*, *смолокурня*, *столярня*, *молочарня*, *шліфувальня*; бр. *бавоўнапрадзільня*, *крупадзёрка*, *крупарушка*, *кузня* «кузница», *ліцейня*, *мылаварня*, *пераплётная*, *цукраварня*, *сласарня*, *смалакурня*, *сталярня*, *валюшня* «сукновальня». Однако при этом в украинском и белорусском шире по сравнению с русским используются однословные наименования для обозначения крупных предприятий. Ср.: укр. *друкарня* «типография», *цегельня* «кирпичный завод», *олійня* «маслозавод (по выработке растительного масла)», *клееварня* «клееварный завод»; бр. *гарбарня* «кожевенный завод», *цагельня*, *друкарня*, *лесадзільня*, *пільня* «лесопильный завод», *алейня* «маслозавод (по производству растительного масла)», *льнопрадзільня* «льнопрядильная фабрика». Большая употребительность в этих языках таких названий для обозначения заводов, фабрик находит свое объяснение в том, что в украинском и белорусском дифференциация по признаку размера производства и соответственно противопоставление мастерская — завод, фабрика не были характерны и для тех названий, которые уже вышли из активного обихода, тогда как в русском и архаические названия чаще, чем соответствующие названия украинского и белорусского языков, обозначали мастерские.

В качестве доказательства того, что в восточнославянских языках сильна аналитическая тенденция в наименованиях крупных предприятий, можно привести пример с названием в них судостроительного завода: р. *верфь*, укр. бр. *верфь*, в семантике которых изначально заложено название большого предприятия, приобрели еще и составное наименование — р. *кораблестроительная (корабельная) верфь*, укр. *кораблебудівна (корабельна) верфь*, бр. *караблебудавнічая (карабельная) верфь*. Примечательно, что ни один из других славянских языков подобных составных наименований с этой семантикой не имеет. Такое расхождение объясняется склонностью к синтетизму, значительно более развитому в этих языках по сравнению с восточнославянскими, а также тем, что название верфи в восточнославянских языках семантически непрозрачно в отличие от соответствий в других славянских языках.

Параллелизм однословных и составных наименований в русском, украинском и белорусском языках соблюдается главным образом тогда, когда однословные наименования представлены композитами типа

р. авиазавод, спиртозавод, мелькомбинат, мясозавод, молокозавод, льнозавод; укр. авіазавод, спиртозавод, млинкомбінат, молокозавод, льнозавод, рибозавод, автозавод; бр. авіязавод, аўтазавод, млынкамбінат, млынзавод, мясакамбінат, малаказавод, спіртазавод (помимо названных выше украинских и белорусских однословных наименований, обозначающих заводы). Некоторые из них более употребительны, чем составные наименования, как р. укр. молокозавод; р. мяскокомбинат, электростанция, хлебозавод; укр. м'яскокомбінат, хлібозавод, електростанція; бр. мясакамбінат, малаказавод, хлебазавод, електростанцыя. Такие же названия, как р. типография, льнозавод, рибозавод; укр. льнозавод; укр. бр. друкарня; укр. рибозавод; бр. ільназавод, не соотносятся с составными наименованиями и вместо них возможны только описательные обороты.

Следует отметить, что в разговорной речи русского, украинского и белорусского языков однословные наименования встречаются довольно часто как следствие контекстной универбизации соответствующих составных наименований, что наблюдается в большинстве случаев, либо семантической конденсации, сопровождающейся аффиксацией (р. трикотажка вместо трикотажная фабрика), либо словосложения с усечением атрибутивной основы (р. пивзавод). Последние однако стилистически ограничены и принадлежат к сфере просторечия.

Промежуточную подгруппу между литературными языками, отдающими предпочтение аналитическому способу наименования, и теми, в которых доминирует синтетический, составляют македонский и болгарский, из которых последний более склонен к синтетическим наименованиям. Объединяет болгарский и македонский с восточнославянскими то, что однословные наименования относятся по преимуществу к названиям мелких предприятий, цехов, мастерских, поэтому, как и в восточнославянских языках, подлинный параллелизм однословных и составных наименований встречается нечасто. Ср. болг. сапунджийница «мыловарня» и сапунена фабрика «мыловаренная фабрика», хотя есть параллелизм у сапунджийница и работилница за сапун. Параллельны также болг. стоманолеярна и стоманолеярен завод «сталеплавильный завод», тухларница, цигларница и тухларна (циглена) фабрика «кирпичный завод», пивоварница и фабрика за бира, пивоварна фабрика; м. барутница и фабрика барута «пороховой завод», коксарница и индустрија за кокс «коксохимический завод», пиварница и фабрика за пиво. Болгарский и македонский языки ближе стоят к украинскому и белорусскому в том, что однословные синтетические наименования (и формально, и семантически) в них могут обозначать как большие предприятия — фабрики, заводы, так и мастерские, цехи. Ср.: м. туларница, тулана, цигларница и фабрика или работилница за тули. Однако в преобладающем большинстве случаев преимущество отдается одному из способов номинации — синтетическому или аналитическому, как в болг. издавателство, м. издавачко претријатие, болг. кожарска фабрика, м. фабрика кожи; болг. табакхана «кожевенная мастерская», м. кожарска работилница; болг. м. електроцентра, м. челичарница «сталелитейный завод».

Отличает македонский и болгарский языки от восточнославянских

также то, что процесс архаизации у них охватил лишь незначительную часть бывших ранее в активном употреблении слов, напр., болг. табакхана, м. керамидница «кирпичный завод», однако и прирост однословных наименований у них незначителен по сравнению с восточнославянскими, широко используемыми словосложение.

2. В подгруппу с преобладающим синтетическим способом наименования входят остальные славянские языки, хотя цельности группы мешает неодинаковая степень использования разными языками однословных наименований. Наибольшую последовательность в использовании однословного способа наименования можно отметить для чешского, словацкого, верхнелужицкого, сербохорватского и словенского. Несколько менее активен польский язык. Главное отличие подгруппы языков с синтетическим способом наименования от языков с аналитическим способом наименования состоит в том, что однословные наименования в них преобладают, большая часть составных наименований дополняет недостающие однословные наименования. Для наиболее распространенных предприятий более привычны однословные наименования. Отличие их в семантическом плане от подобных названий в восточнославянских языках состоит в том, что семантического деления на крупное и мелкое производство, разграничения фабрик, заводов, с одной стороны, и мастерских, цехов, с другой, то есть строгой семантизации наименований по масштабу предприятий, закономерно нет. Как правило, они не разграничиваются специальными формами — однословными или составными наименованиями, напр., ч. pŕádelna, слц. pradiareň обозначает и фабрику, и цех, и мастерскую. То же и у ч. kotlárna, слц. kotláreň, слн. kovačnica, схв. ливница. Сложности в определении значения, как правило, нет. Ср.: слц. kulisáreň «мастерская по изготовлению кулис, декораций»; п. koszykarnia, ч. košíkárna, схв. корпара «цех по производству корзин», поскольку из опыта известно, что такие предприятия не могут быть большими. В тех же случаях, когда необходимо специально указать, о каком предприятии идет речь, используются составные наименования либо однословные с указанием на размер предприятия, напр., названия хлебозавода: п. piekarnia mechaniczna, слц. vel'kopekáreň, strojná pekáreň, схв. фабрика хлеба и печива, слн. velepekarna (ср. подобную дифференциацию в нем. Großbäckerei, англ. bread factory). Подавляющее число однословных наименований в этих языках стилистически нейтрально, только отдельные слова имеют признаки архаизации либо разговорности. Так, схв. пецара, слц. vîporálnik обозначают примитивно оборудованный винокуренный завод, ч. autodílňa, слц. autodielňa обозначают авторемонтную мастерскую, отличаясь стилистическими оттенками: чешское слово принадлежит к сленгу, словацкое — к разговорному стилю. Подобные отличия можно отметить также для названий автозавода — ч. automobilka, слц. automobilka, вагоностроительного завода — ч., слц. vagónka, однако чешское слово принадлежит к «обечной чештине», тогда как словацкое — разговорное. В этом случае составные наименования выступают как нейтральные синонимы по отношению к однословным наименованиям. Примечательно, что большинство новообразований последнего времени чешского и словацкого

языков сформировано не при помощи суффикса -áreň, -ánpa, особо продуктивных в послевоенное время, а при помощи суффикса -k-, поскольку старые модели во многом потеряли свою активность. Обнаруживая при этом морфологическую и семантическую общность, чешское и словацкое слова отличаются сферами употребления. Однословные наименования возникают стихийно в разговорной речи как соответствия составным наименованиям или уже имеющимся литературным однословным наименованиям. Однако при таком сходстве сфер первоначального их возникновения, они отличаются тем, что словацкий разговорный не отделен от литературного в такой степени, как чешский литературный от чешского разговорного, что позволяет подобным названиям словацкого языка более широко внедряться в систему литературного языка по сравнению с подобными названиями чешского языка.

Общей для всех славянских языков особенностью является использование двусоставных (редко с большим числом составляющих) наименований, состоящих из наиболее общего названия предприятия (фабрика, цех и т. д.) и определения, указывающего на его специализацию. Для самых общих названий предприятий в каждом из славянских языков существуют разветвленные лексические ряды, как р. *фабрика, завод, комбинат, объединение, цех, ателье, мастерская, станция*, однако в образовании подавляющего числа наименований участвует только небольшая их часть. Это — р. укр. бр. болг. *завод*, р. укр. болг. м. схв. *фабрика*, бр. *фабрика*, п. *fabryka*, *wytwórnia*, ч. *továrna*, ч. слц. *závod*, слц. *továreň*, вл. *twornja*, *fabrika*, схв. *творница*, слн. *tovarna*, р. укр. болг. *цех*, бр. *цех*, р. *мастерская*, укр. *майстерня*, бр. *майстерня*, п. *warsztat*, ч. *dílna*, слц. *dielňa*, болг. м. *рабoтoмилница*, схв. *радионица, радња*, слн. *delavnica*.

Разграничение *завод* — *фабрика* во многих случаях является весьма условным, поскольку различия между ними определяются не столько причинами смыслового порядка, как это принято считать (в словарях утверждается, что предприятия с более сложными технологическими процессами называются словом *завод*), а скорее по традиции, что свидетельствует о степени лексикализации составных наименований. Ср. укр. *хлібопекарський завод* и *макаронна фабрика*. Особенно четко это прослеживается в составных наименованиях, допускающих вариативность: ч. *továrna (závod) na traktory*, болг. *вагонна фабрика, вагоностроителен завод*.

Другой семантически мотивирующий компонент составных наименований может быть представлен двумя основными способами, общими для всех славянских языков, — прилагательным и существительным (группой существительного).

Общей чертой всех славянских языков является семантизация определенных моделей — при наименовании мастерских, цехов все славянские языки пользуются преимущественно наименованиями с атрибутом-прилагательным: р. *сапожная мастерская*, укр. *в'язальний цех*, бр. *карамельны цех*, п. *warsztat lakierniczy*, ч. *kolářská dílna*, слц. *klampárska dielňa*, болг. *трикотажен цех*, м. *кожарска работилница*, схв. *ковачка радионица*, слн. *košarska delavnica*. Больше использует наименования с существительным сравнительно с другими славянски-

ми языками болгарский язык. При наименовании заводов и фабрик славянские языки по-разному подходят к использованию составных наименований. Выделяются следующие подгруппы языков: 1) польский, сербохорватский, македонский с наименованиями, атрибутивный компонент которых выражен существительным, 2) восточнославянские языки, которые безусловно тяготеют к названиям с атрибутом-прилагательным, наименования с существительными у них довольно ограничены, а также болгарский язык, в котором явно преобладают наименования с прилагательным, 3) чешский, словацкий, словенский языки с тенденцией к равномерному распределению наименований с существительными и прилагательными. Материалы верхнелужицкого языка не позволяют сделать какого-либо определенного вывода ввиду их ограниченности. Ср.: р. *авиационный завод*, укр. *авіаційний завод*, бр. *авіаційни завод*, п. *fabryka samolotów*, ч. *továrna na lietadla*, слц. *továreň na lietadlá*, болг. *самолетен завод*, м. *фабрика авиони*, схв. *фабрика авиона*, слн. *letalska tovarna*; р. *кабельный завод*, укр. *кабельний завод*, бр. *кабельны завод*, п. *fabryka kabli*, слц. *továreň na kabli*, болг. *кабелен завод*, схв. *фабрика кабела*, слн. *tovarna kablov*. Языки, использующие наименования с атрибутом-существительным, формально отличаются использованием предложных или беспредложных атрибутов. Болгарский и македонский языки закономерно используют предложный атрибут, польский, сербохорватский и словенский — беспредложный с существительным в генитиве, чешский и словацкий — предложный. Ср.: п. *fabryka wyrobów tekstyrowych «картонажная фабрика»*, ч. *továrna na cukrovínku «кондитерская фабрика»*, слц. *továreň na cukrovínku «тж.»*, болг. м. *фабрика за хартия «бумажная фабрика»*, схв. *фабрика вагона*, слн. *tovarna vagonov*.

Общие для всех славянских языков черты обнаруживаются в семантической мотивировке составных наименований. Наиболее продуктивной во всех славянских языках является мотивировка по производимому продукту: р. *автомобильный (алюминиевый, бетонный, кабельный, кирпичный, консервный, пивной, содовый, стекольный, тракторный, часовой) завод*, *бумажная (канатная, консервная, мебельная, парфюмерная, табачная, трикотажная) фабрика*, *завод железобетонных конструкций*, *завод пицеконцентратов*, *шелковый комбинат*, *котельный (кузовный, модельный, шоколадный) цех*, *кожевенная (сапожная, обувная, шорная) мастерская*; укр. *автомобільний (бетонний, кабельний, керамічний, цукровий, шкіряний, телевізорний, годинниковий, цвяховий) завод*, *паперова (канатна, картонажна, мебльова, взуттєва, панчішна, парфюмерна, текстильна, целюлозна) фабрика*, *шовковий комбінат*, *завод мінеральних вод*, *карамельний (кузовний, модельний, палітурний «переплетный», шоколадный) цех*, *взуттєва (годинникова, модельна) майстерня*; бр. *бетонны (брыкетны, кабельны, карбюраторны, кафляны, керамзітавы, клеявы, клінкерны, кансервавы, крухмальны, зброевы «орудийный», цукравы, содавы, спіртавы) завод*, *папяровая (панчошная, канатная, мэблевая, тытунёвая, шакаладная, тэкстыльная) фабрыка*, *карамельны (кузовны, калёсны, мадэльны) цэх*, *мадэльная (гадзіннікавая) майстэрня*; п. *fabryka samolotów (samochodów, aluminium, bielizny, brykietów, papieru, wagonów, kabli, lin «канат-*

ный», cukierkôw, wyrobów cukierniczych «кондитерская фабрика», konserw, kotłów, krochmału, maszyn «машиностроительный завод», mebli, broni «орудийный завод», farb, prochu, mydła, sody, obrabiarek «станкозавод», zegarków «часовой завод»), wytwórnia ceramiczna, wytwórnia masa, kombinat tkanin czesankowych «камвольный комбинат», warsztaty samochodowe «авторемонтная мастерская», zakłady budowy wagonów, fabryka włókiennicza «текстильная фабрика»; ч. továrna na letadla (automobily, traktory, nábytek, cukrovinky «кондитерская фабрика», obráběcí stroje «станкостроительный завод», kůže), kartonážní (nábytkářská, tabaková) továrna, naftový závod, strojírenský závod «машиностроительный завод», masný kombinat «мясокомбинат», továrna na zpracování lnu «льнозавод», závod na výrobu tašek «черепичный завод», továrna provazy a lana «канатная фабрика»; сл. továreň na lietadlá (kable, nábytok, farby, cukrovinky, textil, obrábacie stroje, porcelán), továreň na výrobu sody (škridlíc), porcelánová (automobilová, textilná, tabaková) továreň, вл. celulozowa (maszynowa, meblowa, konserwowa) fabrika, fabrika rybajacych konserwów; болг. автомобилен (железобетонен, скорбелен «крохмальный», кабелен, каучуков, циментов, оръжеен, барутен «пороховой») завод, бирена (текстилна, захарна, консервна, хартиена «бумажная», вагонна, сапунена «мыловаренная», конячна, кахлена, циглена, тютюнева, трикотажна) фабрика, фабрика за светилен газ (за бира, за въжа «канатная», за тухли «кирпичный завод», за оръдия, за оцет, за смола, за сода, за сапун, за стъкло, за кокс, за лак, за ликьори), каросерен «кузовный» цех, работилница за котли; м. фабрика за авиони (за автомобили, за ракија «спиртзавод», за конзерви, за сапун, за пиво, за шеќер «сахарный завод», за машини-алатки «машиностроительный завод», за стакло, за цемент, за чоколадо), текстилна (чоколадена) фабрика; схв. фабрика авиона (аутомобила, бетона, каучука, вагона) кабела, опеке «кирпичный завод», конзерви, скорба, леда «льдозавод», маслаца, сапуна, стакла, машина «машиностроительный завод», порцулана, кожа, жестоких пића «винокурный завод», шпиритуса), творница кабела (опеке, стројева, цемента, сатова «часовой завод», машина-алатлика «станкостроительный завод»); слн. tovarna aluminija (kablov, vagonov, kleja, usnja «кожевенный завод», koksa, sladkoga «кондитерская фабрика», ogozja, parketa, piva, ogodnih strojev «станкостроительный завод», cementa, tirnic «рельсопрокатный завод»), kartonážna (automobilska, sladkorna) tovarna.

Другая общая для всех славянских языков семантическая модель с мотивацией по деятелю представлена менее единообразно: р. кузнечный цех — кузнец, токарный цех — токар, скорняжная мастерская — скорняк, слесарная мастерская — слесарь; укр. кравецька майстерня — кравец, шевська майстерня — швець, ковальський цех — коваль, кушнірська майстерня — кушнір; бр. кавальскі цэх — каваль, слясарная майстэрня — слесар, сталярная майстэрня — сталяр, кравецькая майстэрня — кравец; п. warsztat gwoździarski — gwoździarz, warsztat kowalski — kowal, wydział modelarski — modelarz, warsztat szewski — szewc, warsztat ślusarski — ślusarz, warsztat krawiecki — krawiec; ч. umělecká dílna — umělec, kolářská dílna — ko-

lář, truhlářská dílna «столярная» — truhlář; сл. klampiarska dielňa — klampiar, kožiarska továreň «кожевенный завод» — kožiar, stolárska dielňa — stolár, kotlársky cech — kotlár, kováčska dielňa — kováč, farbiarsky závod — farbiar, l'anársky závod — l'anár, zámočnícka dielňa «слесарная» — zámočník, čižmarska dielňa — čižmár, kožušnicka dielňa — kožušník; болг. стъктларска фабрика — стъктлар, кошничарска работилница — кошничар, сладкарска фабрика — сладкар, кожарска фабрика — кожар, шлосерна работилница «слесарная» — шлосер, гравьорско ателие — гравьор; м. ателје на уметник, кожарска работилница — кожар, столарска работилница — столар, шивачка работилница — шивач; схв. сликарски ателие — сликар, кожарска радионица — кожар, ковачка радионица — ковач, механичарска радионица — механичар, бојаџијска радионица — бојаџија, браварска радионица — бравар, бродарска радионица — бродар; слн. pletarska delavnica — pletar, pečatarska delavnica — pečatar, mizarska delavnica — mizar, čevljarska delavnica — čevljar, kolarska delavnica — kolar, krojaška delavnica — krojač, barvarska delavnica — barvar.

Отличия между аналитическими наименованиями с мотивировкой по производимому продукту и наименованиями с мотивировкой по деятелю-производителю наряду с формальными имеют семантические характеристики: формально наименования с мотивировкой по деятелю представлены почти исключительно моделью прилагательное-атрибут и существительное, тогда как у наименований с мотивировкой по продукту используется также модель существительное-атрибут и существительное; главное семантическое отличие наименований с анализируемыми мотивировками состоит в том, что наименования с мотивировкой по деятелю почти всегда обозначают только мастерские.

Во всех славянских языках встречаются также составные наименования с мотивировкой по процессу и производимому продукту. Ср.: р. бумагопрядильная (шелкопрядильная) фабрика, винокурный (мыловаренный, пивоваренный, смолотоваренный, сыроваренный, лесопильный, сталелитейный, цинкоплавильный, судостроительный, станкостроительный, машиностроительный) завод, авторемонтная (механосборочная) мастерская; укр. станкобудівний (суднобудівний, машинобудівний, вагонобудівний, сталепрокатний, рейкопрокатний, нафтопереробний, склоплавильний, сироварний, смолотоварний, пивоварний, солеварний) завод, шовкопрядильний (домобудівний) комбінат, льнопрядильна фабрика, механообробний (клеварний) цех; бр. металапрацоўчы (лесапільны, нафтаперагонны, нафтаперапрацоўчы, сталеліцейны, станкабудаўнічы, вагонабудаўнічы, судабудаўнічы, машынабудаўнічы, мылаварны, піваварны) завод, аўтарамонтная майстэрня; ч. kovoobraběcí závod, závod na zpracování rýb; сл. kovogobny závod; болг. железодобивен (металообработващен, машиностроителен) завод, дърводелска работилница, пивоварна фабрика, авторемонтна работилница; м. работилница за правиење масло; схв. радионица за израду модела, радионица за оправку аутомобила, ауторемонтна радионица; слн. delavnica za popravilo ladji. Характеризуясь общностью семантической мотивации, славянские языки отличаются формальными средствами, используемыми в составных наименованиях, что позво-

ляет выделить среди славянских языков более частные подгруппы. К одной из них относятся восточнославянские языки, проявляющие наряду с семантической также формальную общность, — мотивирующий элемент у них выражен сложным прилагательным с объектным характером смысловых отношений составляющих его основ: первая основа его мотивируется существительным, называющим производимый продукт, а вторая — отглагольным прилагательным, указывающим на процесс, обозначенный основой мотивирующего глагола. Эта модель встречается и в болгарском языке, но значительно реже. Единичные примеры (преимущественно редкоупотребительные или устаревшие) отмечаются в чешском, словацком и сербохорватском языках. Специфичны наименования с мотивировкой по процессу и продукту в македонском и сербохорватском языках, мотивирующая часть которых выражается группой отглагольного существительного, мотивированного глаголом, называющим процесс, и существительного, называющего продукт. В отличие от наименований со сложным прилагательным они менее лексикализованы, что сближает их с описательными словосочетаниями.

Названные три семантические мотивирующие модели, общие для всех славянских языков, имеют различную степень распространения в отдельных славянских языках. Наибольшая продуктивность во всех славянских языках характеризует модели с мотивировкой по производимому (обрабатываемому) продукту. Модель по деятелю больше распространена в западнославянских, прежде всего в чешском и словацком языках, несколько меньше в других языках. Значительно более широкое по сравнению с другими славянскими языками использование наименований с мотивировкой по процессу и производимому продукту отделяет восточнославянские языки от других славянских языков.

Из более частных моделей, не охватывающих все славянские языки, следует отметить модель по процессу, также получившую наибольшее распространение в восточнославянских языках: р. *прядельная фабрика, прокатный (наборный, литейный) цех, ремонтная (лакировочная) мастерская*; укр. *прядельна фабрика, вальцювальний (в'язальний, наборний, монтажний) цех, лакувальна (ремонтна) майстерня*; бр. *прудзільная фабрыка, пракатны (шліфавальны, ліцейны) цэх, лакіровачная майстэрня*; п. *warsztat naprawczy, warsztat lakierpícszy*; болг. *валцовъчен цех*.

Специфическими, характерными только для языков с преобладающей тенденцией к однословным наименованиям предприятий, являются аналитические наименования, в состав которых входит однословное наименование предприятия и уточняющее его специализацию определение, выраженное существительным (реже группой существительного) или прилагательным, как п. *huta želaza*, ч. *konzervárna ovoce*, сл. *gradiareň česanej priadze*, болг. *предачница на памук, м. рафинерија на нафта*, схв. *предионница лана, рафинерија уља, ковачница новца*, сл. *predilnice volne*.

Нетипичной является мотивация отдельных названий в различных славянских языках, как р. *военный завод*, укр. *військовий завод*,

бр. *ваенны завод*, м. *воен завод* с прилагательным, указывающим на предназначение продукта без его названия, р. *металлургический, (авиационный) завод*, укр. *металургійний (авіаційний) завод*, бр. *металургічны (авіяцыйны) завод* с прилагательным, указывающим на отрасль, р. *ателье мод*, укр. *ателье мод*, бр. *атэлье мод*, ч. *módní salón*, сл. *módny ateliér*, болг. *модно ателье*, схв. *модни салон* с определением, характеризующим производимый продукт. Не полностью мотивировано сл. *automobilsky servis*, являющееся частично калькой, частично заимствованием англ. *autoservice*. Частично мотивированным является в восточнославянских языках название монетного двора, поскольку слово *двор* потеряло присущее ему в старорусском языке значение предприятия — ср. аналитические наименования, использованные в XVII в. для названий предприятий различного производственного назначения: *бархатный (печатный, пушечный, зелений, денежный) двор*.

В плане формально-фонетических соответствий разобщенность славянских языков довольно высока из-за того, что помимо различной продуктивности однословных и составных наименований отличаются и многие названия продуктов, материалов, мотивирующие определения в составе аналитических номинаций.

При значительных расхождениях в количественном составе однословных наименований в различных славянских языках сохраняется общность семантических мотивировок, отмеченных для аналитических наименований.

Мотивировка по деятелю характерна для названий: р. *пекарня — пекарь, прачечная — прачка, мукомольня — мукомол, сукновальня — сукновал, слесарная — слесарь, сыроварня — сыровар, грибоварня — грибовар, бондарня — бондарь*; укр. *пекарня — пекар, каменярня — каменяр, клеварня — клевар, слюсарна — слюсар, молочарня — молочар, миловарня — миловар, цукроварня — цукровар, смолярня — смоляр, смолокурня — смолокур, друкарня — типографія* — *друкар, бондарня — бондар*; бр. *вінакурня — вінакур, цвікарня «гвоздильня» — цвікар, гарбарня «кожевенная фабрика» — гарбар, мукамольня — мукамол, мылаварня — мылавар, пякарня — пекар, слясарня — слесар, клеяварня — клеявар, піваварня — півавар, сукнавальня — сукнавал, друкарня — друкар*; п. *szklarnia «стекольный завод» — szklarz, farbarnia «покрасочная мастерская» — farbierz, gwoździarnia «гвоздильная фабрика» — gwoździarz, kaflarnia «кафельный завод» — kaflarz, garbarnia — garbarz, koszykarnia «корзиночный цех» — koszykarz, kotlarnia «котельный завод, котельная» — kotlarz, meblarnia «мебельная фабрика» — meblarz, modelarnia «модельная» — modelarz, piekarnia — piekarz, smolarnia — smolarz, dziegciarnia «смоловаренный завод» — dziegciarz, stolarnia — stolarz, mydlarnia «мыловаренный завод» — mydlarz, ślusarnia — ślusarz, drukarnia — drukarz*; ч. *betonárna «бетонный завод» — betonář, pletárna «вязальный цех» — pletař, košíkář — košíkář, kotlářna — kotlář, karosárna «кузовной цех» — karosář, modelárna — modelář, mydlárna — mydlář, pekárna — pekář, barvířna «красильня» — barvíř, truhlárna «столярна» — truhlář, tkalcovna «ткацкая фабрика» — tkadlec, tiskárna «типогра-*

фия» — tiskár, papčochárna «чулочная фабрика» — papčochár; сл. orgaváreň «ремонтная мастерская» — orgavár, syráreň — syrár, papčoháreň — papčohár, betonáreň — betonár, bavlnáreň «бумагопрядильная фабрика» — bavlnár, stoláreň — stolár, pletiareň — pletiar, garbiareň — garbiar, karosáreň «кузовный цех» — karosár, modeláreň — modelár, mydláreň — mydlár, pekáreň — pekár, farbiareň «красильня» — farbiar, knihárstvo — knihár, octáreň «уксусный завод» — octár, (knih)tlaciareň «типография» — (knih)tlaciár, oceliareň «сталеплавильный завод» — oceliar; вл. škleňčernja «стеклозавод» — škleňčer, kowarnja «кузница» — kowar, mydlarnja — mydlar, pje Karnja — pje Kar, barbje nja «красильня» — barbje r, smolernja — smoler, mlo Karnja — mlokar, tušernja «столярная» — tušer; болг. корабостроителница «верфь» — корабостроител, тухларница «кирпичный завод или мастерская» — тухлар, цигларница «тж.» — циглар; керемидчийница, керемидарница «мастерская по производству кирпичей» — керемидчия, керемидар, коларница «колесная мастерская» — колар, казанджийница «котельная мастерская» — казанджия, ковачница — ковач, металолеярница «литейная; литейный завод» — металолеяр, стоманолеярна «сталеплавильный завод» — стоманолеяр, бичкиджийница «лесопильня» — бичкиджия, пивозарница — пивозар, пекарница, пекарня — пекар, книговезница «переплетная» — книговезец, бояджийница «красильня» — бояджия, предачница — предач, ботушарница «сапожная мастерская» — ботушар, калпакчийница «скорняжная мастерская» — калпакчия, кожухарница «тж.» — кожухар, сиренарница — сиренар, шивачница «швейная мастерская» — шивач, кроячница «тж.» — крояч, четкарница «щеточная мастерская» — четкар, железарница «кузница» — железар; м. туларница «кирпичный завод или мастерская» — тулар, кожуварница «кожевенный завод» — кожувар, кожарница «тж., мастерская» — кожар, коларница — колар, котларница — котлар, ковачница — ковач, лебарница «пекарня» — лебар, пекарница — пекар, пиварница — пивар, сапунарница «мыловарня» — сапунар, сарачница «шорная мастерская» — сарач, леарница — леар, ткајачница — ткајач, браварница — бравар, челикарница «сталелитейный завод» — челикар; схв. ковачница — ковач, браварница — бравар, ужарница «канатный завод» — ужар, коларница — колар, котларница — котлар, сапунарница «мыловаренный завод» — сапунар, сапунџиница — сапунџија, пекарница — пекар, пеџарница — пеџар, фурунџиница «пекарня» — фурунџија, хлебарница — хлебар, књиговезница — књиговецац, рукавичарница — рукавичар, бојаџиница — бојаџија, обуџарница — обуџар, ситарница «мастерская по производству сит» — ситар, смоларница — смолар, стаклорезница — стаклорезац; столарница, столарија — столар, сирарница — сирар, тискарница — тискар, штампарија «типография» — штампар, стругарница — стругар, кројачница — кројач, сарачница — сарач; сл. steklar na — steklar, usnjarna — usnjar, tiskarna — tiskar, mle karna — mlekar, pivovarna — pivovar, valiarna — valiar, barvarna, barvarnica — barvar, kolarnica — kolar, kovačnica — kovač, milar na — milar.

Мотивировка по производимому (обрабатываемому) продукту иллю-

стрируется примерами: р. автозавод, лесозавод, льнозавод, льдозавод, маслозавод, рыбозавод, хлебозавод, сахарозавод, молокозавод, мясокомбинат, шелкокомбинат, стеклозавод, телеателье, электростанция, фотография; укр. автозавод, цегельня, льнозавод, олійня «маслозавод (по производству растительного масла)», маслозавод, порохівня, шовкокомбінат, рибозавод, склозавод, лісокомбінат, хлібозавод, електростанція, фотографія; бр. аутазавод, цагельня, кацельня, кормазавод, ільнозавод, алейня, маслазавод, малаказавод, мясакамбінат, цукра завод, спіртзавод, шклозавод, хлебазавод, шоўкакамбінат, фотаателье, фатаграфія; п. brykietownia, brykieciarnia, papiernia «бумажная фабрика», żelbetownia, gazownia «газовый завод», cegielnia, klinkiernia, koksownia, maślarnia, krochmalnia, pończocharnia, cementownia, szamotownia, czekoladownia, czekoladziarnia, lakiernia, lakierownia, płat karnia «завод пищевых концентратов», stalownia, ocetownia, elektrownia, siłownia; ч. plynárna «газовый завод», autodílňa, autosprávkárna, loděnice «верфь», olejna, kovohut', papírna, kabelovna, kablovka (разг. нелит.), povrazárna «канатный завод», kaolínka (разг. нелит.), kartonážka (разг. нелит.), cihelna, klišárna «клеевой завод», koksárna, koksovna, konzervárna, konservárna, ledárna, mincovňa, mincovňa «монетный двор», zbrojovka, prádelna «прачечная», gumárna «резинный завод», orgavná «ремонтная мастерская», sodovkárna, ocelárna «сталелитейный завод», porcelánka «фарфоровый завод», cementárna, šamotárna, konfekce «швейная мастерская», čokoládovňa, elektrárna; сл. plynáreň, žiarovkáreň, autodieliňa, briketáreň, papiereň, vagónka (разг.) «вагоностроительный завод», lodenica, olejáreň «маслозавод (по производству растительного масла)», parketáreň, káblovka, káblovňa, lanáreň «канатная мастерская», tehelná, glejáreň, koksáreň, koksovňa, konzerváreň, likerka (разг.), mincovňa, zbrojovka (разг.), gumónka (разг.), gumáreň, orgavovňa, oceliareň, porcelánka (разг.), celulózka (разг.), cementáreň, šamotáreň, čokoládovňa, elektráreň; вл. aluminiovna, šatarnja, barbarnja «фабрика по производству красок», betonovna, briketarnja, briketovna, papjarnik, łódzišćo, łódznica, łódźnišćo, plunarnja, jehłarnja, jehłovna «предприятие по производству иголок», kablownja, kaolinovna, papjercovna «картонажная фабрика», cyhelna, cyhelnica, cyhelnja, koksownja, łódkownja «льдозавод», pjevovna, smolena, sodarnja, woc(e)lownja, cementarnja, šamotarnja, šamotovna, židarnja «шелкопрядильная фабрика»; болг. месокомбинат, колбасница «колбасный завод», електроцентра; м. каменница «каменоломня», шеќерана «сахарный завод», барутница, барутана «пороховой завод», керамидница «кирпичный завод», тулана, пивара (разг.) «пивоваренный завод»; схв. папирница «бумажная фабрика», цинкарна, цинкара, каменница, каменара, картонажа, циглана, опекара «кирпичный завод», ледара «льдозавод», свилана, свилара «шелкопрядильная фабрика», железара «металлургический завод», солара, коксарница, коксарна, коксара, пивара, корпара «корзиночный цех», стаклара, стаклана, барутана, челичана «сталеплавильный завод», црепана, црепара «черепичный завод», сладара «солодильня», шалитрана, электрана «электростанция», кожара, бродара «судоремонтная мастерская», плинара «газовый завод»; сл. parketarna, briketarna, plinarna, kartonaža,

koksarna, cinkarna, ledarna, kisarna, cementarna, cukrarna (уст.), papirnica, elektrarna, maslarna, smodnišnica «пороховой завод», žeb-ljarna «гвоздильня», klejarna, oljarna, gumbarna «пуговичная фабрика», solitrarna, solina «солеварня».

Мотивировка по процессу и получаемому продукту лежит в основе семантики р. лесопильня, лесопилка, скотобойня, шерстопрядильня, шерстемойня, каменоломня, маслбойня; укр. бавовнопрядильня, шерстепрядильня, лісопильня, лісопилка, крупорушка, каменоломня, фарбоварня, сукновальня; бр. бавоўнапрадзільня, ільнопрадзільня, каменяломня, крупарушка, крупадзёрка, лесопільня, лесопілка; п. kamieniołom, miedziorytnia «гравёрная мастерская»; ч. vinopalna «винокурённый завод», kameňolom, lihovar, cukrovar, pivovarna, solivar, solivarna; сл. kaměnołom, pivovar, liehovar, cukrovar, solivar, železodielňa (уст.); вл. železoškřejnĕjka «металлургический завод»; болг. розоварница, розоварня, ленопредачница, дъскорезница, вълнопредачница, маслбойня; м. бродоградилщице, книговезница, каменолом; схв. бродоградилщице, тополивница «оружейный завод»; сл. ladjedelnica, kamenolom, topolivnica, sviloprejnica.

Мотивировку по процессу имеют р. переплетная, прядильня, бойня, красильня, коптильня, литейная, шлифовальня; укр. дубильня, лакувальня, фарбувальня, коптильня, пральня, прядильня, ткальня, шлифовальня, різниця; бр. пільня «лесопильня», ліцейня, шліфавальня, пераплетная, бойня, прадзільня, разніца, пральня; п. przędzalnia, odlewnia, topialnia, topnia, walcownia, stocznia «верфь», gorzelnia «винокурённый завод», łuszczarnia «крупорушка», pralnia, rzeźnia; ч. palírna «винокурённый завод», válcovna «прокатный цех», pŕádelna; сл. pálenica «винокурённый завод», zlíeváreň «литейный завод, цех», pŕáčňa, pŕáčovňa «прачечная», valcovňa, pradiareň; вл. pŕokarnĕjka «прачечная», walcownja, pŕadownja, tkalčernĕjka, brusilnica «шлифовальня»; болг. мелница, пералня, кланица, тепавица, валявица, шлифовна; м. предилница, кланица, пила «лесопильный завод», пералница, валавица «прокатный завод, цех», ткајачница, предачница, пушилница «коптильня», бојарница «красильня»; схв. предионица, ткаоница, стругара «лесопильня», пила, ливница, топионица, ваљара, ваљаоница, ваљалица, перионица, праоница, ковница, клаоница, кланица, тискара, пецара «винокурённый завод», сушница «коптильня», пекара «пекарня», бојадисаоница, бојачница «красильня», сл. sušilnica, lakirnica, livnica, predilnica, pralnica «прачечная», valjalnica, porpavljalnica «ремонтная мастерская», klavnica «скотобойня», tkalnica.

Как и в аналитических наименованиях, наиболее продуктивных во всех славянских языках являются однословные наименования с мотивировками по продукту и по деятелю. (Эти типы мотивировки распространены и за пределами славянских языков. Ср.: нем. Papierfabrik, фр. bonbonnerie с мотивировкой по продукту и нем. Schneiderwerkstatt, мотивированное названием деятеля, при явном преобладании для названий крупных предприятий мотивировки по продукту). Однако полной аналогии в соотношении моделей, используемых в аналитических и однословных наименованиях, нет: например, болгарский язык имеет в аналитических наименованиях более редкую мотивировку

по деятелю, тогда как в однословных наименованиях такая мотивировка значительно более продуктивна, чем мотивировка по продукту. Это связывается с тем, что аналитические сочетания в болгарском языке чаще относятся к наименованиям крупных предприятий, не имеющих однословных наименований.

Следует отметить, что ряд наименований не может быть совершенно четко отнесен к какому-либо одному мотивационному типу. Это касается части наименований, приводимых в группе с мотивировкой по деятелю, в тех случаях, когда наименование деятеля как производящая (мотивирующая) основа названий предприятий в свою очередь мотивируется названием предмета или процесса, и допускающих в принципе двойственную интерпретацию — помимо мотивировки по деятелю такие наименования имеют также мотивировку либо по предмету, либо по процессу. Ср., например, ч. pletárna «вязальный цех», производящей основой которого может быть как название профессии — pletář, так и название процесса — plésti; сл. kulisáreň, škrobáreň, которые могут мотивироваться как названием деятеля, так и названием продукта. Это же имеет место и в п. kaflarnia «кафельный завод», сл. orekarna «кирпичный завод». Морфологические показатели — суффиксы — здесь только затемняют картину из-за того, что суффикс -arnia (-árna, -áreň) может быть как одним суффиксом, как в ч. klíhárna, так и сочетанием двух суффиксов — со значением деятеля -ár и со значением места -na, как в сл. konzerváreň. В восточнославянских языках наименований, допускающих двойственную интерпретацию, значительно меньше, так как наименование профессии, используемое в качестве производящей основы для наименования предприятия, реже, чем в других славянских языках, мотивируется названием производимого продукта (ср. р. столярня).

Сомнения в принадлежности слова к тому или иному мотивационному типу реже возникают для названий мастерских с более сильной, чем у названий крупных предприятий, мотивировкой по деятелю, что отражается в семантической мотивировке самого названия *мастерская* (р. *мастерская* — *мастер*, укр. *майстерня* — *майстер*, ср. также с толкованием ч. dílna как места, где работает ремесленник). Дополнительными свидетельствами в пользу рассмотрения наименований производств как наименований, мотивированных производителем, нередко служат словарные толкования. Ср. бр. *ганчарня* «мастерня ганчара» [ТСБМ 2, 26]; болг. *ковачница* «работилница за ковач» [БТР 343], *крячница* «работилница за кряч» [БТР 373], *кожухарница* «работилница за кожухар» [БТР 344]. Другие же наименования допускают также двойственную мотивацию подобно болг. *четкарница*, толкуемого как «работилница за четки» [БТР 1050] при наличии имени деятеля — *четкар*.

Если наименования мастерских при наличии в языке однокоренных с ними названий имени деятеля позволяют считать основной для них мотивировку по деятелю, то подобную мотивацию, очевидно, следует принять и для названий, обозначающих одновременно мастерскую и завод, фабрику. Исключения составят, пожалуй, только случаи, когда отсутствует соотносимость семантики деятеля и семантики

предприятия [Крежа 260]. Сложность определения мотивировки названий крупных предприятий обусловлена также тем, что для наименования одного и того же предприятия (впрочем, как и для некоторых названий мастерских) могут использоваться слова, мотивированные названием как продукта, так и производителя. Поэтому ссылки на доминирующий тип названия здесь мало что дают для решения вопроса, и для определения мотивировки необходимы исторические свидетельства.

Из двух мотивировок — по продукту и по деятелю — хронологически более поздней в славянских языках является мотивировка по деятелю. Для польского языка ее появление относят к периоду не ранее XVI в. [Крежа 274]. Лексемы с такой мотивацией в чешском языке фиксируются уже в XIV в. (*kovárne* — Gebauer, II, 177), в сербохорватском — в XV в. (*ковачница*), в восточнославянских в XVI в. (р. ст. *квасоварня*, укр. *друкарня*, бр. *браварня*). Особую продуктивность такие наименования в восточнославянских языках получили в XVII—XVIII вв. в период интенсивного развития мануфактурного производства. Подобные наименования в славянских языках по преимуществу генетически однотипны, будучи первоначально конденсатами аналитических наименований [Крежа 274; Азарх 186].

К более ранним относится модель по продукту, широко представленная во всех славянских языках. Ср., например, дрр. *хлѣбня* «пекарня», фиксируемое в словаре Срезневского. Усиление активности этой модели по сравнению с моделью по деятелю, отличающее наименования, возникающие в последнее время, отражает изменения в характере производства. Если при мануфактурном способе производства важным было название того, кто производит продукт, и значение предприятия, мастерской интерпретировалось как место, где находится мастер, то для современного производства с его сложной технологией, требующей участия в производственном процессе разных специалистов, название производителя является второстепенным и более существенным для мотивировки становится название производимого продукта. Значительно меньшая по сравнению с двумя основными мотивировками — по продукту и деятелю — продуктивность характеризует наименования, мотивированные процессом. Больше всего таких названий в сербохорватском языке. Мотивировка по процессу также принадлежит к хронологически ранним. Она сохранилась в наименованиях предприятий, относящихся к давно и широко разрабатываемым промыслам (р. *кузница*, укр. *кузня*). Ее продуктивность в современных славянских литературных языках в основном сохраняется для наименований цехов, в которых осуществляется только какой-нибудь один технологический процесс.

Несмотря на наличие одинаковых мотивировок, реализация их происходит неодинаково по всем славянским языкам, отличаясь не только продуктивностью, что выражается, например, в относительной ограниченности круга лексем с мотивировкой по производителю в восточнославянских языках на фоне других славянских языков, а и использованием этих мотивировок в конкретных случаях. Так, р. *наборный цех* мотивируется названием процесса, а м., схв. *слагачница*

с тем же значением мотивируется названием деятеля; р. *прачечная* мотивируется названием деятеля, тогда как укр. *пральня* — названием процесса.

Различия между славянскими языками проходят также по линии еще одной части лексем с семантикой предприятий, имеющих множественную мотивацию — с одной стороны, они могут рассматриваться как слова, мотивируемые названием деятеля, с другой, — как мотивированные семантикой производства чего-либо. Специфичность этой группы находит и формальное выражение — это слова с суффиксами, имеющими в славянских языках самое общее значение, *-stvo* и *-ija*. Больше всего примеров таких слов засвидетельствовано в чешском и словацком языках, частные случаи отмечаются для других языков: р. *издательство*; укр. *видавництво*; бр. *выдавецтва*; п. *wydawnictwo*; ч. *koželužství* «кожевенная мастерская», *lakyřnictví* «лакировочная мастерская», *knihařství*, *knihvazačství* «переплетная», *zámečnictví* «слесарная», *nakladatelství* «издательство»; слц. *kamenárstvo* «каменнообрабатывающая мастерская», *kachliarstvo* «кафельный завод», *knihařstvo* «переплетная», *hodinárstvo* «часовая мастерская», *zámočnictvo* «слесарная», *nakladatel'stvo*; вл. *kořmazništvo* «смолеварня»; болг. *издателство*; м. *книгоиздателство*; схв. *столарија*, *браварија*; слн. *ključavničarstvo* «слесарная», *urarstvo* «часовая мастерская; часовой завод».

Различаются славянские языки также степенью семантической мотивировки. Она выше у восточнославянских языков, использующих сложные слова. Ср. р. *молокозавод*, аналитизмом выражения семантики напоминающие примеры типа нем. *Butterfabrik*, где обе части слова мотивированы, и ч. *mlekařna*, в котором мотивирована только одна часть. Вместе с тем, мотивировка отдельных сложных слов в восточнославянских языках не является простой суммой составляющих — например, р. *хлебозавод*, т. е. завод по производству хлеба, и *льнозавод*, т. е. завод, перерабатывающий лен.

Изолированными в плане их семантической мотивации являются названия лесопильни в чешском, словацком языках *píla*, словенском *žaga*, мотивированных названием инструмента.

Небольшую группу составляют семантически непрозрачные в современных славянских языках наименования, в которую входят заимствованные и частично исконные слова: р. *типография*, *верфь*; укр. *бровар*, *млин*, *верфь*; бр. *верфь*, *валюш*, *млын*; п. *browar*, *młyn*, *tartak*, *huta*, *folusz*, *rafineria*, *mennica*; ч. *hut'*, *rafinerie*, *jatky*; слц. *młyn*, *rafinéria*, *parfumeria*, *huta*, *jatka*; вл. *rafinerija*; болг. *рафинерия*, *фурна*; м. *авто-сервис*, *фурна*, *рафинерија*; схв. *ауто-сервис*, *рафинерија*; слн. устар. *glazuta*, *fužina*.

Сходства и различия между славянскими языками наблюдаются в использовании техники номинации. Как правило, различия между славянскими языками проходят не столько по линии наличия той или иной техники мотивации, сколько по продуктивности ее в каждом из славянских языков. Наиболее общим способом, объединяющим все славянские языки, является суффиксация, однако она занимает в них неодинаковое место. На основании использования суффиксации в

славянских языках могут быть выделены две большие группы: в одну из них входят восточнославянские, редко использующие суффиксацию, другая включает остальные славянские языки. При этом в восточнославянских языках большее число суффиксальных лексем характеризует украинский язык, в меньшей степени они показательны для белорусского, и еще в меньшей — для русского. Группа языков, широко использующих суффиксацию, также неоднородна в своем составе: особенно большое количество суффиксальных образований с семантической предпосылкой имеют польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, сербохорватский, словенский, меньше их в болгарском и македонском языках.

Более дробную классификацию славянских языков дает учет используемых при этом морфологических средств. Общей для всех славянских языков чертой является то, что при наличии достаточно обширного набора суффиксов, участвующих в образовании лексем с семантической предпосылкой, широко используется только один, реже два, остальные встречаются спорадически. В зависимости от этого наиболее характерного суффикса славянские языки распадаются на несколько подгрупп, лишь частично совпадающих с их генетической группировкой, из них три основные: 1) восточнославянские, использующие суффикс *-ня*; 2) западнославянские — польский, чешский, словацкий, использующие суффикс *-agn(i)a*, ³ 3) южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский), использующие суффикс *-ница*. Две другие отдельные подгруппы составляют верхнелужицкий, использующий параллельно суффиксы *-ownja*, представленный преимущественно также и в польском языке, и *-agnja*, характерный для польского, чешского и словацкого, а также словенский язык, использующий суффиксы *-agna* и *-nica*. Такая группировка славянских языков отражает наиболее характерное в конкретной реализации суффиксального способа номинации, тогда как учет спорадически встречаемых суффиксов дал бы более размытую картину. Ср., например, суффикс *-nica* в восточнославянских и западнославянских языках — р. *мельница*, укр. *броварница*, слц. *pálenica*, а также п. ст. *cegielnica*. Использование менее распространенного суффикса *-owna*, не встречающегося в восточнославянских и южнославянских языках, объединяет польский, словацкий и чешский. Чешский, словацкий, верхнелужицкий и словенский языки объединяет наличие суффиксальных образований с *-stvo*. Сербохорватский, в меньшей степени македонский имеют лексемы с суффиксом *-ara*, тогда как другие славянские языки его не знают. Суффикс *-ана* также встречается в наименованиях предприятий южнославянских языков: в болгарском только в составе прямого заимствования — *табахана*, в сербохорватском и македонском также в других случаях (ср. схв. м. *солана*). Специфическая особенность сербохорватского языка, отграничивающая его от других славянских языков, состоит в том, что к тождественным корням нередко присоеди-

³ С суффиксом *-agn(i)a*, как уже отмечалось, формально совпадает сочетание суффиксов *-ag* и *-na*, в данном случае эти различные суффиксы не дифференцируем.

няются несколько различных суффиксов, в результате чего образуются разветвленные синонимические ряды для наименований одного и того же предприятия. В некоторых случаях различия в суффиксальном оформлении отражают семантические отличия слов. Ср.: схв. *брикетница* и *брикетарна*, первое из которых обозначает мастерскую, а второе — фабрику. Размежевывает славянские языки также словосложение, в высшей степени характерное в данной группе лексики для восточнославянских языков, в других языках оно представлено в виде единичных примеров. Часть сложных слов, имеющих в других славянских языках, в словообразовательном отношении являются суффиксальными образованиями, полученными в результате присоединения суффикса к сложным основам.

Общим для всех славянских языков способом является заимствование, однако количество заимствованных слов (не основ), у них различно — минимальное их количество в верхнелужицком, русском; в украинском и белорусском заимствованные слова относятся к периферийным (укр. *бровар*).

Редко в славянских языках используется семантическая деривация. В качестве примера можно привести схв. *картонажа*, обозначающее и продукт производства, и предприятие, где этот продукт производится. Субстантивация также редко используется в этой группе лексики славянскими языками, за исключением восточнославянских, и в первую очередь, русского — ср. р. *литейная*, *шлифовальная*.

В семантическом плане объединяющей все славянские языки чертой является преимущественная моносемичность однословных наименований. К различительным чертам следует отнести разницу в семантическом объеме слов, в частности то, что в большинстве славянских языков однословные наименования могут обозначать одновременно и мастерские, и фабрики, заводы. Более частные отличия фиксируются на уровне отдельных слов. Например, слн. *pralnica* шире по объему значения, чем его соответствия в остальных славянских языках, так как оно обозначает предприятие, на котором не только стирают, но и чистят (слн. *pralnica automobilov*).

Одно из основных значений в названиях предприятий в славянских языках — сознание пространства, являющееся, очевидно, генетически первичным, т. е. мастерская воспринималась прежде всего как место, в котором производился продукт или в котором работал мастер. Это нередко отражают и толкования современных словарей: укр. *млин*; бр. *пільня*; слц. *lisovňa, modeláreň, mydláreň*; п. *wędzarnia, kuźnia, lakiernia*. Близким к нему в восточнославянских языках является также выделяемое как отдельное значение вместилища (р. *дегтарня*, укр. *олійниця*). У полисемичных лексем обнаруживаются два наиболее типичные значения «магазин» и «производство, занятие, ремесло». Второе значение всегда имеют лексемы с суффиксом *-stvo*, представленные в чешском, словацком, верхнелужицком и словенском языках, а также отдельные слова с суффиксом *-ija* в сербохорватском (схв. *браварија*). (Подобное сочетание значений имеет место в семантике р. *производство*). Типологические параллели такого значения обнаруживаются в немецком языке (*Weberei, Tischlerei, Schlosserei, Brannt-*

weimbrennerei), однако более регулярны они во французском (cartonnerie, chaudronnerie, tannerie, corroierie, confiturerie, corderie, cordonnerie, cristallerie, aciérie, cimenterie), где обозначают и предприятие, и производство, и занятие. Примечательно, что типологический параллелизм не ограничивается при этом только семантическим планом: подобно славянским лексемам слова с такой семантической структурой представляют собой суффиксальные образования с суффиксами *-erei*, *-erie*, имеющими, как и славянское *-stvo*, самое общее значение. Отдельные примеры типологических параллелей немецкого и славянских языков явились результатом калькирования славянскими языками немецких образцов, как, например, название слесарной мастерской. Ср. нем. Schlosserei и ч. zámečnictví, слц. zámočnictvo, схв. брава-рија, слн. ključavníčarstvo с семантически соотносимыми морфемами.

Дополнительное значение «магазин» — одно из наиболее часто встречаемых: п. piekarnia, ч. pekařství, слц. pekáreň, вл. pjeкарпја, болг. хлебарница, фурна; м. пекарница, фурна; схв. пекарница, хлебарница; слн. рекарпа. Это значение фиксировалось ранее и для р. пекарня, однако словари нового времени его уже не подают [СРЯ 1, 123]. Параллелизм значений «предприятие» — «магазин» относится главным образом к названиям небольших предприятий (цехов, мастерских) и охватывает отдельные единицы. Часть таких многозначных слов имеет семантические параллели и в других языках. Например, название булочной служит одновременно и названием пекарни у нем. Bäckerei, англ. bakery, фр. boulangerie. То же наблюдается в названиях мясного магазина, обозначающих в ряде славянских языков и скотобойню: укр. різниця, п. jatka, слц. jatka и нем. Fleischerei, англ. butchery. Больше всего параллелизм значений «магазин» — «предприятие» распространен во французском языке, сочетаясь при этом с семантикой производства, дела, занятия (фр. chemiserie «фабрика по пошиву рубашек; магазин белья», cordonnerie «сапожное ремесло; сапожная мастерская; обувной магазин»). Самые многочисленные примеры лексем, соединяющих в себе семантику «магазин» — «предприятие», имеет сербохорватский язык, в котором наиболее общее наименование магазина *радња* одновременно обозначает и мастерскую. Меньше таких названий в чешском, словацком, еще более редки они в остальных языках. Ср. схв. платнара, златарница, стаклорезница, железара, папирница, сирарница, ужарница, сапунарница, конфекција; ч. hodlnářství, sklenářství, kloboučnictví, слц. mliekáreň, klobučnictvo; слн. papirnica, mlekarňa; п. mlecarnia, mydlarnia; болг. сиренарница.

Материальные совпадения часты, но не настолько, как это можно было бы ожидать от близкородственных языков. Объясняется это большим числом заимствованных слов, не совпадающих в разных языках. Совпадения, которые касались бы всех или почти всех славянских языков, редки и, как правило, относятся к наиболее давним в каждом языке лексемам (ср., например, название пекарни). Более характерными являются совпадения, в результате которых формируются компактные группировки нескольких языков. Из них в первую очередь следует отметить совпадения в материальном составе восточнославян-

ских языков, а также чешского и словацкого, сербохорватского и македонского. Другие языки не имеют столь ясно выраженных совпадений. Примечательно, что словенский язык, не имея характерных совпадений с каким-либо одним языком, имеет более частые совпадения в этих названиях с западнославянскими, чем южнославянскими языками.

Среди лексем этой группы нередка и межъязыковая омонимия. Ср., например, укр. гута, обозначающее стекольный завод, и п. hutа, ч. hut', обозначающие металлургический завод, укр. бровар со значением «пивной завод» и бр. бровар со значением «винокурня», р. кузница и п. kuźnica «металлообрабатывающий завод», слц. strojareň «машиностроительный завод» и слн. strojarna «кожевенный завод».

Обобщая результаты проведенного функционально-структурного анализа семантически соотносимых тематических групп в современных славянских литературных языках, можно отметить, что наиболее общей чертой рассмотренных групп лексики является наличие в них двух неодинакового количественного соотношения типов наименований — однословных и составных. Линия различий между славянскими языками проходит не по общей способности/склонности языков к использованию определенного типа наименований — аналитического или синтетического. Относительно представленности набора однословных и составных наименований языки расходятся между собой, обнаруживая значительное разнообразие по отдельным тематическим группам. Тем самым можно утверждать наличие определенной корреляции между характером тематической группы и способом наименования. Подобную зависимость обнаруживают также способы словообразования наряду с конкретными словообразовательными средствами, которые как бы закрепляются за определенными тематическими группами лексики. Своеобразие проявления таких зависимостей составляет специфические характеристики языков. Расхождения между славянскими языками выражаются не только в количественно различном соотношении у них однословных и составных наименований, а и в неодинаковой функциональной нагрузке однотипных наименований по отдельным языкам.

В семантическом плане общей является высокая степень мотивированности состава тематических групп, которая в усиленном виде предстает в составных наименованиях. Различительной чертой славянских языков при единстве наиболее обобщенных мотивационных признаков наименования является неодинаковая активность этих признаков по отдельным группам языков и отдельным языкам.

В отличие от других областей славянского языкознания фразеология только в последнее время начинает изучаться в историческом [Мокиенко 1980, 163—174] и историко-типологическом плане [Ткаченко 1979]. В связи с тем, что исследованных и накопленных фактов в области исторической и историко-типологической фразеологии славянских языков слишком мало, задача историко-типологического обозрения славянской фразеологии во всех ее разновидностях в целом в настоящее время представляется преждевременной. Это объясняется как неразработанностью историко-типологической фразеологии славянских языков, так и вообще сложностью какого бы то ни было полного охвата славянского фразеологического материала, поскольку фразеология, как и лексика, принадлежит к открытым языковым системам с практически неисчерпаемым числом подлежащих изучению объектов. Более реальным заданием является историко-типологическое изучение одной из групп фразеологии, прежде всего, по-видимому, языковых формул, качественно едва ли не наиболее важной части фразеологизмов, относящейся к основным элементам любого языка, к тому же связанной с наиболее древними фразеологическими пластами, что позволяет в наибольшей степени рассматривать ее и с историко-типологической точки зрения.

**ОБЩИЙ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
 ОБЗОР СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
 (ЯЗЫКОВЫХ ФОРМУЛ).
 ОСНОВЫ ЕЕ ЧЛЕНЕНИЯ**

Как и все другие языковые уровни, славянская фразеология в типологическом отношении может быть разделена на группу явлений, типологически однородных, и группу (точнее группы) явлений, типологически разнородных. В обеих группах можно обнаружить разные по своему происхождению фразеологизмы. В значительной части случаев типологически однородные фразеологизмы разных славянских языков являются в них продолжением праславянского фразеологического наследия, а то обстоятельство, что они засвидетельствованы либо во всех славянских языках (или их большинстве), либо только в их части, может объясняться их общепраславянским или диалектно-праславянским характером. Другим источником типологической общ-

ности славянских фразеологизмов является связь их всех или определенной их части с фразеологизмами других, смежных со славянскими неславянских языков. В том случае, когда определенная фразеологическая особенность свойственна всем славянским языкам, являясь в то же время характерной вместе с ними также для всех европейских языков или части наиболее влиятельных из них, есть основание предположить, что эта материальная типологическая общность фразеологизмов в славянских языках при ее семантико-модельной общности с другими европейскими языками имеет своим источником влияние со стороны европейских неславянских языков. В том случае, когда славянский фразеологизм имеет общий семантико-модельный (и функциональный) характер со всеми европейскими языками, независимо от языка — источника этой общей черты, с наибольшим основанием следует говорить о ее принадлежности к общеевропейскому фонду фразеологизмов, который постепенно выработался (и продолжает выработываться) в языках Европы вместе с общим лексическим заимствованным от языка к языку или калькируемым фондом лексики. Есть все основания отнести подобные фразеологизмы к интернациональным элементам языков Европы («европеизмам») или — менее точно (поскольку их распространение вне европейских по происхождению языков незначительно) — к интернационализмам вообще. Источником типологически разнородных фразеологизмов в славянских языках могут быть как праславянские и — шире — славянские фразеологические явления, так и влияния со стороны смежных со славянскими неславянских языков. В тех же случаях, когда речь идет о фразеологизмах праславянского (или славянского) происхождения, их разнородность и своеобразие могут являться: 1) следствием сохранения первоначально общепраславянской черты только частью славянских языков, иногда лишь одним из них; 2) результатом своеобразного развития части праславянских диалектов (или одного из них), отраженным в продолжающих их славянских языках; 3) результатом исторического развития одного из славянских языков (или их группы), приведшим к созданию на основе лексики (пра)славянского происхождения своеобразного частнославянского фразеологизма. Что касается общеславянских фразеологизмов, возникших вследствие контактов с неславянскими языками, то здесь причиной типологической разнородности, как правило, являются ареальные связи разных славянских языков с разными, входящими с ними в один ареал, неславянскими языками. Ввиду широкого распространения славянских языков каждый из них (иногда вместе с территориально близкими славянскими языками) отличается от других славянских языков вместе со своими ближайшими соседними неславянскими языками. Особенно тесные контакты с ними, — иногда только в прошлом, обнаруживаемые в субстрате, — привели к тому, что в состав каждого из славянских языков (или их группы) вошли фразеологизмы, возникшие под влиянием соседних неславянских языков и отличающие данный славянский язык (данную группу славянских языков) от остальных славянских языков, которые как имевшие в качестве своих соседей другие неславянские языки подобных фразеологизмов не обнаруживают. Сравнительно редкими при этом бывают случаи,

когда в состав славянских фразеологизмов, возникших под влиянием неславянских языков, входят слова неславянского происхождения. В большинстве случаев влияние неславянских языков на славянские в области фразеологии проявляется не непосредственно, — хотя и этот путь влияния в принципе не исключен (ср. латинские обороты и изречения, вошедшие в состав славянских, как и других европейских, языков), — а путем их калькирования с помощью лексики соответствующих славянских языков. Таким образом, фразеологизмы славянских языков в большинстве случаев лексически не обнаруживают своего заимствованного характера, поскольку заимствование, как правило, производится семантическим путем, с помощью передачи неславянского фразеологизма средствами славянской лексики. Поэтому обнаружить неславянское происхождение славянских фразеологизмов можно только путем их тщательного модельно-семантического анализа, проводимого на основе как сопоставительно-типологического, так и сравнительно-исторического рассмотрения соответствующих фактов. Каждый славянский фразеологизм, вызывающий предположение о его исходно неславянском, калькированном происхождении, должен быть рассмотрен в сопоставлении со своим предполагаемым неславянским фразеологизмом-моделью, после чего результаты этого сопоставления необходимо подтвердить данными сравнительно-исторического исследования данного факта славянско-неславянского семантико-модельного фразеологического соответствия. Помимо чисто лингвистического подхода, исследование происхождения фразеологизмов, — в том числе и таких древних и устойчивых, как языковые формулы, — во многих случаях требует его сочетания с фактами этнолингвистического (культурологического) характера в широком смысле, сведениями об обычаях, религии, этнических контактах славянских и неславянских народов, фразеологии которых изучается. Все это вместе с тем обстоятельством, что фразеологизмы, связанные с языковыми формулами, относятся, с одной стороны, к наиболее архаичным, глубоким слоям фразеологии, а с другой, благодаря калькированию способны преодолеть любые языковые барьеры, распространяясь во многих совершенно различных языках, — при том, что именно эта часть фразеологии менее всего исследована, — делает чрезвычайно сложным изучение языковых формул. Ввиду этого, исследуются не все славянские языковые формулы, а только та их часть, которая дает возможность ее осветить при нынешнем состоянии изученности славянской фразеологии в историко-типологическом плане. И поскольку при всей типологической разнородности славянской фразеологии с точки зрения своего происхождения она позволяет себя бесспорно разделить на две четко членившиеся группы: фразеологизмы (пра)славянского происхождения, определяемые внутренними типологическими связями славянских языков, и фразеологизмы, вызванные связями славянских языков с неславянскими языками, т. е. связями, лежащими вне славянских языков, — наиболее оправданно весь рассматриваемый материал изложить соответственно в двух аспектах — славянская фразеология в ее внутренних типологических связях и славянская фразеология в ее внешних типологических связях.

К числу славянских языковых формул, типологические связи которых не выходят за пределы славянских языков, относятся прежде всего фразеологизмы праславянского происхождения, иногда генетически связанные с индоевропейскими (внеславянскими) соответствиями. В результате своеобразного семантического развития в некоторых из них произошли типологические расхождения, хотя в конечном счете корни и подобных дифференцировавшихся явлений уходят в праславянский период. Сюда можно отнести ряд традиционных приветственных формул — пожеланий. Ввиду того, что до сих пор они преимущественно не подвергались рассмотрению, каждая из этих формул нуждается в специальном семантико-этимологическом анализе.

К числу фразеологизмов при определенной вариативности в форме и семантике имеющих значительную распространенность в славянских языках относится языковая формула со значением приветствия-пожелания¹, включающая в себя прилагательное *здоров(ый)* (часто в сопровождении форм глагола *быть*) и выступающая в двух основных вариантах: 1) р. Будь здоров! (Будьте здоровы!) (пожелание при чиханьи, — отсюда русская пословица «На всякий чох не наздравствуешься»); укр. Здоров! (<*Здоров (будь)/Здоров був (би)!), — последняя из двух предполагаемых исходных форм, ставших основой эллиптического оборота, впрочем, отразилась в параллельном несокращенном варианте *Здоров був!* (<*Здоров був би!) [Гринченко 2 146]; с тем же глаголом в повелительном наклонении, однако в форме многократности (*бувати* «бывать» вм. *бути* «быть»), вместе с прилагательным *здоровий* в украинском образуется прощальная формула *Бувай здоров!* (или сокращенно *Бувай!*); бр. *Здароў!* (<Здароў (будзь)!) «Здравствуй!», — ср. «Здароў, марозны, звонкі вечар! Здароў, скрыпучы, мяккі снег!» (М. Багдановіч); *Бывай здароў!* (Бывайце здоровы!) (в качестве прощальной формулы); однако здесь возможна и другая формула прощания *Будзь здароў!* (Будзьце здоровы!); п. *Bądź zdrow!* (*Bądź mi zdrow!*), реже *Bywaj zdrow!* (*Bywaj mi zdrow!*) является формулой, употребляемой при прощании: *Bądź zdrow, już mnie więcej oglądać nie będziesz* [SW 8 420]; *Bądźże mi zdrowy, gołąbku mój drogi... Już cię nie zobaczę* (Skorupka II 817); *Bywaj zdrow, jutro odjeżdżam* [SW 8 420]; ч. *Bud' zdráv!* (преимущественно при прощании, однако возможно и при встрече); слц. *Bud' zdravŭ* (при прощании); вл. *Strowy był* (<*Strowy był by ty—2-е л. ед. ч.)/Strowi byli (<*Strowi byli byšće — 2-е л. мн. ч.)

¹ Данной формуле, видимо, предшествовала более древняя (с тем же значением) формула, восходящая к псл. *Cělъ (bōdi) / *Bōdi cělъ! и отраженная в полаб. C'ol «За (твое, ваше) здоровье!» (букв. Цел! <Цел (будь) и дрр. цѣловати «приветствовать», которая имеет соответствия в германском и балтийском (прусском) и, следовательно, может восходить к индоевропейскому периоду [Lehr-Spławiński, Polański 86; Топоров 1980, 136—142; Kluge — Mitzka 298].

(при чиханьи) [Pfuhl 681], где обращает на себя внимание формальное совпадение формулы с украинским Здоров був! при функциональной идентичности с 1) р. Будь здоров! (пожелание при чиханьи); нл. Вуз strowу «Будь здоров(ый) (= Прощай!)» [Мука II 543]; 2) р. Здорово! «Здравствуй! (Здравствуйте!)»; (диал.) Здорово живешы! «Здравствуй!» (приветствие входящего — в литературном языке сохранено в выражении (за) *здорово живешы* «ни за что, ни про что») [Даль I 675]; м. Здрavo! «1) Здравствуй(те)! Привет!; 2) До свиданья!» [МРС 161; РМЖ 314]; схв. Здрavo! «1) Здравствуй(те)!; 2) Прощай(те)!» [Схв РС 154]; слн. Zdrávo «Здравствуй(те)! Здорово!»

По-видимому, наиболее древними разновидностями приветственных формул (или просто формул-пожеланий) являются те, где прилагательное *здоровый* выступает в формах ед. числа (мужского или женского родов) или мн. числа, согласуясь при этом в числе (и роде) с объектом (лицами), к которому обращено пожелание. В основе прилагательного р. *здоровый*, укр. *здоровий*, бр. *здоровы (здароу)*, дрп. *сздоровъ*, п. *zdrowy (zdrów)*, ч. слц. *zdravý (zdráv)*, вл. нл. *strowy*, болг. м. *здрав*, схв. *здрав*, слн. *zdrav* (псл. **szdorvъ*), как показывает его этимологический анализ (ЭСРЯ 2 90), лежит сложное слово, первый компонент которого **зь-* сопоставим с дринд. *su-* «хороший, добрый», а второй компонент *-dorvъ* является аффиктивным образованием, связанным с псл. **dervo* (р. *дерево*). Таким образом, в основе (пра)славянского прилагательного **szdorvъ* лежит сравнение с хорошим, т. е. крепким деревом, р. *здоровый* значило первоначально «как из хорошего дерева» (ср. лат. *robustus* «дубовый; (позже от переносного употребления также) крепкий, здоровый», производное от *gobig* «древесина дуба, дубовое дерево»). Следовательно, формулой с прилагательным *здоровый* желали тому, к кому она была обращена, быть крепким, как хорошее (доброе) дерево. В дальнейшем из этого конкретного образного употребления развилось более абстрактное и широкое значение, связанное с понятием «здоровье».

В основе русского и южнославянского (македонского, сербохорватского, словенского) явно сокращенного приветственного оборота Здорово! (Здрavo!/Zdravo!) лежит, по-видимому, преобразование другой более древней формулы, содержащей в себе вопрос о жизни спрашиваемого. Ср.: р. Как живешы? (видимо, вместо вытесненного дрп. *Како еси?* букв. *Как еси?*); м. схв. *Како си? Како сте?* (Како еси?/Како есте?); слн. *Kako se imaš (imate)* (букв. «Как с(еб)я имеешь (имеете) = Как поживаешь (поживаете)?») (по-видимому, вместо более древнего, вытесненного им оборота *Kako jesi (jeste)?*). Ответ на эту формулу мог быть Здорово (дрп.)/Здрavo (южносл.) есмь или с позднейшими модификациями — р. Здорово живу, слн. *Zdravo se imam*. В дальнейшем вопрос, как бы включивший в себя в этом случае пожелание здоровья, мог выступать уже со словом *здорово (здрavo/zdravo)*: Здорово (Здрavo) еси?, который затем стал употребляться с восклицательной интонацией как приветствие с пожеланием здоровья: Здорово (Здрavo) еси! На подобный путь развития указывает р. Здорово живешы! «Здравствуй», сократившееся затем в Здорово! Очевидно, в качестве сокращений соответственно первоначальных приветственных м. и схв. *Zdravo si*

(сте)! и слн. *Zdravo se imaš (imate)*! следует рассматривать м. и схв. *Zdravo!* и слн. *Zdravo!*²

Таким образом, в конечном счете есть основание считать связанными с оборотами праславянского происхождения как р. Будь здоров!, укр. Здоров! и подобные им, так и формулы типа р. Здорово!, м. схв. Здрavo!, слн. *Zdravo!* Однако если в первом случае эта связь является непосредственной, то во втором она является опосредствованной, косвенной, поскольку соответствующие приветственные формулы-пожелания возникли в результате преобразования лежащей в их основе вопросительной языковой формулы, которая одна, несмотря на ее сохранение только в южнославянских языках, может считаться восходящей непосредственно к праславянскому периоду. Что касается рассмотренных приветственных формул, связанных с ней, то они могли возникнуть независимо в разных славянских языках (в частности, в русском, с одной стороны, и в южнославянских, с другой), хотя нельзя полностью исключить и того, что, по крайней мере, истоки их образования могли лежать еще в части праславянских говоров, объединенных этой общей типологической изоглоссой.

О значительной древности самого оборота **Како jesi?* «Как еси?» (= *Как поживаешь?*) ставшего отправной точкой для возникновения приветствий типа р. Здорово!, м. схв. Здрavo!, слн. *Zdravo!* и сохраненного южнославянскими языками (ср.: болг. *Как си? Как еси?* (= *Как поживаешь?*); м. схв. *Како си? «тж.»*), свидетельствует важная закономерность, связанная с ним. Как об этом говорят данные многих языков, существует явная связь между глаголом, выступающим в начале (реже в конце) древних, наиболее традиционных сказок (первоначально, по-видимому, традиционной эпической прозы в целом), и глаголом, употребляемым в вопросительной формуле типа р. *Как поживаешь?* — ср.: схв. *Био један цар «Был один царь» — Како сте? «Как есте? (= Как поживаете?)»; алб. Ish një fukarë «Был один бедняк» — Si jini? «(букв. Как есте? (= Как поживаете?)); нгр. "Нтаве ма фора тесера «Были один раз четверо» — Пѡс еште; «Как есте?»; англ. Once upon a time there was a king «Однажды (в одно время там) был один король» — How are you? «Как есте вы?»; нен. Вэсакохо' пухуцяха' илевэ-хэ' «Старик, старуха жили» — Хуркавна илен? «Как живешы?»; чув. Пёр автан пуранна «Один петух жил (оказывается)» — Мёнле пуранатар? «Как живете?»; р. Жил купец пребогатый — Как живете?; удм. Улэм-вылэм одйг пересь мурт «Жил-был (оказывается) один старый человек» — Кыче (тй) улыськоды-вылйськоды «(букв. Как (вы) живете-есте? (= Как (вы) поживаете?)); р. Стали они жить-поживать да добра наживать (традиционная конечная формула русских сказок) — (диал.) Как живешы-поживаешь? (ср.: Как, Яков Кирьянич, живешы-поживаешь со вчерашнего дня? (Бажов) — откуда путем сокращения р. (литер.) Как поживаешь? [Ожегов 497]).*

² Подобный путь трансформации первоначально вопросительных формул в приветственные отмечается и для других языков. Ср.: коми *З Олан-вылан!* (букв. «Живешы-еси! (= Здравствуй!)» < **Кыз олан-вылан!* «Как живешы-еси? (= Здравствуй!)» < **Кыз олан-вылан?* «Как живешы-еси? (= Как поживаешь?)».

Различие между глаголом эпического зачина и вопросительной формулы заключается только в их временной форме, так как в обоих случаях употребляется один и тот же глагол. Это указывает на то, что наиболее древней славянской вопросительной формулой (со значением Как поживаешь?), формулой, восходящей, видимо, еще к праславянскому периоду, хотя сохраненной только южнославянскими языками (болгарским, македонским и сербохорватским) является формула *Kako jesi? К подобному выводу позволяют прийти два обстоятельства. Первым из них, говорящим о возможном праславянском происхождении вопросительной формулы, является то, что зачин с глаголом *Был...* свойствен сказкам (эпическим повествованиям) всех славянских народов (за исключением болгарского)³. Ср.: р. Был царь; укр. Був дід і баба; бр. Быў адзін купец; п. Był jeden pan; ч. Byl jeden král; слл. Vol raz jeden starý král'; вл. Beštaj něhdy dwaj bratraj; нл. Nēga bēšo kralj; м. Си биле двајца браќа; схв. Био један човек; слн. Bil je bogat kralj.

Вторым обстоятельством, свидетельствующим о древности праславянского по происхождению зачина с глаголом *быть*, наиболее древнего из славянских сказочных зачинов, — что косвенно говорит и об особой древности славянской вопросительной формулы *Kako jesi?, — является то, что сказочный зачин с глаголом «быть», в большинстве случаев этимологически связанный с соответствующими славянскими зачинами, свойствен также всем другим индоевропейским языкам. Ср. (романские и латинский языки) фр. Il était une fois un roi et une reine... «(Он) был один раз (один) король и (одна) королева»; исп. Era un padre «Был (один) отец»; порт. Era uma vez um homem «Был один раз (один) человек»; ит. C'era una volta un mercante «(Это) был один раз один купец»; рум. A fost odată un imperat «Были когда-то (один) царь»; Амн era odată un imperat «(Теперь) был когда-то (один) царь»; лат. Egant in quadam civitate rex et regina «Были в каком-то городе царь и царица»; (кельтские языки) ирл. (гаэльск.) Bhi rí «Был царь»; (германские языки) нем. (внем.) Es war einmal ein alter König... «(Это) был один раз (один) старый король»; нн. Dog wîr mal eins ein Hund un 'ne Katt «(Там) была один раз (одна) собака и (одна) кошка»; нидерл. Er was een vrouw «(Здесь) была (однажды) женщина»; англ. Once upon a time there was a king «Однажды в одно время (там) был (один) король»; шв. Det var engång en prinsessa «(Это) была один раз (одна) принцесса»; дат. Der var engang en gammel kone «(Это) была один раз (одна) старая женщина»; норв. Det var engang en mann «(Это) был один раз один мужчина»; исл. Einn sinni var kona «Один раз была женщина»; (балтийские языки) лит. Buvo seniau du broliai «Были прежде два брата»; лтш. Vija divi brāļi «Были два брата»; (албанский язык) алб. Ish një fukarë «Был один бедняк»; (новогреческий язык) нгр. 'Htave mē forē tetsera... «Были один раз четверо»; (армянский язык) арм.

³ В болгарских сказках употребляется в настоящее время новый зачин с глаголом имам «имею» (Имало един цар «Имел(ось) (оказывается) один царь»), однако поскольку в близкородственном македонском языке употребляется зачин с глаголом *быть*, следует полагать, что в прошлом он был свойствен также болгарскому.

Linum en č'en linum, jerku aľkat en linum «Суть-не суть, два бедных брата суть (букв. «Будучи суть-н(е) суть будучи, два бедных брата суть (будучи)»); (иранские языки) осет. Уыдис дыууæ 'фсымæры «Было два брата»; перс. Йеки буд-йеки набуд, пирзани буд «Кто-то (букв. один) был — кто-то не был, старуха была» [Рошияну 204]; тадж. Буд, набуд, як деҳқон буд «Был, не был, один крестьянин был» [АХТ 79]; Як зан буд «Одна женщина была» [АХТ 292]; курд. уêkê bú, уêkê nebû, хеуrî худá çî kes nebû, biznêk hebû... «Кто-то был, кто-то не был, кроме бога никого не было, коза (есть) была» [Эйюби-Смирнова 264]; гил. ita tãjêr bu «Один купец был» (ГЯ 255); мундж. viyá-çi-viyá, potšo viyá «Был-не был, царь был» [Грюнберг МЯ 25]; da yû šar potšo viyá «В одном городе царь был» [Грюнберг МЯ 116]; (индийские языки) дринд. Asty ayōdhyāyām. puri cūdā manīṅ nāma kṣatriyaḥ «Есть в городе Айдыя Чудамани (по) имени кшатрий»; цыган. Ehin jek raj «Есть один господин» [Корепниcki 1].

Зачины с глаголом *жить* из индоевропейских свойственны только части этих языков, как правило, расположенным по соседству с индоевропейскими (преимущественно уральскими), причем и в них употребляются параллельно с зачином, имеющим глагол «быть»⁴. Зачин с глаголом *жить-быть* свойствен только русским сказкам, — представляя в украинском и белорусском заимствование из русского, — причем и в них употребляется параллельно с зачинами, по-видимому, более архаичными с глаголами *быть* и *жить*. Поскольку, следовательно, зачин с глаголом *быть* свойствен всем индоевропейским языкам, в том числе и славянским, другие же зачины характерны только для части славянских (и других индоевропейских) языков, именно его следует считать праславянским по происхождению, восходящим к праиндоевропейскому языку. В связи с этим связанной с праславянским периодом следует считать и вопросительную формулу *Kako jesi?, поскольку на основании приведенных выше данных ее возникновение нужно ставить в зависимость от зачина с глаголом *быть*, наиболее архаичного среди славянских сказочных зачинов.

Наряду с языковыми формулами общеславянского (праславянского) происхождения среди них встречаются и более узкие образования, получившие распространение только среди части славянских языков. К ним относится выражение *бить челом*, встречающееся в восточнославянских языках (как правило, в период средневековья), а также в польском языке: р. ст. («кланяться земно») Кирило черньчищо многогръшныи съ своею братицею на твоём, господине, довольный еже къ намъ милости много челомъ бьемъ (1400) [Срезн. 3 1488]; («просить») Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй, деи, господине, вели учити (1496—1504) [Срезн. 3 1488]; («жаловаться (челом бити на кого)») А кто на кого челом бьетъ, дворяне и подвоискіе позовутъ къ суду (1397 г.) [Срезн. 3 1488]; укр. ст. («приветствовать, свидетельствовать свое почтение кому, кланяться») Слуга вашей милости Иванъ Ход-

⁴ Сюда относятся такие языки, как балтийские (литовский и латышский), часть славянских (русский, украинский, белорусский, болгарский, словенский), один из иранских (осетинский) и новогреческий.

кевичъ, староста луцький нын., челом бьет (1475—1480) [ССМ 1 97]; («кому чем) дать кому (что») winnyj... majet' winy zapłatiti, czym majet' nam czołom biti, a rannomu majet' dosyt' wcziniti podłuh gap jeho, jako szlachticzu (1388) [ССМ 1 97]; («обратиться к кому-л. с просьбой, жалобой (бити чоломь (кому))») Биль на(м) чоло(м) ключникъ лу(ц)ки(и), кна(з) ива(н) поутати(ч)... и би(л) на(м) чоло(м) а бы(х)мо тые дворища потве(р)дили емоу навечность (1497) [ССМ 1 97]; бр. ст. («просить») К тому, естлибы... рану нѣкоторую задалъ винныи таковыи маеть вины заплатити, чимъ маеть нам чоломь бити, а ранному маеть досыть вчинити подлугъ ранъ его, яко шляхтичу (1388) [Срезн. 3 1488]; п. («низко кланяться») Chłopi z rokłopem czołem nizko bili (1547—1582) [SW 1 396]; («кланяться; воздавать почести, поклоняться») Narody te bałwanom czołem bili (1566—1636) [SW 1 19]. В других славянских языках данный фразеологизм не обнаруживается, будучи, по-видимому, по происхождению сугубо восточнославянским явлением, восходящим в восточнославянских языках к древнерусскому периоду, поскольку в польском языке он, по обоснованному мнению А. Брюкнера, является заимствованием (полукалькой) из восточнославянских языков, хотя впоследствии и получившим в нем довольно широкое распространение. Ср.: «czołem bić, czołobitnia (челом бить, битие челом, покорный поклон.— О. Т.) к нам только с Руси пришла, в 17 веке, перед тем челом никто у нас не бил, а в 17-ом веке уже так повсеместно друг друга приветствовали: czołem!» ((букв.) «челом!» (= здравствуй(те)! здорово! — О. Т.) [Brückner 80].

Полное отсутствие примеров употребления указанного фразеологизма до XVI в. подтверждает мысль А. Брюкнера о сравнительно позднем заимствованном (восточнославянском) происхождении слова в польском языке. Однако, принимая вместе с А. Брюкнером период XIV—XV веков как время, когда фразеологизм еще не вошел в польский язык, следует поставить под сомнение XVII век как время его проникновения, более правдоподобным есть основание считать таким временем XVI век (в особенности его вторую половину), о чем, в частности, свидетельствует приведенный выше пример со значением «низко кланяться». В современном польском языке, как и во всех восточнославянских, фразеологизм *Bię czołem* «Бью челом» вышел из употребления, хотя в среднепольский период (XVI — первая пол. XVIII в.) широко употреблялся в значениях «низко кланяться», «воздаю почести». Однако и в настоящее время в польском языке сохраняются остатки этого калькированного из восточнославянских языков (скорее всего, старобелорусского и староукраинского) выражения в виде сокращенного из *Czołem bię!* (*Bię czołem!*) приветствия *Czołem!* «Привет!» (в обращении к солдатам) *Czołem, żołnierze!* «Здравствуйте, товарищи (солдаты)» [WSPR 121] или (в старой польской армии) *Czołem, dzieci!* «Здорово, ребята!», а также в виде образованного от выражения *Czołem bię!* прилагательного *czołobitny* «раболепный, униженный» и связанного с ним существительного *czołobitność* «раболепие, раболепство».

Более глубокие корни и по времени возникновения, и по богатству функций, как показывают приведенные выше примеры, оборот имеет в восточнославянских языках, в которых он возник. Существование

языковой формулы, приобретшей со временем характер официального (юридического) оборота, в древнейших памятниках всех трех восточнославянских языков дает основание считать ее во всех них унаследованной из древнерусского языка и возникшей, следовательно, в Киевской Руси как едином государстве всех восточнославянских племен, задолго до его распада. Хотя в современных восточнославянских языках формула *Челом бью!* (*Бью челом!*) утратила свою прежнюю активность и отеснена либо на периферию литературного языка, либо стала принадлежностью диалектов, однако следы ее (во всяком случае в эллиптизированном виде) еще во всех них встречаются (или встречались еще совсем недавно), поскольку этот оборот фиксируется словарями всех восточнославянских языков, изданными в прошлом или начале нынешнего века. Ср.: р. *Челом куме!* — *Сядь. Почто пришла?* — Да так (*Даль IV 587*); *Бью челом, да солью, да третьей любовью* (слова хозяина гостям) (*Даль IV 587*); укр. *Чолом, вельможний пане господарю!* [Гринченко 4 468]; бр. *Чалом!* (межд.) «Здравствуй!» [Носович 695]⁵. Другими (косвенными) следами существования оборота в восточнославянских языках являются, во-первых, особый глагол: р. (диал.) *челомкать* «заочно кланяться, привечать» [*Даль IV 588*]; *челомкаться* (с кем) «здороваться, обниматься, целоваться» [*Даль IV 588*]; укр. *чоломкатися* «целовать, здороваясь или прощаясь, мирясь и пр. (но не о любовных поцелуях)» [Гринченко 4 469]; бр. *чаломкаць* «челом бить, кланяться, здороваться»: Я тебе чаломкаю, а ты і не кланяешся мне [Носович 751]. Об этом свидетельствует и наличие в русском, а также же, отчасти, украинском связанных с данным оборотом сложных существительных и собственных имен: *челобитна, челобитня, челобитная, челобитчик, челобитье* (с производным глаголом *челобитничать*); укр. *Чоломбитько* (фамилия). Возникший еще в древнерусском языке фразеологизм был усвоен польским языком вследствие контактов польского языка с украинским и белорусским, унаследовавшими данный оборот вместе с русским языком от древнерусского языка, их общего предка.

Типологическое языковое своеобразие формулы, восходящей к древнерусскому языку Киевской Руси, как и в ряде других случаев, могло предопределяться экстралингвистической спецификой общества, связанной, в частности, с характером христианской православной религии и особенностью формирования обычаев феодального общества, где — в обеих областях — ряд черт мог заимствоваться из церковного ритуала и придворного этикета Византии, которые в известной степени нередко как бы дублировали друг друга. Конкретно обычай «бить челом» мог быть связан с обрядами православной церкви, а также этому мог способствовать характерный для византийцев определенный парал-

⁵ Существование во всех трех восточнославянских языках приветственной формулы типа р. *Челом!* (укр. *Чолом!*, бр. *Чалом!*) заставляет предположить, что, возможно, п. *Czołem!* не является результатом самостоятельного развития (сокращения) сходного п. *Czołem bię!* (*Bię czołem!*), отражающего соответствующий восточнославянский (украинский или белорусский) оборот, а возникло сразу же как калька соответствующего сокращенного (с утраченным глаголом) украинского или белорусского оборота.

лелизм этого элемента церковного ритуала с его же включением в церемонию, обязательные во взаимоотношениях между сюзеренами и вассалами, феодалами и их подданными. Поскольку для Византии (в качестве наследия императорского Рима) было характерно, с одной стороны, обожествление императора и, с другой, сам бог воспринимался как царь небесный, а люди как его рабы, отсюда вполне естественным было как бы молитвенное преклонение низших перед высшими и перенесение элемента религиозного ритуала, которое, в свою очередь, могло быть заимствовано из этикета императорского двора, — из сферы религиозной в сферу феодально-иерархических отношений⁶. Впоследствии, по-видимому, этот иерархический оттенок в значительной степени нейтрализовался и словесная формула Бью челом! (Челом бью!) (> Челом!) получила более широкое применение в качестве (вежливо-го) приветствия даже среди социально равных лиц. Кстати сказать, подобные случаи перенесения обычаев и ритуалов, применяемых в высших сферах общества или по отношению к ним, в социальные низы можно наблюдать не только в отношении рассматриваемого обычая в его словесном выражении. Здесь можно вспомнить свадебные обряды восточных славян, где под влиянием классового расслоения феодального общества главные участники свадебного действия предстают в качестве княжеской пары и их придворных («князь», «княгиня» и их «бояре»).

Среди связанных различными типологическими отношениями (как общности, так и различий) языковых формул, построенных на исходном славянском языковом материале и либо восходящих непосредственно к праславянскому периоду, либо возникших позднее на почве отдельных славянских языков вне контакта с какими-либо внешними фразеологическими моделями, заметное место занимают фразеологизмы, включающие в себя компонент *бог*: р. Бог помочь; С богом; Спасибо, укр. Магай-бі (бі < біг «бог») и т. п. Эти частично эллиптизированные, часто слившиеся в одно слово обороты только отчасти, видимо, связаны с принятием славянами христианства и распространением среди них монотеизма, поскольку слово *бог* восходит еще к праславянскому периоду, задолго до христианизации славян во времена языческой славянской религии. Это было, видимо, связано с изменением понятия обозначаемого этим словом, а также, в частности, и с тем, что языческой религии не чуждо было представление о верховном боге, занимавшем главенствующее место в сонме многочисленных языческих божеств.

К наиболее древним из данных формул принадлежат, по-видимому,

⁶ В связи с этим ср. следующую характеристику придворного этикета в Византии: «Торжество православных церковников над иконоборцами способствовало дальнейшему росту формализма в религии, усилению приверженности к традиционным обрядам, чрезвычайному развитию придворных церемоний, причем этот формализм, эти дворцовые церемонии... — не мелочи, лишённые серьезного значения, они имели свой смысл и свое место в политическом строе государства... Каждый его (императора. — О. Т.) шаг был обставлен церемониями... Эта сложность этикета и театральные апофеозы, на которых василевс появлялся как представитель божества, должны были подчеркнуть пропасть между властелином Византии и остальным человечеством» [Левченко 175].

те, которые обнаруживаются или в целом ряде (причем неблизкородственных) славянских языков, или выступают при своей спорадичности в тех из них, между носителями которых, по крайней мере, с праславянского периода, не существует никаких непосредственных контактов.

К подобным фразеологизмам относится, в частности, формула, имеющая относительно сокращенное выражение «С богом» и выступающая в более развернутом виде «Будь с богом»: р. С богом (выражение, употребляющееся в начале какого-либо дела) [Даль I 103]; ч. S bohem «Прощай(те)» [ЧРС 42]; слл. Zbohom «тж.» [УСлсС 366]; нл. Viŕ z Bogom «Прощай» [Muka I 57]; болг. Сбогом «Прощай(те)» [Чукалов 987]; м. Збогум [PMJ I 248]; схв. Збогом [СхвРС 151]; слн. Zbogom «тж.» [SlнRS 716].

По-видимому, данный оборот возник еще в праславянский период с первоначальной формой *Bodi sь bogomъ, — сохраненной в нижнелужицком языке, — впоследствии подвергшейся сокращению (путем опущения глагола). В пользу этого говорит его семантическое и формальное сходство в ряде славянских языков, причем даже не связанных непосредственными контактами, а также и возможность трактовки в нем слова *бог* (нл. Bog, ч. bůh, слл. boh) не только и не столько в современном смысле слова (= всемогущее сверхъестественное существо, божество), а и, очевидно, с более архаичной семантикой «доля (> удача, счастье)», что, следовательно, давало возможность понимать в прошлом данный оборот как «Будь с удачей (счастьем)»⁷.

К более поздним образованиям, — о чем говорит как его довольно небольшая распространенность, так и колебание в форме, — относится, по-видимому, формула со значением «Помогай (помоги) бог», претерпевшая в ряде случаев известные изменения исходной формы (ее синкопирование, вызванное частым употреблением с быстрым темпом речи): укр. Магай-бі (< *Помагай біг «Помогай бог», «Бог в помощь») [Гринченко 2 395]; вл. Pomhaj Bóh (ВлРС 189)⁸; нл. Pomgaj Bog (Pomgaj Bog) [Muka I 57]; болг. Помози бог [БТР 631]; м. Помози бог [МРС 375]; схв. Помози бог [СхвРС 407]; слн. Vog pomagaj «тж.».

Несмотря на отмеченные уже особенности (меньшая распространенность и колебания в форме), говорящие об относительно позднем по сравнению с предыдущим фразеологизмом происхождении, ее все же есть основание отнести к фразеологическим образованиям еще праславянского происхождения. Что касается относительной спорадичности формулы, то ее скорее всего следует связывать с начавшимся в периоде ее появления расселением славян и вызванной этим дифференциацией их диалектов. Помимо расхождения в форме фразеологизма *помози — пома(о)гай*, в пользу его более позднего происхождения говорит также менее архаичная семантика слова *бог*, имеющего здесь только зна-

⁷ Относительно первоначальной семантики псл. *bogъ см.: [ЭССЯ, 1975, 2, 162].

⁸ Для верхнелужицкого, однако, отмечается и другой вариант формулы, а именно Bóh pomaz «Бог помощи (пусть бог поможет)» (< *bóh pomozu, где pomaz (вм. pomoz) под влиянием pomahać [Pfuhl 35], свидетельствующий о том, что первоначально здесь могла употребляться та же форма фразеологизма, которая сохранена южнославянскими языками — ср. ее более архаичную форму в обороте Wjerš pomazu «Всевышний помощи» [Pfuhl 35].

чение «божество», которое, хотя и может в данном случае первоначально быть связано с представлениями язычества, однако, впоследствии, очевидно, должно было быть переосмыслено в соответствии с понятием христианского бога, что, по-видимому, частично способствовало закреплению оборота в тех славянских языках, в которых он употребляется.

Еще более локально ограниченным, свойственным только одному русскому языку, хотя, возможно, уходящим корнями в древнерусский период, является засвидетельствованное в четырех формах — трех восточнославянских и одной церковнославянизированной — русское выражение Бог в помощь, Бог помочь, Бог на помощь (приветствие работающему) [Даль I 103]; Бог в помощь «тж.»⁹ [Гринченко 2 395]. Не говоря о вариантах Бог на помощь, Бог в помощь и сомнительном церковнославянизированном Бог в помощь как совершенно ясных во всех своих частях, следует остановиться только на варианте Бог помочь, представляющем собой случай явного эллипсиса. Наиболее естественно рассматривать этот вариант как результат сокращения, вызванного опрощением, стремлением избежать неудобного (особенно при быстром произношении) скопления согласных. В основе варианта, очевидно, лежал более полный (не эллиптизированный) вариант Бог в помощь, сохранявшийся параллельно с сокращенным в случаях более медленного (полного по стилю) произношения. Произносительное удобство этого сокращенного, возникшего в потоке быстрой разговорной речи варианта использовалось русскими поэтами (напр., у Пушкина: Бог помочь вам, друзья мои).

Сугубо восточнославянским явлением, возникшим уже после принятия христианства восточными славянами, следует признать однословную (первоначально двусловную) языковую формулу благодарности с исходным значением и формой *Съпаси богъ «Пусть спасет бог», в настоящее время известную только русскому и украинскому языкам. Ср.: Спасибо; укр. Спасибі, уст. Спасибіг, диал. Спасибу [Гринченко 4 173].

Восточнославянской формуле благодарности со словом бог в западнославянских языках противостоит формула речи с той же функцией благодарности и с тем же лексическим компонентом, однако с несколько иной семантикой в связи с тем, что во фразеологизме употребляется другой глагол. Ср.: п. Bóg zapłać «(букв. Бог заплати [= Пусть бог заплатит])» (народная форма благодарности) [Skogupka II 766—767]; ч. Zaplat' (vám to všeko) pánbůh «Заплати (вам за это все) господь бог» [SSJC 37, 578]; Zaplat' pánbůh (za všeko) «Заплати, господь бог (за все)» [SSJC 37, 578]; Zaplat' bůh, už se uzdravuje «Заплати бог (= Слава богу), уже выздоравливает» [SSJC 37, 578]; слц. Pán boh zaplat' «Господь бог заплати (= Да воздаст господь бог; (разг.) Спасибо)» [SRPS II 710]; вл. Zapłać Bóh «Заплати бог» [Zeman 584]; нл. Bog zapłaś «Бог заплати (= Спасибо)» [Muka 1 57].

Таким образом, если восточнославянская формула благодарности

⁹ Последний пример менее надежен, поскольку здесь не исключена гиперкорректность формы *помощь*, вызванной влиянием украинского *поміч* (того же восточнославянского, древнерусского происхождения, что и р. *помочь*).

заклучалась в пожелании спасения богом того, кого благодарили, то в западнославянском фразеологизме в пожелании заключалась идея о том, что бог должен заплатить тому, кого благодарили за его добрый поступок. Восточнославянская (русская и украинская) языковая формула благодарности имеет, по-видимому, в качестве истока древнерусский язык, предок русского, украинского и белорусского языков. Что касается западнославянских языков, не имеющих (во всяком случае в зафиксированном виде) общего языкового предка, где период христианизации застал уже вполне сформировавшимися отдельные западнославянские языки, то здесь формальное и семантико-функциональное сходство фразеологизма в разных западнославянских языках нельзя объяснять продолжением в них какой-то общей праязыковой линии, т. е. лингвистической наследственностью. По-видимому, более правдоподобно в данном случае объяснять существование сходства между оборотами тем, что один из западнославянских языков является исходным языком-источником, давшим образец оборота. Остальные родственные языки только калькировали этот образец, соответствующую языковую формулу, передав ее средствами своего языка или первоначально взяв ее из дающего славянского языка в «готовом виде», а затем ассимилировали эту формулу, видоизменив ее в соответствии со своими фонетико-морфологическими (словоизменительными) особенностями. Наиболее вероятно при этом считать исходными языками чешский и словацкий, так как из западных славян чехи, словаки (и мораване) раньше всех получили христианскую религию и, по-видимому, также и ранее других западнославянских племен развили на своих языках связанную с христианской религией лексику и фразеологию, чему могла способствовать в немалой степени и миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников на землях Великоморавского государства. Поскольку тот факт, что христианство пришло в Польшу непосредственно из Чехии, общеизвестен так же, как известно влияние чешского языка в области церковной терминологии на Лужицу [Frinta 17], предложенное предположение является вполне допустимым.

Помимо рассмотренных, в украинском языке встречаются также другие более или менее оригинальные образования с конечным *-бі* (< *богъ*), возникшие в результате стяжения целой фразы. К собственно украинским оборотам принадлежит универбизованная из фразы формула Простибі (< Прости-біг «Прости бог; Помилуй бог») «1) Извини(те); 2) Спасибо» [Гринченко 3 481], выступающая иногда в форме Простибіг, наиболее близкой к исходной. Оборотом, имеющим несомненные инославянские соответствия, является в украинском языке формула Пробі, (диал.) Пробу (< *пробіг < *про богъ) «1) ради бога; 2) (межд.) спасите! караул!» [Гринченко 3 457, 458]. Близкие к украинской формулы встречаются в чешском, а также польском и словацком языках. Ср.: ч. Probůh (межд.) «Ради бога»; п. Przebóg (межд.) «боже мой, батюшки мои (светы)» [WSPR 802]; слц. Preboha «ради бога; (при волнении) батюшки мои» [SRPS II 136].

Наиболее близок к украинскому чешский оборот, что заставляет считаться, помимо возможности параллельного развития, также с

возможностью непосредственного заимствования из чешского языка в украинский, тем более, что в пользу такого предположения говорит украинская диалектная (и устаревшая) форма *пробу*, фонетически чрезвычайно близкая к ч. *probůh*¹⁰. В случае принятия подобного предположения украинское *пробі* следовало бы рассматривать как кальку чешского *probůh*, которой должна была предшествовать более близкая к чешской форма *пробіг* (по образцу *спасибіг* (> *спасибі*), *простибіг* (> *простибі*) и под.). Развитие у слова значения «спаситель», «караул», наряду с исходным «ради бога», следует считать результатом сокращения восклицательных фраз типа *пробі(г) рятуйте* «ради бога спасите», *пробі(г) допоможіть* «ради бога помогите» и подобных, первым компонентом которых данное словосочетание выступало.

К числу сравнительно немногочисленных, причем важных формул языкового этикета, выработанных отдельными славянскими языками относится русский фразеологизм *Пожалуйста*, образовавшийся, по-видимому, из сочетания двух слившихся слов *пожалуй* «будь добр» (ср. р. ст. (1769) *пожалуйте*, *разбудите*) и *(го)сударь* (*господарь*), сократившего до постпозитивной частицы вежливости *-ста* [Фасмер 1971, 3, 302, 741—742].

Обзор славянских формул речи, продолжающих праславянские или образованных на основе праславянского лексического материала в отдельных славянских языках, в их типологических связях (и расхождениях) и в исторической обусловленности показывает, что их репертуар является достаточно широким и разнообразным, обеспечивая основные ситуации, в которых необходимо их применение. Однако этот обзор был бы не полным без учета развития славянской фразеологии в ее внешних, выходящих за пределы славянского мира, типологических связях, которые также определяют специфику славянской фразеологии в целом и своеобразие каждого из отдельных славянских языков.

Славянская фразеология в ее внешних типологических связях

Если типология славянских языковых формул праславянского происхождения (или возникших в отдельных славянских языках самостоятельно) формировалась во всяком случае непосредственно, вне связи с языковыми контактами, то фразеологизмы, возникшие на основе внеславянских связей, образовались благодаря им. Следует сразу же, конечно, заметить, что связь славянских языков с соседними неславянскими в области фразеологии была двусторонней, и если славянские языки заимствовали или калькировали неславянские фразеологизмы, то и они в свою очередь давали неславянским языкам какую-то часть своей фразеологии (языковых формул). Так, в частности, финно-угорские языки, находившиеся в контакте с рус-

¹⁰ Наличие укр. (диал.) *спасибу*, совершенно исключая чешское влияние, указывает на возможность вполне самостоятельного украинского (диалектного) развития *пробу*. Тем самым может быть поставлено под сомнение и предположение о чешском (калькированном) происхождении укр. *пробі*. Для его несомненного доказательства необходимы, следовательно, дополнительные аргументы.

ским языком, заимствовали часть своей фразеологии из него. Ср., напр., морд. *Э пасиба* «спасибо» (<р. *спасибо*), коми *З спасибӧ* «тж.» (при синониме *аттыӧ* «спасибо, благодарю»); коми *З здорово!* «здорово!» (при синонимах собственного происхождения *олан-вылан*, *видза олан*) и т. п. Заимствованная из славянских языков, в частности русского, фразеология связывает также славянские языки с неславянскими. Однако, определяя в известной степени своеобразие смежных со славянскими неславянских языков, эта часть славянской фразеологии, экспортированная в неславянские языки, ни в чем не определяет славянской языковой специфики. Поэтому место для ее рассмотрения в типологии неславянских языков. Поскольку же речь идет о славянской исторической типологии, могут рассматриваться только случаи неславянских языковых влияний на славянские языки. Именно они вместе с чисто славянскими особенностями типологически сближают или разнят славянские языки между собой, одновременно сближая их в целом или какую-либо часть из них с неславянскими языками.

Типологическая общность между фразеологизмами славянских языков праславянского или позднейшего, но внутреннеславянского происхождения, как показывает их историко-типологический анализ, вызывалась, как правило, праславянским происхождением того или иного фразеологизма, унаследованного от праславянского периода отдельными славянскими языками и сохраненного ими. Соответственно, утрата определенного праславянского фразеологизма и замена его собственным славянским новообразованием была причиной типологического расхождения в области собственно (пра)славянской фразеологии. Собственно славянские новообразования, иногда сосуществующие вместе с праславянскими фразеологизмами, иногда же вытеснявшие их, образовали другой источник типологического своеобразия отдельных славянских языков в области фразеологии. Источником этих языковых типологических новшеств нередко, в конечном счете, служило то или иное типологически своеобразное нововведение в экстралингвистической области — жизни того или иного славянского народа (славянских народов), носителя определенного славянского языка. Изменения эти отражались в языке. Однако если они не связывались с воздействием какого-либо неславянского языка, то соответствующие фразеологизмы как отражающие явления внутренней славянской жизни строились вне связи с неславянскими фразеологизмами (не калькируя их) из праславянского лексического языкового материала. Их своеобразие определяла внутренняя специфика развития определенного славянского народа.

Другим источником формирования типологического своеобразия славянской фразеологии является ее связь с фразеологией смежных неславянских народов. Источником типологической общности или расхождений является в данном случае влияние неславянской фразеологии на славянскую. Те из неславянских, — как правило, калькированных,¹¹ — фразеологизмов, которые смогли проникнуть во все славян-

¹¹ Менее характерны, уже по своему употреблению, непосредственные заимствования фразеологизмов, как правило, из области афоризмов.

ские языки, приобретая в них в общем одинаковую (или очень близкую) форму, стали, вместе с праславянской по происхождению фразеологией, унаследованной и сохраненной всеми славянскими языками, источником типологической общности славянских языков в области фразеологии. Заимствованные фразеологизмы, проникшие только в часть славянских языков, стали источником типологических расхождений между славянскими языками в целом, определяя ареальную типологическую близость части славянских языков с какой-то частью неславянских.

Распространившись на огромной территории Евразии, носители славянских языков, прежде всего русского, вступили в оживленные и многообразные контакты с носителями самых различных евразийских языков. Все же наиболее заметное влияние на все славянские языки в целом оказали контакты с языками Европы, став во фразеологии (языковых формулах) таким же источником своеобразных интернационализмов («европеизмов»), каким они стали и в области лексики. Кроме того, благодаря особенно тесным контактам отдельных групп славянских языков со связанными с ними ареально в течение длительного времени неславянскими у некоторых славянских языков или их групп обнаруживаются фразеологические связи с этими неславянскими языками, образующимися вместе с ними особые ареалы, или контактные зоны, не распространяющиеся на всю славянскую языковую территорию, а членившие ее, а вместе с тем, видимо, и территорию смежных со славянским миром неславянских языковых семей (союзов) — греческой, романской (< (нео)латинской), (западно)германской, уральской (финно-угорской), алтайской (тюрко-монгольской)¹² — на соответствующие славянско-неславянские ареалы. Ввиду того, что при исследовании внешних типологических связей славянской фразеологии интерес представляют только неславянские влияния на нее, соответствующие ареалы будут определяться как контактные зоны связанных с ними неславянских языковых влияний.

Длительные и тесные связи всех европейских народов, большинство которых объединяет общность культурных традиций, религии, совместно пережитые политические и культурные события, в значительной степени сблизили все европейские народы, несмотря на своеобразие их национальных культур и языков, отразившись в общности целого ряда элементов этих языков, прежде всего в их лексике и во фразеологических оборотах, как правило, калькированных от языка к языку. Было бы чрезвычайно важно лингвистам каждого европейского народа установить фонд «европеизмов» (интернационализмов) своего языка в его лексике и фразеологии, а языковедам всей Европы общими усилиями определить для каждого из общеевропейских национальных элементов языковой его первоисточник. Поскольку подобная работа пока еще не проделана, говоря об общеевропейских явлениях в славянской фразеологии (формулах речи), приходится нередко ограничиваться только предварительными гипотезами о возможных источниках их происхождения.

¹² Ввиду неокончателности решения вопроса об алтайском генетическом единстве оно в данном случае может пониматься и как языковой союз.

К числу языковых формул, объединяющих Европу, относится особый тип приветствий, связанных с определенной частью суток, во время которой происходит встреча или прощание. Это, в сущности, пожелание доброй (хорошей) части суток (утра, дня, вечера, ночи)¹³. При общем принципе данного приветствия-пожелания (пожелание не универсальное, а ограниченное хронологически частью суток) между европейскими языками, в том числе и славянскими, существуют определенные расхождения. Часть языков Европы, куда частично входят и славянские языки, членит в рассматриваемом приветствии сутки на четыре части — утро, день, вечер, ночь. Другая часть делит их на — день, куда входит допослуденное время в целом, т. е. утро и часть дня, вечер, куда входит послеполуденное время до раннего вечера (например, у испанцев до 8 часов) и ночь. В группу европейских народов с подобным делением суток также входят частично славяне. Наконец, часть славянских народов, членивших повременными приветствиями сутки на четыре части, отличается от других европейских народов тем, что у них эпитет, относящийся к ночи, определяющий характер доброго пожелания, отличается от эпитета, относящегося к утру, дню и вечеру, противопоставляя таким образом пожелание, касающееся ночи, пожеланиям, связанным с тремя другими частями суток. Интересно, что эти особенности разделяют с этой частью славянских языков (возможно, не без определенного воздействия с их стороны) и те славянские языки Восточной Европы, где существует подобное же четырехчленное (по времени суток) приветствие.

Таким образом, славянские языки образуют вместе с другими европейскими следующие три группы:

I. Славянские и неславянские языки Европы, членившие одинаковым приветствием сутки на три части: п. *Dzień dobry!* «Доброе утро! Добрый день!» (ст. *Dobrydzień!* (*Dobry dzień!*) — *Dobry wieczór!* — *Dobranoc!*; фр. *Bonjour!* «Добрый день! Доброе утро!» — *Bonsoir!* «Добрый вечер!» — *Bonne nuit!* «Спокойной ночи! (букв. Доброй ночи!)»; ит. *Buon giorno!* «Доброе утро! Добрый день!» — *Buona sera!* «Добрый вечер» — *Buona notte!* «Спокойной ночи! (букв. Добрую ночь!)»; исп. *¡Buenas días!* «Доброе утро!, Добрый день!» — *Buenas tardes!* «Добрый вечер!, Здравствуйте (до 8 часов вечера)» (*tarde* 1) часть дня между полуднем и заходом солнца; 2) вечер, вечернее время) [*Исп РС 229, 836*] — *¡Buenas noches!* «Добрый вечер!, Спокойной ночи! Здравствуйте! (после 8 часов вечера)»; порт. *Bom dia!* (*Bons dias!*) «Доброе утро!, Добрый день!, Здравствуйте!» (до полудня) — *Boa tarde!* «Добрый вечер!, Здравствуйте!» (после полудня до 6 часов вечера) — *Boa noite!* «Добрый вечер!, Спокойной ночи (букв. Добрую ночь!)»; *Zdravstvуй(te)!* (после 6 часов вечера); нгр. *Καλημέρα!* «Добрый день!, Доброе утро!» — *Καλησπέρα!* «Добрый вечер!» — *Καληνύχτα!* «Спокойной ночи (букв. Добрую ночь!)»; исл. *Godan dag!* (*Godan daginn!*) «Добрый день! (так же, как и в предшествующих случаях — Доброе утро!)» — *Gott kvöld!* «Добрый вечер!» — *Goda natt!* «Спокойной ночи! (букв. Добрую ночь!)».

¹³ Приветствие при встрече относится к утру, дню и вечеру, приветствие-пожелание, относящееся к ночи, представляет собой, как правило, прощание.

II. Славянские и неславянские языки Европы, в которых сутки членятся одинаковым приветствием на 4 части: укр. Добрий ранок! (Доброго ранку!) — Добрий день! (Добридень!) — Добрий вечір! (Добри-вечір!) — Добраніч! (На добраніч!); бр. Добрай раницы! — Добры дзень! (Дзень добры!) — Добры вечар! — Дабранач!; ч. Dobré jitro! — Dobrý den! — Dobrý večer! — Dobrou noc!; сл. Dobré ráno! — Dobrý deň! — Dobrý večer! — Dobrú noc!; вл. Dobre ranje! — Dobry dzeň! — Dobry wječor! — Dobru nóc; нл. Dobre jutšo! (Dobrejšo!) — Dobry žeň! — Dobry wjasor! — Dobru noc!; как показывают сохранившиеся материалы, к той же группе относился и вымерший (в XVIII в.) полабский язык Dübřa jautřü! — Dübře dan! — Dübře vicer! — Dübřa noc!; м. Добро утро! — Добар ден! — Добра вечер! — Добра ноќ!; лит. Lābas rytas! «Доброе утро!» (им. пад. ед. ч.) (Lāba rytą! «Доброе утро!» — вин. п. ед. ч.) — Laba diena! (им. п. ед. ч.) (Lāba diena! — вин. п. ед. ч.) — Lābas vakaras! (им. п. ед. ч.) (Lāba vakarą! — вин. п. ед. ч.) — Lāba naktis! «(букв. Добрую ночь!» (вин. п. ед. ч.) (Labos nakties! «(букв. Доброй ночи!» (род. п. ед. ч.); лтш. Labrīt! — Labdien! — Labvakar! — (Ar) Labu nakti! «(букв. С доброй ночью!» (Добрую ночь!»); нем. Guten Morgen! — Guten Tag! — Guten Abend! — Gute Nacht!; нидерл. Goeden morgen! — Goeden dag! — Goeden avond! — Goede nacht!; шв. God morgon! — God dag! — God afton! / God kväll! — God natt!; дат. God morgen! — God dag! — God aften! — God nat!; норв. God morgen! — God dag! — God aften! — Gott natt!; англ. Good morning¹⁴! — Good day! — Good evening! — Good night!; рум. Bună dimineață! «Доброе утро!» — Bună ziua! «Добрый день!» — Bună seara! «Добрый вечер!» — Noapte bună! «(букв. Ночь добрая (Ночь добрую!»); молд. Бунэ диминяца! — Бунэ ziua! — Бунэ сара! — Ноапте бунэ!; алб. Mirëm mëngjezi! «Доброе утро!» — Mirë dita! «Добрый день!» — Mirë mbrëma! «Добрый вечер!» — Naten ë mirë! «(букв.) Ночь добрую!»; венг. Jó reggelt! «Доброе утро!» (вин. пад. ед. ч., как и в следующих фразеологизмах) — Jó parot! «Добрый день!» — Jó estét! «Добрый вечер!» — Jó éjszakát! / Jó éjt! «(букв. Добрую ночь!»); фин. Hyvää huomenta! / Hyvää aamua! «Доброе утро!» (партитив ед. ч., как и в других случаях употребления) — Hyvää päivää «Добрый день!» — Hyvää iltaa! «Добрый вечер!» — Hyvää yötä! «(букв. Доброй ночи!»).

III. Славянские и неславянские языки Европы с четырехкратным суточным неоднородным приветствием, в котором ночное приветствие-пожелание противостоит трем однородным остальным: р. Доброе утро! (С добрым утром!) — Добрый день! — Добрый вечер! — Спокойной

¹⁴ Отнесение английского к числу европейских языков с четырехкратным приветствием в применении к современности носит несколько условный характер и может быть принято безоговорочно только в историческом плане, когда английский язык, видимо, как и остальные (континентальные) западногерманские языки, имел ту же четырехкратную систему приветствий. С появлением новой приветственной формулы Good afternoon! «Добрый день! (букв. Добрый послеполдень!») английский язык со своей системой возможного пятикратного приветствия, относящегося к суткам (четыре — ко дню или разным его частям и одного — к ночи), в сущности, стал занимать совершенно изолированное место среди языков Европы, как бы и в лингвистическом отношении (и не только в этом) являясь типично островным.

ночи! (уст. Покойной ночи!)/Доброй ночи!¹⁵; болг. Добро утро! — Добър ден! — Добър вечер! — Лека нощ! «(букв. Легкая ночь!»); схв. Добро jutro! — Добар дан! — Добро вече! — Лаку ноћ! «(букв. Легкую ночь!»); сл. Dobro jutro! — Dober dan! — Dober večer! — Lahko poč! «(букв. Легкую ночь!»); мар. Поро эр! «Доброе утро!» — Поро кече! «Добрый день!» — Поро кас! «Добрый вечер!» — Сайын малыза! «(букв. Хорошо спите!»); коми Бур асыв! «Доброе утро!» — Бур лун! «Добрый день!» — Бур рыт! «Добрый вечер!» — Бура (тэныд/тияны) узыны! «(букв. Хорошо (тебе/вам) спать!»).

Таким образом, по особенностям употребления данных языковых приветственных формул-пожеланий славянские языки группируются следующим образом: 1) польский язык обнаруживает связь с основными романскими языками — французским, итальянским, испанским и португальским; 2) западнославянские языки, кроме польского, а также украинский и белорусский среди восточных и македонский между южными обнаруживают наибольшее сходство с теми европейскими неславянскими, куда входят все германские, за исключением исландского; что касается русского и южнославянских языков, кроме македонского, то они стоят как бы особняком среди других европейских языков, поскольку при общем сходстве четырехчленного деления в особенности с германскими языками отличаются от них противопоставленностью ночного приветствия трем остальным. Не исключено, что в этой особенности проявляется сближение двух традиций — общеевропейской (с ее четырехкратным повременным приветствием) и собственно славянской, где, возможно, издавна употреблялись особые формулы, связанные с ночным временем, отходом ко сну. Сходство этой формулы почти у всех южных славян заставляет предположить ее относительную древность, хотя в то же время отличие от нее русской формулы склоняет к выводу, что если подобные формулы у славян и употреблялись, то их возникновение относится ко времени распада праславянского языка, во всяком случае на далеко разошедшиеся в своем развитии диалекты.

В настоящее время трудно с точностью сказать о том языке-источнике, которому все европейские языки обязаны возникновением этих, теперь столь распространенных формул. Однако отрицательные данные всех основных и наиболее влиятельных индоевропейских языков Европы, где при этимологических расхождениях первоначально господствовал совсем другой тип приветствия — общее пожелание здоровья, не приуроченное к какому бы то ни было временному

¹⁵ Наличие формулы Доброй ночи! дает возможность включить русский язык в состав 2-ой группы, однако сделать это можно только со значительными оговорками, так как, во-первых, формула Доброй ночи! более спорадична в русском языке, чем обычное Спокойной ночи! (Покойной ночи!), во-вторых, сближаясь со славянскими формулами 2-ой группы лексически, данный оборот сохраняет — в отличие от них — противопоставленность трем остальным оборотам в грамматическом отношении (род. пад. ед. ч. при им.-вин. пад. ед. ч. для остальных: Доброе утро!, Добрый день!, Добрый вечер!, но Доброй ночи!, а не Добрая ночь! (или Добрую ночь!). Таким образом, оборот Доброй ночи! является всего лишь проявлением редкого контаминационного сближения с приветственными формулами 2-ой группы (то же прилагательное, что и там, при сохранении падежной противопоставленности).

отрезку суток (ср.: лат. *salve!* «Будь здоров (Здравствуй)! (приветствие при встрече и прощанье)»; гр. *ὕψιλιβε* «то же»; гот. *hails* (приветствие, букв. «целый, здоровый», — очевидно, из сокращенного пожелания здоровья; прус. *kails* «то же»; псл. *сѣль (> полаб. *c'ol*) «то же») ставит под сомнение возможность возникновения подобных оборотов в древнейший (праязыковой) период их развития. Больше оснований думать, что если подобные приветственные обороты и возникли в некоторых из них, то скорее всего в сравнительно поздний период под воздействием какого-то древнего неиндоевропейского языка (напр., иберийского типа). Так заставляет думать, в частности, типологически близкая система приветствий осетинского языка, как известно, испытавшего большое, в том числе субстратное, иберийско-кавказское влияние, где выступает еще более разветвленная (пятичленная) и сложная система приветствий, приуроченных к определенной части суток. Ср.: осет. *Дæ райсом хорз!* «(букв. Твое утро хорошее (доброе)!» (<*Дæ райсом хорз уæд! «Твое утро хорошее (доброе) пусть будет!») — *Дæ бон хорз!* «Твой день добрый!» — *Дæ 'зæр хорз!* «Твой вечер добрый!» — *Хæ рзйзæр!* «Спокойной ночи!» (до наступления темноты) (букв. «очень вечер», — очевидно, путем сокращения первоначального *хæрзхорзйзæр! «очень хороший вечер!») — *Хæрзæхсæв!* «Спокойной ночи!» (с наступлением темноты) (букв. «очень ночь», — очевидно, из первоначального *хæрзхорзæхсæв! «очень хорошая ночь!») [Токазов 28—30].

Другим более поздним европеизмом славянских языков является свойственная всем им вместе с целым рядом других языков Европы формула прощания, предполагающая встречу, т. е. то, что прощающиеся увидят друг друга в самом близком будущем после небольшого промежутка времени. Общим в этой формуле является то, что в ней как обязательный элемент выступает часто сопровождаемое приставкой существительное, образованное от глагола со значением «видеть» (или его синонимов), более факультативным является употребление при упомянутом отглагольном существительном какого-либо предлога. При несомненном общем типологическом сходстве всех славянских языков с другими языками Европы и здесь, как и в предыдущем случае, славянские языки обнаруживают разную степень близости с другими европейскими языками, по-разному и разными средствами передают данную формулу.

Славянские языки при этом можно разделить на две группы, вторая, в свою очередь, делится на две более узкие подгруппы. К первой относятся те славянские языки, где рассматриваемая формула представляет собой словосочетание (иногда воспринимаемое уже как одно слово), содержащее предлог до (*do*): р. До свидания; укр. До побачення; бр. Да пабачэння; п. Do widzenia; слц. Do videnia; болг. Довижда-не; м. До видување; схв. Довиђења.

Вторую группу образуют те славянские языки, в которых данная формула содержит предлог «на», причем часть из них, а именно серболужицкие, в самом существительном содержат наречие-префикс *zaso* (*zasej*) со значением «опять, снова», точно соответствующий по семантике немецкому наречию-префиксу *wieder*. Ср.: 1-я подгруппа: ч. Na shle-

danou; слн. Na svidenje; 2-я подгруппа: вл. Na zasowidzenje; нл. Na zasejwizenje.

В отличие от предшествующего оборота, охватывающего все без исключения европейские языки и поэтому более сложного для установления своего первоисточника, данный оборот сравнительно более ограничен, что дает основание для более надежного установления его языка-источника. Очевидно, им являются романские языки и в первую очередь французский, ср.: фр. *Au revoir*; ит. *Arrivederci*; рум. *La revedere*. Если учесть, что романский префикс *re-*, в частности во французском, обозначает повторное действие, становится ясно, что немецкое *wieder* — в формуле *Auf Wiedersehen* «до свидания» (букв. «на опять-видение») — это предельно точная калька какого-то романского слова с данной семантикой. Что касается верхнелужицкого и нижнелужицкого оборотов, то они, в свою очередь, являются точными кальками немецкой языковой формулы. Более свободно тот же оборот передают чешский и словенский языки, где использован, как и в русском, славянский префикс *s-* (*c-*). Однако и чешский и словенский избежали калькирования именно немецкого языка как непосредственного образца, что отразилось в префиксе *na*, калькирующем немецкое *auf* «на». Употребление префикса *auf* «на» мотивировано в немецком языке тем, что, поскольку формула *Auf Wiedersehen* «до свидания» связана с будущим, здесь, по-видимому, предполагалась опущенная часть фразы с глаголом *sich freuen* «радоваться», который по отношению к будущему требует после себя предлога *auf*. Таким образом, лежащая в основе оборота подразумеваемая фраза должна была в немецком языке иметь следующий вид: (*Ich freue mich*) *auf* (*unser*) *Wiedersehen* «Я радуюсь нашему свиданию» (букв. «(Я радуюсь) на (наше) опять-видение»). При сокращении это должно было дать современную немецкую формулу речи, в которой предлог *auf* был калькирован передающим его точно славянским предлогом *na*, именно в чешском, словенском и обоих серболужицких языках, т. е. в тех языках, в которых при их наиболее тесных контактах с немецким и значительном чешско-немецком, словенско-немецком и лужицко-немецком двуязычии подобные кальки были вполне естественны. Что касается других славянских языков (русского, украинского, белорусского, польского, словацкого, болгарского, македонского, сербохорватского), то в них соответствующая языковая формула также представляет кальку, однако калькирование с французского (или итальянского) в них более свободно и осуществлено, видимо, непосредственно (без помощи немецкого), поскольку семантика французского предлога *à* (*au*) и итальянского префиксировавшегося *a* не предполагает обязательного перевода его славянским *na* (*na*), а вполне допускает его передачу с помощью славянского *do* (*do*). Последнее, конечно, не исключает в данном случае возможность межславянских влияний, на что указывают такие особенно близкие обороты, как укр. До побачення и бр. Да пабачэння, п. Do widzenia и слц. Do videnia, р. До свидания и слн. Na svidenje и т. п.

Более частный характер, не охватывающий поэтому фразеологии всех славянских языков, имеют формулы речи, образовавшиеся в од-

ной из контактных зон, связывающих только часть славянских языков с одним или несколькими языками Европы (или Азии).

Одну из этих контактных зон можно определить как восточно-римскую (или византийскую). Она охватывает, как правило, полностью или фрагментарно восточную часть южнославянских языков и — иногда — русский язык, т. е. ту часть славянских языков, народы-носители которых приняли христианство по восточному (греческому) обряду и испытали наибольшее воздействие византийской (среднегреческой) культуры и греческого языка. Однако в связи с тем, что для распространения христианства здесь был употреблен славянский (старославянский язык), это влияние шло, как правило, — и в особенности в области фразеологии, — не в виде прямых заимствований из греческого, а в виде соответствующих калек. К числу подобных несомненных византизмов принадлежат: р. Благодарю (Вас) (вежливая форма выражения благодарности), — употребляемое параллельно со связанным также с христианизацией, но чисто славянским Спасибо; болг. Благодаря, — единственное слово для изъявления благодарности; м. Благодарам «спасибо, благодарю». Данная языковая формула образовалась на основе глагола *благодарити*, возникшего как калька греческого *εὐχαριστεῖν* «благодарить» [БЕР 1—52], где *εὐ-*соответствует старославянскому благо- [ДгрРС 2 680—681], а компонент *-χαριστεῖν* связан с глаголом *χαρίζομαι* «дарить, преподносить», нгр. *χαρίζω* «дарить» [НгрРС 808], с чем было связано возникновение дргр. *εὐ-χαριστεῖω* «питать благодарностью, быть благодарным» [ДгрРС 1 717], давшем через стадию среднегреческого *εὐχαριστῶ* «благодарю спасибо» [НгрРС 808]. Глагол *благодарити* употреблялся и в древнерусском языке [Срезн. 1 95], однако закрепился в виде языковой формулы *Благодарю* только в русском, будучи поддержанным в нем особенно сильным церковнославянским влиянием. На его закрепление в болгарском и македонском мог повлиять непосредственно средне- и новогреческий язык ввиду свойственного длительному времени болгарской и македонской интеллигенции и социальным верхам славяно-греческого двуязычия.

Другой менее очевидной, однако вполне вероятной калькой с греческого являются, видимо, р. *Здравствуй* и болг. *Здравей* «здравствуй», первое из которых, как показывает неполногласная форма, проникло в русский, точнее древнерусский, непосредственно из церковнославянского. На заимствованный, калькированный характер обеих формул указывают следующие обстоятельства: ни один из славянских языков, кроме старославянского, древнерусского и русского, не обнаруживает глагола типа стсл. (др.) *СЪДРАВЬСТВОВАТИ* или его соответствий как формальных, так и семантических, понятие «здравствовать, быть здоровым» передается здесь описательно; даже в болгарском языке этот глагол как явно книжный, чуждый народному языку, утрачен и формула речи создана на основе вновь созданного (и также утраченного) глагола *здравей* «быть здоровым, здравствовать»; в то же время греческий, ареально близкий старославянскому имел специальный глагол, передававший значение «быть здоровым» *ὑγιαίνω*, в нем же употреблялось приветствие *ὑγιαίνε* «будь здоров, здравствуй». Этот глагол и был калькирован старославянским *СЪДРАВЬСТВОВАТИ*, передающим точно

семантику греческого, а греческая языковая формула *ὑγιαίνε* церковнославянским (и древнерусским) *СЪДРАВЬСТВОУИ*. Эта формула, получившая в начале, видимо, распространение только в книжном языке, затем в русском языке вошла и закрепилась и в народной речи, откуда, очевидно, устным путем вошла и в украинский язык в виде украинского *Здрастуй!* (*Драстуй!*). Менее вероятно предположение М. Фасмера [II 90], считающего, что р. *Здравствуй!* развилось из первоначальной формы *Здравствую!* со значением «приветствую (тебя)».

Языковой формулой другого происхождения, связанного с контактной зоной других языковых влияний, является почти идентичная как по форме, так и по содержанию (функции) языковая формула: ч. *Jak se máš?* (стч. *Kak(o) sě jmaš?*) «Как поживаешь?» (букв. «Как с(е)я имеешь?»), — ср. ч. ст. *Jak se gma kmoška?* (середина XIV в.); слц. *Ako sa máš?*; п. *Jak się masz?* (1522 г.; *iako sie masz?*); укр. *Як ся маєш?* (1619 г.: *Кажі міні — як живеш, та й як ся маєш?*) [Укр. інтермедії 33]; бр. *Як маєшся?*; слн. *Kako se imaš?*

Явно позднее проникновение оборота в украинский язык (и белорусский), его неполная ассимиляция украинским (сохранение отделяемой частицы *ся*) говорят о том, что как в украинский, так и в белорусский он заимствован непосредственно из польского, однако и в самом польском, где формула фиксируется только в первой трети XVI в., она, видимо, не является исконной, а представляет собой заимствование из чешского. Скорее всего, наиболее древняя формула в чешском со словацким и словенским, из которых два первых примерно с XI века утратили непосредственный контакт со словенским. Формула, очевидно, могла возникнуть на той территории, где предки этих народов могли контактировать, на землях Паннонии, расположенной между Чехией, Словакией и Словенией и до IX в., т. е. до проникновения сюда венгров, населенной славянами. Поскольку остальным славянским языкам, кроме этих связанных с Паннонией, данная формула чужда, ее следует искать вне славянских языков. Поиски модели рассматриваемой формулы (путем исключения) приводят к выводу, что ее надо искать в позднелатинском *Quomodo (guae)madmodum te habes?* букв. «Как т(е)я имеешь?» (ср.: *Quae)madmodum nunc se habent fratres?* (букв. «Как теперь с(е)я имеют братья?» укр. *Як тепер ся мають брати?* (= Как поживают теперь братья?)), которое наиболее близко калькируется слн. *Kako se imaš*, ч. *Jak se máš?* слц. *Ako sa máš?* и под. Упомянутый латинский оборот наиболее естественно считать связанным именно с Паннонией, поскольку недалеко от нее находились греческие земли Римской империи, а для греческого языка был свойствен оборот *Πῶς εἶσαι;* «Как имеешь?» (= Как поживаешь?). Поскольку латыни в целом был свойствен глагол *se habere* «чувствовать себя» (букв. «иметь себя»), возможный в частности в словосочетании *se bene habere* «чувствовать себя хорошо», в Паннонии же могло существовать калькированное с греческого выражение *Quomodo habes?* «Как имеешь?», именно здесь как результат контаминации мог возникнуть и быть особенно распространенным оборот *Quomodo te habes?*, видимо, в форме **Cōpe te avis?* «Как т(е)я (= ся) имеешь?» (= Как поживаешь?), унаследованный местным романским языком. Славянская языковая формула **Како*

se imaši? — реконструируемая на основе (старо)чешских, словацких и словенских данных, — возникла, очевидно, первоначально в славянской речи паннонских романцев в результате развития у них романо-славянского двуязычия, а затем уже от них перешла в язык паннонских славян, распространившись на смежные с ними чешские, моравско-словацкие и словенские земли. В дальнейшем экспансия оборота происходила только со стороны чешских земель, культура которых оказала большое воздействие на польскую культуру и язык. Польский язык явился, в свою очередь, передаточным звеном между чешским языком, с одной стороны, и украинским и белорусским, с другой.

Одним из характерных для западнославянских языков фразеологизмов, общим вместе с ними также для украинского и белорусского, является выражаемая специальным глаголом, довольно мало разнящимся от языка к языку, особая языковая формула, выражающая благодарность. Ср.: укр. Дякую «Благодарю; Спасибо»; бр. Дзякуй (очевидно, результат сокращения первоначального Дзякую); п. Dziękuję; ч. Děkuji; слц. D'akujem; вл. Džakuju so; нл. Žėkuju se.

Украинская и белорусская языковые формулы скорее всего отражают п. Dziękuję, претерпевшее в них адаптацию к их фонетической и морфологической системе. Что касается их западнославянских соответствий, включая польское, то они возникли, по-видимому, на основе средневерхненемецкого *danс* «благодарность», заимствование которого произошло не позднее XIV в. и которое подверглось у славян влиянию со стороны формы мн. ч. *denke* «благодарности» и этимологически с ним связанного глагола *denken* «думать», что дало п. ст. *dzięk, dzięka* (мн. *dzięki*) «благодарность», ч. *dik* (мн. *díky*) «тж.» (от польского укр. *дяка* «благодарность», бр. *дзякі* (мн. ч.) «тж.»), вл. *džak*, нл. *žėk* «тж.» [Sławski 204]. Впоследствии на основе соответствующих существительных в западнославянских языках возник глагол, наиболее употребляющаяся личная форма которого стала основой для создания данной языковой формулы. Изоляция серболужицких языков от остальных славянских вызвала при этом то, что формально соответствующие фразеологизмы, имея, в сущности, — если не считать естественных фонетических отличий, — идентичный облик, отличаются от других соответствий в западнославянских, украинском и белорусском языках (наличие возвратной частицы *so/se*, отсутствующей в других языках).

С продвижением к востоку славянские языки испытывали все большее воздействие со стороны неславянских языков этих ареалов.

Одной из особенностей славянских языков, развившихся из праславянских диалектов, расположенных в настоящее время или в прошлом в восточной части славянской языковой территории было, в частности, то, что в славянских языках, связанных с этим регионом, в начале эпического повествования (в зачине сказки) вместо традиционной формулы типа «Был (один король)» распространился зачин с глаголом *Жил*: р. Жил купец пребогатый; укр. Жив один чоловік на світі; бр. Жыў мужык...; болг. Живеяли едън дедо и една баба; слн. Zivela sta mož in žepa.

Рассмотрение сказок смежных народов приводит к выводу, что наиболее вероятно усматривать в этой замене результат воздействия со

стороны сказок уральских (и в частности финно-угорских народов), для которых зачин с глаголом *жил* судя по всему был исконным. Наиболее мотивировано до сих пор его употребление в самодийских языках, в частности, ненецком, где требуется особый глагол для передачи наличия вещей и неодушевленных предметов (*нэсь* «быть») и глагол для передачи наличия (существования) живых существ, в том числе людей. Так как глагол со значением «быть» к последним не применим, то здесь возможно только глагол со значением «жить» (*илесь*): нен. Сидя ненэць илевэхэ' «Два ненца жили (вдвоем)» [Шербакова 148]; Хов, вэнекоця пэдрахана илевы. «Вот собачка в лесу жила» [Терещенко НХВ 171]; Лэ'мор' вэсэй пухуцянданя, нюцанданя пыда илевы «Пичужка старик со старухой своей, с сыном своим жил» [Терещенко Очерк 247].

Эта черта уральских (точнее, в данном случае, финно-угорских) сказок, сохраняемая ими традиционно и мотивированная изначальным строем языка, была затем воспринята славянами у уральцев (финно-угров) или непосредственно, или — частично — через посредство балтов, где под тем же влиянием в зачинах также распространился глагол *жил*. Ср. наиболее характерные балтийские зачины: лтш. *Reiz dzivoja vesa vecenite* «Раз жила старая старушка»; лит. *Gyveno trys broliai* «Жили три брата».

Наряду с этим в восточнославянских языках, для которых среди славянских сказочный зачин с глаголом *жил* наиболее характерен, развивалась особая формула речи, представляющая собой вопрос о том, как поживает приветствуемый собеседник, где также выступает указанный глагол: р. Как живете?; Каково живете?; укр. Здоров, Еоле, пане свату! Ой як ся маеш, як живеш?; бр. Як живеш?

Территория восточнославянских народов и, в частности, русского, соприкасалась также с проходившими через нее или поселявшимися на смежных землях тюркскими народами, в свою очередь, передававшими восточным славянам вместе с особенностями своих языков также заимствованные ими элементы из языков своих южных и восточных соседей, в частности, монголов. Вместе с лексикой сюда входила и определенная фразеология.

Так, в русский язык непосредственно из тюркских вошло слово *караул* «стража», воспринятое двумя в разной степени фразеологизированными выражениями (из разряда языковых формул): *Караул!* — возглас, которым первоначально призывали стражу, теперь же приобретший оттенок значения «на помощь!; спасите!»; *На караул* < *На к(а)раул! (букв. На стражу!) — команда, даваемая, когда почетный караул выказывает почесть прибывшим гостям особым церемониальным поднятием огнестрельного оружия. Само слово *караул* (чагат., тат., казах., тел.), известное также в форме *кагаул* (тур.), является словом, с давних пор усвоенным тюркской семьей, и связывается в ней с корнем *кага-* «смотреть» [Фасмер 2 194]. Однако поскольку тот же корень *каг-* (*хаг-*) известен с тем же значением также монгольским языкам и, кроме того, по-видимому, сложный аффикс *-а(γ)ул* является также монгольским, а слово *харуул* (*каруул*) «караул, стража» присуще и монгольскому языку, можно предполагать, что в самих

тюркских языках слово является древним заимствованием из монгольского [Егоров 307].

Рассмотрение многообразных связей славянских языков с неславянскими, возникших в области фразеологии, показывает, что они в не меньшей степени, чем исконная славянская фразеология, определяют специфику как славянских языков в целом (в их общеевропейских элементах), так и своеобразии отдельных славянских языков или их групп. Внеславянские типологические связи славянской фразеологии, когда эти связи касаются только части славянских языков, вызвали, с одной стороны, расхождения между отдельными славянскими языками, а с другой стороны, сближение отдельных славянских языков или их групп с теми или иными неславянскими языками.

СПИСКИ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест.— авестийский	нен.— ненецкий
алб.— албанский	нидерл.— нидерландский
англ.— английский	нл.— нижнелужицкий
арм.— армянский	нн.— нижненемецкий
болг.— болгарский	норв.— норвежский
бр.— белорусский	осет.— осетинский
венг.— венгерский	п.— польский
вл.— верхнелужицкий	перс.— персидский
вост.-сл.— восточнославянские	полаб.— полабский
гил.— гилянский	порт.— португальский
гаэльск.— гаэльский	прус.— прусский
гр. (нгр.) — греческий (новогреческий)	псл.— праславянский
дат.— датский	р.— русский
дрвн.— древневерхненемецкий	рум.— румынский
дринд.— древнеиндийский	слав.— славянские
дрр.— древнерусский	слн.— словенский
зап.-сл.— западнославянские	слц.— словацкий
ие.— индоевропейский	стсл.— старославянский
ирл.— ирландский	схв.— сербохорватский
исл.— исландский	тадж.— таджикский
исп.— испанский	тал.— талышский
ит.— итальянский	тат.— татарский
казах.— казахский	тел.— телеутский
коми-з.— коми-зырянский	тур.— турецкий
курд.— курдский	удм.— удмуртский
лат.— латинский	укр.— украинский
лит.— литовский	фин.— финский
лтш.— латышский	фр.— французский
м.— македонский	фриз.— фризский
мар.— марийский	цыган.— цыганский
молд.— молдавский	ч.— чешский
мундж.— мунджанский	чагат.— чагатский
нем. (нвн.) — немецкий (нововерхненемецкий)	чув.— чувашский
	шв.— шведский

ПОМЕТЫ

букв.— буквально
 вин. пад.— винительный падеж
 вм.— вместо
 дат. пад.— дательный падеж
 дв. ч.— двойственное число
 дет.— детское слово, выражение
 диал.— диалектное слово
 ед. ч.— единственное число
 жен. р.— женский род
 им. пад.— именительный падеж
 ист.— историческое
 л.— лицо
 литер.— литературное
 мн. ч.— множественное число
 муж. р.— мужской род
 напр.— например
 перен.— переносное
 прост.— просторечное
 разг.— разговорное слово, выражение
 редк.— редкая форма
 род. пад.— родительный падеж
 ср.— сравните
 ср. р.— средний род
 ст.— старое
 тв. пад.— творительный падеж
 тж.— то же
 уст.— устаревшее

НАЗВАНИЯ ИЗДАНИЙ

БТР — Български тълковен речник.— София : Наука и изкуство, 1976.
 ВлРС — Верхнелужицко-русский словарь.— М. : Рус. яз., Домовина, 1974.— 546 с.
 Вопр. методики — Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.— М. : Изд-во АН СССР, 1956.— 323 с.
 Вступ — Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука.— К. : Наук. думка, 1966.— 595 с.
 Грам. бел. мовы — Граматыка беларускай мовы. Т. 1. Марфалогія.— Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962.— 540 с.
 Грам. на бълг. език — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология.— София : БАН, 1983. — 511 с.
 Грам. рус. языка — Грамматика русского языка.— М. : Изд-во АН СССР, 1952.— 720 с.
 Грам. слов. языка — Грамматика словинского языка / Сост. М. М. Хостник.— В кн. : Словинско-русский словарь. Горица : Изд-во Спб Слав. Благ. об-ва, 1901, с. 1—279.
 Гринченко — Словарь украинского языка / Ред., с доб. собств. материалов, Б. Д. Гринченко: В 4-х т.— Киев : Изд-во АН УССР, 1958—1959.— Т. 1—4.
 ГЯ — Гилянский язык.— М. : Наука, 1971.— 319 с.
 ДгрРС — Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий.— М. : Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1958.— Т. 1—2.
 ИспРС — Испанско-русский словарь.— М. : Сов. энцикл., 1964.— 944 с.
 История математики — История математики. Т. 1. С древнейших времен до начала нового времени.— М. : Наука, 1970.— 351 с.
 Ист.-типол.— Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени.— М. : Наука, 1977.— 359 с.
 Ист.-типол. иссл.— Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам.— М. : Наука, 1976.— 328 с.
 Ист. укр. мови — Історія української мови : Морфологія.— К. : Наук. думка, 1978.— 533 с.
 КОПод — Казки та оповідання з Поділля: В записях 1850—1860 рр. / Упорядк. М. Левченко.— К., 1928.— Вип. 1 / 2.— 598 с.
 Курс сучас. бел. мовы — Курс сучаснай беларускай мовы : Фанетыка. Арфаграфія. Лексікалогія.— Мінск : Дзярж. вуч.-пед. выд-ва Мін. асветы БССР, 1961.— 206 с.
 МРС — Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь.— М. : ГИС, 1963.— 576 с.
 НгрРС — Новогреческо-русский словарь.— М. : ГИС, 1950.— 848 с.
 Носович — Словарь белорусского наречия / Сост. И. И. Носовичем.— Спб.: Тип. ИАН, 1870.— 765 с.
 Ожегов — Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов.— М. : ГИС, 1952.— 848 с.
 Опыт — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 1. Фонология. Эволюция морфологического типа.— М. : Наука, 1975.— 240 с.
 РМ — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања.— Скопје, 1961—1966.— Т. 1—3.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рус. грам.— Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.— М.: Наука, 1980.— 783 с.

Современ. рус. лит. язык — Современный русский литературный язык / Под ред. Н. М. Шанского.— М.: Просвещение, 1981.— 584 с.

Срезн.— Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.— М.: ГИС, 1958.— Т. 1—3.

ССМ — Словник староукраїнської мови: В 2-х т.— К.: Наук. думка: 1977—1978.— Т. 1—2.

СхвРС — Сербскохорватско-русский словарь / Сост. Н. И. Толстой.— 3-е изд.— М.: Сов. энцикл., 1970.— 735 с.

Сучас. укр. літ. мова — Сучасна українська літературна мова: Морфологія.— К.: Наук. думка, 1970.— 735 с.

Терещенко НХВ — Ненэця' вадако' / Н. М. Терещенко ма'лавы', луца вадавна пад-вы'.— М.; Л.: Учпедгиз, 1954.— 167 с.

ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.— Мінск: Гал. ред. Бел. СЭ, 1977—1983.— Т. 1—5.

укр. інтермедії — Українські інтермедії XVII—XVIII ст.— К.: Вид-во АН УРСР, 1960.— 239 с.

УСлцС — Українсько-словацький словник.— Bratislava: Slov. ped. nakl., 1960.— 491 s.

ЧРС — Павлович А. И. Чешско-русский словарь.— М.: ГИС, 1961.— 630 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева.— М.: Наука, 1974—1983.— Вып. 1—11.

EID — English-irish dictionary — Baile Átha Cliath: Oifig an tsoláthair, 1959.— 864 p.

Grimm — Kinder und Hausmärchen / Gesammelt durch die Brüder Grimm.— Berlin: Aufbau Verl., 1960.— 832 S.

LTP — Latviešu tautas pasakas.— Rīga: LPSR Zinātņu Akad. izdevniecība, 1956.— 495 lpp.

Neumann — Mecklenburgische Volksmärchen / Herausgegeben von S. Neumann.— Berlin: Akademie Verl., 1973.— 360 S.

Once — Once upon a time. English Fairy Tale: — Moscow: Progress, 1975.— 311 p.

Morfol. slov. jaz. — Morfológia slovenského jazyka.— Bratislava: SAV, 1966.— 895 s.

SlnRS — Kotnik J. Slovensko-ruski slovar.— Ljubljana: Drž. zal. Slov., 1967.— 817 s.

SRPS — Isačenko A. V. Slovensko-ruský prekladový slovník.— Bratislava: SAV, 1950—1958.— D. 1—2.

SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého.— Praha: Nakl. ČAV, 1958—1971.— Sv. 1—4.

SW — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego.— Warszawa: PIW, 1952—1953.— Т. 1—8.

WSPR — Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski.— Warszawa; Moskwa: Wiedza powszechna.— Sow. Encykl., 1967.— 1344 s.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада.— М.: Наука, 1965.— 168 с.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.— 240 с.

Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени: Глаголы с заимств. основой.— М.: Наука, 1967.— 246 с.

Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка.— М.: Наука, 1984.— 247 с.

Англо-русский словарь / Под ред. О. С. Ахмановой.— М.: Рус. язык, 1977.— 639 с.

Андреев Н. Д. Методы статистико-комбинаторного анализа языка в действии и перспективе.— В кн.: Статистико-комбинаторное моделирование языков.— М.; Л.: Наука, 1965, с. 5—20.

Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка / Под. ред. Н. С. Державина.— М.: Изд-во иностр. лит., 1949.— 596 с.

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1979.— 259 с.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3-х т.— М.: Гослитиздат, 1957.— Т. 1—3.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение.— М.: Наука, 1975.— 287 с.

Баскаков Н. А. Предисловие.— В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках.— М.: Наука, 1974, с. 5—8.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков.— М.: Наука, 1979.— 274 с.

Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови.— Ужгород: Закарп. обл. вид-во, 1960.— 416 с.

Белий А. Падёжная система и происхождение предлогов.— Южнослов. филолог 22, 1957/1958, кн. 1/4, с. 1—17.

Беларуска-рускі слоўнік.— М.: Дзярж. выд-ва замежн. і нац. слоўнікаў, 1962.— 1048 с.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 305 с.

Бірыла А. Я. З гісторыі суфіксальнага ўтварэння дзеясловаў ад імён у беларускай мове.— В кн.: Даследаванні па беларускай і рускай мовах. Мінск: Выд-ва Беларус. ун-та, 1958, с. 263—280.

Богданова В. А. О приставках *вы-* и *из-* в славянских языках.— В кн.: Вопросы славянской филологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963, с. 297—305.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики.— 5-е изд., перераб.— М.; Л.: Соцэкгиз, 1935.— 358 с.

Большой русско-польский словарь.— Москва, Варшава: Сов. энцикл., Вєдза повшехна, 1970.— Кн. 1—2. 1456 с.

Будовичова В. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков.— В кн.: Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, с. 252—271.

Булаховський Л. А. Нариси з загального мовознавства.—К.: Рад. шк., 1959.—307 с.

Булька А. М. Лексичні запозичанні у беларускій мові XIV—XVIII ст.—Мінск: Навука і тэхніка, 1980.—256 с.

Буслав Ф. И. Историческая грамматика русского языка.—М.: Учпедгиз, 1959.—623 с.

Български етимологичен речник.—София: БАН, 1971—1979.—Св. 1—2.

Български народни приказки.—София, 1970.

Българско народно творчество: В 12 т.: Приказки вълшебни и за животни.—София: Бълг. писател, 1963.—Т. 9. 548 с.

Виноградов В. В. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков.—Вестн. Моск. ун-та. Сер. филол., 1949, № 7, с. 13—21.

Виноградов В. В. Русский язык: Граммат. учение о слове.—М.; Л.: Учпедгиз, 1947.—784 с. То же. 2-е изд., М.: Высш. шк., 1972.—614 с.

Возний Т. М. Слововір дієслів в українській мові у порівнянні з російською та білоруською.—Львів: Вид-во при Львів. держ. ун-ті, 1981.—186 с.

Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.—М.: Изд-во АН СССР, 1956.—323 с.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций.—В кн.: Языковая номинация: Общ. вопр. М.: Наука, 1977а, с. 230—293.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология.—М.: Междунар. отношения, 1977б.—264 с.

Гамкрелідзе Т. В. Хеттский язык и ларингальная теория.—Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Сер. вост. яз., 1960, 3, с. 15—112.

Гамкрелідзе Т. В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция.—Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977, № 3, с. 195—201.

Гарибян А. С. Краткий курс армянского языка: На правах самоучителя.—Ереван: Армучпедгиз, 1960.—370 с.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык.—М.: Просвещение, 1973.—Ч. 1. 432 с.

Головин Б. Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов.—В кн.: Славянское языкознание. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 139—149.

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков.—В кн.: Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963, вып. 3, с. 60—95.

Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша: Мундж. яз.—Л.: Наука, 1972.—474 с.

Гумецька Л. Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст.—К.: Вид-во АН УРСР, 1958.—298 с.

Гухман М. М. Происхождение строя готского глагола.—М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.—154 с.

Гухман М. М. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования.—Вопр. языкознания, 1957, № 5, с. 46—58.

Гухман М. М. Типологические исследования.—В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968, с. 72—91.

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант.—М.: Наука, 1981.—249 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.—М.: ГИС, 1955.—Т. 1—4. (Набрано и напеч. со 2-го изд. 1880—1882 гг.).

Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря.—В кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 503—569.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка.—Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1964.—355 с.

Жлуктенко Ю. О. Контрастивний аналіз як прийом лінгвістичного дослідження.—В кн.: Нариси з контрастивної лінгвістики. К.: Наук. думка, 1979, с. 5—11.

Жлуктенко Ю. О., Бублик В. Н. Контрастивна лінгвістика. Проблеми і перспективи.—Мовознавство, 1976, № 4, с. 3—16.

Зеленецкий А. Л., Монахов П. Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков.—М.: Просвещение, 1983.—240 с.

Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование.—М.: Просвещение, 1973.—304 с.

Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования.—Фрунзе, 1969.—165 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика.—2-е изд.—М.: Высш. шк., 1979.—312 с.

Иванов В. В. Типология и сравнительно-историческое языкознание.—Вопр. языкознания, 1958, № 5, с. 34—43.

Інвєрсійний словник української мови / За ред. С. П. Бевзенка.—К.: Наук. думка, 1985.—812 с. 1971—1976.—Вип. 1—3.

Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков.—Slavia, 1958, 27, ser. 3, с. 334—352.

Калинович М. Я. Поняття окремого слова.—Мовознавство, 1935, № 6, с. 123—147.

Карпенко Ю. О. Історія східнослов'янського числівника *сорок*.—Питання історії і діалектології східнослов'янських мов.—Наук. зап. Чернів. ун-ту. Сер. філол. наук, 1958, 31, вип. 7, с. 23—32.

Карпенко Ю. О. Історія східнослов'янського числівника *дев'яносто*.—Там же, 1959, 32, вип. 8, с. 107—115.

Катагощина Н. А. Сравнительно-сопоставительное изучение близкородственных языков и проблемы типологии.—В кн.: Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967, с. 267—270.

Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения.—М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.—112 с.

Кацнельсон С. Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы.—Вопр. языкознания, 1958, № 3, с. 46—60.

Кацнельсон С. Д. Лингвистическая типология.—Там же, 1983, № 3, с. 9—20.

Клименко Н. Ф. Словотворча і структурна семантика складних слів у сучасній українській мові.—К.: Наук. думка, 1984.—251 с.

Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности.—М.: Наука, 1973.—264 с.

Климов Г. А. О понятии языкового типа.—Вопр. языкознания, 1975, № 6, с. 29—36.

Климов Г. А. Типология языков активного строя.—М.: Наука, 1977.—320 с.

Климов Г. А. Типологические исследования в СССР: 20—40-е гг.—М.: Наука, 1981.—111 с.

Ковалев Н. С. Глаголы с суффиксом *-ка* в македонском языке.—Македон. јазик, 1973, год. 24, с. 173—184.

Ковалик І. І. Структурні типи многократних дієслів в українській мові в порівнянні з іншими слов'янськими мовами.—В кн.: Вопросы славянского языкознания. Львів, 1949, кн. 2, с. 219—229.

Козлов И. С. Очерки по сравнительной лексикологии русского и белорусского языков.—Орел, 1970.—235 с.

Коллар Д. Специфика системного описания лексики в сопоставительном плане.—В кн.: Языкознание в Чехословакии. М.: Наука, 1978, с. 403—412.

Коломиец В. Т. Взаимодействие фонематической и просодической сфер в истории звуковых изменений славянских языков.—Киев: Изд-во АН УССР, 1963.—24 с.

Коломиець В. Т. Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період.—К.: Наук. думка, 1973.—304 с.

Коломиець В. Т. Историчні джерела типологічних особливостей слов'янських мов у галузі фонетики.—Мовознавство, № 5, с. 38—48.

Коломиець В. Т. Значение данных сравнительно-исторической фонетики для исследования славянского этногенеза.—В кн.: Слов'янське мовознавство: IX Міжнар. з'їзд славістів. Доповіди. К.: Наук. думка, 1983, с. 70—86.

Коневецкий А. К. История наречий в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.—Саратов, 1977.—44 с.

Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик.—Скопје: Култура, 1967.—Д. 1—2. 552 с.

Котова Н. В., Янакиев М. Глоттометрический подход к вопросу о близости славянских языков.—Слав. филология, 1973, вып. 9, с. 238—260.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производ. слова.—М.: Наука, 1981.—199 с.

Левченко М. В. История Византии: Крат. очерк.—М.; Л.: ОГИЗ, 1940.—263 с.

Леков И. Единство и национально своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд.—София: БАН, 1955.—107 с.

Леков И. Словообразователни склонности на славянските езици.—София: БАН, 1958.—77 с.

Леков И. Общност и многообразие в граматический строй на славянските езици.— София : БАН, 1958.— 127 с.

Леков И. Ответ на вопрос № 1: Каковы основные задачи и проблемы типологии славянских языков.— В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 11—14.

Леков И. Насоки в развоја на фонологичните системи на славянските езици.— София : БАН, 1960.— 115 с.

Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 139 с.

Лилич Г. А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка: Конец XVIII — начало XIX в.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.— 192 с.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Пробл. и принципы ее описания.— М.: Наука, 1977.— 315 с.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1983, с. 169—184.

Лосев А. Ф. Логическая характеристика методов структуральной типологии.— Вопр. языкознания, 1967, № 1, с. 62—80.

Макаев Э. А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика.— Там же, 1964, № 1, с. 3—13.

Мартина А. Принцип экономии в фонетических изменениях.— М.: Изд-во иностр. лит., 1960.— 260 с.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов.— М.: Изд-во иностр. лит., 1960.— 436 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание.— М.: Высш. шк., 1975.— 327 с.

Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка.— М.: Высш. шк., 1981.— 408 с.

Матезиус В. О системном грамматическом анализе.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М.: Наука, 1967, с. 226—238.

Матов Д. Гръцко-български студии.— Сб. за народни умотворения и народопис, 1893, кн. 9, с. 21—84.

Мацюсович Я. В. Морфологический строй польского литературного языка.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.— Ч. 2. 137 с.

Мейе А. Общеславянский язык.— М.: Изд-во иностр. лит., 1951.— 491 с.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании.— М.: Изд-во иностр. лит., 1954.— 99 с.

Мельников Е. И. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков (в XIV—XIX вв.) — Slavica, 1967, 36, seš. 1, s. 98—114.

Мельничук А. С. О генезисе индоевропейского вокализма.— Вопр. языкознания, 1979, № 5, с. 3—17.

Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания.— В кн.: Исследования по структурной типологии.— М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3—31.

Мирчев К. Историческая грамматика на българския език.— София : Наука и изкуство, 1978.— 301 с.

Мирчев К. Нецо за гръцките заемки в български език.— Език и лит., 1947, год. 2, с. 23—27.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология.— М.: Высш. шк., 1980.— 205 с.

Мразек Р. Синтаксис русского творительного.— Praha : Statní ped. nakl., 1964.— 285 с.

Народне приповетке.— Београд : Просвета, 1956.— 942 с.

Немец И. Об изучении лексических подсистем языка.— В кн.: Языкознание в Чехословакии. М.: Наука, 1979, с. 413—425.

Ненецко-русский словарь.— М.: Сов. энцикл., 1961.— 942 с.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалт.-фин., саам. и мордов. яз.— М.: Наука, 1975.— 347 с.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в рус. лит. яз. XIX в.— М.: Наука, 1964.— 320 с.

Павлова Р. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи.— София : Нар. просвета, 1979.— 224 с.

Паламарчук Л. С., Андерш Й. Ф., Стоянов И. А. Зіставне дослідження лексико-семантичних відношень у слов'янських мовах.— В кн.: Слов'янське мовознавство : IX Міжнар. з'їзд славистів. Доповіді. К.: Наук. думка, 1983, с. 160—184.

Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке.— Вопр. языкознания, 1961, № 1, с. 3—20.

Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты.— М.: Наука, 1977.— 287 с.

Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания.— М.: Наука, 1982.— 355 с.

Пашов П. Българският глагол. Т. 1. Класификация. Видообразуване. Словообразуване.— София : Наука и изкуство, 1966.— 250 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— 7-е изд.— М.: Учпедгиз, 1956.— 511 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М.: Учпедгиз, 1958.— Т. 1—2. Развитие словообразования современного русского языка.— М.: Наука, 1966.— 211 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение.— 4-е изд.— М.: Просвещение, 1967.— 542 с.

Речник на българския език.— София : БАН, 1977—1984. Т. 1—4.

Речник на съвременния български книжовен език.— София, 1955—1959.— Т. 1—3.

Речник српскохрватског книжевног и народног језика.— Београд, 1959—1981. Књ. 1—11.

Ристић О. Односно основе и наставака -овати, -исати, -ирати глагола страног порекла.— Наш језик. Н. С., 1970, књ. 18, св. 3, с. 131—161.

Рождественский Ю. В. Типология слова.— М.: Высш. шк., 1969.— 286 с.

Ройзензон Л. И. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках.— Самарканд, 1974.— 244 с.

Рошиану Н. Традиционные формулы сказки.— М.: Наука, 1974.— 216 с.

Русанівський В. М. Структура українського дієслова.— К.: Наук. думка, 1971.— 315 с.

Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.— М.: Наука, 1980.— 783 с.

Русско-белорусский словарь / Ред. К. К. Атрахович (Кондрат Крапива).— 2-е изд. Минск : Изд-во БелСЭ, 1982.— Т. 1—2. 1282 с.

Русско-удмурский словарь.— М.: ГИС, 1956.— 1360 с.

Самуйлова К. С. К вопросу о суффиксальном образовании глаголов.— Учен. зап. Тамбов. пед. ин-та, 1958, вып. 12, с. 91—136.

Сепир Э. Язык : Введ. в изуч. речи.— М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.— 223 с.

Серебренников Б. А. К критике некоторых методов типологических исследований.— Вопр. языкознания, 1958, № 5, с. 24—34.

Серебренников Б. А. О некоторых фонетических особенностях конечных форматов.— В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М.: Наука, 1974, с. 444—448.

Сильницкий Г. Г. Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии.— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М.: Наука, 1966, с. 244—261.

Словарь современного русского литературного языка.— М.; Л.: Наука, 1948—1965.— Т. 1—17.

Словник української мови.— К.: Наук. думка, 1970—1980.— Т. 1—11.

Словообразование современного русского литературного языка.— М.: Наука, 1968.— 300 с.

Словотвір сучасної української літературної мови.— К.: Наук. думка, 1979.— 408 с.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове: (Проблема «отдельности слова») — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 182—203.

Солнцев В. М. Типология и тип языка.— Вопр. языкознания, 1978, № 2, с. 26—41.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка : 30—90-е годы XIX века.— М.: Наука, 1964.— 565 с.

Стаховский Ст. Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербскохорватском языке.— Этимология 1964. М., 1965, с. 56—71.

- Стевановић М. Савремени српскохрватски језик.— Београд : Научна књига, 1964—1970. Д. 1—2.
- Стефанов Ст. За произхода и употреба на глаголите с наставка *-изирам*.— Бълг. език, 1954, кн. 4, с. 369—370.
- Стоянов С. Граматика на българския книжовен език : Фонетика и морфология.— София : Наука и изкуство, 1964.— 463 с.
- Супрун А. Е. Славянские числительные : Становление числит. как особой части речи.— Минск : Изд-во Белорус. ун-та, 1969.— 232 с.
- Супрун А. Е. Лексическая типология славянских языков.— Минск : Изд-во Белорус. ун-та, 1983.— 47 с.
- Сучасна українська літературна мова : Вступ. Фонетика.— К. : Наук. думка, 1969.— 435 с.
- Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка.— Л. : Учпедгиз, 1947.— 271 с.
- Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков.— Киев : Наук. думка, 1979.— 298 с.
- Токазов Х. Русско-осетинский разговорник с кратким путеводителем по Северной Осетии.— Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964.— 233 с.
- Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава.— Вопр. языкознания, 1963, № 1, с. 32—35.
- Топоров В. Н. Локатив в славянских языках.— М. : Изд-во АН СССР, 1961.— 379 с.
- Топоров В. Н. Прусский язык : Словарь. J — K.— М. : Наука, 1980.— Т. 3. 384 с.
- Торсуев Г. П. Вопросы фонетической структуры слова : На материале англ. яз.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.— 155 с.
- Травничек Ф. Грамматика чешского языка.— М. : Изд-во иностр. лит., 1950.— 466 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии.— М. : Изд-во иностр. лит., 1960.— 372 с.
- Угринова Р. За некои глаголи образувани со наставките *-ува-*, *-ава-*, *-ва-*.— Македон. јазик, 1950, ч. 1, бр. 3, с. 66—68.
- Угринова-Скаловска Р. Значењата на глаголските префикси во македонскиот јазик.— Скопје: Институт за македонски јазик, 1960.
- Українсько-російський словник.— К. : Вид-во АН УРСР, 1953—1963.— Т. 1—6.
- Улуханов И. С. Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматиках славянских языков.— В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М. : Наука, 1974, с. 121—136.
- Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания.— М. : Наука, 1977.— 256 с.
- Урбанчик Ст. Контакти польської мови з іншими слов'янськими мовами.— В кн.: Взаємовплив слов'янських мов і літератур : До VII Міжнар. з'їзду славистів. К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1972, с. 69—78.
- Усикова Р. П. Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке.— Скопје : Универзитетска печатница, 1967.— 99 с.
- Успенский Б. А. Структурная типология языков.— М. : Наука, 1965.— 273 с.
- Уфимцева А. А. О типологическом изучении лексики.— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М. : Наука, 1966, с. 218—235.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М. : Прогресс, 1964—1973.— Т. 1—4.
- Филин Ф. П. О некоторых особенностях лексики восточнославянских языков.— Вопр. языкознания, 1983, № 1, с. 3—15.
- Филипец И. О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков.— В кн.: Языкознание в Чехословакии. М. : Наука, 1978, с. 373—394.
- Филипец И. Ответы на вопросы по славянскому языкознанию к IX Международному съезду славистов.— Вопр. языкознания, 1983, № 4, с. 51—52.
- Филипова-Байрова М. Гръцки заемки в съвременния български език.— София : БАН, 1969.— 184 с.
- Хадощ Ф. О судьбах русских глаголов на *-овать* за последние 300 лет.— Stud. slav., 1965, 10, fasc. 3/4, с. 450—462.
- Хоккет Г. Ф. Проблема языковых универсалий.— В кн.: Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1970, вып. 5, с. 45—77.
- Хохлачева В. Н. Проблема словообразовательного значения.— В кн.: Грамматика и норма. М. : Наука, 1977, с. 5—42.
- Цепенков М. К. Македонски народни приказки.— Скопје, 1958—1959. — Кн. 1—3.
- Цонев Б. Руско-български паралели.— В кн.: Помагало по българска лексикология. София : Наука и изкуство, 1979, с. 168—175.
- Чăваш халăх савăхлăхĕ : Юмахсем.— Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1973.— Т. 1, 439 с.
- Чарадзейныя казкі.— Мінск : Навука і тэхніка, 1973.— Ч. 1. 647 с.
- Червенкова И. В. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики.— В кн.: Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. София : Наука и изкуство, 1982, с. 123—182.
- Чикобава А. С. Грузинский язык.— В кн.: Языки народов СССР. М. : Наука, 1967, т. 4, с. 22—61.
- Чукалов С. Българско-руски речник.— София : БАН, 1957.— 991 с.
- Чуранова В. Г. Очерк русской морфологии.— М. : Наука, 1973.— Закономерности глагольного основообразования, с. 204—221.
- Шагиров А. К. Кабардинский язык.— В кн.: Языки народов СССР. М. : Наука, 1967, т. 4, с. 165—184.
- Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968.— 310 с.
- Широкова А. Г. Очерк грамматики чешского языка.— М. : Изд-во иностр. лит., 1952.— 190 с.
- Широкова А. Г. Чешский язык.— М. : Изд-во иностр. лит., 1961.— 351 с.
- Шуба П. П. Прыслоуе у беларускай мове : Марфалагічны нарыс.— Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1962.— 194 с.
- Шуба П. П. Дзеяслоу у беларускай мове.— Мінск : Выд-ва Беларус. ун-та, 1968.— 84 с.
- Щерба Л. В. О «диффузных» звуках.— В кн.: Академику Н. Я. Марру. М.; Л. : 1935, с. 451—453.
- Щерба Л. В. Фонетика французского языка.— М. : Высш. шк., 1963.— 309 с.
- Щербакова А. Н. Ненецкая сказка «Искры, несущие смерть».— В кн.: Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Сб. научн. тр., Л. : 1973, с. 140—152.
- Эйюби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект Мукри.— Л. : Наука, 1968.— 270 с.
- Эндзелин Я. О происхождении праславянских инфинитивов на *-pŕti*. — Рус. филол. вестник, 1912, т. 18, с. 371—372.
- Юрчук Л. А. Питання суфіксального словотворення дієслів у сучасній українській мові.— К. : Вид-во АН УРСР, 1959.— 100 с.
- Языковая номинация : Общ. вопр.— М. : Наука, 1977.— 359 с.
- Языковая номинация : Виды наименований.— М. : Наука, 1977.— 357 с.
- Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительное языкознание.— В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3, с. 95—106.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.— 371 с.
- Яковлева И. П. Язык ганда (луганда).— М., 1961.— 61 с.
- Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования.— Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979.— 242 с.
- Ярцева В. Н. К определению понятия «языковой тип».— В кн.: Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М., 1976, с. 183—185.
- Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика.— М. : Наука, 1981.— iii с.
- Atmer K. Einführung in die Sprachwissenschaft.— Halle (S.) : Niemeyer, 1958.— Bd 1. 282 S.
- Aruleius. Metamorphosen, oder der Goldene Esel / Lateinisch und deutsch von R. Helm.— Berlin : Akad. Verl., 1961.— 380 S.
- Vajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Izpeljava slovenskih pridevnikov. 3. Zloženke.— Ljubljana : Slov. Akad. znanosti in umetnosti, 1952.— 134 s.
- Vajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. 4. Predlogi in predpone.— Ljubljana : Slov. Akad. znanosti in umetnosti, 1959.— 142 s.
- Vajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica.— Ljubljana, 1956.— 334 s.
- Vąk P. Gramatyka języka polskiego.— Warszawa : Wiedza powszechna, 1978.— 454 s.

- Barnetová V.* K násobenosti slovesného děje.— In : Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. Praha : ČSAV, 1956, č. 1, s. 119—161.
- Barnetová V., Barnet V.* O konfrontačním studiu příbuzných jazyků.— Acta Univ. Carol. Philol. Slav. Pragensia, 1962; 4, s. 53—60.
- Bezlej F.* Slovanske izposojenke v slovenščine.— In : Gespräche über die Sprache. Ljubljana, 1965, S. 190—195.
- Bielfeldt H. H.* Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart.— 2. Aufl.— Berlin : Akad. Verl., 1965.— 392 S.
- Borgström G. H.* Thoughts about IE vowel gradation.— Norsk Tidsskrift Sprogvid., 1949, 15, p. 137—187.
- Borys W.* Prastowiańskie prefiksy imienne pa-, pra-, sŏ-, ŏ- w języku serbsko-chorwackim.— Roczn. slaw., 1973, 34, cz. 1, s. 69—82.
- Brabec J., Hraste M., Živković S.* Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. VI izd.— Zagreb : Školska knjiga, 1965.— 277 s.
- Bredsdorff M. A.* Danish : An elementary grammar and reader.— Cambridge : Univ. press, 1956.— 301 p.
- Brückner A.* Wpływy języków obcych na język polski.— In : Język polski i jego historia : Encykl. Pol. Kraków : Nakład. Akad. Umiejętn. 1915, t. 2, dział 3, cz. 1, s. 100—144.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego.— Warszawa : Wiedza powszechna, 1957.— 806 s.
- Budziszewska W.* Zapożyczenia greckie w historii języka bułgarskiego.— Warszawa : PAN, 1965.— 188 s.
- Buffa F.* K charakteristike slov latinského a greckého pôvodu v polštině a slovenčine.— Slavica, 1967, 36, seš. 2, s. 165—183.
- Carrel J., Tiffany W.* Phonetics.— New York etc. : McGraw Hill, 1960.— 361 p.
- Cyran W.* Przysłowki polskie : Budowa słowotwórcza.— Łódź : ŁTN, 1967.— 244 s.
- Damborský J.* Okreslenia miesta w języku polskim (w porównaniu z czeskim).— Roczn. slaw., 1962, 23, cz. 1, s. 47—55.
- Damborský J.* Sdružená pojmenování francouzského typu v polštině.— In : Studia językoznawcze poświęcone Stanisławowi Rospondowi. Wrocław : PAN, 1966, s. 106—114.
- Damborský J.* Słownictwo polskie i czeskie (próba systematyzacji).— Język pol., 1975, t. 55, № 3, s. 166—181.
- Dembecka W.* Słowotwórstwo czasowników w gwarach południowej Wielkopolski.— Poznań : Poznańskie tow-wo przyjaciel nauk, 1977.— 183 s.
- Dobšinský P.* Prostonárodní dovenské povesti. Výber.— Bratislava : Tatran, 1969.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině.— Praha : ČSAV, 1962.— 1967.— Č 1—2.
- Doroszewski W.* Monografie słowotwórcze.— Pr. filolog., 1928, 13, s. 1—260; 1929, 14, s. 34—85.
- Einarsson S.* Icelandic : Grammar. Texts. Glossary.— Baltimore, 1945.— XXXVII + 501 p.
- Entjes H., Brand J.* Van duivels, heksen en spoken : Nederlandse volksverhalen.— s'Gravenhage : Bockencentrum, 1976.— 160 bl.
- Erben K. J.* České prostonárodní pohádky a pověsti.— Praha : Mladá Fronta, 1955.— 164 s.
- Filipec J.* Proti jednostrannosti pohledu na vývoj slovní zásoby.— In : K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků. Praha : Státní ped. nakl., 1957, s. 183—184.
- Filipec J.* Problémy konfrontační synonymiky v současných slovanských jazycích.— In : Československá slavistika, 1983 : Lingvistika, historie. Praha : Academia, 1983, s. 91—99.
- Finck F. N.* Die Haupttypen des Sprachbaus.— Leipzig; Berlin : Teubner, 1923.— 156 S.
- Frančič V.* Gramatyka opisowa języka serbochorwackiego.— Warszawa : PWN, 1963.— 292 s.
- Frinta A.* Lužičtí Srbové a jejich písemnictví.— Praha : ČSAV, 1955.— 239 s.
- Gebauer J.* Slovník staročeský.— Praha : ČSAV, 1970.— D. 1—2.
- Giermak-Zielińska T.* Polskie czasowniki przedrostkowe o znaczeniu przestrzennym i ich odpowiedniki w języku francuskim.— Warszawa etc. : PAN, 1979.— 120 s.
- Grzegorzczakowa R., Kallas K., Kowalik K. et al.* Morfologia.— Warszawa : PWN, 1984.— 552 s.
- Havránek B.* Srovnávací studium struktury spisovných jazyků slovanských.— In : Československé přednášky pro V Mezinárodní sjezd Slavistů v Sofii. Praha, 1963, s. 5—10.
- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice.— Praha : Státní ped. nakl., 1970.— 478 s.
- Helbig G.* Zu einigen Problemen der Konfrontativen Grammatik und der Interferenz in ihrer Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht.— Wiss. Z. Humboldt-Universität Berlin Ges.-sprachwiss. R., 1973, H. 3, S. 171—177.
- Hockett Ch. F.* A course in modern linguistics.— New York : Macmillan, 1958.— 621 p.
- Horálek K.* Úvod do studia slovanských jazyků.— Praha : ČAV, 1962.— 535 s.
- Horalík L.* O univerbizaci a homonymii z hlediska principu ekonomie.— Čs. rusis., 1967, № 3, s. 140—143.
- Horecký J.* Pomenovania motivované účelom.— In : K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků. Praha : Státní ped. nakl., 1957, s. 173—176.
- Horecký J.* Slovtvorná sústava slovenčiny.— Bratislava : SAV, 1959.— 217 s.
- Horecký J.* Morfemická štruktúra slovenčiny.— Bratislava : SAV, 1964.— 194 s.
- Horecký J.* Slovenská lexikológia. 1. Tvorenie slov.— Bratislava : Slov. ped. nakl., 1971.— 254 s.
- Horecký J.* Ku konfrontačnému výzkumu slovnej zásoby.— Čs. rusis., 1974, № 2, s. 55—57.
- Jahn J.* Slovanské adverbium.— Praha : Státní ped. nakl., 1966.— 115 s.
- Jakobson R.* Remarques sur l'évolution phonologique du Russe comparée à celle des autres langues slaves.— Praha, 1929.— 118 p.— (Travaux du cercle linguistique de Prague; N 2).
- Janaš P.* Niedersorbische Grammatik.— Bautzen : Domovina, 1976.— 366 s.
- Jedlička A.* K charakteristice slovní zásoby současné spisovné češtiny.— Acta Univ. Carol. Philol., 1965, 7, č. 1. Slavica Pragensia, s. 13—27.
- Jedlička A.* Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách.— Ibid., 1969, 11, č. 4/5. Slavica Pragensia, s. 93—101.
- Jedlička A.* Spisovný jazyk v súčasnej komunikácii.— Praha : Univ. Karlova, 1974.— 228 s.
- Jedlička A.* Vývojové procesy a synchronní dynamika jazyka v konfrontačním osvětlení.— Jazyk časop., 1981, 32, s. 107—116.
- Jespersen O.* Lehrbuch der Phonetik.— 4. Aufl.— Leipzig; Berlin : Teubner, 1926.— 258 S.
- Jurančič J.* Slovenački (slovenski) jezik : Gramatika slovenačkog (slovenskog) jezika za Hrvate i Srbe.— 2 izd.— Ljubljana : Drž. zal. Slov., 1971.— 290 s.
- Klemensiewicz L., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego.— Warszawa : PWN, 1964.— 596 s.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.— 20. Aufl. / Bearbeitet von W. Mitzka.— Berlin : Gruyter, 1967.— 915 S.
- Knežević A.* Die Turkismen in der Sprache der Kroaten und Serben.— Meisenheim am Glan. : Hain, 1965.— 340 S.
- Komárek M.* K západoslovanské změně /t/ > /ř/.— Studia z filologie polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1965, 5, s. 335—339.
- Komárek M.* Ke změně /g/ > /ɣ/ v slovanských jazycích.— In : Československá slavistika. 1983 : Lingvistika, historie. Praha : Academia, 1983, s. 37—47.
- Kopečný F.* Ответ на вопрос : Каковы основные задачи и проблемы типологии славянских языков.— В кн. : Сборник ответов на вопросы по языкознанию к IV Международному съезду славистов. М. : Изд-во АН СССР, 1958, с. 8—9.
- Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba.— Praha : Academia, 1981.— 483 s.
- Kopernicki J.* Textes tsiganes : Contes et poésies avec traduction française. Texty cygańskie.— Kraków : Nakl. Pol. Akad. Um., 1925.— z. 1. VIII, 103 s.
- Kořinek M.* Zur Frage der monophonematischen Wortgebilde : Ein Beitrag zur phonologischen Begriffsbestimmung des Wortes.— Linguist. slov., 1939 / 1940, I / II.
- Kreja B.* Nazwy pomieszczeń na -arnia w języku polskim.— Język pol., 1967, 47, s. 269—276.
- Kříšková H.* Několik poznámek k distributivnosti v ruštině a češtině.— Rus. jazyk, 8, 1958, № 9.
- Kučerová E.* Z problematiky slovných spojení (lexikalizované spojení ako pomenova-

- cia jednotka).— In : Studie z porovnávej gramatiky a lexikológie. Bratislava : Veda, 1974, s. 7—40.
- Kuipers A. H.* Phoneme and Morpheme in Kabardian.— s'Gravenhage, 1960.
- Lägreid A.* Die russischen Lehnwörter im Slovenischen : Die in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts übernommenen Wörter.— München : Trofenik, 1973.— 134 S.
- Lambertz M.* Lehrgang des Albanischen : Grammatik der albanischen Sprache.— Halle (Saale) : Niemeyer, 1959.— Bd 3.XI, 268 S.
- Laskowski R.* Studia nad morfologią współczesnego języka polskiego.— Wrocław etc. : PAN, 1975.— 144 s.
- Lehr-Splawiński T., Kuraszkiewicz W., Sławski F.* Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich.— Warszawa : PWN, 1954.— 166 s.
- Lehr-Splawiński T., Polański K.* Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich.— Wrocław etc. : PAN, 1962.— Z. 1.
- Lenček R. L.* The verb pattern of contemporary standard Slovene.— Wiesbaden : Harrassowitz, 1966.— 194 p.
- Lotko E. K.* Jazykovému typu češtiny a polštiny.— Acta Univ. Palack. Olomouc. Philol., 1974, 35, s. 53—64.
- Mistrič J.* Frekvencia slov v slovenčine.— Bratislava : SAV, 1969.— 726 s.
- Muka A.* Słownik dolnosербскеje récy a jeje narécow.— Budyšin : Domowina, 1928—1966.— T. 1—3.
- Nickel G., Wagner K. H.* Contrastive Linguistics and Language Teaching.— JRAL, 1968, IV, 3.
- Noreen A., Pořlak H. W.* Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache : Beiträge zur Methode und Terminologie der Grammatik.— Halle (S.) : Niemeyer, 1923.— 460 S.
- Ondruš Š.* Praslovanský základ slovenčiny v slovnej zásobe.— Stud. Acad. Slov., 1976, 5, s. 295—316.
- Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego.— Warszawa : PWN, 1958.— T. 1. 394 s.
- Pauliny E.* Fonológia spisovnej slovenčiny.— Bratislava : Slov. ped. nakl., 1968.— 126 s.
- Pauliny E., Ružička J., Štolc J.* Slovenská gramatika.— 5-te vyd.— Bratislava : Slov. ped. nakl., 1968.— 583 s.
- Pfuhl Chr. Tr.* Obersorbisches Wörterbuch. Fotomechanischer Nachdruck.— Bautzen, 1968.
- Peciar Š.* Funkcie slovesnej predpony s- v slovenčine.— Slov. řeč, 1963, 28, s. 268—280.
- Perrault Ch.* Contes en prose et en vers.— Paris, 1886.
- Ramovš F.* Morfológija slovenskega jezika.— Ljubljana : Univ. stud. komis., 1952.— 170 s.
- Roudet L.* Éléments de phonétique générale.— Paris, 1910.— 353 p.
- Rybicka H.* Losy wyrazów obcych w języku polskim.— Warszawa : PAN, 1976.— 153 s.
- Sewc H.* Gramatika hornjoserbskeje řeče.— Budyšin : Domowina, 1968.— Z. 1. 320 s.
- Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des indogermanischen Vokalismus.— Heidelberg : Groos, 1967.— 130 S.
- Sekaninová E.* Rusizmy v slovenčine.— Stud. Acad. Slov., 1976, 5, s. 451—461.
- Sekaninová E.* Sémantická analýza predponového slovesa v ruštině a slovenčine.— Bratislava : Veda, 1980.— 199 s.
- Skalička V.* Problém syntaktické typologie.— Acta Univ. Carol. Philol., 1968, 10, č. 1—3. Slavica Pragensia, s. 137—142.
- Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego.— Warszawa : Wiedza powszechna, 1967—1968.— T. 1—2.
- Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego.— Kraków : Wiedza powszechna, 1952—1956.— T. 1.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika.*— Ljubljana : Slov. Akad. znanosti in umjetnosti, 1970—1979.— Kn. 1—3.
- Slovenska slovnica /* Sestavili A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel.— Ljubljana, 1956.— 331 s.
- Slovník slovenského jazyka.*— Bratislava : Vyd-vo slov. akad. vied, 1959—1965.— D. 1—5.
- Slovník spisovného jazyka českého.*— Praha : Academia, 1958—1971.— T. 1—4.
- Słownik języka polskiego /* Red. nac. W. Doroszewski.— Warszawa : Wiedza powszechna, 1958—1969.— T. 1—11.

- Smilauer V.* Novočeské tvoření slov.— Praha : Statní ped. nakl., 1971.— 218 s.
- Sternemann R.* Zur Komparabilität in der Konfrontativen Linguistik.— Wiss. Z. Humboldt-Univ. Berlin Ges.-sprachwiss. R., 1973, H. 3, S. 147—156.
- Súčasný slovenský spisovný jazyk : Lexikológia /* P. Ondruš, J. Horecký, J. Fundik.— Bratislava : Slov. ped. nakl., 1980.— 232 s.
- Svane G. O.* Grammatik der slovenischen Schriftsprache.— Kopenhagen : Rosenkilde und Bagger, 1958.— 151 S.
- Szober S.* Gramatyka języka polskiego.— 4-te wyd.— Warszawa : PWN, 1957.— 390 s.
- Terak S., Babič S.* Pregled gramatike hrvatskog književnog jezika.— Zagreb : Školska knjiga, 1973.— 287 s.
- Toporišič J.* Slovenska slovnica.— Ljubljana : Založba obzorja Maribor, 1978.— 588 s.
- Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny.— Praha : Slov. nakl., 1951.— Č. 1—2. 1498 s.
- Velký rusko-český slovník /* Za vedení L. Kopeckého, B. Havránka, K. Horálka.— Praha : CSAV, 1952—1964.— T. 1—6.
- Vel'kij rusko-slovenský slovník.*— Bratislava : Vyd-vo slov. Akad. vied, 1960—1970.— D. 1—5.
- Völkel P.* Hornjoserbsko-němski slovník : Prawopisny slovník hornjoserbskeje řeče.— Budyšin : Domowina, 1981.— 647 s.
- Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik.— 2. Aufl.— Göttingen, 1924.— Bd 1. 724 S.
- Wesolowska D.* Leksykalizacja skrótowców.— Język pol., 1958, № 5, s. 339—354.
- Zajaczkowski A.* Studia orientalistyczne : Z dziejów słownictwa polskiego.— Wrocław : Nakł. Wrocław. tow-wa nauk., 1953.— 125 s.
- Zeman H.* Słownik górnoślązko-polski.— Warszawa : PWN, 1967.— 679 s.
- Zwoliński P.* Stosunek fonemy y do i w historii języków słowiańskich.— In : Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa : PWN, 1958, s. 52—61.

□ □ □
ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Основные направления типологических исследований	3
Фонетика	23
Фонематика	28
Просодика	40
Словообразование	46
Имя существительное	48
Имя прилагательное	76
Имя числительное	99
Наречие	120
Глагол	137
Лексика	193
Фразеология	244
Списки сокращений	271
Названия языков и диалектов	271
Пометы	272
Названия изданий	273
Список использованной литературы	275

**Вера Титовна Коломиец,
Татьяна Григорьевна Линник,
Татьяна Борисовна Лукинова и др.**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

**ФОНЕТИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ**

*Утверждено к печати
ученым советом
Института языковедения
им. А. А. Потебни АН УССР*

Редактор Н. С. Васильева
Оформление художника Ю. В. Бойченко
Художественный редактор Р. И. Калыш
Технический редактор С. Г. Максимова
Корректоры О. А. Гаврилец,
Л. И. Семенюк, А. Н. Брушко

ИБ № 7444

Сдано в набор 22.11.85. Подп. в печ. 06.06.86. БФ 01082. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 1 Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 20,29. Тираж 1800 экз. Заказ 5—3267. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Наукова думка» 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкинг», 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в Киевской типографии научной книги. 252004, Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 6-614.

Издательство «Наукова думка»

в 1986 г.

выпустит в свет книгу:

Украинская грамматика / В. М. Русановский, М. А. Жовтобрюх, Е. Г. Городенская, А. А. Грищенко. 20 л. 3 р. 30 к.

В издании соединяется научный подход к полноте описания предмета с дидактической целью — оно даст возможность познакомиться с украинским языком людям, его не знающим. В нем описывается фонологическая, словообразовательная, морфологическая и синтаксическая система современного украинского литературного языка, анализируются морфологические изменения, сопровождающие словоизменение и словообразование слов разных лексико-грамматических классов, обращается внимание на специфические особенности украинского языка, выделяющие его из числа других славянских языков.

Для широкого круга лиц, изучающих украинский язык, а также желающих систематизировать свои знания по современному украинскому литературному языку или ознакомиться с его структурой в целом, для филологов-исследователей, преподавателей, студентов и учителей.

Предварительные заказы на эту книгу принимают все магазины книготоргов, магазины «Книга — почтой» и «Академкнига».

Просим пользоваться услугами магазинов — опорных пунктов издательства: Дома книги — магазина № 200 (340048 Донецк 48, ул. Артема, 147а), магазина «Книжковий світ» (310003 Харьков 3, пл. Советской Украины, 2/2), магазина научно-технической книги № 19 (290006 Львов 6, пл. Рынок, 10), магазина «Техническая книга» (270001 Одесса 1, ул. Ленина, 17) и магазина издательства «Наукова думка» (252001 Киев 1, ул. Кирова, 4).

Магазины в Киеве и Львове высылают книги иногородним заказчикам наложенным платежом.

НБ ПНУС

506025